

Вестник Московского университета

ISSN 0130–0105

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

Основан
в 1946 году

ПОСВЯЩАЕТСЯ 270-ЛЕТИЮ
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Серия 6

ЭКОНОМИКА

Том 60

1 / 2025

УЧРЕДИТЕЛИ:

**Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
экономический факультет МГУ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Аузан А. А. — главный редактор (д.э.н., профессор, декан экономического факультета, зав. кафедрой прикладной институциональной экономики)

Иващенко Н. П. — зам. главного редактора (д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики инноваций, зам. декана экономического факультета по межфакультетскому взаимодействию и инновационной деятельности)

Пороховский А. А. — зам. главного редактора (д.э.н., профессор, зав. кафедрой политической экономии)

Шерешева М. Ю. — зам. главного редактора (д.э.н., профессор кафедры прикладной институциональной экономики)

Бобылев С. Н. (д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики природопользования, руководитель Центра биоэкономики и эко-инноваций)

Герасименко В. В. (д.э.н., профессор, зав. кафедрой маркетинга)

Гуров И. Н. (д.э.н., профессор, зав. кафедрой финансов и кредита)

Калабихина И. Е. (д.э.н., профессор, зам. зав. кафедрой народонаселения)

Калягин Г. В. (к.э.н., доцент кафедры прикладной институциональной экономики)

Картаев Ф. С. (д.э.н., доцент, зав. кафедрой математических методов анализа экономики)

Колганов А. И. (д.э.н., зав. лабораторией по изучению рыночной экономики)

Кулик Л. В. (к.ф.н., доцент, зав. кафедрой иностранных языков)

Курдин А. А. (к.э.н., с.н.с., зам. декана экономического факультета по научной работе)

Лугачев М. И. (д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической информатики)

Соловьева О. В. (д.э.н., профессор кафедры учета, анализа и аудита)

Трухачев С. А. (зам. декана экономического факультета по развитию)

Худокормов А. Г. (д.э.н., профессор, зав. кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений)

Шаститко А. Е. (д.э.н., профессор, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики)

Эченикэ В. Х. (к.э.н., доцент кафедры управления рисками и страхования)

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 6 ЭКОНОМИКА

Том 60 • № 1 • 2025 • ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Экономическая теория

Аузан А.А. Культурные коды экономики на макро- и микроуровнях. 3

Антипина О.Н., Миклашевская Н.А., Орлова Е.А.

Критика макроэкономических индикаторов благосостояния
и альтернативные подходы к его оценке. 19

Междисциплинарные исследования

Бобылев С.Н., Барбошкина А.В., Курдин А.А., Яковлева Е.Ю., Бубнов А.С.

Национальные цели развития России и ключевые индикаторы устойчивости. 40

Тамбовцев В.Л., Валитова Л.А. Субъективное благосостояние

как объект нарративного анализа. 60

Вопросы управления

Виханский О.С. Менеджмент: жизненный цикл. 82

Соловьев И.В., Куц С.П., Маликов Т.Р. Влияние ориентированности
компаний на кооперацию на развитие межорганизационных инноваций. 107

Батаева Б.С., Карпов Н.А. Прозрачность раскрытия информации

российскими компаниями с государственным участием:
влияние состава и структуры совета директоров. 129

Подлесная А.В. Аукционы ВИЭ в России: привела ли конкуренция
к снижению стоимости проектов? 151

Мировая экономика

Теньковская Л.И. Мировые цены нефти — фактор экспансии
монетарной политики России. 183

Вопросы устойчивого развития

Завьялова Т.В., Виноградова О.С. Устойчивое развитие как новая часть
глобальной экономики. 207

Подгорный В.В. Проблема региональной асимметрии в зеркале системной теории
устойчивого регионального развития. 231

Лежнин В.В., Полухина А.Н. Устойчивое развитие локальных систем
в туристской сфере Приволжского федерального округа: вызовы и перспективы. 257

Отраслевая и региональная экономика

Дерен И.И., Земляникина А.Д. Разработка модели развития регионального
туристского потенциала через кластеризацию
в рамках программно-проектного подхода (на примере Владимирской области). 289

Кисленок А.А., Сухарева Е.А. Формирование методического подхода
к оценке потенциала развития муниципальных образований. 304

Зуенкова Ю.А., Самонкина М.Е. Подходы к пониманию
клиентоориентированности на рынке медицинских изделий. 332

Lomonosov Economics Journal

VOL. 60 • No. 1 • 2025 • JANUARY — FEBRUARY

CONTENTS

Economic Theory

Auzan A.A. Cultural codes of the economy at macro and micro levels 3

Antipina O.N., Miklashevskaya N.A., Orlova E.A. Criticism of macroeconomic indicators of welfare and its alternative assessments 19

Interdisciplinary Studies

Bobylev S.N., Baraboshkina A.V., Kurdin A.A., Yakovleva E.Yu., Bubnov A.S.
The National Development Goals of Russia and key sustainability indicator 40

Tambovtsev V.L., Valitova L.A. Subjective well-being as a unit for narrative analysis 60

Management Issues

Vikhanskiy O.S. Management: life cycle 82

Solovyov I.V., Kushch S.P., Malikov T.R. The impact of companies' focus on cooperation on the development of inter-organizational innovations. 107

Bataeva B.S., Karpov N.A. Transparency of information disclosure by Russian companies with state participation: the impact of the composition and structure of the board of directors 129

Podlesnaya A.V. RES auctions in Russia: Has competition led to a reduction in the costs of projects? 151

World Economy Studies

Tenkovskaya L.I. World oil prices are a factor in the expansion of Russia's monetary policy . . . 183

Sustainable Issues

Zavyalova T.V., Vinogradova O.S. Sustainable development as a new component of the global economy 207

Podgornyy V.V. The problem of regional asymmetry in the mirror of the system theory of sustainable regional development 231

Lezhnin V.V., Polukhina A.N. Sustainable development of local systems in the tourist sector of the Volga federal district: challenges and prospects 257

Branch and Regional Economy

Deren I.I., Zemlyanikina A.D. Development of a model for the development of regional tourist potential through clusterization within the framework of a program and project approach (example of the Vladimir Region) 289

Kislenok A.A., Sukhareva E.A. Forming a methodological approach for the municipalities potential development evaluation. 304

Zuenkova Yu.A., Samonkina M.E. Approaches to understanding customer orientation in the medical device market. 332

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. А. Аузан¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.88

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-1

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ ЭКОНОМИКИ НА МАКРО- И МИКРОУРОВНЯХ²

Многочисленные эмпирические исследования показали наличие влияния культурных факторов на экономический рост, инновации, человеческий капитал и др. Обобщение по результатам эмпирических исследований позволяет выделить пять культурных кодов, имеющих экономическое значение (законы экономической эффективности, конкурентной специализации, разнообразия, трансформации, воздействия доверия). С действием последнего из этих законов связаны альтернативные возможности экономического роста, поскольку исследования Ж. Алгана и П. Каю (Algan, Cahuc, 2010) показали возможность повышения валового продукта на душу населения в России на 69% при условии повышения уровня обобщенного доверия в 2,5 раза. Причиной устойчиво низкого доверия, по мнению автора, является наличие двух культурных ядер в российской экономической культуре, которые характеризуются индивидуализмом в мегаполисах, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, и коллективизмом в остальных регионах страны. Это, с одной стороны, дает альтернативные возможности разных типов модернизации (западного и восточно-азиатского типов). С другой стороны, создает проблему недостаточного доверия. Решение проблемы недостаточного доверия в соответствии с приведенными в докладе полевыми исследованиями связано с формированием институтов, которые сдерживаются такой социокультурной характеристикой России, как предельно высокое избегание неопределенности. Следствием этого являются короткие горизонты планирования в России, не позволяющие создавать институты, тем более институты инклюзивного типа, ориентированные на привлечение инвестиций и человеческого капитала. Решение этой проблемы, по мнению автора, связано с выходом на «3D-культуру», т.е. достижением сначала длинного взгляда за счет развития «культуры неудач», затем достижением более высокого уровня доверия среди большинства людей, что должно дать значительные экономические эффекты, и, наконец, решение проблемы дозоровоспособности, переводящей компромисс из отрицательной коннотации в положительную, что представляет собой наиболее сложную задачу ввиду наличия разных культурных ядер. Далее в статье показана реализация установок «3D-культуры» на макроуровне в государственной стратегии формирования финансовой культуры до 2030 г. и на микроуровне в анализе корпоративной культуры различных компаний.

¹ Аузан Александр Александрович — д.э.н., профессор, декан Экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: auzan@inp.ru, ORCID: 0000-0001-6974-2289.

² Статья подготовлена на основе устного доклада на юбилейном научном семинаре «Культурные коды экономики на макро- и микроуровнях» 27 сентября 2024 г., сохранена лексика устного выступления.

Ключевые слова: институты, неформальные институты, альтернативные возможности экономического роста, «3D-культура».

Цитировать статью: Аузан, А. А. (2025). Культурные коды экономики на макро- и микроуровнях. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 3–18. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-1>.

A. A. Auzan

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: Z1, Z10

CULTURAL CODES OF THE ECONOMY AT MACRO AND MICRO LEVELS

Numerous empirical studies have demonstrated the influence of cultural factors on economic growth, innovation, human capital, and more. A synthesis of the results from these empirical studies allows for the identification of five cultural codes that have economic significance (the laws of economic efficiency, competitive specialization, diversity, transformation, and the impact of trust). The operation of the last of these laws is associated with alternative opportunities for economic growth, as research by Algan and Cahuc (Algan, Cahuc, 2010) indicated the potential for a 69% increase in GDP per capita in Russia, provided that the level of generalized trust is increased by 2.5 times. According to the author, the reason for persistently low trust is the presence of two cultural cores in Russian economic culture, characterized by individualism in megacities, the Urals, Siberia, and the Far East, and collectivism in other regions of the country. This, on one hand, provides alternative opportunities for different types of modernization (Western and East Asian types). On the other hand, it creates a problem of insufficient trust. The solution to the problem of insufficient trust, according to the field studies presented in the report, is related to the formation of institutions that are hindered by such a sociocultural characteristic of Russia as extremely high uncertainty avoidance. The consequence of this is short planning horizons in Russia, which do not allow for the creation of institutions, especially inclusive-type institutions aimed at attracting investment and human capital. The solution to this problem, in the author's opinion, is related to the transition to a «3D culture,» meaning first achieving a long-term perspective through the development of a «culture of failure», then achieving a higher level of trust among the majority of people, which should yield significant economic effects, and finally addressing the issue of willingness to negotiate, transforming compromise from a negative connotation to a positive one, which represents the most complex task due to the presence of different cultural cores. The article further illustrates the implementation of the principles of 3D culture at the macro level in the strategy for developing financial culture until 2030 and at the micro level in the analysis of corporate culture in various companies.

Keywords: institutions, informal institutions, alternative economic growth opportunities, 3D culture.

To cite this document: Auzan, A. A. (2025). Cultural codes of the economy at macro and micro levels. *Lomonosov Economics Journal*, 60(1), 3–18. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-1>

Теоретические основы

Все началось с создания кафедры прикладной институциональной экономики в 2001 г. Как любая приличная кафедра мы начали работать над учебником, а когда в январе 2005 г. мы этот учебник выпустили, оказалось, что это первый в мире учебник по институциональной экономике (Аузан, 2005). В том же году наши коллеги из Высшей школы экономики выпустили первый том своего учебника (Кузьминов и др., 2005), мы ждем второй.

В процессе подготовки учебника мы для себя создали определенное теоретическое понимание, которое сводилось к нескольким постулатам о том, что такое новая институциональная экономическая теория: что институты вырастают из поведенческих предпосылок (из того, что человек ограниченно рационален и оппортунистически себя ведет), что институты бывают формальные и неформальные в зависимости от способа их поддержания, что трансакционные издержки всегда положительны, что выбор идет между разными дискретными альтернативами, ни одна из которых не оптимальна. Это все, на мой взгляд, лежит в основе университетской школы новой институциональной экономической теории.

Эта школа развивалась. В 2013 г. из состава нашей кафедры проросла кафедра конкурентной и промышленной политики. И над учебником продолжали вместе работать, в прошлом году вышла электронная версия (Аузан, 2023), модульная, интерактивная, с довольно приличной посещаемостью, на втором месте после «Дружелюбной эконометрики» (Картаев, 2022) — это хорошее позиционирование.

Но фактически развитие университетской институциональной школы пошло по разным векторам. Кто-то из уважаемых коллег занялся механизмами координации (А. Е. Шаститко и его ученики), правами интеллектуальной собственности (А. Н. Елисеев), экономическим анализом права (В. Л. Тамбовцев, Г. В. Калягин) и др. Линия развития, о которой я буду говорить, связана с тем, что институциональные экономисты называют неформальными институтами, а правильнее было бы в общенаучном смысле называть культурой.

Что имеется в виду? Институциональная система похожа на айсберг. То, чем очень много занимались в последние десятилетия, за что получали Нобелевские премии, — это формальные институты, т.е. правила со специализированным гарантом. А под водой огромная толща того, что влияет на то, будут ли работать эти правила и в какую сторону, не перевернутся ли — это неформальные институты, т.е. институты, которые поддерживаются общественным мнением, мнением окружения. А почему? В чем сила этого мнения? Потому что здесь совпадают или не совпадают ценности и поведенческие установки, разделяемые обществом и медленно меняющиеся во времени. Это то определение, которое экономисты, занимающиеся этим направлением, довольно дружно дают культуре (Аузан, Никишина, 2021).

За последние десятилетия исследования воздействия культуры как ценностей и поведенческих установок на различные явления дали довольно многочисленные эмпирические результаты, — выявлены воздействия на экономический рост (Вебер, 1905; Gorodnichenko, Roland, 2011; Ясин, Снеговая, 2009), на инновации (Shane, 1992, 1993; Лебедева, Ясин, 2009), на человеческий капитал (Hofstede, 2001; Leung et al., 2006; Аузан и др., 2011), на политические предпочтения (Inglehart, 2005; Полтерович, 2016), успешность борьбы с пандемией (Barríos et al., 2021; Borgonovi, Andrieu, 2020; Vorisova et al., 2022). Я бы назвал наряду с известными зарубежными авторами наших отечественных исследователей: В. М. Полтеровича, Е. Г. Ясина, Ш. Вебера.

Что же по этим эмпирическим исследованиям сделали мы, для того, чтобы перейти уже к следующей фазе — к полевым исследованиям? Мы осмелились провести теоретическую типологизацию того, как культурные коды, т.е. наборы ценностей и поведенческих установок, воздействуют на экономику. Это было сделано, прежде всего, в моей книге «Культурные коды экономики» (Аузан, 2022), в наших лекционных курсах с Еленой Никишиной. На данный момент мы видим 5 кодов.

1. Закон экономической успешности, представленный, прежде всего, работами Р. Инглхарта и World Value Survey (мирового исследования ценностей). Доказана устойчивая связь между ценностями самореализации и секулярно-рациональными ценностями и ВВП на душу населения и качеством жизни.
2. Закон конкурентной специализации, открытый, прежде всего, благодаря голландцу Г. Хофстеде. Этот закон объясняет тот удивительный факт, что наша с вами страна за XX в. сделала спутник, космический корабль, гидротурбину, атомную станцию и не смогла сделать конкурентоспособный автомобиль, телевизор и персональный компьютер.
3. Закон культурной трансформации. Это, конечно, прежде всего, работы В. М. Полтеровича, которые показали, как выход на высокие темпы роста может достигаться при изменении и социокультурных характеристик, и политических, и экономических в сложном процессе через инструмент промежуточных институтов.
4. Закон воздействия разнообразия. Работы по разнообразию Ш. Вебера и А. Алесины дали объяснение того, когда разнообразие будет иметь положительные экстерналии, когда будет иметь отрицательные значения, от чего зависят положительные эффекты разнообразия, где происходят точки перелома, как воздействует качество институтов, степень демократизации, уровень человеческого и социального капитала.
5. Last, but not least — закон воздействия обобщенного доверия на экономику, открытый благодаря французским экономистам Я. Алгану

и П. Каю. Он наиболее важен для последующего разговора, на нем я и буду концентрироваться.

В чем он заключается? На рис. 1 представлена исходная схема из работы Я. Алгана и П. Каю (Algan, Cahuc, 2010), их количественные исследования с огромным материалом за 70 лет с 1930 по 2000 г. Проанализированы данные по мигрантам в США и тому, что происходило с соответствующими поколениями в странах исхода. Этот анализ, с очень серьезной математикой, дал неожиданный результат. Он выявил культурный фактор с самым сильным воздействием на экономику — оказалось, что это обобщенное доверие. Иными словами, это положительный ответ на вопрос «Можно ли доверять большинству людей?».

Рис. 1. Прирост ВВП на душу населения при уровне доверия как в Швеции
Источник: (Algan, Cahuc, 2010).

Если бы в соответствующих странах уровень обобщенного доверия был как в Швеции, т.е. 63%, то ВВП на душу населения был бы выше в Великобритании на 5%, в Германии — на 7%, в России — на 69%. Это огромный ресурс роста, потому что на самом деле высокие транзакционные издержки и низкое доверие — это одно и то же. Силы трения работают там, где низкое доверие (т.е. субъективная мера вероятности того, что контрагент выполнит свои обязательства).

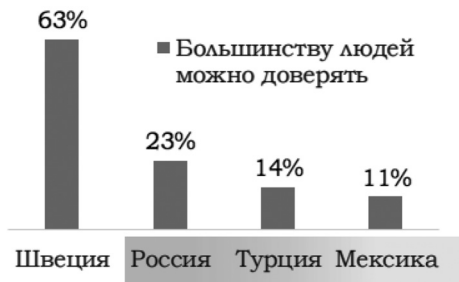

Рис. 2. Уровень доверия в Швеции, России, Турции и Мексике (2017–2020)
Источник: (VWS, 2017–2020).

Обратите внимание, что нашим соседом по схеме на рис. 2 является Мексика. На первый взгляд, неожиданное соседство, — но не такое уж неожиданное. Когда мы начинаем смотреть у кого сходные пониженные уровни доверия, обнаруживаем еще одну страну — Турцию. Это страны, которые по гипотезе С. Хантингтона (Хантингтон, 2003), автора теории цивилизаций, являются странами с двумя культурными ядрами, т.е. странами, которые преодолели угрозу потери суверенитета при агрессии молодого Запада, сохранили суверенитет путем перехвата технологий (промышленных, управленческих, военных, культурных). В итоге в этих странах образовалось два культурных ядра. С. Хантингтон считает, что в России это произошло во время Петра Великого. Может быть, в этом причина пониженного уровня доверия? Такова постановка проблемы, которую нужно будет решать.

Исследования

А теперь переходим к нашим исследованиям. Мы натолкнулись на этот факт двух культурных ядер не в книге Хантингтона, а в наших полевых исследованиях Института национальных проектов (команда из коллег по ЭФ МГУ) с Российской венчурной компанией (РВК) в 2016–2018 гг. (Антонов и др., 2019). Мы искали факторы инновационной активности, а нашли другое. Нашли ответ на вопрос, почему 200 лет в России спорят западники и славянофилы, социалисты и либералы. О чем спорят? Они спорят о том, кто русский человек? Личность или общинник, он индивидуалист или коллективист.

Я не стал приводить канонические определения индивидуализма, которые используются и в экономике, и в социологии. Потому что лучшим я считаю определение, которое дал Д. А. Гранин, замечательный советский и российский писатель, я имел удовольствие с ним общаться и много лет тому назад он сказал мне ключевую фразу: «В России можно сделать очень многое, если не спрашивать разрешения». Индивидуалист — это человек, который действует, не спрашивая разрешения, коллективист спрашивает — у авторитета, у начальника, у семьи. Но у коллективиста есть другое преимущество, описанное другим замечательным нашим соотечественником Ю. М. Лотманом (Лотман, 1993) — это культурный «архетип отдания себя», готовность вложить себя в идею, в течение, в судьбу деревни, города, страны, без условий вложить. И то, и другое производительно. Но и то, и другое разное.

Так что же у нас происходит со страной? В России (как и во многих странах) с ростом величины города резко растет индивидуализм и падает страх перед предпринимательством, перед неудачами (рис. 3). А на рис. 4 вы видите две карты. Одну мы сделали на основе совместных с ФУМО исследований 26 университетов России и, соответственно, региональ-

ного происхождения студентов там. А вторая — это данные Института национальных проектов и Сбера по свежему проекту 2024 г. (мы получили 82 000 наблюдений, спасибо Сберу, это очень серьезный массив). И обе карты показывают одно и то же: у нас резко нарастает индивидуализм от Урала к Сахалину.

Рис. 3. Индивидуализм и «культура неудач» в зависимости от размера города
 Источник: (РВК, ИНП, 2019).

Рис. 4. Индивидуализм и коллективизм в регионах России
 Источник: (ЭФ МГУ, ФУМО, ИНП, 2014–2016; Сбер, ИНП, 2024).

Таким образом, у нас есть два ядра. Что это означает? Напомню аналогию с айсбергом: это означает, что под водой у нас действуют ценностные и поведенческие установки, которые предполагают разную надводную надстройку.

В одном случае И-Россия (индивидуалистическая): спрос на демократию, свободу предпринимательства, модернизацию. В другом случае К-Россия (коллективистская): спрос на социальную защиту, государственное участие, налоговое перераспределение. Таким образом, два сигнала поднимаются наверх и, вообще говоря, аннигилируются. В итоге получается «ручное» управление страной, где примерно 25% — это И-Россия (думаю, что это примерно 75% ВВП) и 75% населения — К-Россия (это основной избиратель).

Еще раз повторю, что и то, и другое производительно. Например, восточно-азиатские модернизации выполнены на коллективистской основе, а западные — на индивидуалистической. Но мы имеем два мотора, которые не поднимают самолет, а действуют, в известном смысле погашая возможности друг друга. Можно ли здесь что-то сделать? Буду отвечать на этот вопрос нашими исследованиями (сначала мы говорили о теоретических основах, сейчас об исследованиях, потом еще о внедрении расскажу).

На рис. 5 и 6 представлены результаты двух наших исследований, одно в тех самых 26 университетах, в 9 из них мы делали очень сложное лонгитюдное исследование, т.е. опрашивали 4 года одних и те же студентов об их реакциях на те или иные ценностные вызовы. А второе исследование — это свежее исследование 2023 г., совместное исследование нашего факультета, Института национальных проектов (ИНП), Школы управления Сколково, Ноодома, Клуба Первых — большое исследование доверия в российском бизнесе (ИНП, Сколково и др., 2023). И вот какие парадоксальные выводы получаются из этих двух полевых исследований.

	Доверие незнакомым
Третий курс	-0,198**
Четвертый курс	-0,180*
Фиксированные эффекты	Да
Наличие работы	Да
Константа	Да
N	774
R ²	0,632

*p<0,1, ** p< 0,05

*Рис. 5. В ходе обучения доверие снижается
Источник: (ЭФ МГУ, ФУМО, ИНП, 2014–2016).*

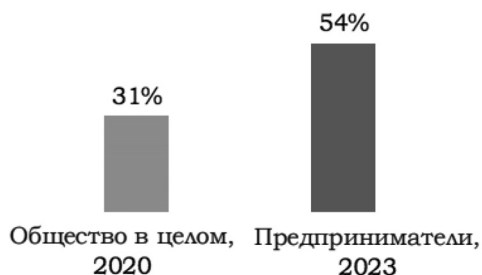

Рис. 6. Доверие российских предпринимателей незнакомым выше, чем у россиян в целом

Источник: (ИНП, Сколково и др., 2023; РВК, ИНП, 2020).

Высшее образование у нас, в наших условиях приводит к снижению доверия, а не к повышению. В странах, где институциональная среда невысокого качества, университеты работают на снижение доверия. Почему? На это наши коллеги по ФУМО хорошо сказали: «Не на облаке живем», т.е. мы должны людей приспособить к жизни в той стране, где мы находимся.

А вот исследования по бизнесу дали противоположные и тоже парадоксальные результаты. Потому что оказалось, что обобщенное доверие (не другим предпринимателям, а людям вообще) у предпринимателей в 1,5 раза выше, чем у других граждан страны. Причем это не случайный выплеск. Я стал размышлять, откуда такая странность у прагматичных людей, предпринимателей?

Знаете, в чем я нашел ответ? Во фразе предпринимателя 1990-х гг. — «ничто так не укрепляет веру в человека, как 100%-я предоплата». На самом деле бизнес прошел путь институционализации недоверия. Исходной точкой была не предоплата, а обмен заложниками, потом залогами, потом 100%-й предоплатой, 70%-й, 50%-й и таким образом бизнес вышел на снижении транзакционных издержек и рост доверия. Мы это можем показать по исследованию 2023 г. (ИНП, Сколково и др., 2023), по структуре контрактов, по тому, как из них исчезают пункты про различные суды, гарантии, как упрощаются, облегчаются контракты, после того, как этот путь пройден.

Почему мы не можем продолжить институционализацию недоверия до достаточно высоких уровней доверия? Блокирующий момент — короткий взгляд, основанный на характерном для современной России высоком избегании неопределенности, страхе перед будущим, избегании ошибок. Когда институциональные решения становятся доминирующими? Когда принимаются решения в длинных горизонтах. Институты не дают быстрых эффектов.

Поэтому доступ к росту доверия оказался не прямым. Он связан с тем, что мы теперь зовем «3D-культурой»: Длинный взгляд, доверие большин-

ству людей, договороспособность. Договороспособность мало исследовали до нас (в отличие от доверия и длинного взгляда). Скорее всего, это проблема свойственна странам с двумя культурными ядрами. У нас же очень сложно решаются споры. Потому что в одном случае, например, в суд идти хорошо, а в другом это стыдно. Где-то принято обращаться к авторитету, а где-то — нет. У нас в России компромисс считается слабостью, что доказывает знаменитая фраза «заключили компромисс и все разошлись недовольными». Достижение договороспособности — серьезная национальная проблема.

Внедрение

Теперь перехожу к тому, а как это все работает? И для чего?

Начну с макроуровня. Спасибо коллегам из Центрального банка и Минфина России. В 2023 г. произошел чрезвычайно важный поворот в стратегиях в области финансового просвещения. От финансовой грамотности, которая в России хорошо наработана, перешли к стратегии развития финансовой грамотности и формирования финансовой культуры. Это принципиальный поворот, потому что финансовая грамотность — это больше все-таки про защищенность человека, а про развитие экономики — финансовая культура, те ценности, которые либо положительно, либо отрицательно влияют на экономическое развитие.

Итак, в принятом индексе развития финансовой культуры мы уже наблюдаем 2D (его мы сейчас моделируем и ищем показатели через параллельные данные статистики и социологии). И в этом смысле мы создаем в стране, по крайней мере, метрики и оптику на макроуровне для отслеживания этих 2D. Это очень важный шаг, потому что все начинается с долгосрочных горизонтов. Вход в решение проблемы именно таков, на мой взгляд.

Теперь примеры на уровне компаний. Наша первая попытка работать на микроуровне — транснациональная логистическая компания «Волга-Днепр», 2012 г. Компания не просто летала, а имела массовый персонал в 5 странах. И имела проблему управления персоналом, потому что оказалось, что невозможно управлять одними методами персоналом в 5 странах.

Тогда полевого исследования не было, мы просто применили макрохарактеристики. Но мы понимали, что существуют культурные расстояния и что они измеримы. Кстати, гипотезу о культурных расстояниях высказал Л. Н. Гумилев в 1970-е гг. (Гумилев, 1973). Он приводил примеры, что, скажем, англичане при освоении Америки с индейцами воевали, а к французам индейцы относились хорошо. А в Полинезии прямо наоборот — там вырезали французов и выходили замуж за англичан. И в России он приводит пример: Россия шла на восток через Сибирь, где-то как сквозь

масло, а где-то войны на три века. Культурные дистанции потом уже были описаны у Б. Когута и Г. Сингха (Kogut, Singh, 1988) через формулы.

Что это дало на микроуровне? Мы показали, как можно использовать бонусы, где индивидуальные, где за командную работу, кому гибкий график, кому фиксированный, как идет работа с разными дистанциями, где ждать конфликтов, а где не надо строить никаких промежуточных порталов.

Институциональное проектирование для гармонизации формальных институтов и культуры основывалось на том, что индивидуальные бонусы для сотрудников более эффективны в США и Германии. В России и Китае предпочтительны бонусы за командную работу в однородных группах. Гибкий график работы предпочтителен для русских, немцев и японцев, фиксированный — для китайцев и американцев.

Проектирование формальных институтов (форматов взаимодействия с учетом культуры) происходило на основе того, что:

- наиболее вероятная бесконфликтная работа: Германия — Япония;
- наиболее эффективное групповое взаимодействие: США — Германия;
- возможны сложности при совместной работе: Япония — Россия; Япония — Китай;
- наиболее вероятные линии конфликтных ситуаций в коллективе: США — Россия; США — Китай; США — Япония; Китай — Германия.

Второе важное исследование. 2015 г., Объединенные машиностроительные заводы. Совет директоров попросил нас посмотреть три предприятия (одно в Ленинградской области, другое в Московской, третье на Урале).

Мы специально отточили методику исследования доверия и социального капитала. Причем как по вертикали, так и по горизонтали. Вот результаты полевых исследований, которые дали такую «флюорографию» по этим предприятиям (рис. 7).

Рис. 7. Применение методики оценки социального капитала

Источник: (ИНП, 2015).

И мы сказали, что рекомендации наши прямо противоположные. В одном случае регламентация излишняя, там отлынивание происходит, потому что люди боятся сделать ошибку — это в Ленинградской области. А в другом случае мы рекомендовали срочно ужесточать контроль — когда люди друг другу верят, вы им верите, а они вам нет, там очень серьезные угрозы вымогательства.

2023 г. — исследование Газпромнефти по ее приглашению. Удивительная, очень интересная цифровая нефтяная компания. Нас попросили сделать полную диагностику культурного кода компании. И мы ее сделали по 42 дочерним предприятиям. Методику мы составили, сопоставив работающие 20 консалтинговых бизнес-методик, выбрали в них общее. И, как университетские люди, мы то, что получилось, проверили «высокой мировой теорией», которая существует в области социокультурных институциональных исследований.

В итоге была разработана методика культурного кода компании (ККК-модель). Получили полюсы — где гибкость, а где жесткость, где индивидуальные способы мотивации, а где коллективистские, потому что на любой большой компании страны этот отпечаток биполярности России лежит (рис. 8).

Рис. 8. Применение методики оценки культурного кода компании
 Источник: (ИНП, 2023).

В декабре 2023 г. на правлении компании были приняты наши выводы и начались организационные преобразования на три кластера. Но самое главное — то, что на материале 42 «дочек» компании удалось открыть — какой фактор позволяет реализовывать амбициозные цели и при этом не сталкиваться с высоким выгоранием и текучестью кадров (потому что амбициозные цели обычно связаны с выгоранием). Это то, что мои коллеги называли «таблеткой от выгорания» (этот же результат подтвердился на исследованиях группы компаний «Ланит»). Получается, что если под-

нимать бриджинговый социальный капитал, т.е. кросс-функциональное доверие, то выгорания не происходит, оно резко падает.

Проекты в разработке

В разработке у нас сейчас прежде всего чрезвычайно интересный проект со Сбером. Здесь главное, что мы пытаемся впервые сделать, — не только диагностику культурного кода компании (это мы уже делали), а мы пытаемся осуществить сдвиг в сторону «3D-культуры» и получить соответствующие эффекты снижения транзакционных издержек.

Яндекс. Наши давние размышления с А. Л. Кудриным про доверие, подходы к доверию, совместные выступления на форумах привели к проекту про доверие в цифровой экосистеме.

Т-банк. Мы начинаем с Т-банком искать культурные факторы высокой инновационности, потому что инновационность — это традиционный козырь Т-банка.

Всюду разные задачи и интересные перспективы. Ядро команды, которая над этим работает: Асия Бахтигараева, Виктор Брызгалин, Антон Золотов, Наталия Король, Елена Никишина, Александра Ставинская. Есть еще полдюжины молодых коллег, которые все больше в это включаются. Но пока нас очень мало, поэтому реально нужно разворачивать магистерскую программу и пытаться расширять эти усилия. И это дело ближайшего будущего.

Список литературы

Антонов, Е. В., Аузан, А. А., Брызгалин, В. А., Вороненко, В. А., Золотов, А. В., Никишина, Е. Н., Припузова, Н. А., & Трухачев, С. А. (2019). *Социокультурные факторы инновационной активности населения*. М.: Институт национальных проектов; Российская венчурная компания.

Аузан, А. А. (2022). *Культурные коды экономики: как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа*. М.: АСТ.

Аузан, А. А. (н. д.). *Институциональная экономика*. <https://books.econ.msu.ru/Institutional-economics/>

Аузан, А. А. (ред.). (2005). *Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория*. М.: ИНФРА-М.

Аузан, А. А., & Никишина, Е. Н. (2021). *Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций*. Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова.

Вебер, М. (1990). *Избранные произведения*. М.: Прогресс.

Гумилев, Л. Н. (1990). *География этноса в исторический период*. Л.: Изд-во ЛГУ.

Доверие в российском бизнесе. (2023). Институт национальных проектов, Сколково. https://Доверие_в_российском_бизнесе_2024_Skolovo_No8dome.pdf

Инглхарт, Р., & Вельцель, К. (2011). *Модернизация, культурные ценности и демократия: последовательность человеческого развития*. М.: Новое изд-во.

Картаев, Ф. С. (н. д.). Дружелюбная эконометрика. <https://books.econ.msu.ru/Introduction-to-Econometrics/>

Кузьминов, Я. И., Бендукидзе, К. А., & Юдкевич, М. М. (ред.). (2005). *Курс институциональной экономики: институты, сети, транзакционные издержки, контракты*. ГУ-ВШЭ.

Лебедева, Н. М., & Ясин, Е. Г. (2009). Культура и инновации: к постановке проблемы. *Форсайт*, 3 (2).

Лотман, Ю. М. (1993). «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры. В кн. *Ю. М. Лотман (изд.), Избранные статьи: в 3 т. Т. 3*. Таллин: Александра. 345–355.

Полтерович, В. (2012). Проектирование реформ: как искать промежуточные институты (reform design: How to search for interim institutions). *Черногорский экономический журнал*, 8 (3), 25.

Полтерович, В. М. (2001). Трансплантация экономических институтов. *Экономическая наука современной России*, (3).

Полтерович, В. М. (2016). Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России). *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 5 (47).

Полтерович, В. М., & Попов, В. В. (2007). Демократизация и экономический рост. *Общественные науки и современность*, (2), 13–27.

Социокультурные факторы инновационного развития в условиях коронакризиса [Исследовательский отчет] (2020) / Аузан, А. А., Бахтигараева, А. И., Богданова, А. А., Брызгалин, В. А., Зельницкая, Е. Н., Золотов, А. В., Никишина, Е. Н., Подругина, В. П., Припузова, Н. А., Ситкевич, Д. А., Трушина, В. С. М.: Институт национальных проектов; Российская венчурная компания.

Хантингтон, С. (2003). *Столкновение цивилизаций*. Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ.

Ясин, Е. Г., & Снеговая, М. В. (2009). *Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры*. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.

Ясин, Е., & Снеговая, М. (2009). Институциональные и культурные ограничения догоняющих стран. *Вопросы экономики*, 11.

Algan, Y., & Cahuc, P. (2010). Inherited Trust and Growth. *American Economic Review*, 100 (5), 2060–2092.

Alesina, A., Devleeschauwer, A., Easterly, W., Kurlat, S., & Wacziarg, R. (2003). Fractionalization. *Journal of Economic Growth*, 8 (2), 155–194.

Alesina, A., & Ferrara, E. L. (2005). Ethnic diversity and economic performance. *Journal of economic literature*, 43 (3), 762–800.

Alesina, A., & Fuchs-Schündeln, N. (2007). Goodbye Lenin (or not?): The effect of communism on people's preferences. *American Economic Review*, 97 (4), 1507–1528.

Alesina, A., Giuliano, P., & Nunn, N. (2013). On the origins of gender roles: Women and the plough. *The Quarterly Journal of Economics*, 128 (2), 469–530.

Alesina, A., & Zhuravskaya, E. (2011). Segregation and the Quality of Government in a Cross Section of Countries. *American Economic Review*, 101 (5), 1872–1911.

Barrios, J. M., Benmelech, E., Hochberg, Y. V., Sapienza, P., & Zingales, L. (2021). Civic capital and social distancing during the Covid-19 pandemic. *Journal of public economics*, 193, 104310.

Borgonovi, F., & Andrieu, E. (2020). Bowling together by bowling alone: Social capital and Covid-19. *Social science & medicine*, 265, 113501.

Borisova, E., Frye, T., Schoors, K., & Zabolotskiy, V. (2022). Fear, Trust and Demand for Regulation: Evidence from the Covid-19 Pandemic in Russia (No. 10156). *CESifo Working Paper*.

Gorodnichenko, Y., & Roland, G. (2011). Individualism, innovation, and long-run growth. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 108 (Supplement 4), 21316–21319.

Hofstede, G. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. Sage publications.

Hofstede, G., Hofstede, G. J., & Minkov, M. (2010). *Cultures and Organizations, Software of the mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for survival*.

Inglehart, R. F. (2008). Changing values among western publics from 1970 to 2006. *West european politics*, 31 (1-2), 130–146.

Kogut B., & Singh H. (1988). The effect of national culture on the choice of entry mode. *Journal of international business studies*, 19 (3), 411–432.

References

Antonov, E. V., Auzan, A. A., Bryzgalin, V. A., Voronenko, V. A., Zolotov, A. V., Nikishina, E. N., Pripuzova, & N. A., Trukhachev, S. A. (2019). *Sociocultural factors of innovative activity of the population*. Moscow: Institute of National Projects; Russian Venture Company.

Auzan, A. A. (2022). *Cultural codes of the economy: how values affect competition, democracy and the welfare of the people*. Moscow: AST.

Auzan, A. A. (n. d.). Institutional economics. <https://books.econ.msu.ru/Institutional-economics/>

Auzan, A. A. (ed.). (2005). *Institutional economics: a new institutional economic theory*. M.: INFRA-M.

Auzan, A. A., & Nikishina, E. N. (2021). *Socio-cultural economics: how culture affects the economy, and the economy affects culture: a course of lectures*. Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University.

Weber, M. (1990). *Selected works*. M.: Progress.

Gumilev, L. N. (1990). *Geography of the ethnos in the historical period*. L.: Publishing House of LSU.

Trust in Russian business. (2023). Institute of National Projects, Skolkovo. https://Доверие_в_российском_бизнесе_2024_Skolovo_No0dome.pdf

Inglehart, R., & Welzel, K. (2011). *Modernization, cultural values and democracy: the sequence of human development*. M.: New Edition.

Kartaev, F. S. (n. d.). Friendly econometrics. <https://books.econ.msu.ru/Introduction-to-Econometrics/>

Kuzminov, Ya. I., Bendukidze, K. A., & Yudkevich, M. M. (ed.). (2005). *The course of institutional economics: institutions, networks, transaction costs, contracts*. Higher School of Economics.

Lebedeva, N. M., & Yasin, E. G. (2009). Culture and innovation: towards a problem statement. *Foresight*, 3 (2).

Lotman, Y. M. (1993). “Contract” and “self-presentation” as archetypal models of culture. *In the book by Y. M. Lotman (ed.), Selected articles: in 3 vols. 3*. Tallinn: Alexandra. p. 345–355.

Polterovich, V. (2012). Designing reforms: How to search for intermediate institutions (reform design: How to search for interim institutions). *Montenegrin Economic Journal*, 8 (3), 25.

Polterovich, V. M. (2001). Transplantation of economic institutions. *Economics of Modern Russia*, (3).

Polterovich, V. M. (2016). Institutions of catch-up development (to the draft of a new model of economic development in Russia). *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 5 (47).

Polterovich, V. M., & Popov, V. V. (2007). Democratization and economic growth. *Social Sciences and Modernity*, 2, 13–27.

Sociocultural factors of innovative development in the conditions of the coronacrisis [Research report] (2020) / Auzan, A. A., Bakhtigaraeva, A. I., Bogdanova, A. A., Bryzgalin, V. A., Zelnitskaya, E. N., Zolotov, A. V., Nikishina, E. N., Drugina, V. P., Pripuzova, N. A., Sitkevich, D. A., Trushina, V. S. M.: Institute of National Projects; Russian Venture Company.

Huntington, S. (2003). *The Clash of civilizations*. Translated from the English by T. Velimeeva, Yu. Novikova. M.: AST.

Yasin, E. G., & Snegovaya, M. V. (2009). *Tectonic shifts in the global economy: what the cultural factor will say*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics.

Yasin, E., & Snegovaya, M. (2009). Institutional and cultural constraints of catching up countries. *Economic Issues*, 11, 32–49.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

О. Н. Антипина¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Н. А. Миклашевская²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Е. А. Орлова³

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.34, 330.55.051, 330.59

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-2

КРИТИКА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНДИКАТОРОВ БЛАГОСОСТОЯНИЯ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ОЦЕНКЕ⁴

Статья посвящена критике макроэкономических показателей, традиционно используемых для оценки общественного и индивидуального благосостояния, и поиску индикаторов, способных более полно и достоверно оценивать не только объективное, но и субъективное благополучие людей. Обнаружено, что влияние ВВП на общественное благосостояние является неоднозначным. Показана ограниченность используемых макроэкономических показателей как денежных индикаторов, измеряющих материальное благополучие, но не несущих информации о качестве жизни людей и о том, как сами индивиды оценивают благополучие и качество своей жизни. Раскрыта неспособность действующих индикаторов в полной мере отражать и оценивать происходящие изменения в экономике и жизни общества, когда по мере роста потребностей человека уровень благополучия и удовлетворенности жизнью в большей степени определяются показателями, которые не имеют денежной оценки, такими как свободное время и расширение возможностей для развития личности. На основе методологии экономической теории счастья обобщены концептуальные подходы к понятиям субъективного благополучия, счастья, удовлетворенности жизнью и отражены возможности использования субъективных оценок как индикаторов благосостояния общества.

¹ Антипина Ольга Николаевна — д.э.н., профессор, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: antipinaon@my.msu.ru, ORCID: 0000-0002-2785-3543.

² Миклашевская Нина Анатольевна — к.э.н., доцент, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: myklo@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5129-3163.

³ Орлова Елизавета Алексеевна — научный сотрудник, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: orlovaea1@my.msu.ru, ORCID: 0000-0002-3845-4599.

⁴ Статья подготовлена по результатам научного проекта в числе приоритетных направлений и тем научных исследований экономического факультета в рамках госзадания МГУ имени М. В. Ломоносова.

© Антипина Ольга Николаевна, 2025

© Миклашевская Нина Анатольевна, 2025

© Орлова Елизавета Алексеевна, 2025

Предложен комплексный индекс удовлетворенности качеством жизни, включающий семь категорий, отражающих объективные стороны качества жизни (материальное благополучие, здоровье, социальные связи, образование, безопасная среда, баланс работы и отдыха, экология), и субъективные оценки удовлетворенности жизнью. Индекс рассчитан как среднее геометрическое восьми нормализованных переменных и оценен для России на основе данных официальной статистики и РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2015–2022 гг. Динамика индекса показала рост благополучия населения в период с 2015 по 2021 г. и его снижение в 2022 г.

Ключевые слова: макроэкономические индикаторы, общественное благосостояние, уровень жизни, качество жизни, счастье, удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие, индекс удовлетворенности качеством жизни.

Цитировать статью: Антипина, О. Н., Миклашевская, Н. А., & Орлова, Е. А. (2025). Критика макроэкономических индикаторов благосостояния и альтернативные подходы к его оценке. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 19–39. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-2>.

O. N. Antipina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

N. A. Miklashevskaya

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

E. A. Orlova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: C13, C43, E01, I3, I31

CRITICISM OF MACROECONOMIC INDICATORS OF WELFARE AND ITS ALTERNATIVE ASSESSMENTS

This article criticizes the macroeconomic indicators traditionally used to assess social and individual welfare and aims to identify indicators that can more fully and reliably measure not only objective but also subjective well-being. It was found that the impact of GDP on social welfare is controversial. This research demonstrates the weak points of monetary macroeconomic indicators that measure material well-being but do not provide information about the quality of people's life or how individuals assess their well-being and quality of life. The inability of current indicators to fully reflect and assess ongoing economic and social changes is revealed in this paper. While human needs are increasing, levels of well-being and life satisfaction depend on nonmonetary factors, such as free time and greater opportunities for personal development. The methodology of the study is based on the economic theory of happiness. The conceptual approaches to the definitions of subjective well-being, happiness, and life satisfaction as well as possibilities of using subjective assessments of welfare are summarized in this article. A complex quality-of-life satisfaction index is proposed, including seven categories reflecting the objective aspects of the quality of life (material well-being, health, social connections, education, safe environment, work-life balance, ecology), and subjective

assessments of life satisfaction. The index is estimated as the geometric mean of eight normalized variables. Estimates of the index for Russia based on official statistics and the RLMS-HSE for 2015–2022. Its dynamic showed an increase in the well-being of the population from 2015 to 2021 and a decrease in 2022.

Keywords: macroeconomic indicators, social welfare, standard of living, quality of life, happiness, life satisfaction, subjective well-being, quality of life satisfaction index.

To cite this document: Antipina, O. N., Miklashevskaya, N. A., & Orlova, E. A. (2025). Criticism of macroeconomic indicators of welfare and its alternative assessments. *Lomonosov Economics Journal*, 60(1), 19–39. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-2>.

Рост благосостояния и повышение удовлетворенности жизнью людей выступают важнейшими целями социально-экономического развития России (Указ, 2024) и других стран мира. Потребность всесторонней оценки прогресса в достижении этих целей ставит проблему поиска показателя, который мог бы, с одной стороны, достоверно отразить достигнутые результаты, и, с другой стороны, имел четкую методику расчета. Важнейшее современное требование к такому показателю — необходимость сочетания объективных параметров социально-экономического развития и субъективных оценок удовлетворенности жизнью. Поскольку с помощью традиционных макроэкономических индикаторов невозможно выполнить это требование, Генеральная Ассамблея ООН в 2011 г. призвала своих членов к «разработке дополнительных мер, в которых в более полной мере учитывается важность стремления к счастью и благополучию в контексте развития» (UN News, 2011).

Целью нашего исследования стала разработка комплексного показателя, который может стать индикатором не только объективного, но и субъективного благосостояния людей. Для достижения этой цели мы предприняли критический анализ макроэкономических показателей общественного благосостояния и уровня жизни и, показав возможности использования оценок субъективного благополучия, предложили методику построения индекса удовлетворенности качеством жизни.

Ограниченность ВВП как индикатора общественного благосостояния

В макроэкономической теории традиционно мерой благополучия нации выступает общественное благосостояние, под которым подразумевается степень удовлетворения материальными благами потребностей населения. В качестве оценки общественного благосостояния обычно выступает совокупный продукт, полученный в результате экономической деятельности, — валовой внутренний продукт (ВВП), который измеряет

рыночную стоимость конечной продукции (товаров и услуг), произведенную резидентами конкретной страны за определенный период времени⁵. Как правило, подразумевается, что чем больше ВВП, тем выше общественное благосостояние.

Показатель ВВП как основной инструмент для измерения рыночных результатов хозяйственной деятельности был разработан и внедрен в практику в 1934 г. американским экономистом С. Кузнецом, который впоследствии был удостоен Нобелевской премии по экономике. Однако многие исследователи и эксперты указывают на то, что к данному индикатору нужно относиться с большой осторожностью.

ВВП оценивает только те виды деятельности, которые имеют денежную оценку, в то время как труд, не имеющий денежной оценки, не включается в ВВП, что приводит к существенной недооценке совокупного продукта.

Кроме того, многие виды экономической активности осуществляются в рамках так называемой теневой экономики. Она включает нелегальные виды деятельности, теневой бизнес, различные виды «добровольного вознаграждения», коррупционные сделки, которые имеют денежную оценку, но остаются за пределами статистики.

Нет единого мнения относительно того, стоит ли включать запрещенные законом экономические действия в понятие теневой экономики. Согласно определению ОЭСР, теневая экономика включает как легальные, так и нелегальные виды экономической активности. По определению Евростата, к теневой экономике относятся легальные виды деятельности, скрывающиеся от государственных органов с целью уклонения от уплаты налогов, выполнения установленных законом требований относительно минимальной заработной платы, максимального количества рабочих часов, норм безопасности и санитарных норм (Трофимов, 2020, с. 11). Что касается коррупции, то по всем действующим официальным рекомендациям она не включается в состав ВВП, поскольку в данном случае речь идет о перераспределении доходов, что не изменяет их общей суммы.

Оценки доли теневой экономики значительно различаются по странам. Так, в 2003–2018 гг. в некоторых странах ОЭСР доля теневой экономики в процентах от ВВП составляла в США 7,4%, в Германии — 14,3%, в Испании — 20,5%, в Болгарии — 34% (Enste, 2018, р. 3). Россия в 2020 г. входила в топ-5 стран с наивысшими долями теневой экономики в ВВП (39,3%), среди которых также были Азербайджан (56,73%), Нигерия (46,99%), Украина (46,1%) и Шри-Ланка (36,46%). По прогнозам, к 2025 г. эти страны

⁵ Здесь и далее в настоящей статье речь идет о реальном ВВП, измеряемом в постоянных ценах (ценах базисного года), что устраняет влияние ценового фактора на оценку совокупного выпуска.

сохранят за собой лидирующие позиции по данному показателю (Дробот, Макаров, 2021, с. 59–60).

Отсутствие единого подхода к понятию «теневая экономика», а также надежных методов статистического учета, не позволяет достоверно оценить ее вклад в ВВП. С одной стороны, теневая экономика может стимулировать производство товаров и услуг, способствовать сокращению безработицы, росту занятости и доходов населения. С другой стороны, она предполагает сокрытие доходов или их части от налоговых органов, что означает недополучение значительных средств в государственный бюджет, которые могли бы быть потрачены на инвестиции в инфраструктуру, на реализацию национальных проектов, в том числе тех, которые имеют социальную направленность, а криминальные виды деятельности способны нанести непоправимый урон общественному благосостоянию.

Многие виды деятельности, формально способствующие росту ВВП, в действительности имеют следствием ухудшение условий жизни людей. Так, развитие производства приводит к росту объема производимых товаров и услуг, но нередко наносит серьезный ущерб окружающей среде и здоровью населения. Однако издержки, связанные с ухудшением окружающей среды, не вычитаются из ВВП как, например, отрицательные инвестиции в товарно-материальные запасы, в то время как расходы предприятий и государства на охрану окружающей среды, сопровождаемые приростом ВВП, могут быть недостаточными для компенсации потерь общественного благосостояния. Кроме того, бездумное использование невозпроизводимых природных ресурсов в хозяйственных целях ставит под угрозу благосостояние будущих поколений. Другими словами, существует разрыв между ростом ВВП и повышением общественного благосостояния.

В связи с этим С. Кузнец указывал на недостатки показателя ВВП как индикатора общественного благосостояния: «Было бы чрезвычайно полезно иметь оценку национального дохода, откуда исключалось бы все, что ...скорее представляется ущербом, нежели услугой для общества. Такая оценка вычитала бы из текущего национального дохода все затраты на вооружение, почти все расходы на рекламу, громадную долю расходов на финансовые и спекулятивные цели и, что, наверное, самое важное, расходы, которые мы обречены нести только потому, что нужно смягчить тяготы, порожденные нашей экономической цивилизацией» (цит. по: Койл, 2016, с. 22–23).

Данные о ВВП не отражают последствий структурных изменений в экономике и их влияние на общественное благосостояние. Примером здесь может служить урбанизация, происходящая как в развитых, так и в развивающихся странах. Традиционно сельские жители устремились в города в поисках стабильных и высоких доходов, качественного

образования, социальной защищенности. В целом урбанизация способствовала экономии на масштабах производства, росту производительности труда, накоплению человеческого капитала, развитию инфраструктуры и коммуникаций, снижению бедности и улучшению условий жизни населения.

Согласно данным ООН, до пандемии COVID-19 в 2020 г. 55% населения мира проживало в городах, а к 2050 г. этот показатель возрастет до 68% (Урбанизация как..., 2019). Однако перенаселенность крупных городов и мегаполисов сопровождается ухудшением экологической обстановки, транспортными пробками на дорогах, ростом преступности, проблемами продовольственной безопасности, повышенным уровнем шума, распространением магнитных полей, порождаемых мобильной связью, WI-FI, электротранспортом. В результате увеличивается заболеваемость городского населения легочными и психосоматическими болезнями, растет смертность на дорогах, повышается вероятность распространения эпидемий.

Ограниченность ВВП как индикатора общественного благосостояния становится все более очевидной в условиях цифровизации, которая представляет собой новый технологический уклад, так называемую четвертую промышленную революцию. Существенную долю результатов цифровизации составляют информационные блага, произведенные без прямого участия человека. В сферу цифровой экономики обычно включаются индустрия информационных технологий (производство компьютеров, смартфонов и программного обеспечения), цифровизация секторов экономики, цифровое управление, цифровые данные.

В прошлом промышленные революции, связанные с появлением и внедрением в производство новых технологий, приводили к повышению совокупной (многофакторной) производительности, которая служит мерилom эффективности функционирования экономики, и к росту ВВП. Однако в последние годы темпы роста цифровой экономики намного опережают как темпы роста производительности труда, так и темпы роста совокупной производительности. Так, за период 1998–2017 гг. в США среднегодовой прирост ВВП составлял 2,3%, в то время как цифровая экономика росла в среднем на 9,9% ежегодно. Темп роста производительности труда в период с 1995 по 2007 г. составлял в среднем 2,8–2,9%, и основной вклад в ее рост вносила совокупная производительность, ежегодные темпы роста которой в среднем составляли 1,4%. Однако в период с 2007 по 2017 г. среднегодовые темпы роста производительности труда замедлились до 1,4%, а вклад совокупной производительности снизился до 0,4% (Пороховский, 2019, с. 11, 15).

В цифровой экономике подтверждается так называемый парадокс Р. Солоу, суть которого состоит в том, что рост производительности в отраслях и на предприятиях, связанных с цифровой экономикой, не приво-

дит к росту производительности в экономике в целом (Антипина, 2000). Смартфоны и социальные сети увеличивают избыток потребителя, но не приводят к заметному росту производительности и доходов (Gordon, Sayed, 2019, p. 19). Ряд исследователей такую ситуацию объясняют тем, что часть функций, которые берут на себя информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), попросту замещают функции, которые раньше выполнялись традиционными способами (так, поход в магазин замещается услугами, предоставляемыми электронными торговыми площадками Ozon или Wildberries).

Исследователи указывают на то, что вклад цифровизации в ВВП плохо отражается в статистике, что приводит к возможной недооценке экономической активности и общественного благосостояния. Статистическому учету в полной мере поддается лишь индустрия информационных технологий. В то же время невозможно оценить изменения в качестве цифровых продуктов, сложно определить границы цифровой экономики. По оценкам экспертов, 97% компаний традиционных отраслей экономики, таких, как финансы, торговля, промышленность, транспорт и логистика, строительство, сфера услуг, в той или иной степени используют в своей деятельности цифровые технологии. Проблемой также является измерение экономических результатов цифровых платформ и их включение в ВВП. Их услуги обычно бесплатны, но влияют на благополучие пользователей, а также приводят к увеличению экономической активности в смежных областях (Развитие измерений..., 2022, с. 3).

Сложности при расчете ВВП создают и альтернативные формы занятости, такие как гиг-экономика, получившие распространение в период пандемии в 2020 г., когда многие фирмы были вынуждены переводить работников в режим удаленной занятости. Гиг-экономика — это форма частичной занятости на основе заключения краткосрочных трудовых контрактов, когда работник-фрилансер может совмещать одновременно в разных компаниях несколько должностей в разных точках земного шара посредством цифровых технологий и онлайн платформ. По оценке экспертов, к 2050 г. 83% работающего населения мира будет задействовано в гиг-экономике, при которой сотрудников не нанимают в штат, а приглашают на конкретные проекты (Владимирова, 2022). Фрилансинг снижает издержки фирм на аренду офисов и оплату труда, позволяя использовать при работе над проектами добровольцев-краудсорсеров. Однако распространение данной формы занятости создает новые проблемы при расчете ВВП, поскольку самозанятость не имеет социальных гарантий и сопряжена с возможностями сокрытия части доходов, получаемых фрилансерами, что увеличивает долю теневой экономики.

Таким образом, можно сделать вывод о нелинейной связи между ВВП и уровнем общественного благосостояния. Ограниченность по-

казателя ВВП как мерила общественного благосостояния определяется как недостатками самого показателя, так и трудностями, связанными с его исчислением. ВВП, который представляет собой денежный показатель, не способен в полной мере «улавливать» и оценивать происходящие изменения в жизни общества по мере роста потребностей человека, когда уровень благополучия и степень удовлетворенности жизнью все в большей степени определяются показателями, которые не имеют денежной оценки, такие как свободное время и расширение возможностей для развития личности.

Несовершенства макроэкономических показателей уровня жизни

В макроэкономической теории для оценки уровня жизни или материального благосостояния индивида служат показатели ВВП или ВНД⁶ на душу населения. Рост данных индикаторов обычно отождествляется с повышением уровня благосостояния каждого члена общества. Данные об этих показателях предоставляются как национальными службами статистики, так и международными организациями — Всемирным банком (ВБ), Международным валютным фондом (МВФ), которые ранжируют и классифицируют страны по уровню дохода и выпуска на душу населения. Так, ВБ выделяет 4 группы стран: с высоким доходом (не ниже 14 005 долл. в год), с доходом выше среднего (от 4516 до 14 004 долл. в год), с доходом ниже среднего (от 1146 до 4515 долл. в год) и с низким уровнем дохода на душу населения (не выше 1145 долл. в год) (Metreau et al., 2024).

Показатель подушевого дохода дает более объективное представление об уровне жизни граждан, чем суммарный объем ВВП. Некоторые страны могут иметь значительный объем ВВП, при этом подушевой доход в них может быть относительно скромным. Так, по данным ВБ, Китай в 2023 г. занимал первое место в мире по суммарному объему ВВП по паритету покупательной способности (ППС), однако лишь 82-е место по показателю ВВП на душу населения. Россия в 2023 г. была четвертой экономикой в мире по объему ВВП (по ППС), но заняла лишь 60-е место по показателю ВВП на душу населения (World Bank Group, n.d.).

Однако, насколько достоверную информацию об уровне жизни граждан можно получить, опираясь на среднестатистические подушевые показатели ВВП или ВНД? Так, росту подушевых показателей выпуска и дохода будет способствовать уменьшение численности населения в результате снижения рождаемости или роста смертности, оттока граждан из страны

⁶ Валовой национальный доход (ВНД) измеряет поток первичных доходов резидентов страны в связи с их участием в производстве ВВП как данной страны, так и других стран.

или снижения численности мужского населения в результате военного конфликта. Однако вряд ли в данном контексте можно утверждать о росте уровня жизни граждан данного общества.

Среднестатистический показатель подушевого дохода элиминирует проблему неравенства, т.е. разрыва в уровне жизни между самыми богатыми и беднейшими слоями населения, для оценки которого используется коэффициент Джини⁷. С середины 10-х гг. XXI в. до начала пандемии 2020 г. в мировой экономике наблюдалась тенденция к снижению глобального неравенства. В 2005 г. доходы 10% самых богатых в мире групп населения в 55 раз превышали доходы 50% беднейших слоев населения планеты. К 2020 г. этот разрыв сократился до 38 раз. В то же время разрыв в уровне неравенства внутри стран в этот период продолжал увеличиваться. Однако в 2021 г. уровень глобального неравенства вновь резко возрос: доходы 10% самых богатых в мире групп населения в 45 раз превысили доходы 50% беднейших слоев населения, и по прогнозам в 2024 г. разрыв будет составлять порядка 41 раза (World Economic Outlook, 2024).

Как свидетельствуют данные статистики, четкая зависимость между размером подушевого дохода и показателем неравенства не просматривается. Так, по данным ВБ, в 2021 г. коэффициент Джини составлял 0,4 как в США, так и на Ямайке, в то время как годовой ВВП на душу населения (за вычетом налогов и с включением трансфертов) в этих странах был на уровне 63 670 и 9600 долл., соответственно. В Люксембурге и в Индии коэффициент Джини имел значение 0,33, в то время как показатели душевого ВВП в годовом исчислении оценивались значениями 115 680 и 6590 долл., соответственно (Our World in Data, n.d.).

Эмпирическое исследование взаимосвязи неравенства доходов и экономического роста с использованием моделей коррекции ошибок, проведенное на базе данных по РФ за 1994–2020 гг., подтверждает наличие двусторонней связи между неравенством и динамикой объема выпуска: рост неравенства приводит к замедлению темпов роста подушевого ВВП, а возрастание темпа роста подушевого ВВП сопровождается сокращением неравенства. В зависимости от показателя неравенства и временного горизонта авторы оценили его в широком диапазоне от 0,03 до 0,4 п.п. годового роста душевого валового регионального продукта (ВРП) в расчете на одно стандартное отклонение показателя неравенства (Туманянц и др., 2023, с. 73).

Неравенство порождает среди значительной части населения чувство отчаяния и несправедливости, нереализованных возможностей, способствует росту социально-политической напряженности в обще-

⁷ Коэффициент Джини измеряет степень отклонения фактического распределения доходов от равного и принимает значения от 0 до 1.

стве, снижает мотивацию к занятию общественно-полезной деятельностью, замедляет предпринимательскую активность, снижает производительность труда из-за ухудшения качества человеческого капитала, поскольку бедные слои населения не имеют достаточно финансовых средств для получения профессионального образования, достижения сбалансированной структуры питания и улучшения здоровья. Кроме того, они формируют слабую покупательную способность, предъявляя спрос преимущественно на товары и услуги первой необходимости. В результате страны с преобладанием бедного населения отличаются структурой экономики с более низкой долей инновационных, высокотехнологичных секторов, что негативно влияет на объемы ВВП и благосостояние индивидов.

С точки зрения оценки потенциала, необходимого для устойчивого экономического роста и повышения уровня жизни населения, важное значение имеет доля среднего класса, который включает наиболее высокообразованные слои населения, занятые преимущественно умственным трудом, обладающие развитыми профессиональными навыками, генерирующие новые идеи, необходимые для развития инновационной экономики, которая создает высокую добавленную стоимость. По расчетам НИУ ВШЭ, в 2022 г. доля среднего класса в России составляла 31,7% (РБК, 2023), что является низким показателем. В то же время создание условий для роста среднего класса в России отвечает национальным целям повышения уровня жизни и благополучия граждан страны.

Использование подушевых показателей выпуска и дохода затрудняет их использование в качестве полноценных индикаторов уровня жизни и по иным причинам. Они не содержат информацию о разнице в уровне жизни городского и сельского населения, коренного населения и мигрантов, региональных различиях в доходах населения, неравенстве в уровне оплаты труда мужчин и женщин. Так, согласно данным ОЭСР, в 2022 г. разница между медианной заработной платой мужчин и женщин, работающих полный рабочий день, существенно различалась: в Бельгии она составляла 1,1%, в Великобритании — 14,5%, в США — 17%, в Южной Корее — 31,2% (Дивик, 2024).

На российском рынке труда, по результатам исследователей НИУ ВШЭ, необъясненный гендерный разрыв в заработной плате наемных работников, который показывает, насколько рынок труда оценивает выше одинаковые характеристики у мужчин, чем у женщин, за период 1996–2021 гг. находился в диапазоне от 5,3 до 69,9% со средним значением 37,3% (Рошин, Емелина, 2022, с. 224). Причинами гендерного разрыва в оплате труда являются семейное положение женщины, ее родительский статус, диспропорции в распределении мужчин и женщин по видам экономической деятельности и профессионально-квалификационным группам. До сих пор на рынке труда сохраняется раз-

деление на традиционно «мужские» и «женские» виды деятельности, хотя расширение занятости в высокотехнологичных отраслях сопровождается нивелированием различий в оплате труда мужчин и женщин. Значительные гендерные различия в оплате труда по-прежнему сохраняются в тех секторах экономики, где используется низкоквалифицированный труд.

Подушевые показатели дохода и выпуска не отражают изменений, происходящих в демографической структуре населения. Так, если увеличивается доля лиц старшего возраста, завершивших свою трудовую деятельность, то возрастает демографическая нагрузка, приходящаяся на работающее население. В результате этого правительство нередко вынуждено повышать подоходные налоги занятому населению или увеличивать возраст выхода на пенсию. В свою очередь, социальная защищенность и уровень жизни лиц, покинувших рынок труда по возрасту, во многом определяется степенью развития пенсионной системы и размером пенсий.

Более адекватную оценку уровня жизни дает показатель личного располагаемого дохода (дохода за вычетом налогов с включением трансфертов с поправкой на инфляцию). Анализ реальных располагаемых доходов в странах ОЭСР за период с 2021 г. по первый квартал 2023 г. продемонстрировал более высокие темпы роста реальных располагаемых доходов на душу населения, чем подушевого ВВП, что свидетельствует о значительном финансовом стимулировании домашних хозяйств со стороны правительств многих стран (Козлов, 2023). В то же время этот показатель обладает всеми недостатками среднестатистического показателя, за улучшением которого может стоять значительная разница в уровне жизни отдельных групп населения.

Наиболее информативным показателем уровня жизни населения выступает индекс человеческого развития (ИЧР), данные о котором ежегодно публикуются в Докладах о человеческом развитии (Human Development Report) под эгидой программы развития ООН. ИЧР — сводный показатель, включающий данные по трем направлениям человеческого развития. Наряду с величиной ВНД на душу населения в долл. США по ППС, он включает здоровье и долголетие (ожидаемую продолжительность жизни при рождении, среднюю продолжительность жизни) и доступ к образованию (ожидаемую продолжительность обучения в школе, среднее количество лет обучения в школе). Как отмечается в Докладе за 2023/24 г., глобальный ИЧР, резко сократившись в 2020–2021 гг., демонстрирует повышательный тренд, но его значение находится на уровне ниже тренда 2019 г. В то же время в Докладе подчеркивается, что «какой бы ни была его будущая траектория, глобальный показатель ИЧР будет отражать — не полностью, если вообще будет отражать — многие другие важные элементы, такие как изнурительные последствия хронических заболеваний или всплеск

психических расстройств или насилия в отношении женщин; все это ограничивает возможности людей в достижении своих целей в жизни» (Human Development Report, 2024, p. 3–4).

Таким образом, подушевые показатели выпуска и дохода, личного располагаемого дохода, ИЧР не могут дать всесторонней оценки уровня благосостояния индивидов, поскольку являются, во-первых, средне-статистическими показателями, оценивающими главным образом материальное благополучие, во-вторых, не несут информации о качестве жизни человека (условиях труда, степени безопасности, структуре потребления, условиях проживания и т. п.), и, наконец, не содержат никаких сведений о том, как сами индивиды оценивают уровень и качество своей жизни.

Направление совершенствования оценки благосостояния

Задача определения пределов и возможностей ВВП как показателя экономического развития и социального прогресса была возложена на международную Комиссию под председательством Нобелевского лауреата Дж. Стиглица, созданную в феврале 2008 г. по инициативе Президента Франции. Комиссия пришла к выводу, что данного показателя недостаточно для измерения как общественного, так и индивидуального благосостояния (Стиглиц и др., 2015).

В 2011 г. в докладе Национального института статистики и экономических исследований Франции (НИСЭИ), подготовленном под эгидой ООН, был представлен подход к оценке благосостояния, включающий не только объективные, но и субъективные индикаторы.

Предложенные НИСЭИ «объективные показатели качества жизни» не были ограничены чисто материальными (или денежными) аспектами. На основе статистических данных (по доходам, условиям жизни, безопасности и др.), в них были учтены условия труда, степень социальной интеграции (вовлеченность в общественную жизнь), здравоохранение и образование, экономическая стабильность и физическая безопасность.

Для измерения «субъективного благосостояния» было предложено провести несколько опросов по восприятию людьми условий жизни в целом и ее отдельных аспектов, а также использованию времени домашними хозяйствами с целью определения качества проведенного времени по каждому виду деятельности, осуществленной в течение дня, а также получения монетарной оценки нерыночной деятельности домашнего хозяйства как дополнения к ВВП (Report of France..., 2011).

В глобальном масштабе источниками данных для выявления субъективных оценок уровня счастья, степени удовлетворенностью жизнью или субъективного благополучия служат социологические опросы, про-

водимые в рамках Всемирного опроса Гэллапа, Всемирного исследования ценностей, Европейского социального исследования, Европейского исследования ценностей, Евробарометра и др.

Однако используемые в массовых опросах и научных исследованиях понятия «счастье», «удовлетворенность жизнью», «субъективное благополучие» нуждаются в идентификации. В вопросах о счастье, которые адресуются респондентам, концептуализация счастья не предполагается, а требуется оценка собственных ощущений от жизни в целом. Так, Р. Веенховен считает наиболее операциональным определением счастья его идентификацию через субъективную удовлетворенность жизнью или оценку индивидом качества своей жизни (Veenhoven, 1991). Ссылаясь на Р. Веенховена, Д. Блэнчфлауэр и Э. Освальд определяют счастье как «степень, в которой человек оценивает общее качество своей жизни как благоприятное» (Blanchflower, Oswald, 2004, p. 1360).

Субъективная удовлетворенность жизнью, напротив, требует концептуального подхода. При определении понятия «удовлетворенность жизнью» необходимо придерживаться экономического смысла, который вкладывается в него современными исследователями. Наиболее строго его раскрыли нобелевские лауреаты Д. Канеман и А. Дитон (Kahneman, Deaton, 2010), предложившие учитывать различие между концепцией эмоционального благополучия (emotional well-being) и оценкой качества жизни (life evaluation), которые суммарно определяют субъективное благополучие (subjective well-being) в целом. Эмоциональное (или гедонистическое) благополучие относится к эмоциональной стороне повседневного опыта человека — частоте и интенсивности испытываемых чувств радости, восхищения, любви, тревоги, печали, гнева, которые делают его жизнь приятной или неприятной. Оценка качества жизни является когнитивной и относится к размышлениям человека о своей жизни. Именно эта оценка отражает удовлетворенность жизнью (life satisfaction) индивида или субъективную удовлетворенность жизнью (subjective life satisfaction).

Важнейшим обстоятельством, которое учитывается в теоретических и эмпирических исследованиях, является то, что понятия «субъективное благополучие», «удовлетворенность жизнью» и «счастье» употребляются как содержательно взаимозаменяемые, если отсутствует необходимость использовать их специфику, которая может иметь значимость для политических решений или иных целей (Frey, 2010; Антипина, 2012).

Валидность отождествления счастья и субъективного благополучия в эмпирических экономических исследованиях Д. Блэнчфлауэр и Э. Освальд обосновали тем, что регрессии, оценивающие счастье и субъективное благополучие, имеют одинаковую структуру во всем мире (Oswald, 1997; Blanchflower, Oswald, 2004).

Результаты исследований показывают, что несмотря на различия в постановках вопросов о счастье и субъективном благополучии страны,

которые набирают высокие баллы по одному показателю, как правило, набирают высокие баллы и по другому показателю (рис. 1). Это связано с тем, что границы между эмоциональными и когнитивными аспектами благополучия размыты. Поэтому в эмпирических исследованиях часто конструируются индексы, усредняющие ответы на различные типы вопросов.

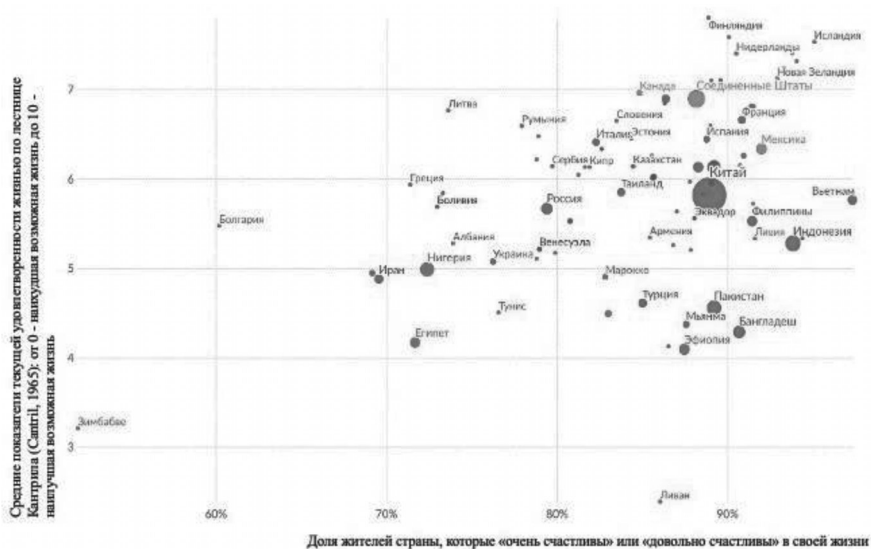

Рис. 1. Диаграмма рассеяния стран по показателям: счастье и удовлетворенность жизнью, 2022 г.

Источник: построено авторами по (Our World in Data (n.d.)).

Индекс удовлетворенности качеством жизни

Для оценки уровня счастья населения исследователи, как правило, придерживаются одного из двух возможных путей: 1) составление индекса с опорой исключительно на количественные показатели, например, ИЧР, HAIN — HAppiness INdex (Sanz et al., 2018); 2) составление комплексного индекса, учитывающего не только количественные, но и качественные (опросные) показатели, отражающие субъективное восприятие людьми уровня удовлетворенности своей жизнью. Мы полагаем, что одни количественные переменные не способны в полной мере охарактеризовать такое сложное понятие, как счастье, и считаем необходимым опираться также на мнение населения по данному вопросу. Мы поставили своей задачей разработку комплексного индекса, учитывающего набор как объективных, так и субъективных показателей.

Для отражения объективной стороны жизни населения мы выделили семь категорий, влияющих на счастье людей: материальное благополучие, здоровье, социальные связи, образование, безопасная среда, баланс работы и отдыха, экология.

Информацию о субъективном восприятии населением собственного счастья было решено взять из данных обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ⁸ (мониторинг содержит ответы на широкий круг вопросов, но на данном этапе исследования мы использовали следующий: J65 «Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены Вашей жизнью в целом в настоящее время?», 1 — полностью удовлетворены, 5 — совсем не удовлетворены).

Так как используемые переменные измеряются в различных единицах, для корректного составления индекса необходима предварительная обработка данных. На первом шаге, для приведения всех показателей к единой размерности (диапазон от 0 до 1) переменные нормализуются по формуле:

$$x_i^n = \frac{x_i - x_i^{\min}}{x_i^{\max} - x_i^{\min}},$$

где x_i^n — нормализованное значение переменной; x_i — исходное значение переменной; x_i^{\max} , x_i^{\min} — максимальное и минимальное значения переменной, соответственно. Для показателей, оказывающих отрицательное влияние на уровень счастья, применяется формула $1 - x_i^n$.

Следующим шагом рассчитывается среднее геометрическое значение нормализованных переменных. На наш взгляд, среднее геометрическое (в дальнейшем мы планируем также рассмотреть среднее геометрическое взвешенное) имеет ряд преимуществ перед средним арифметическим, существенных для целей исследования: менее чувствительно к колебаниям выборки, больше подходит для анализа данных в различных величинах (рубли, часы, года, доли), придает сравнительно больший вес показателям с низкими значениями. Таким образом, индекс удовлетворенности качеством жизни будет принимать значения в пределах от 0 до 1, где 1 соответствует наивысшему уровню счастья.

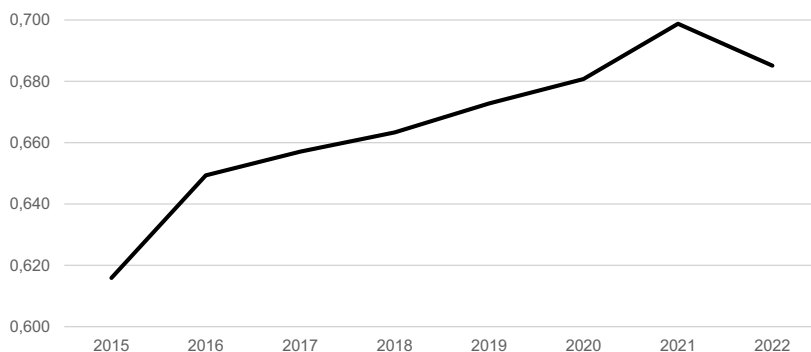
На данном этапе исследования мы решили рассмотреть индекс, который бы учитывал по одному показателю⁹ в каждой группе:

⁸ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>).

⁹ Пункты 1–3, 5–7 — Росстат (Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 14.08.2024); п. 4 — Информационно-аналитическая система «Индикаторы образования» (ИАС ИО). <https://issekdash.hse.ru/viewer/public?dashboardGuid=f1b4484eccc40699e1036e6033125cb>. (дата обращения: 14.08.2024).

1. Материальное благополучие — среднедушевые денежные доходы населения (пересчитанные в ценах 2012 г., минимальное значение — 6458 (величина прожиточного минимума), максимальное значение — 60 тыс. руб.) (Родионова, 2014).
2. Здоровье — ожидаемая продолжительность жизни при рождении (минимальное значение — 20, максимальное — 85).
3. Социальные связи — разводы на 1000 человек населения (минимальное значение — 1, максимальное значение — 10).
4. Образование — человек на 1000 человек населения, не имеющих основного общего образования (минимальное значение — 0, максимальное значение — 105),.
5. Безопасная среда — миграция (выбывшие в зарубежные страны), человек (минимальное значение — 10 000, максимальное значение — 1500 000).
6. Баланс работы и отдыха — доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочих часов (минимальное — 0, максимальное — 10).
7. Экология — объем сброса загрязненных сточных вод, млрд м³ (минимальное значение — 5, максимальное значение — 30).

Исходя из доступности данных, мы оценили индекс за период с 2015 по 2022 г. (рис. 2). Согласно нашим расчетам, уровень счастья в стране возрастал в период с 2015 по 2021 г. При этом его резкий скачок в 2021 г. можно связать с отменой ковидных ограничений, общим оживлением экономики и настроений населения в связи с завершением пандемии.

*Рис. 2. Индекс удовлетворенности качеством жизни
Источник: составлено авторами на основе собственных расчетов.*

Для анализа падения уровня счастья в 2022 г. (до 0,685 по сравнению с 0,699 в 2021 г.) мы рассмотрели значения всех вошедших в индекс переменных (рис. 3). Наибольшее снижение индекса обусловливается динамикой удовлетворенности в категориях «Социальные связи» и «Безопасная среда». Так как разработанный нами индекс учитывает только по одному

показателю в каждой категории, он связан с некоторыми ограничениями. Так, рост количества разводов, с одной стороны, отрицательно влияет на уровень социального взаимодействия человека (после развода индивид оказывается в большей социальной изоляции), но с другой, — может отражать и позитивные тенденции в обществе (в тяжелые времена люди «держатся» хоть за какую-нибудь семью, так как вместе больше шансов на выживание, но с улучшением обстановки могут позволить себе «избавиться» от уз брака и продолжить путь в свою счастливую жизнь с опорой исключительно на себя). Показатель миграции также отражает удовлетворенность средой с некоторыми ограничениями: сильный его рост в 2022 г. (и, соответственно, снижение нормализованного значения переменной) может быть связан с отменой ковидных ограничений и большей свободой для перемещения между странами (часть населения, которая имела намерения переезда, но не смогла его осуществить в 2021 г. сделала это в 2022 г.), а также с изменением геополитической ситуации. В связи с этим интересно рассчитать индекс для 2023 г. когда показатели по миграции будут более репрезентативными. Учитывая данные ограничения, для большего соответствия действительности, в дальнейшем мы планируем расширить набор переменных, отражающих удовлетворенность отдельными аспектами жизни населения (и, соответственно, снизить вклад каждой отдельной переменной).

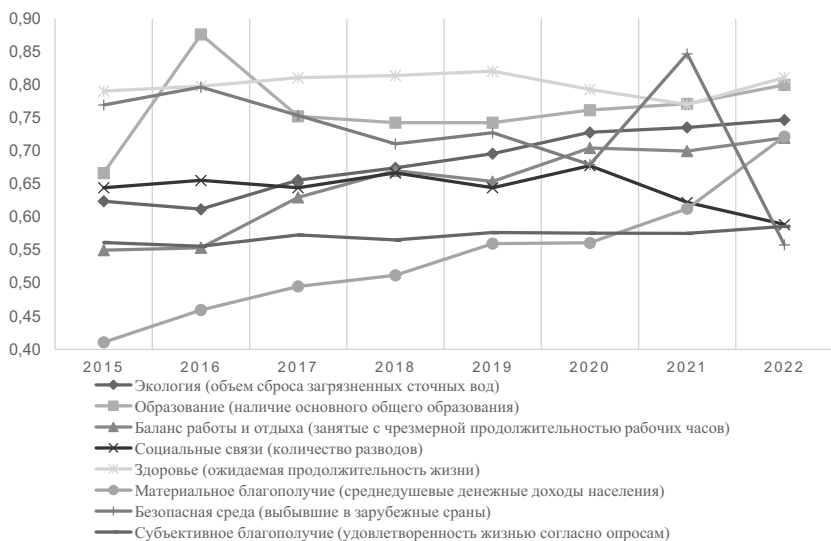

Рис. 3. Изменение удовлетворенности жизнью с течением времени (по отдельным категориям благополучия), нормализованные значения переменных
Источник: составлено авторами на основе собственных расчетов.

Заключение

В данной статье мы представили индекс удовлетворенности качеством жизни, разработанный нами для оценки уровня счастья населения России. Индекс показал рост благополучия населения в период с 2015 по 2021 г. и его снижение в 2022 г. При этом индекс имеет ряд ограничений, для преодоления которых в дальнейшем мы планируем расширить набор учитываемых переменных и рассмотреть возможность назначения весов как каждому показателю в отдельности, так и категории благосостояния в целом.

Список литературы

Антипина, О. Н. (2000). Загадка «новой экономики знаний» («парадокс Солоу»). *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 6, 3–17.

Антипина, О. Н. (2012). Экономическая теория счастья как направление научных исследований. *Вопросы экономики*, 2, 94–107. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-2-94-107>

Владимирова, Н. (2022, 11 августа). *Что такое гиг-экономика и как она работает*. ПСБ. <https://psblog.ru/chto-takoe-gig-ekonomika-i-kak-ona-rabotaet>

Дивик, Н. Х. (2024). Гендерный разрыв в оплате труда в странах ОЭСР в 2022 году. *Statista*. <https://www.statista.com/statistics/934039/gender-pay-gap-select-countries/>

Дробот, Е. В., & Макаров, И. Н. (2021). Оценка факторов и стрессоров теневой экономики: мировой опыт. *Теневая экономика*, 5 (1), 53–77.

Козлов, А. (2023, 14 августа). Реальные доходы в странах ОЭСР восстановились до уровней 2021 года. *Ведомости*. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/08/14/989885-realnie-dohodi-v-stranah-oesr-vosstanovilis>

Койл, Д. (2016). *ВВП. Краткая история, рассказанная с юмором*. Пер. с англ. Издательский Дом Высшей школы экономики.

Оверченко, М., & Невельский, А. (2019, 15 апреля). Сокращение среднего класса угрожает росту мировой экономики. *Ведомости*. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/04/14/799104-sokraschenie-srednego-klassa>

Пороховский, А. А. (2019). Цифровизация и производительность труда. *США и Канада. Экономика-политика-культура*, 8, 5–24. <https://doi.org/10.31857/S032120680005964-4>

Развитие измерений цифровой экономики. Международные тенденции и рекомендации. (2022). Аналитический доклад. М.

РБК. (2023, 26 декабря). *В ВШЭ оценили размер среднего класса в России в 2022 году*. Дата обращения 17.07.2024, <https://www.rbc.ru/economics/26/12/2023/6585371b9a7947be054dabd4>

Родионова, Л. А. (2014). Парадокс Истерлина в России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право*, 14 (2–2), 386–393.

Романец, И. Г., & Вербовский, Г. Д. (2021). Гиг-экономика как новая форма рыночных отношений. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*, 1, 186–191. <https://doi.org/10.47581/2021/FA-07/IE/51/01.029>

Рошин, С. Ю., & Емелина, Н. К. (2022). Мета-анализ гендерного разрыва в оплате труда в России. *Экономический журнал ВШЭ*, 26 (2), 213–235. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-2-213-239>

Стиглиц, Д., Сен, А., & Фитусси, Ж.-П. (2015). *Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса*. Изд-во Института Гайдара.

Трофимов, П. (2020). Теневая экономика в странах ЕС. *Международный аспект*, 1 (2), 8–28.

Туманянц, К., Арженовский, С., Арькова, О., Монастырев, М., & Пичулина, И. (2023). Неравенство и экономический рост в России: эконометрические оценки зависимостей. *Деньги и кредит*, 82 (2), 52–77.

Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>

Урбанизация как отрицательная тенденция в развитии общества. (2019, 15 октября). RSW. <https://rsw-systems.com/news/urbanization-linear-city?lang=ru#:~:text>

Blanchflower, D., & Oswald, A. (2004). Well-Being over Time in Britain and the USA. *Journal of Public Economics*, 88, 1359–1386. [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(02\)00168-8](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(02)00168-8)

Cantril, H. (1965). *The pattern of human concern*. Rutgers University Press.

Enste, D. (2018). *The shadow economy in industrial countries*. IZA World of Labor.

Frey, B. (2010). *Happiness: A Revolution in Economics*. MIT Press.

Gordon, R., & Sayed, H. (2019). *The Industry Anatomy of the Transatlantic Productivity Growth Slowdown*. NBER Working Paper No. 25703. 63 p.

Human Development Report 2023/2024. (2024). *Breaking the gridlock*. UNDP.

Kahneman, D., & Deaton, A. (2010). High Income Improves Evaluation of Life but not Emotional Well-Being. *PNAS*, 107 (38), 16489–16493. <https://doi.org/10.1073/pnas.1011492107>

Metreau, E., Young, K., & Eapen, S. (2024, July 01). *World Bank country classifications by income level for 2024–2025*. <https://blogs.worldbank.org/en/opendata/world-bank-country-classifications-by-income-level-for-2024-2025>

Oswald, A. J. (1997). Happiness and Economic Performance. *The Economic Journal*, 107 (445), 1815–1831. <https://www.jstor.org/stable/2957911>

Report of France on the Measurement of Economic Performance and Social Progress: Note by the Secretary-General. (2011). United Nations. Economic and Social Council. Statistical Commission. Forty-second Session. E/CN.3/2011/35. <https://digitallibrary.un.org/record/695991?ln=ru&v=pdf#files>

Sanz, M. T., Caselles, A., Micó, J. C., & Soler, D. (2018). A stochastic dynamical social model involving a human happiness index. *Journal of Computational and Applied Mathematics*, 340, 231–246. <https://doi.org/10.1016/j.cam.2018.02.036>

UN News. (2011, July 19). *Happiness should have Greater Role in Development Policy – UN Member States*. Retrieved July 17, 2024, from <https://news.un.org/en/story/2011/07/382052>

Veenhoven, R. (1991). Is happiness relative? *Social Indicators Research*, 24, 1–34. <https://doi.org/10.1007/BF00292648>

World Bank Group. (n.d.). *Gross Domestic Product 2023, PPP*. Retrieved July 17, 2024, from https://datacatalogfiles.worldbank.org/ddh-published/0038129/DR0046438/GDP_PPP.pdf?versionId=2024-07-01T12:42:31.4736462Z

World Bank Group. (n.d.). *GDP per capita, PPP (current international \$) – World*. Retrieved July 17, 2024, from <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?locations=IW>

World Economic Outlook. (2024, April). *Steady but Slow: Resilience amid Divergence*. IMF.

Our World in Data. (n.d.). *Income inequality: Gini coefficient, 2023*. Retrieved July 17, 2024, from <https://ourworldindata.org/grapher/gini-coefficient-world-bank-marimekko?country>

References

Antipina, O. N. (2012). Economics of Happiness as an Academic Research Discipline. *Voprosy Ekonomiki*, 2, 94–107. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-2-94-107>

Antipina, O. N. (2000). The Riddle of the “New Knowledge Economy” (the “Solow Paradox”). *Moscow University Economics Bulletin*, 6, 3–17.

Coyle, D. (2016). *GDP: A brief but Affectionate History*. Translated from English. Izdatel'skij Dom Vysshej shkoly jekonomiki.

Decree on the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and in the perspective up to 2036. Retrieved May 17, 2024, from <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>

Development of digital economy measuring. International trends and guidance. (2022). Analytical Report. Moscow.

Divik, N. H. (2024). Gender gap in labor income in OECD countries in 2022. *Statista*. <https://www.statista.com/statistics/934039/gender-pay-gap-select-countries/>

Drobot, E. V., & Makarov, I. N. (2021). Valuation of factors and stressors of the shadow economy: global experience. *Tenevaya ekonomika*, 5 (1), 53–77.

Kozlov, A. (2023, August 14). Real income in OECD countries has recovered to 2021 levels. *Vedomosti*. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/08/14/989885-realnie-dohodi-v-stranah-oesr-vosstanovilis>

Porohovsky, A. A. (2019). Digitalization and the productivity of labour. *USA & Canada. Economy-Politics-Culture*, 8, 5–24. <https://doi.org/10.31857/S032120680005964-4>

RBK. (2023, December 26). *The Higher School of Economics estimated the size of the middle class in Russia in 2022*. Retrieved July 17 2024, from <https://www.rbc.ru/economics/26/12/2023/6585371b9a7947be054dabd4>

Rodionova, L. A. (2014). Easterlin paradox in Russia. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 14 (2-2), 386–393.

Romanets, I. G. P., & Verbovsky, G. D. (2021). Gig-economy as a new form of market relations. *Innovacionnaja jekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovanija*, 1, 186–191. <https://doi.org/10.47581/2021/FA-07/IE/51/01.029>

Roshchin, S. Y., & Emelina, N. K. (2022). Meta-analysis of the gender gap in salaries in Russia. *Economic journal of High School of Economics*, 26 (2), 213–235. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-2-213-239>

Stiglitz, J. E., Sen, A., & Fitoussi, J.-P. (2015). *Mismeasuring our Lives: Why GDP doesn't Add Up: The Report*. Gaidar Institute.

Trofimov, P. (2020). Shadow economy in EU countries. *Mezhdunarodny Aspect*, 1 (2), 8–28.

Tumanyants, K., Arzhenovskiy, S., Arkova, O., Monastyryov, M., & Pichulina, I. (2023). Inequality and Economic Growth in Russia: Econometric Analysis. *Russian Journal of Money and Finance*, 82 (2), 52–77.

Vladimirova, N. (2022, August 11). *What is gig-economy and how it works*. PSB. <https://psblog.ru/chto-takoe-gig-ekonomika-i-kak-ona-rabotaet>

Urbanization as a negative trend in the society's development. (2019, October 15). RSW. <https://rsw-systems.com/news/urbanization-linear-city?lang=ru#:~:text>

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. Н. Бобылев¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

А. В. Барабошкина²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

А. А. Курдин³

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Е. Ю. Яковлева⁴

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

А. С. Бубнов⁵

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.3, 338.2, 332.02

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-3

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИИ И КЛЮЧЕВЫЕ ИНДИКАТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ⁶

Цели в области устойчивого развития (ЦУР) ООН представляют собой систему ориентиров, охватывающую социальные, экологические и экономические аспекты

¹ Бобылев Сергей Николаевич — д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики природопользования, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: snbobylev@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5269-9026.

² Барабошкина Анастасия Валерьевна — к.э.н., научный сотрудник, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: baraboshkina-a@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2948-5940.

³ Курдин Александр Александрович — к.э.н., ст. научный сотрудник, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: aakurdin@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6025-7551.

⁴ Яковлева Екатерина Юрьевна — к.э.н., ст. научный сотрудник, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: e.u.yakovleva@gmail.com, ORCID: 0000-0002-0624-0246.

⁵ Бубнов Александр Сергеевич — ст. научный сотрудник, Институт математических исследований сложных систем, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: ab@cs.msu.ru, ORCID: 0000-0001-6320-2804.

⁶ Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ в рамках Междисциплинарных научно-образовательных школ Московского университета, школа «Математические методы анализа сложных систем», проект № 24-Ш05-09 «Построение траекторий устойчивого развития России в условиях цифровизации экономики и общества».

© Бобылев Сергей Николаевич, 2025

© Барабошкина Анастасия Валерьевна, 2025

© Курдин Александр Александрович, 2025

© Яковлева Екатерина Юрьевна, 2025

© Бубнов Александр Сергеевич, 2025

развития в глобальном масштабе. Их эффективная реализация на уровне отдельных государств требует адаптации с учетом национальных стратегий и приоритетов развития. Исследований, затрагивающих вопросы приоритетности той или иной ЦУР для России с учетом текущих реалий, недостаточно. Данная статья посвящена оценке степени скоординированности обновленных весной 2024 г. Национальных целей развития (НЦР) России и Целей в области устойчивого развития ООН и разработке системы ключевых национальных индикаторов устойчивости. В качестве методов исследования были использованы сравнительный анализ, статистический анализ, метод классификации, основанный на ранжировании, экономико-правовой анализ. Результаты исследования показали, что хотя уровень взаимного соответствия НЦР и ЦУР растет, из 169 задач ЦУР с российскими НЦР соотносятся чуть больше половины. Такой итоговый процент обусловлен тем, что ряд задач ЦУР глобального характера либо не адаптированы к страновому уровню, либо не являются приоритетными для России. Детальный анализ свидетельствует о том, что в «ядре» взаимных пересечений ЦУР и НЦР экономический аспект развития скорее преобладает над экологическим и социальным. Среди конкретных «разрывов» между ЦУР и НЦР можно выделить недостаток внимания к проблеме энергетической эффективности и развития возобновляемой энергетики в России. Сформированный авторами статьи набор из 14 ключевых индикаторов устойчивости позволит в дальнейшем перейти к сценарному моделированию совместной реализации ЦУР и НЦР. Также предлагается дополнительный «сквозной» индикатор — энергоемкость валового внутреннего продукта, который отражает важные аспекты устойчивого развития и позволит внести вклад в достижение сразу нескольких НЦР.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, национальные цели развития России, устойчивое развитие, энергетическая эффективность, ключевые индикаторы устойчивости.

Цитировать статью: Бобылев, С. Н., Барабошкина, А. В., Курдин, А. А., Яковлева, Е. Ю., & Бубнов, А. С. (2025). Национальные цели развития России и ключевые индикаторы устойчивости. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 40–59. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-3>.

S. N. Bobylev

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

A. V. Baraboshkina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

A. A. Kurdin

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

E. Yu. Yakovleva

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

A. S. Bubnov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: Q01, F63, O2

THE NATIONAL DEVELOPMENT GOALS OF RUSSIA AND KEY SUSTAINABILITY INDICATORS⁷

The United Nations Sustainable Development Goals (SDGs) constitute a framework of guidelines including social, environmental, and economic aspects of development on a global scale. Their effective implementation at the national level requires adaptation in accordance with national development strategies and priorities. There is a lack of research addressing the prioritization of specific SDGs for Russia under the current circumstances. This article focuses on assessing the degree of alignment between Russia's National Development Goals (NDGs), revised in the spring of 2024, and the UN Sustainable Development Goals, as well as on developing a system of key national sustainability indicators. The research methods include comparative analysis, statistical analysis, a classification method based on ranking, economic and legal analysis. The results indicate that although the level of correspondence between the NDGs and SDGs is increasing, just over half of the 169 SDGs align with Russia's NDGs. This is due to the fact that some globally oriented SDG targets are either not adapted to the national level or not considered as Russian priorities. A detailed analysis shows that within the “core” of the overlapping SDGs and NDGs, the economic aspect of development tends to prevail over environmental and social aspects. Among the specific gaps between the SDGs and NDGs are the lack of attention to energy efficiency and the development of renewable energy in Russia. The proposed set of 14 key sustainability indicators will allow us to move on to the scenario modeling of the joint implementation of the SDGs and NDGs. Additionally, an extra “cross-cutting” indicator—energy intensity of gross domestic product — is proposed. This indicator reflects important aspects of sustainable development and can contribute to achieving several NDGs simultaneously.

Keywords: Sustainable Development Goals, National Development Goals of Russia, sustainable development, energy efficiency, key sustainability indicators.

⁷ The work was carried out with the support of the Moscow State University Development Program within the framework of Interdisciplinary Scientific and Educational Schools of Moscow University, school “Mathematical methods of analysis of complex systems”, project No. 24-III05-09 “Building sustainable development trajectories of Russia in the context of digitalization of the economy and the society”.

Введение

Цели устойчивого развития (ЦУР), зафиксированные в концептуальном документе ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», описывают комплекс вызовов социально-эколого-экономического характера, с которыми сталкивается мировое сообщество (United Nations, 2015). ЦУР задают вектор развития, направленный на достижение высокого уровня благополучия всего человечества и защиту окружающей среды. Для качественной реализации Целей на национальном и региональном уровнях требуются их адаптация, расстановка приоритетов, учет стратегий развития рассматриваемой страны (региона) и сбалансированный подход.

Ученые по всему миру предпринимали попытки разработки инструментов эффективной адаптации Целей устойчивого развития и способов их достижения (Allen et al., 2016; Sebestyén, Abonyi, 2021; Szetey et al., 2021; Wang et al., 2024).

В России первая работа, центральной темой которой стали комплексный анализ ЦУР, попытка их интеграции в российский контекст, оценка выгод и перспектив для страны, была подготовлена в 2016 г. экспертами Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации (Бобылев, Григорьев, 2016).

Разработкой подходов к построению национальных индикаторов устойчивого развития занимались С. Н. Бобылев, Б. Н. Порфирьев, О. В. Кудрявцева, С. В. Соловьева, К. С. Ситкина (Бобылев, Порфирьев, 2018; Бобылев и др., 2018).

В 2020 г. Аналитический центр вместе с рядом ФОИВ и информационных партнеров выпустил первый «Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», где были описаны достигнутые в России результаты, механизмы реализации ЦУР, а также их взаимосвязи и дальнейшие перспективы (Аналитический центр, 2020). В рамках экспертно-аналитического мероприятия «Анализ системы государственного управления по внедрению Повестки устойчивого развития» Счетная палата РФ в 2020 г. оценила степень соответствия содержания российских нормативных правовых актов, проектов и ЦУР (Счетная палата, 2020).

Однако еще не проводились научно-исследовательские работы по сопоставлению Целей устойчивого развития с Национальными целями развития (НЦР) Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Недостаточно исследований, затрагивающих вопросы

приоритетности той или иной ЦУР для России с учетом текущих реалий. Новизна настоящего исследования заключается в предложении системы ключевых индикаторов устойчивости, позволяющих оценивать уровень достижения как НЦР, так и актуальных для России ЦУР.

Целью настоящего исследования является разработка системы ключевых индикаторов устойчивости, опирающейся на национальные цели развития и приоритетные для России ЦУР.

Поставленная *цель* подразумевает решение ряда взаимосвязанных *задач*:

- соотнесение задач и целевых показателей, характеризующих достижение НЦР, с задачами ЦУР;
- оценка степени скоординированности НЦР и ЦУР;
- оценка приоритетности Целей устойчивого развития для России с учетом их взаимосвязанности с НЦР;
- сравнительный анализ содержания НЦР в предыдущих и новой редакциях с учетом охвата ЦУР;
- формирование системы ключевых индикаторов, позволяющей оценить прогресс в достижении НЦР и ЦУР, имеющих высокий и максимальный приоритет для России.

Для решения поставленных задач использовались следующие *методы*: сравнительный анализ; статистический анализ; метод классификации, основанный на ранжировании; экономико-правовой анализ.

Взаимосвязь Национальных целей развития Российской Федерации и Целей в области устойчивого развития

Проблемы взаимной увязки или хотя бы соответствия НЦР и ЦУР в России носят далеко не только технический характер и имеют несколько измерений.

В административном и внутривластном измерениях многообразие показателей и неполная их упорядоченность могут усугублять агентскую проблему, усиливая и асимметрию информации (из-за сложности мониторинга большего разнообразия показателей, определения их взаимосвязи и, соответственно, контроля оптимального распределения усилий агентов между показателями), и риски расхождения по стимулам принципалов и агентов (принципалам сложнее настроить стимулирующие контракты, а агентам сложнее к ним адаптироваться). Приоритизация НЦР, непосредственно заданных руководством государства, казалось бы, позволяет снять или по крайней мере ослабить эту проблему непосредственно в рамках госаппарата, однако реализация целей развития подразумевает вовлечение и корпоративного сектора, и некоммерческих организаций, которые не могут абстрагироваться от ЦУР по различным причинам. Корпорациям (включая и предприятия

с госучастием) нужно обеспечивать международную репутацию и проявлять социальную ответственность, в том числе для встраивания в глобальные производственно-сбытовые цепочки, пусть и в новом формате с ориентацией на развивающиеся страны. В определенной степени нарастающая волна ESG-отчетности крупного бизнеса связана с попытками реализовать ЦУР на корпоративном уровне, хотя и в достаточно аморфном виде. Некоммерческие организации глобально связаны выполнением своей миссии, а также решением более прикладных задач (например, для научно-образовательных организаций – репутационных задач для позиционирования в мировых рейтингах и привлечения абитуриентов).

В финансово-экономическом измерении в первом приближении встает вопрос о распределении ресурсов между все более широким набором целей и задач, так чтобы оптимизировать затраты, найдя наилучшие «рычаги» воздействия комплексного характера.

В международно-политическом измерении возникает вопрос баланса между «суверенными» целями государства и необходимостью соответствовать глобальным ожиданиям. Глобальная повестка устойчивого развития признается всеми или почти всеми государствами, независимо от их принадлежности к внешнеполитическим блокам, и несоответствие целей государственной политики и целей устойчивого развития будет восприниматься как «безбилетничество», некооперативное поведение в рамках производства глобальных общественных благ или преодоления негативных глобальных внешних эффектов (более подробно институциональная интерпретация глобальных проблем устойчивого развития рассмотрена, к примеру, в статье Л. М. Григорьева и А. А. Курдина (Григорьев, Курдин, 2013)). В конечном счете это может стать фактором осложнения международного сотрудничества.

Международная экономико-политическая повестка дня и поддающиеся оценке среднесрочные перспективы выявили факторы, обуславливающие тенденции к переосмыслению и, по всей видимости, уточнению системы критериев устойчивого развития на национальном уровне и связанных с ним индикаторов. Некоторые проявления этих процессов:

- Россия и Китай в начале февраля 2022 г. выпустили совместное заявление об особом понимании устойчивого развития (Official Internet Resources, 2022, February);
- Администрация Президента России в лице его специального представителя по связям с международными организациями для достижения целей устойчивого развития Бориса Титова заявила, что необходимо создать новую систему критериев устойчивого развития и продвигать ее вместе с дружественными странами (ТАСС, 2024);
- Россия не поддержала «Пакт во имя будущего» (Организация Объединенных Наций, 2024), который, в частности подводит проме-

жуточные итоги реализации ЦУР и формулирует задачи на перспективу.

Все эти факторы заставляют уделять пристальное внимание согласованию НЦР и ЦУР, безусловно не отказываясь от приоритизации национальных документов.

В настоящее время для достижения 17 Целей в области устойчивого развития ООН поставлено 169 задач. В актуальной редакции семь Национальных целей развития Российской Федерации подразделены на 82 задачи, часть из которых содержит конкретные показатели, характеризующие достижение соответствующей НЦР.

Проведенный анализ положений Указа «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (далее также – Указ № 309) (Указ, 2024) и их сопоставление с Целями в области устойчивого развития показал, что национальные цели хотя и в разной степени, но связаны со всеми 17 ЦУР. В разрезе задач из 169 задач ЦУР с российскими НЦР соотносятся 87, или 52%. В табл. 1 Цели ранжированы исходя из доли задач ЦУР, соотнесенных с задачами и целевыми показателями НЦР, в общем количестве ЦУР. Максимальный уровень соответствия у ЦУР 4 («Качественное образование»): 9 из 10 задач ЦУР 4 связаны с задачами и целевыми показателями НЦР, или 90%. За ней с небольшим отрывом следуют ЦУР 2 («Ликвидация голода») и ЦУР 9 («Индустриализация, инновации и инфраструктура») – 88%. Минимальный уровень соответствия у ЦУР 14 («Сохранение морских экосистем»): всего 1 из 10 задач ЦУР 14 соотносится с задачами НЦР (табл. 1).

Таблица 1

Число задач Целей в области устойчивого развития, соотносимых с НЦР, и ранжированный список ЦУР

ЦУР	Число задач ЦУР, соотносимых с НЦР	Общее количество задач ЦУР	Доля соотнесенных задач в общем количестве задач ЦУР, %
ЦУР 4	9	10	90
ЦУР 2	7	8	88
ЦУР 9	7	8	88
ЦУР 3	11	13	85
ЦУР 7	4	5	85
ЦУР 8	9	12	75
ЦУР 11	7	10	70
ЦУР 12	7	11	64

ЦУР	Число задач ЦУР, соотносимых с НЦР	Общее количество задач ЦУР	Доля соотносимых задач в общем количестве задач ЦУР, %
ЦУР 13	3	5	60
ЦУР 6	4	8	50
ЦУР 1	3	7	43
ЦУР 15	5	12	42
ЦУР 10	3	10	30
ЦУР 5	2	9	22
ЦУР 16	2	12	17
ЦУР 17	3	19	16
ЦУР 14	1	10	10
Всего	87	169	52

Источник: составлено авторами на основе данных (Указ, 2024; United Nations, 2024).

Такой относительно невысокий итоговый процент соответствия обусловлен тем, что ряд задач ЦУР глобального характера не адаптированы к страновому уровню, либо не соотносятся с национальными стратегическими приоритетами развития и поэтому не являются валидными для России. Отметим, что среди аспектов, затронутых в ЦУР, но пока полностью не вошедших в НЦР остаются сохранение морских экосистем, миграционная составляющая в демографической политике и равенство полов.

Закономерно, что глобальные и национальные интересы не могут быть тождественны. Отчасти адаптация глобальных векторов развития через призму национальных интересов осуществляется за счет разработки системы национальных показателей достижения ЦУР, которая существует и в России (они использованы в статье далее).

С другой стороны, важно отметить, что к актуальным для России задачам ЦУР мы отнесли те задачи, актуальность которых уже «перезрела». Их глобальное выполнение планировалось завершить к 2020 г., однако в России это не было в полной мере реализовано: например, задача 8.6 «К 2020 году существенно сократить долю молодежи, которая не работает, не учится и не приобретает профессиональных навыков» (United Nations, 2024). За период с 2017 по 2022 г. доля молодежи в возрасте 15–24 лет, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков, в РФ снизилась всего на 0,4 п.п.: с 10,5 до 10,1%. А в отдельных российских регионах этот показатель, наоборот, демонстрирует тренд на увеличение. Так, в Северо-Кавказском федеральном

округе за аналогичный период доля возросла на 5 п.п.: с 18,5 до 23,5% (Росстат, 2024). По-прежнему крайне важной для России остается задача 6.6 «К 2020 году обеспечить охрану и восстановление связанных с водой экосистем, в том числе гор, лесов, водно-болотных угодий, рек, водоносных слоев и озер» (United Nations, 2024) – в частности, такой вывод позволяют сделать установленные в рамках НЦР «Экологическое благополучие» задачи «снижение к 2036 г. в два раза объема неочищенных сточных вод, сбрасываемых в основные водные объекты, сохранение уникальной экологической системы озера Байкал» и «сохранение лесов и биологического разнообразия, устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий и создание условий для экологического туризма во всех национальных парках» (Указ, 2024).

Проведенный анализ задач НЦР и ЦУР позволили оценить степень их скоординированности и сформировать таблицу, отражающую взаимосвязь между ними. Наибольший вклад в достижение Целей устойчивого развития может внести реализация задач в рамках НЦР «Устойчивая и динамичная экономика» (охватывает 11 из 17 ЦУР). Если посмотреть с другого ракурса, то больше всего НЦР охватывают ЦУР 8 («Достойная работа и экономический рост») и ЦУР 9 («Индустриализация, инновации и инфраструктура») – 6 и 5 из 7 НЦР соответственно (табл. 2).

Таблица 2

**Взаимосвязь Целей в области устойчивого развития
и Национальных целей развития России**

НЦР / ЦУР	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	
«Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи»	v	v	v	v				v	v	v								7
«Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности»				v				v		v	v						v	5
«Комфортная и безопасная среда для жизни»			v	v		v	v	v	v		v	v						8

НЦР / ЦУР	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	
«Экологическое благополучие»			v			v		v			v	v	v	v	v			8
«Устойчивая и динамичная экономика»	v	v		v			v	v	v	v	v	v	v				v	11
«Технологическое лидерство»		v	v					v	v									4
«Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы»					v				v							v		3
	2	3	4	4	1	2	2	6	5	3	4	3	2	1	1	1	2	

Источник: составлено авторами на основе данных (Указ, 2024; United Nations, 2024).

Наличие «ядра» пересечения ЦУР и НЦР именно в части экономических показателей, в части проблем экономического роста и промышленности, позволяет предполагать наличие «перекоса» в структуре российских НЦР от социальных и экологических к экономическим показателям относительно глобальной повестки. Этого можно было ожидать для развивающихся экономик, которые в соответствии с иерархией потребностей (которая транслируется и в концепцию экологической кривой Кузнеца (Stern, 2017)) должны сначала обеспечить приемлемый уровень дохода, прежде чем реализовывать потребности в части социального благополучия и здоровой окружающей среды. Но и для России, которая уже вошла по классификации Всемирного банка 2024 г. в группу стран с высоким доходом (World Bank Group, 2024), такая ситуация актуальна, что свидетельствует о сохранении инерции развивающейся страны в ориентирах государственной политики.

Сравнительный анализ задач, характеризующих достижение НЦР, и задач ЦУР позволил оценить приоритетность ЦУР для России через призму внимания к ним государственных властей. Уровень приоритета определялся исходя из долей соотнесенных с НЦР задач ЦУР (табл. 3).

**Ранжирование Целей в области устойчивого развития
по уровню приоритета для России на горизонте до 2030 г.
(и на перспективу до 2036 г.)**

Максимальный приоритет	Высокий приоритет	Умеренный приоритет
ЦУР 4	ЦУР 12	ЦУР 5
ЦУР 2	ЦУР 13	ЦУР 16
ЦУР 9	ЦУР 6	ЦУР 17
ЦУР 3	ЦУР 1	ЦУР 14
ЦУР 7	ЦУР 15	
ЦУР 8	ЦУР 10	
ЦУР 11		

Источник: составлено авторами.

Тем не менее на пути к сближению с ЦУР можно отметить значительный прогресс, что особенно обнадеживающе выглядит в условиях проблематизации внешнеполитической и внешнеэкономической обстановки. Анализ содержания Указов Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (Указ, 2018), «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (Указ, 2020) и нового Указа «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (Указ, 2024) показал расширение приоритетных направлений и задач развития страны. Можно выделить следующие ключевые изменения, в том числе с учетом охвата ЦУР:

- перечень задач, выполнение которых характеризует достижение Национальных целей развития, был существенно расширен, детализирован, в том числе за счет увеличения количественных показателей в формулировках задач. Так, в текущей редакции число задач выросло в 3,4 раза по сравнению с их числом в предыдущем Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»;
- в первых двух Указах экологический аспект не был выделен в отдельную НЦР, весной 2024 г. ситуация изменилась: одной из НЦР стало «Экологическое благополучие». При этом НЦР «Комфортная и безопасная среда для жизни», которая ранее включала несколько экологических задач, в текущей редакции видоизменена и существенно расширена за счет социальных и инфраструктурных аспектов;
- НЦР «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» в текущей редакции заменена на две новые «экономические» цели «Устойчивая и динамичная экономика» и «Техноло-

гическое лидерство», включающие все аспекты экономики с акцентом на инновационность и импортозамещение.

Важно отметить, что НЦР России до 2024 г. соотносились всего с 8 из 17 ЦУР (Счетная палата, 2020, с. 18), а новые НЦР, как показал проведенный анализ, в той или иной степени соотносятся со всеми 17 ЦУР.

В то же время нельзя не обратить внимание и на сохраняющиеся «пробелы» в рамках сформированных НЦР применительно к устойчивости развития. В частности, озабоченность вызывает недостаточное внимание к такому приоритетному для России индикатору как энергетическая эффективность и ее показателям: в задачах НЦР о ресурсной и энергетической эффективности заявлено только в контексте ЖКХ и строительства. В условиях крайне значимого энергетического сектора, достаточно энергоемкой, со значительным экологическим воздействием экономики и отсутствия серьезного прогресса по этому направлению за последние примерно 15 лет (рис. 1) это усиливает риски замедления модернизации энергетической системы страны и ее зеленой низкоуглеродной трансформации, хотя, казалось бы, ранее Правительство России приняло Стратегию социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, что предполагает изменения в энергосистеме.

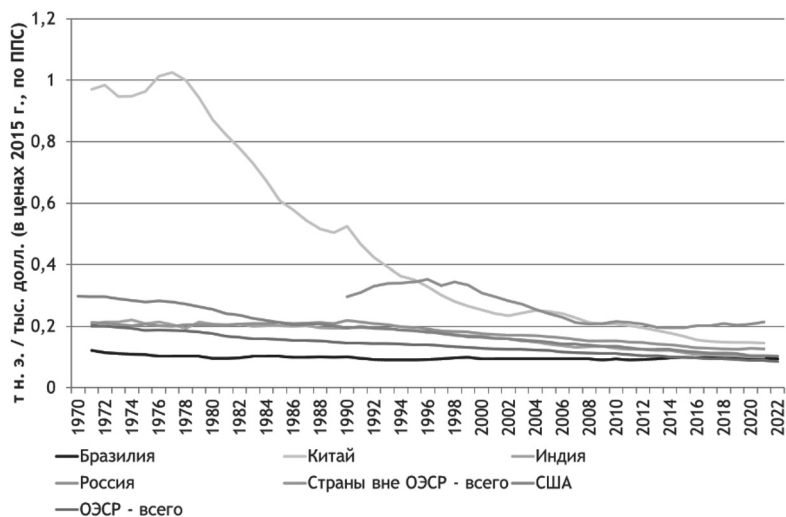

Рис. 1. Энергоемкость ВВП в России и странах сопоставления

Источник: составлено авторами на основе данных (International Energy Agency, 2023b).

Энергоемкость (показатель, обратный энергоэффективности) ВВП России выше в 2–3 раза, чем у развитых стран (International Energy Agency,

2023b). При этом исторически снижение энергоёмкости ВВП на 0,5–0,8% обеспечивает рост ВВП на душу населения на 1%, а вклад повышения энергоэффективности в снижение выбросов парниковых газов может достигать 44% (Башмаков, 2019, с. 52, 58). Это демонстрирует важность индикаторов энергоёмкости и энергоэффективности в контексте роста уровня благосостояния населения и перехода к низкоуглеродной модели экономики и, соответственно, необходимость их включения в состав задач НЦР.

В рамках НЦР не упоминаются возобновляемые источники энергии (ВИЭ). При этом для реализации ключевой цели новой Климатической доктрины России, которая заключается в достижении страной «углеродной нейтральности» не позднее 2060 г., одной из важных мер является «развитие использования возобновляемых и альтернативных источников энергии с низким уровнем выбросов парниковых газов» (Указ, 2023). В индексе мировой энергетической трилеммы 2023 г. Россия заняла 39-е место (из 99 стран). Наилучший результат Россия показала в сфере энергетической безопасности, получив оценку «А». В категории «энергетическое равенство» Россия получила оценку «В». Ниже всего результаты у страны в сфере экологической устойчивости (оценка «С»), измеряемой с помощью таких индикаторов, как энергоёмкость ВВП, низкоуглеродная генерация электроэнергии и выбросы CO₂ на душу населения (World Energy Council, 2024). Это связано с тем, что в российской структуре производства электроэнергии довольно большую долю занимают ископаемые виды топлива (62%), а на такие «новые» ВИЭ, как солнечная и ветровая энергия, приходится всего 0,7% (International Energy Agency, 2023a). Кроме того, как уже упоминалось выше, энергоёмкость ВВП России сравнительно высокая, довольно большие и выбросы CO₂ на душу населения — 11,4 т при среднемировой величине в 4,7 т (Our World in Data, 2024).

Выбросы в атмосферу в рамках НЦР тоже представлены очень фрагментарно: речь идет только о выбросах опасных загрязняющих веществ в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения воздуха.

Это лишь несколько примеров конкретных актуальных для России «разрывов» между ЦУР и НЦР, над которыми еще предстоит работать.

Ключевые индикаторы устойчивости

С разработкой системы приоритетов тесно связано формирование системы «ключевых», или «базовых», индикаторов (показателей), обладающей рядом критериев, наиболее важными из которых представляются следующие:

- достаточно полно и емко характеризует прогресс в достижении поставленных задач;
- подсвечивает наиболее актуальные аспекты поставленных задач;

- опирается на имеющуюся систему национальных статистических показателей, размещенных в открытом доступе;
- ключевой индикатор может быть сквозным, сочетая социальные, экологические и экономические аспекты поставленных задач;
- упрощает интерпретацию текущей ситуации в релевантных областях для лиц, принимающих решения;
- прост и понятен для всех заинтересованных сторон.

Многие страны и международные организации сформировали собственные системы индикаторов, отражающие ключевые для них вопросы. Так, ОЭСР предлагает набор из 8 ключевых социальных индикаторов (OECD, 2009). Великобритания разработала систему индикаторов устойчивого развития, состоящую из 12 ключевых и 23 дополнительных индикаторов, которые включают 25 и 41 метрик соответственно (Lofts, Masgro, 2015). Система индикаторов устойчивого развития Китая включает 24 индикатора для городов, разделенных на пять категорий устойчивого развития: экономическое развитие, общественное благосостояние, природные ресурсы, потребление и выбросы, экологический менеджмент (Columbia Climate School, 2023).

Выделяют три подхода к построению системы ключевых (базовых) индикаторов. В рамках *первого подхода* система включает три раздела «тема—подтема—индикатор»; возможно ее построение и на основе структуры «воздействие—состояние—реакция». В основе *второго подхода* лежит структура «проблема—индикатор». *Третий подход* является наиболее агрегированным, так как формируется по видам капитала (физический, природный, человеческий) с последующим выделением ключевых индикаторов (Бобылев и др., 2001).

Цели нашего исследования в большей степени соответствует *второй подход* «проблема—индикатор», позволяющий дать количественную характеристику основным вопросам, которых касаются НЦР, с учетом максимально и высоко приоритетных для России ЦУР.

Ключевые индикаторы, характеризующие прогресс в достижении НЦР, были отобраны авторами из национального перечня показателей ЦУР. Несмотря на то что взаимосвязка задач и показателей НЦР с национальным набором показателей ЦУР формально не закреплена, можно говорить об их сопоставимости. В большинстве случаев, если задача ЦУР соответствует задаче НЦР, то показатель из перечня индикаторов ЦУР может быть использован для примерной оценки степени достижения задачи НЦР. В табл. 4 представлены ключевые (базовые) индикаторы, на наш взгляд, соответствующие каждой из НЦР России, их динамика и ее оценка. Из 14 отобранных показателей восемь демонстрируют рост, шесть — снижение (табл. 4).

Ключевые (базовые) индикаторы устойчивого развития России, соотнесенные с НЦР, значения индикаторов в динамике и оценка динамики

НЦР	Ключевой индикатор	Значение индикатора (2018 г.)	Значение индикатора (2022 г.)	Оценка динамики
«Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи»	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	72,9	73,4*	↑
	Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни, %	12,0**	9,1*	↓
«Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально-ответственной личности»	Валовой коэффициент охвата образовательными программами высшего образования — программами бакалавриата, специалитета, магистратуры, в процентах от численности населения в возрасте 17–25 лет, %	32,7	31,3	↓
	Общая численность граждан, вовлеченных центрами (сообществами, объединениями) поддержки добровольчества (волонтерства) на базе образовательных организаций, некоммерческих организаций, государственных и муниципальных учреждений, в добровольческую (волонтерскую) деятельность, млн чел.	4,19	15,20*	↑
«Комфортная и безопасная среда для жизни»	Доля городов с благоприятной средой от общего количества городов (индекс качества городской среды — выше 50%), %	23,5	68,0*	↑
	Количество граждан, расселенных из непригодного для проживания жилищного фонда, тыс. чел.	72,35	471,79	↑

Окончание табл. 4

НЦР	Ключевой индикатор	Значение индикатора (2018 г.)	Значение индикатора (2022 г.)	Оценка динамики
	Доля утилизированных и обезвреженных отходов производства и потребления в общем объеме образовавшихся отходов производства и потребления, %	52,6	45,7	↓
«Экологическое благополучие»	Численность населения, проживающего в неблагоприятных экологических условиях (в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха), млн чел.	13,4	49	↑
	Валовой региональный продукт на душу населения, тыс. руб.	614,33	958,81	↑
«Устойчивая и динамичная экономика»	Занятость в обрабатывающей промышленности в процентах от общей занятости, %	14,10	13,96*	↓
	Расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в процентном отношении к ВВП, %	1,0	0,94	↓
«Технологическое лидерство»	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	6,5	5,1	↓
	Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети «Интернет», %	73,2	87,3*	↑
«Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы»	Затраты на внедрение и использование цифровых технологий, млрд руб.	2316,8**	3785,5	↑

Примечание: * — данные доступны за 2023 г.; ** — данные доступны с 2019 г.

Источник: составлено авторами на основе данных (Росстат, 2024).

Также мы предлагаем дополнительный «сквозной» индикатор, охватывающий сразу несколько НЦР — энергоёмкость валового внутреннего продукта, который отражает важные социально-эколого-экономические аспекты устойчивого развития. Повышение энергоэффективности может внести вклад в достижение таких НЦР, как «Технологическое лидерство», «Устойчивая и динамичная экономика» и «Экологическое благополучие».

Определение системы ключевых индикаторов дает основания для перехода к моделированию и сценарному анализу возможной динамики совместного выполнения ЦУР и НЦР в России в средне- и долгосрочной перспективе с учетом выявленных приоритетов на дальнейших этапах исследования.

Выводы

Вне зависимости от конфигурации внешнеполитических отношений России как государству неизбежно приходится и придется «сверять часы» с повесткой глобальных проблем, в частности с Целями устойчивого развития. ЦУР можно критиковать и дополнять по разным направлениям (более подробно этот вопрос был рассмотрен, к примеру, в (Vobylev, Grigoryev, 2020)), но не рассматривать их в русле национальных приоритетов нельзя из-за ориентации на них множества государств, фирм и других организаций. Новые российские НЦР скорее демонстрируют прогресс в части соотношения с ЦУР, однако более детальный анализ взаимных пересечений свидетельствует о том, что они акцентированы в большей степени на экономическом аспекте развития. Это заставляет говорить, что российская госполитика все еще находится в логике развивающихся стран, несмотря на относительно высокие достигнутые уровни дохода. Сложно, да и не нужно рассчитывать на опережающие корректировки национальных ориентиров, но некоторые разрывы между ЦУР и НЦР обращают на себя внимание, в частности недостаток внимания к энергоэффективности в НЦР. Более детальный дальнейший анализ предполагает разработку сценариев совместной реализации ЦУР и НЦР, которая могла бы основываться на системе предлагаемых нами (и подлежащих, безусловно, дальнейшему развитию и уточнению) ключевых индикаторов.

Список литературы

Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. (2020). *Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года*. https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf

Башмаков, И. А. (2019). Повышение энергоэффективности и экономический рост. *Вопросы экономики*, 10, 32–63. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-10-32-63>

Бобылев, С. Н., & Григорьев, Л. М. (ред.) (2016). *Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития. ООН и Россия*. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. <https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf>

Бобылев, С. Н., & др. (2001). *Индикаторы устойчивого развития России (эколого-экономические аспекты)*. М.: ЦПРП.

Бобылев, С. Н., Кудрявцева, О. В., Соловьева, С. В., & Ситкина, К. С. (2018). Индикаторы экологически устойчивого развития: региональное измерение. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, 2, 21–33. <https://doi.org/10.38050/01300105201822>

Бобылев, С. Н., & Порфирьев, Б. Н. (2018). Города и мегаполисы: проблема дефиниций и индикаторы устойчивого развития. *Проблемы прогнозирования*, 2, 14–23. <https://ecfor.ru/publication/indikatory-razvitiya-gorodov/>

Григорьев, Л. М., & Курдин, А. А. (2013). Механизмы глобального регулирования: экономический анализ. *Вопросы экономики*, 7, 4–28. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-7-4-28>

Организация Объединенных Наций. (2024). *Пакт во имя будущего*. Дата обращения 10.10.2024, <https://www.un.org/ru/summit-of-the-future>

Росстат. (2024). *Национальный набор показателей ЦУР*. Дата обращения: 15.06.2024, <https://rosstat.gov.ru/sdg/national>

Счетная палата Российской Федерации. (2020). Цели устойчивого развития. *Бюллетень Счетной палаты РФ*, 6 (271). <https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-6-271-2020-g>

ТАСС. (2024, июнь). *Титов: РФ намерена создать новую систему критериев устойчивого развития*. Дата обращения 10.10.2024, <https://tass.ru/ekonomika/21123455>

Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». (2018, 7 мая) от 07.05.2018 (№ 204). <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>

Указ Президента РФ «О национальных целях развития России до 2030 года». (2020, 21 июля) от 21.07.2020 (№ 474). <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>

Указ Президента РФ «Климатическая доктрина Российской Федерации». (2023, 26 октября) от 26.10.2023 (№ 812). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910>

Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». (2024, 7 мая) от 07.05.2024 (№ 309). <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>

Allen, C., Metternicht, G., & Wiedmann, T. (2016). National pathways to the Sustainable Development Goals (SDGs): A comparative review of scenario modelling tools. *Environmental Science & Policy*, 66, 199–207. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2016.09.008>

Bobylev, S., & Grigoryev, L. (2020) In search of the contours of the post-COVID Sustainable Development Goals: The case of BRICS. *BRICS Journal of Economics*, 1 (2), 4–24. <https://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-7>

Columbia Climate School – The Earth Institute, China Center for International Economic Exchanges. (2023). *China Sustainable Development Indicator System: 2023 Report*. New York, Beijing. <https://spm.ei.columbia.edu/sites/default/files/content/EI-CCIEE%20-%20CSDIS%202023%20Report%20%28ENG%29.pdf>

International Energy Agency. (2023a). *Electricity generation by source, Russian Federation, 1990-2022*. Retrieved October 13, 2024, from <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-tools/energy-statistics-data-browser?country=RUSSIA&fuel=Energy%20supply&indicator=ElecGenByFuel>

International Energy Agency. (2023b). *World Energy Statistics and Balances. World Indicators (Edition 2023)*. Retrieved November 7, 2023, from <https://www.iea.org/reports/sdg7-data-and-projections/energy-intensity>

Lofts, H., & Macrory, I. (2015). *Sustainable Development Indicators*. Office for National Statistics. <https://backup.ons.gov.uk/wp-content/uploads/sites/3/2015/07/Sustainable-Development-Indicators-July-2015.pdf>

OECD. (2009). *Society at a Glance 2009: OECD Social Indicators*. OECD Publishing.

Official Internet Resources of the President of Russia. (2022, February). *Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the International Relations Entering a New Era and the Global Sustainable Development*. Retrieved October 10, 2024, from <http://www.en.kremlin.ru/supplement/5770>

Our World in Data. (2024). *Per capita CO₂ emissions*. Retrieved October 13, 2024, from https://ourworldindata.org/grapher/co-emissions-per-capita?tab=chart&country=OWID_WRL~RUS~JPN~MEX~BGD

Sebestyén, V., Abonyi, J. (2021). Data-driven comparative analysis of national adaptation pathways for Sustainable Development Goals. *Journal of Cleaner Production*, 319, 128657. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.128657>

Stern, D. (2017). The environmental Kuznets curve after 25 years. *Journal of Bioeconomics*, 19, 7–28. <https://doi.org/10.1007/s10818-017-9243-1>

Szetey, K., Moallemi, E. A., Ashton, E., & et al. (2021). Co-creating local socioeconomic pathways for achieving the sustainable development goals. *Sustainability Science*, 16, 1251–1268. <https://doi.org/10.1007/s11625-021-00921-2>

United Nations. (2015). *Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development*. New York. <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/21252030%20Agenda%20for%20Sustainable%20Development%20web.pdf>

United Nations. (2024). *SDG Indicators. Global indicator framework for the Sustainable Development Goals and targets of the 2030 Agenda for Sustainable Development*. Retrieved June 15, 2024, from <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/indicators-list/>

Wang, R., Cui, S., & Gao, M. (2024). Systematic scenario modeling for priority assessment of sustainable development goals in China under interaction and uncertainty. *Environ Dev Sustain*. <https://doi.org/10.1007/s10668-024-04526-4>

World Energy Council. (2024). *Country Profile. Russia*. Retrieved October 13, 2024, from <https://trilemma.worldenergy.org/#!/country-profile?country=Russia&year=2023>

World Bank Group. (2024). *Russia was classified as a high-income country*. Retrieved October 13, 2024, from <https://www.worldbank.org/en/about/leadership/directors/eds23/brief/russia-was-classified-as-high-income-country>

References

Accounts Chamber of the Russian Federation. (2020). Celi ustojchivogo razvitiya [Sustainable Development Goals]. *Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation*, 6 (271). <https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-6-271-2020-g>

Analytical Center for the Government of the Russian Federation. (2020). *Voluntary National Review of the progress made in the implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development*. https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf

Bashmakov, I. A. (2019). Energy efficiency and economic growth. *Voprosy Ekonomiki*, 10, 32–63. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-10-32-63>

Bobylev, S. N., & et al. (2001). *Indikatory ustojchivogo razvitiya Rossii (ekologo-ekonomicheskie aspekty [Sustainable development indicators of Russia (ecological and economic aspects)])*. M.: CPRP.

Bobylev, S. N., & Grigoryev, L. M. (ed.) (2016). *Doklad o chelovecheskom razvitiit v Rossijskoj Federacii. Celi ustojchivogo razvitiya. OON i Rossiya [Human Development Report in the Russian Federation. Sustainable Development Goals. UN and Russia]*. M.: Analytical Center for the Government of the Russian Federation. <https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf>

Bobylev, S. N., Kudryavtseva, O. V., Solovyeva, S. V., & Sitkina, K. S. (2018). Sustainable development indicators: regional dimension. *Moscow University Economics Bulletin*, 2, 21–33. <https://doi.org/10.38050/01300105201822>

Bobylev, S. N., & Porfirjev, B. N. (2018). Cities and megalopolises: the problem of definitions and sustainable development indicators. *Problems of Forecasting*, 2, 14–23. <https://ecfor.ru/publication/indikatory-razvitiya-gorodov/>

Decree of the President of the Russian Federation “On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030”. (July 21, 2020) of 21.07.2020 (No. 474). <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>

Decree of the President of the Russian Federation “Climate doctrine of the Russian Federation”. (October 26, 2023) of 26.10.2023 (No. 812). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910>

Decree of the President of the Russian Federation “On the national development goals of the Russian Federation until 2030 and in the long term up to 2036”. (May 7, 2024) of 07.05.2024 (No. 309). <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>

Grigoryev, L. M., & Kurdin, A. A. (2013). Mechanisms of global governance: economic analysis. *Voprosy Ekonomiki*, 7, 4–28. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-7-4-28>

Rosstat. (2024). *National set of SDG indicators*. Retrieved June 15, 2024, from <https://rosstat.gov.ru/sdg/national>

TASS. (2024, June). *Titov: RF namerena sozdat' novuyu sistemu kriteriev ustojchivogo razvitiya [Titov: The Russian Federation intends to create a new system for such development]*. Retrieved October 10, 2024, from <https://tass.ru/ekonomika/21123455>

United Nations. (2024). *Pact for the Future*. Retrieved October 10, 2024, from <https://www.un.org/ru/summit-of-the-future> ecree of the President of the Russian Federation “On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024”. (May 7, 2018) of 07.05.2018 (No. 204). <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Л. Тамбовцев¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Л. А. Валитова²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.81, 330.82

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-4

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ КАК ОБЪЕКТ НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА³

Целью статьи является анализ возможностей применения количественного нарративного анализа для оценки субъективного благосостояния граждан и использования результатов такого применения в процессах разработки и реализации социальной политики. Для достижения этой цели анализируется содержание понятия субъективного благосостояния и используемые социологические методы его измерения, а также надежность отражения в ответах респондентов их убеждений и эмоциональных состояний. Рассматриваются преимущества и ограничения традиционных социологических опросов в сравнении с методами, основанными на анализе данных, создаваемых пользователями в социальных сетях.

В статье подробно описываются этапы количественного анализа нарративов, включая сбор текстовых данных из отечественных социальных сетей, их тематическую обработку и статистическую интерпретацию. Особое внимание уделено корреляции индикаторов, полученных из нарративов, с результатами традиционных опросов. Эти индикаторы охватывают такие аспекты, как уровень удовлетворенности жизнью, социальная активность и эмоциональная стабильность.

Полученные результаты показывают, что данные, извлеченные из нарративов, демонстрируют высокую валидность и сопоставимы с результатами классических социологических методов. Выявлено, что использование количественного нарративного анализа позволяет существенно сократить затраты на исследование, сохраняя точность и информативность. Это делает метод перспективным для регулярного мониторинга субъективного благосостояния.

¹ Тамбовцев Виталий Леонидович — д.э.н., профессор, гл. научный сотрудник лаборатории институционального анализа, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: vitalyambovtsev@gmail.com, ORCID: 0000-0002-0667-3391.

² Валитова Лилия Аскарровна — к.э.н., ст. научный сотрудник лаборатории институционального анализа, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: lvalit@gmail.com, ORCID: 0000-0002-0486-9155.

³ Исследование проведено при финансовой поддержке Экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, НИР «Исследование возможностей нарративного анализа оценок субъективного благосостояния и направлений совершенствования социальной политики».

© Тамбовцев Виталий Леонидович, 2025

© Валитова Лилия Аскарровна, 2025

Сделан общий вывод о целесообразности дальнейшего развития количественного нарративного анализа как инструмента для изучения общественного настроения и принятия обоснованных решений в социальной политике. Представленные результаты расширяют возможности применения больших данных в социологических исследованиях и способствуют более глубокому пониманию факторов, влияющих на благосостояние.

Ключевые слова: субъективное благосостояние, методы измерения, надежность измерения, социологические опросы, количественный нарративный анализ.

Цитировать статью: Тамбовцев, В. Л., & Валитова, Л. А. (2025). Субъективное благосостояние как объект нарративного анализа. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 60–81. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-4>.

V. L. Tambovtsev

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

L. A. Valitova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: C83, D63, I31

SUBJECTIVE WELL-BEING AS A UNIT FOR NARRATIVE ANALYSIS

The article examines the potential of quantitative narrative analysis for assessing subjective well-being and its application in developing and implementing social policies. To achieve this goal, the study explores the concept of subjective well-being, the sociological methods used to measure it, and the reliability of respondents' answers in reflecting their beliefs and emotional states. The advantages and limitations of traditional sociological surveys are compared with methods based on user-generated content from social networks.

The study outlines the key stages of quantitative narrative analysis, including the collection of textual data from domestic social networks, thematic processing, and statistical interpretation. Particular emphasis is placed on the correlation between indicators derived from narratives and the results of traditional surveys. These indicators address dimensions such as life satisfaction, social activity, and emotional stability.

The findings reveal that narrative-based data demonstrates high validity and comparability with classical sociological methods. Moreover, quantitative narrative analysis significantly reduces research costs while maintaining accuracy and informativeness, making it a promising tool for regular monitoring of subjective well-being.

The article concludes that the further development of quantitative narrative analysis is justified as an effective instrument for studying public sentiment and informing evidence-based social policies. These findings enhance the application of big data in sociological research and provide deeper insights into the factors influencing well-being.

Keywords: subjective well-being, measurement methods, measurement reliability, sociological surveys, quantitative narrative analysis.

Введение: характеристики понятия субъективного благосостояния

Ориентация социальной политики на повышение благосостояния граждан является типичной для большинства государств. Ее реализация предполагает наличие измерительных инструментов, которые позволяют регулярно оценивать благосостояние для выявления его достигнутого уровня и уточнения тех задач, которые ставятся перед органами государственного и муниципального управления проводимой социальной политикой. Традиционно такими инструментами долгое время считались и считаются статистические показатели, характеризующие уровень и качество жизни через доходы граждан по различным социально-демографическим группам, их обеспеченность теми или иными благами, доступность публичных услуг и т.п. Данные таких статистических показателей использовались для оценки компонентов благосостояния либо непосредственно, либо в форме различных интегральных (агрегированных) показателей (Айвазян, 2001; Бобков и др., 2017; Slotjje, 1991; Stimson, Marans, 2011; и многие другие работы).

Интегральные показатели, дающие возможность в одном сводном числовом значении соединить данные, характеризующие самые разные составляющие благосостояния групп населения и населения страны в целом или ее части (региона, муниципального образования, населенного пункта), являются, безусловно, очень полезными для решения многих теоретических и практических задач. Однако у интегральных показателей есть и свои слабые места: это зависимость совокупного значения от весов интегрируемых показателей, создающая возможности для манипулирования этим значением, что затрудняет действенное управление процессами, влияющими на уровень и качество жизни, т.е. препятствует проведению социальной политики государства. Кроме того, объектом дискуссии постоянно оказываются вопросы состава интегрируемых показателей, включая полноту отражения ими содержания понятия благосостояния граждан и их групп.

Отмеченные особенности интегральных показателей давно известны в статистике, поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1980-е гг. в науке возникло два альтернативных подхода к пониманию и оценке благосостояния. Во-первых, это концепция А. Сена, связавшая последнее не с доходами и имуществом, а с человеческими способностями и возможностями (Sen, 1984; 1989), современное состояние которой охарактеризовано в (Robeyns, 2017), а трудности в реализации описаны в (Van der Deijl, 2020). Во-вторых, это возрождение интереса к субъективным оцен-

кам благополучия (или счастья, happiness), проявившееся в публикации статьи (Diener, 1984)⁴.

В ней субъективное благосостояние (далее — СБ) трактовалось как достаточно сложная совокупность оценок, которые индивид дает собственной жизни, включающая оценки: а) часто встречающихся приятных ощущений, б) редких неприятных ощущений и в) общую оценку удовлетворенности жизнью. Такое понимание СБ характеризовало его как *гедоническое*, т.е. как преобладание позитивных ощущений над негативными безотносительно к тому, что именно вызвало первые. Альтернативой гедоническому СБ является эвдемоническое (eudaimonic) СБ, в основе которого лежит стремление индивида осуществлять психологический рост и реализовать потенциал такого роста (Ryff, 1989; Ryan, Deci, 2001). При его оценивании в расчет принимается соотношение ощущений и эмоций целям и идентичности индивида: их совпадение рождает позитивные ощущения, а несовпадение — негативные (McGregor, Little, 1998; Waterman, 1993)⁵.

В статье Э. Динера (1984) СБ было представлено как совокупность двух компонентов — аффективного (эмоционального) и когнитивного (рационально обдуманного). Первый отражает текущее переживание приятных и неприятных ощущений, второй — оценивание прошедшую на определенный момент времени жизнь с точки зрения соответствия идеальному положению, что выражается в степени удовлетворенности жизнью (Diener et al., 1985). Соотношение между аффективным и когнитивным СБ не является строгим (Lucas et al., 1996), что вполне понятно, поскольку в удавшейся в целом жизни вполне могли иметь место неприятные события, вызывавшие негативные эмоции (Seidlitz et al., 1997).

Накопившийся опыт измерения СБ (Diener et al., 1999) позволил авторам (Dodge et al., 2012) предложить уточнение определения этого понятия. Отметив, что долгое время исследователи уделяли основное внимание эмпирическим исследованиям СБ, они обосновали целесообразность трактовать это понятие как *состояние равновесия* или баланса ощущений или эмоций между положительными событиями жизни и ее проблемами и вызовами. Это определение, как представляется, позволяет включить в состав понятия СБ все те его стороны и характеристики, которые были отмечены в проведенных ранее теоретических и эмпирических работах.

В следующем разделе мы вкратце охарактеризуем применявшиеся методы измерения СБ и проблематику их применения в рамках разработки и оценки успешности реализации социальной политики, далее обсудим

⁴ Этот интерес проявился первоначально в статье (Wilson, 1967).

⁵ Попытка соединения гедонического и эвдемонического подходов в понятии *процветания* (*flourishing*) была предпринята в (Keyes, 2002), а также развита в (Diener et al., 2010; Su et al., 2014).

проблемы надежности результатов оценки СБ и потенциал использования методов нарративного анализа текстов, формируемых в социальных сетях, и приведем результаты эмпирического анализа подобных текстов в отечественных социальных сетях, а также их сопоставление с результатами оценки СБ традиционными социологическими методами. В заключительной части статьи сформулированы выводы, логически следующие из проведенного анализа.

Методы оценки субъективного благосостояния и возможности их применения в социальной политике

После того, как количественные оценки СБ охватили достаточно большое число стран (Veenhoven, 2002), эти массивы данных стали также объектами внимания и для экономистов, начавших изучать их связи с различными сторонами и свойствами экономических процессов (Clark, Oswald, 1994; Oswald, 1997; Di Tella et al., 2003; Frey, Stutzer, 2000; 2002; Антипина, 2017; Скачкова, Щетинина, 2019). Действительно, переход от статистических интегральных показателей благосостояния к непосредственным оценкам гражданами их удовлетворенностью жизнью обещал, на первый взгляд, решительное преодоление тех методологических проблем, с которыми сталкивалось использование интегральных индикаторов, построенных на основе ряда объективных показателей.

Однако довольно скоро экономисты выяснили, что появление новых измеримых величин отнюдь не гарантирует возможностей улучшить ситуацию с количественной оценкой качества жизни, поскольку удовлетворенность жизнью зависит не только от ее насыщенности благами и услугами, предоставляемыми рыночными и нерыночными организациями, но и от *межличностных отношений*, которые могут быть никак не связаны ни с качеством, ни с уровнем жизни (Wan et al., 1996; Walen, Lachman, 2000; Sapphire-Bernstein, Taylor, 2013).

Кроме того, Р. Истерлин обнаружил парадоксальное соотношение роста совокупного уровня жизни и уровня удовлетворенности ею: если у всех граждан возрастут доходы, уровень счастья не увеличится (Easterlin, 1995), более того, он может даже снизиться. Ведь если рост доходов будет неравномерным, то, поскольку для удовлетворенности жизнью важен не столько объем доходов, сколько их соотношение у других индивидов, являющихся объектами сопоставления (социального сравнения), то если у данного индивида доходы вырастут в меньшей степени, чем у тех, с кем он себя сравнивает, произойдет субъективное ухудшение благосостояния. Последующая дискуссия по поводу этого вывода (ее промежуточные, поскольку обсуждение продолжается, итоги приведены в статье: Diener et al., 2018) лишь подтвердила, что субъективное благосостояние ощутимо зависит от культуры людей и разделяемых ими ценностей (что было пока-

зано еще в: Diener et al., 2003), а также от контекста, в котором они живут, и его динамики (Sun, Xiao, 2012).

В связи с этим, казалось бы, тематика субъективного благосостояния должна была надежно перейти в разряд сугубо академических исследований, лишенных какой-либо прикладной значимости, поскольку ответ на вопрос, поставленный в заголовке статьи (Oishi, Diener, 2014): «Может и должно ли благоденствие быть целью политики?», получал в выявленной исследованиями ситуации явно отрицательный ответ.

И тем не менее обсуждение тематики практического использования субъективных оценок благосостояния продолжалось и продолжается. Еще в (Veenhoven, 2002) были приведены аргументы в пользу применения упомянутых оценок в осуществлении социальной политики, согласно которым: 1) поскольку социальная политика никогда не ограничивалась чисто материальными вопросами, учет ментальных процессов вполне соответствует содержанию ее целей; 2) успешная реализация материальных целей не всегда может быть измерена объективно, так что применение субъективных измерителей может оказаться предпочтительнее; 3) объективные измерители мало что могут сказать политикам об общественных предпочтениях, равно как и политические процессы в целом, в силу чего политики нуждаются в дополнительной информации, которую дают опросы общественного мнения; 4) политики должны проводить различие между пожеланиями (wants), которые люди могут высказать в явном виде, и нуждами (needs), которые как таковые ненаблюдаемы, однако могут проявиться в форме удовлетворенности жизнью людей; именно последняя может рассматриваться как итоговый критерий результативности социальной политики.

Приведенные аргументы, безусловно, содержат верные наблюдения соотношения объективных и субъективных измерителей в процессах формирования и осуществления социальной политики, однако не учитывают и значимые *ограничения* практического применения индикаторов СБ. Эти ограничения обусловлены тем, что оценки гражданами своего СБ, как отмечено выше, включают компонент межличностных отношений, который не зависит от действий государственных органов, реализующих социальную политику. Это означает, что индикаторы СБ не могут выступать в качестве целевых показателей, к достижению установленных значений которых должны стремиться государственные служащие, выполняющие установки социальной политики. В противном случае упомянутые работники, не будучи в состоянии реально влиять на СБ граждан, могут начать искажать данные, которые будут получаться в ходе проведения опросов населения. Иными словами, если начать задавать требуемые значения индикаторов СБ, то начнет действовать так называемый «закон Гудхарта», заключающийся в том, что «любая наблюдаемая статистическая регулярность начнет разрушаться давлением, оказываемым ее использованием

в целях управления» (Goodhart, 1981, p. 116)⁶. Реальность этой связи, выявленной еще в середине 1970-х гг., подтверждается многими эмпирическими свидетельствами, см. например (Hood, Piotrowska, 2021). Тем самым, индикаторы СБ можно осмысленно использовать лишь для более полного описания последствий проведения той или иной социальной политики, связывая с их изменениями лишь поиск тех факторов, которые могли бы привести к росту или снижению значений этих индикаторов, т.е. чисто аналитически⁷.

Таким образом, обратная связь между измерениями СБ и мерами социальной политики может осуществлять только через творческий поиск таких мер, которые смогли бы повлиять как на аффективную, так и на когнитивную компоненты СБ. Разумеется, для поиска таких мер весьма значимы усилия по дальнейшему развитию теоретических основ СБ, которые включали бы в себя его различные трактовки (Jain et al., 2019; Martela, 2024). То, что различные меры социальной политики реально влияют на СБ, ясно показывают исследования, проведенные в последние годы (Adler, Seligman, 2016; Layard, 2021; Aripin et al., 2023).

Надежность результатов применения различных методов получения информации о субъективном благосостоянии

В связи с прикладным использованием субъективных оценок благосостояния значимой является проблема их получения. Еще в середине прошлого века в социологии было выявлено, что между высказываемыми людьми суждениями при различных опросах, включая самооценки, и реальным состоянием их действий существует осязаемое несоответствие, проявляющееся в том, что в ответах на вопросы респонденты предпочитают давать те варианты, которые, по их мнению, соответствуют ожиданиям и предпочтениям других людей (Edwards, 1953). Это несоответствие касалось не всех черт, убеждений и поведенческих характеристик респондентов, а лишь тех, которые получили название «социально-желательные», а само несоответствие — эффект социальной желательности (social-desirability bias). В рамках его изучения была предложена и развивалась шкала, посредством которой можно оценить масштабы эффекта для различных тематик опросов (Crowne, Marlowe, 1960; Ballard et al., 1988), что дает возможность заранее выявить, ответы на какие из формулируемых ответов требуют особого внимания при их анализе и интерпретации.

⁶ Другое выражение этого закона звучит так: «Когда измеритель становится целевым, он перестает быть хорошим измерителем» (Strathern, 1997, p. 308).

⁷ Между тем, в литературе можно найти иные предложения по использованию показателей СБ. Например, в (Dolan, White, 2007) говорится об их полезности для уточнения перечня целей социальной политики.

Этот эффект нашел отражение в справочниках и учебниках, посвященных методике и технике проведения эмпирических социологических исследований, прежде всего интервьюирования (Vrij, 2000), а тематика лжи в коммуникациях стала важным объектом теоретических и прикладных исследований (Arcimowicz et al., 2015; Levine, 2017; Palena, Caso, 2021), важным результатом которых стала выработка нескольких методик обнаружения ложных ответов и суждений, обзор и анализ которых представлены в (Vrij et al., 2022).

Нельзя не отметить также разработку *типологий ложных высказываний* (DePaulo et al., 1996; Cantarero et al., 2018), основанных на разнообразии как стимулов искажать правдивость в коммуникации, так и последствий таких искажений. С нашей точки зрения, типология ложных высказываний может быть несколько расширена посредством включения в состав основных признаков также и *возможности проверки* правильности ответов и суждений респондентов.

Характеристики индивида, значение (или величину) которых стремятся получить исследователи, опрашивая респондентов, можно анализировать по многим различным признакам, из числа которых в аспекте оценки вероятности получения ложных ответов наиболее значимы два. Во-первых, это *проверяемость правильности* получаемых ответов с помощью использования других методов получения данных, а во-вторых, *социальная значимость*⁸ характеристики с точки зрения респондента, т.е. ожидаемая им реакция других индивидов на информацию о величине (значении) у него данной характеристики, ее наличии или отсутствии.

Если наличие у индивида характеристики проверяемо, и это ему известно (понятно), то вероятность ложного ответа на вопрос снижается (вплоть до ее исчезновения). Социальная значимость характеристики, оцениваемая респондентом, с одной стороны, и имеющаяся у разных индивидов, с другой, могут ощутимо отличаться друг от друга. Так, респондент может ошибочно считать, что некая характеристика А учитывается людьми при принятии решений, затрагивающих «носителей» этой характеристики, поскольку он сам именно так и поступает, хотя другие люди не принимают в расчет наличие/отсутствие А в своих решениях. Для этой стороны выявляемой характеристики важна также не только значимость как таковая, но и ее знак: оценивается ли окружающими наличие этого свойства положительно или отрицательно?

Представления индивидов о реакциях окружающих на их наблюдаемые свойства и действия формируются двумя механизмами. Первый, действующий в текущих повседневных ситуациях, обеспечивает «чтение» конкретных ментальных состояний людей, их намерения, желания, убеждения

⁸ Как представляется, этот признак является более общим, чем упоминавшаяся выше социальная желательность, и потому более адекватным предлагаемому анализу.

и т.п. В литературе он получил название «теория разума» (theory of mind), впервые, вероятно, использованное в (Premack, Woodruff, 1978), и получившее развитие в (D'Andrade, 1987) и множестве последующих эмпирических и теоретических работ. Второй механизм выступает основанием для прогнозов последствий возможных вариантов действий индивида, исходя не из конкретной текущей ситуации, а из его представлений о сложившихся правилах поведения окружающих. Эти представления принято называть *субъективными* или *дескриптивными нормами*, определяемыми как «предполагаемое (perceived) социальное давление относительно выполнения или не выполнения определенного действия» (Ajzen, 1991, p. 188). Другими словами, субъективная норма — это убеждения индивида в том, что на одни его действия или свойства окружающие будут реагировать положительно или нейтрально, в то время как на другие — отрицательно. Поскольку эти убеждения являются результатом не научных исследований, а непосредственного наблюдения отдельных ситуаций, рассказов других людей и т.п., они представляют собой так называемые «народные теории» (Keil, 2003)), вовсе не обязательно правильно отражая реально существующие социальные нормы. Однако для тех, у кого сложилась некоторая совокупность субъективных норм, именно они, а не результаты научных исследований, являются реальными факторами принятия решений.

Соотношение названных признаков и возможные намерения дать ложные ответы на вопросы можно представить в форме следующей таблицы.

Таблица 1

**Признаки изучаемых характеристик респондента
и стимулы искажения ответов**

Характеристика	социально значима		социально незначима
	положительно	отрицательно	
наличие/отсутствие			
проверяемо	1.1.1	1.1.2	1.2
непроверяемо	2.1.1	2.1.2	2.2

Источник: разработка авторов.

Рассмотрим подробнее содержание ячеек табл. 1.

1.1.1: наличие/отсутствие или величина характеристики у респондента проверяемы, а сама характеристика социально значима и оценивается положительно. Если эта характеристика фактически имеется, то стимулы к искажению отсутствуют, если же ее нет, то стимулы приукрасить ситуацию возникают, но блокируются фактом проверяемости правильности ответа. В целом можно считать, что в данной ситуации респондент даст правдивый ответ.

1.1.2: наличие/отсутствие или величина характеристики у респондента проверяемы, а сама характеристика социально значима и оценивается отрицательно. Если эта характеристика фактически отсутствует, то стимулы к искажению также отсутствуют, если же она есть, то стимулы приукрасить ситуацию, сказав, что характеристика есть, возникают, но блокируются фактом проверяемости правильности ответа. В целом можно ожидать, что в данной ситуации респондент даст правдивый ответ.

1.2: наличие/отсутствие или величина характеристики у респондента проверяемы, а сама характеристика социально незначима. В таких условиях стимулы исказить ответ отсутствуют.

2.1.1: правильность ответов респондента непроверяема, а характеристика социально значима и оценивается положительно. Если у респондента на деле нет анализируемой характеристики, то в таких условиях стимулы дать ложный ответ весьма сильны.

2.1.2: правильность ответов респондента непроверяема, а характеристика социально значима и оценивается отрицательно. Если у респондента фактически имеется анализируемая характеристика, то в таких условиях стимулы дать ложный ответ весьма сильны.

2.2: правильность ответов респондента непроверяема, но характеристика лишена социальной значимости. Соответственно, отсутствуют и стимулы давать неверные ответы.

Таким образом, ложные ответы можно ожидать в тех ситуациях, когда отсутствуют возможности проверить их правильность, а вопрос касается наличия/отсутствия у респондента характеристик, которые он считает социально значимыми, причем тогда, когда у него нет социально-положительной характеристики или есть социально-отрицательная.

Тематика СБ, включая самооценку индивидов, относится к числу социально значимых, в особенности в тех странах, где такие оценки большинства жителей высоки и позитивны (Dejonckheere et al., 2022). Это означает, что данные социологических опросов как источников информации о СБ необходимо анализировать с точки зрения их подверженности стимулам искажения респондентами их ответов⁹. Нельзя не отметить и такой момент, как весьма высокие затраты на проведение традиционных эмпирических социологических исследований, которые могут затруднить получение оценок СБ на уровне регионов и муниципальных образований.

Как представляется, методы нарративного анализа (Вольчик, Маслюкова, 2021; Тамбовцев и др., 2023), предполагающие обработку данных, содержащихся в интернете, могут стать альтернативным способом получения оценок субъективного благосостояния. Исследования нарративов, отражающих представление людей о благосостоянии, уже представлены

⁹ Что касается устойчивости результатов опросов СБ во времени, то она достаточно велика (Krueger, Schkade, 2008).

в мировой (Loukianov et al., 2020; Zivanovic et al., 2020; Booker et al., 2022; De Paola et al., 2022) и отечественной литературе (Smetanin, 2022; Smetanin, Komarov, 2022). Хотя эти исследования начались недавно, и их проведено явно недостаточно, нельзя не отметить, что выводы из обработки нарративов, представленных в социальных сетях, мало отличаются от выводов относительно СБ, полученных традиционными методами социологических опросов, демонстрируя высокую степень корреляции с ними (Smetanin, 2022, p. 3).

Практическая реализация методов нарративного анализа для оценки субъективного благосостояния

В настоящее время существуют различные источники нарративов, а также языковых моделей для анализа текстовых данных. В данном исследовании мы работали с датасетом *Национального корпуса русского языка (НКРЯ)* (Национальный корпус русского языка), позволяющего искать частоту использования слов и фраз в большом корпусе текстов на русском языке. Для анализа субъективной оценки благосостояния мы использовали тексты подкорпуса «Социальные сети», хотя сопоставление результатов поиска в подкорпусах разных жанров (например, «Газетного» корпуса и «Социальных сетей») тоже может быть интересным (например, с точки зрения исследования влияния публикаций СМИ на настроения населения, потребительские ожидания и т.д.).

В качестве языковой модели для анализ данных НКРЯ использует аналог Google Books Ngram Viewer — инструмента от Google, позволяющего анализировать частоту употребления слов и фраз в книгах в динамике. Упорядочивание результатов выгрузок текстов и словоформ во времени дает возможность строить различные хронологические индикаторы. В частности, соотнесение числа словоформ за определенный период к общему числу словоформ за этот же период позволяет построить панхронический индикатор частоты употребления нужных понятий и в дальнейшем использовать этот количественный индикатор в статистическом анализе текстов.

Целью нашего анализа являлось построение индикатора или индикаторов, отражающих частоту употребления слов из некоторого словаря-тезауруса выражений, связанных с оценками благополучия, и сравнить их динамику с динамикой опросных показателей.

Понятие «благополучие» является комплексным и складывается из многих составляющих: это материальное, семейное благополучие, психологический комфорт, возможность реализации карьерных амбиций, чувство безопасности и многое другое. Как нам представляется, некоторые «компоненты» благополучия в большей степени связаны с социально-экономической конъюнктурой, а также политической ситуацией; другие имеют субъективную природу и связаны с жизненным этапом конкретного че-

ловека, а не эпохой в целом. В этом случае первые могут быть объектом мониторинга и анализа, вторые — не зависят от внешних факторов и в усредненном виде даже могут являться константой на протяжении достаточно продолжительного времени.

Мы сделали попытку составить словари слов, которые могли бы встречаться в постах людей в социальных сетях. Эти словари условно связаны с темой здоровья; финансового благополучия; семьи и личной жизни; стабильности и уверенности в будущем; психологического благополучия; уровня жизни и удовлетворенности им; карьеры и работы; социальной поддержки и государства; материальных благ и уровня жизни; доступа к услугам и образованию; социального неравенства и коррупции. Каждый словарь мы рассмотрели в двух вариантах — более «книжном» и более разговорном¹⁰. В табл. 2 приведена статистика по числу текстов и количеству искомым словоформ для каждого словаря (в разном числе, роде и склонении — это позволяют поисковые возможности НКРЯ). Как можно заметить, наиболее часто в своих постах люди обсуждают тематику семьи и личной жизни, а также здоровья и стабильности (безопасности).

Таблица 2

Статистика употреблений слов из словарей, связанных с благополучием за период 2007–2023 гг. (всего по подкорпусу — 1 686 802 текста и 12 8969 832 словоформ)

	Словарь	Книжный стиль		Разговорный стиль	
		Количество текстов	Число словоформ	Количество текстов	Число словоформ
А	Здоровье	207 103	517 085	192 400	465 809
Б	Финансовое благополучие	39 236	75 941	167 492	355 807
В	Семья и личная жизнь	245 637	624 638	262 424	794 875
Г	Стабильность и уверенность в будущем	196 244	417 599	185 148	385 825
Д	Психологическое благополучие	31 129	57 519	141 038	274 323
Е	Уровень жизни и удовлетворенность	35 079	61 019	217 419	495 224
Ж	Карьера и работа	115 809	226 456	159 446	340 060

¹⁰ В силу его значительного объема разработанный словарь не включен в данную статью. Он может быть предоставлен по запросу читателя, направленному по адресу: lvalit@gmail.com

	Словарь	Книжный стиль		Разговорный стиль	
		Количество текстов	Число словоформ	Количество текстов	Число словоформ
З	Социальная поддержка и государство	109 872	200 082	71 295	105 147
И	Материальные блага и уровень жизни	108 984	226 423	233 530	518 951
К	Доступ к медицинским услугам и образованию	72 105	139 148	91 408	195 303
Л	Социальное неравенство и коррупция	7313	10 794	55 352	97 818

Источник: составлено авторами.

Дальнейший анализ был связан с проверкой следующих гипотез:

- Даже если человек не говорит напрямую о своем благополучии (не ведет прямой дискурс), он может вести этот дискурс имплицитно, употребляя слова из определенного словаря или обсуждая связанные с благополучием темы.
- Частота употребления слов из соответствующего словаря меняется со временем (либо частота слов из одних словарей — меняется, а из других — остается константой). Из возможных констант — темы счастья, семьи, образования.
- В среднем люди чаще говорят о работе, когда на рынке труда возникает напряженность; говорят о материальных благах тогда, когда падает покупательная способность заработной платы; говорят о здравоохранении и доступе к его услугам — в период пандемии; о безопасности и опасениях — в периоды войн и политических потрясений и т.д.
- Существует положительная корреляция между реальными, опросными показателями благополучия и частотой упоминания соответствующей тематики в социальных сетях.

В этой работе мы не рассматривали эмоциональную окраску текстов, хотя такого рода исследования с привлечением больших языковых моделей существуют (Smetanin, 2022). Мы предположили, что значение имеет не столько негативный или позитивный контекст, сколько сам факт обсуждения некоторой тематики, связанной с благополучием.

Интересно, что не все аспекты благосостояния, обсуждаемые в сетях, имеют одинаковую динамику. Так, частоты употребления слов, связанных с психологическим благополучием, семьей и личной жизнью, высоко коррелируют между собой, но слабее связаны с часто-

той употребления словоформ, связанных с материальным благополучием.

В целом, тематика семьи и личной жизни, здоровья, а также стабильности и уверенности в будущем (= безопасности) в соцсетях встречается чаще, чем, например, обсуждение социального неравенства и коррупции в стране или разговоры о психологическом благополучии. Обсуждение тем, связанных с субъективным благополучием, с 2022 г. существенно возросло (особенно темы семьи, здоровья и уверенности в будущем), за исключением тематики социального неравенства, финансового благополучия и уровня жизни (рис. 1).

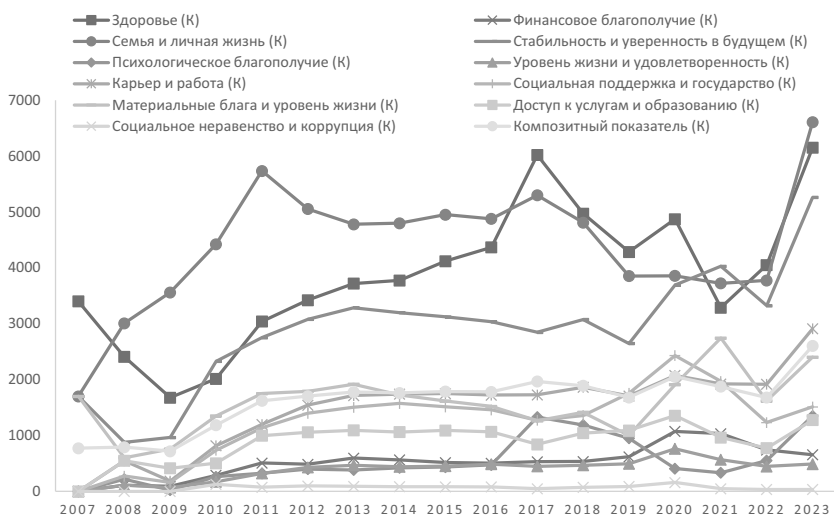

Рис. 1. Частота употребления слов, относящихся к субъективному благополучию (число слов на миллион словоформ, Национальный корпус русского языка, подкорпус «Социальные сети»)

Источник: расчеты авторов.

Рассмотрим, как полученные индикаторы связаны с результатами некоторых известных социологических опросов, а также показателей материального благополучия, замеряемых официальной статистикой — реальными располагаемыми доходами населения (Росстат).

Для сравнительно анализа были использованы результаты следующих социологических замеров:

- Динамика материального положения (Фонд общественного мнения);
- Индекс потребительских настроений, consumer sentiment (Банк России);
- Индексы ВЦИОМ: «В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?»; «Как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) бу-

дете жить лучше или хуже, чем сейчас?»; «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?»; «В жизни бывает всякое — и хорошее, и плохое. Но если говорить в целом, Вы счастливы или нет?»; Индекс счастья ВЦИОМ (ВЦИОМ, 2024);

- Левада-центр: индекс социальных настроений и его компоненты (индекс семьи, индекс России, индекс ожиданий, индекс власти, индекс ожидания безработицы) (Левада-центр);
- Индекс счастья (Ромир).

Обнаружилось, что между частотой употребления слов соответствующей тематики в соцсетях и результатами опросов есть высокая корреляционная связь, но совсем не та, какую следовало бы ожидать: в годы, когда опросы фиксировали рост положительных ответов на вопрос о материальном благополучии и более высокий индекс счастья, частота обсуждения темы материального и финансового благополучия в сетях была ниже, а в годы ухудшения материального положения (по опросам) обсуждение соответствующей тематики кратно возрастало.

Что же касается индекса счастья, то в большей степени положительно коррелирует с ним обсуждение тем здоровья, психологического благополучия, карьеры и работы; интенсивность обсуждения финансового благополучия и материальных благ с индексами счастья коррелирует слабо.

Аналогичным образом, когда растут доходы населения в реальном выражении, снижается обсуждение тематики, связанной с социальной поддержкой и государством, доступом к услугам здравоохранения и образования.

Отметим, что эти выводы были получены без дополнительного исследования тональности текстов. Можно предположить, что при ухудшении материального положения (по опросам) не только растет частота упоминания финансово-экономической тематики, но это обсуждение имеет негативную окраску, т.е. усиливается негативная коннотация («кризис», «падение», «снижение уровня жизни», «бедность» и т.д.).

Выводы

Нарративы важны для изучения чего-либо тогда, когда они правдиво отражают убеждения и эмоциональные состояния нарратора. Нарратор тогда правдиво отражает в истории свои чувства и убеждения, когда эти ментальные состояния не являются объектами социального регулирования, хотя бы субъективными нормами. Если такое регулирование имеет место в (локальном) сообществе, то вероятность «подгонки» нарратива или ответа на вопрос анкеты под требования нормы можно считать высокой.

Благосостояние, как объективное, так и субъективное, безусловно является объектом социального нормирования, поэтому завышение са-

мооценок благосостояния является ожидаемым феноменом, особенно если нарратор или респондент убежден в непроверяемости своих историй или ответов.

Конкретные выводы из проведенного эмпирического исследования состоят в следующем.

- Субъективное благосостояние связано с разыми аспектами. Основные — аспект финансового и материального благополучия и социально-психологический аспект. С точки зрения динамики частоты обсуждения соответствующей тематики соцсетях, эти аспекты между собой не связаны.
- Материальное благополучие чаще обсуждается в периоды экономической нестабильности и ухудшения экономической ситуации (согласно опросам населения); при росте положительных оценок материального положения (по опросам) интенсивность обсуждения темы уровня жизни снижается.
- Обсуждение тем карьеры и работы коррелирует с ростом положительных ответов о материальном положении и индексами счастья.
- Интенсивность обсуждения психологического благополучия и здоровья высоко и положительно коррелирует с индексом счастья (ВЦИОМ). То же, но в меньшей степени, относится к обсуждениям темы безопасности, социальной поддержки и государства в целом.
- Отметим также, что одни и те же индексы, рассчитанные разными социологическими агентствами, в указанный период (2007–2023 гг.) слабо коррелировали между собой; в конечном счете мы склонились к сравнению с индексами, рассчитываемыми ВЦИОМ.
- Нарративный анализ может использоваться как инструмент мониторинга СБ, имеющий уровень «надежности», не сильно отличающийся от традиционных социологических опросов. Кроме того, этот метод дает возможность добавить к получаемым данным анализ эмоциональной окраски высказываний граждан. Затраты, связанные с этим инструментом — минимальные по отношению ко всем возможным способам изучения настроений общества.

Список литературы

Айвазян, С. А. (2001). Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения. Часть 1. Методология анализа и пример ее применения. *Мир России*, 10(4), 59–96.

Антипина, О. (2017). Экономика, культура и счастье: есть ли взаимосвязь? *Мировая экономика и международные отношения*, 61(7), 35–44.

Антипина, О. Н., & Хомутов, А. А. (2024). Как удовлетворенность жизнью зависит от типа населённого пункта? *Вопросы теоретической экономики*, 19(2), 103–115. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_103_115

Банк России. (н.д.). Инфляционные ожидания и потребительские настроения. https://cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/

Бобков, В. Н., Гулюгина, А. А., Зленко, Е. Г., & Одинцова, Е. В. (2017). Сравнительные характеристики индикаторов качества и уровня жизни в российских регионах: субъекты, федеральные округа, Арктика. *Уровень жизни населения регионов России*, 13(1), 50–64.

Вольчик, В. В., & Маслюкова, Е. В. (2021). Возможности нарративной экономики в исследованиях российской инновационной системы. *Terra Economicus*, 19(4), 36–50.

ВЦИОМ. (2024, 18 апреля). Счастье в России: *Мониторинг*. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-18042024>

Киселева, Л. С., & Стриелковски, В. (2016). Восприятие счастья россиянами. *Социологические исследования*, 42(1), 86–91.

Левада-центр. (н.д.). Социально-экономические индикаторы. <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

Национальный корпус русского языка. (н.д.). Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/>

Ромир. (н.д.). Исследования GIA Romir. <https://romir.ru/GIAROMIR>

Росошанский, А. И. (2019). Методические аспекты оценки субъективного восприятия качества жизни населения региона. *Вопросы территориального развития*, 5(50), 1–10.

Скачкова, Л. С., & Щетинина, Д. П. (2019). Контуры субъективного благополучия научно-педагогических работников. *Региональная экономика: теория и практика*, 17(11), 2026–2038.

Тамбовцев, В. Л., Бузулукова, Е. В., Валитова, Л. А., Дэн, Ц., Ситкевич, Д. А., & Турабаева, А. М. (2023). Методология нарративного анализа в экономике: случай предпринимательских сетей. *Вопросы экономики*, 19(7), 81–99. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-7-81-99>

Фонд общественного мнения (ФОМ). (н.д.). Взаимосвязь счастья и уровня дохода: Итоги исследования. <https://fom.ru/Ekonomika/15078>

Хашенко, В. А. (2005). Модель субъективного экономического благополучия (сообщение 1). *Психологический журнал*, 26(3), 38–50.

Шихгафизов, П. Ш., Конищева, Е. В., & Котляров, С. А. (2023). Влияние цифровой грамотности на субъективное благополучие молодого населения региона. *Цифровая социология*, 6(4), 61–66.

Adler, A., & Seligman, M. E. P. (2016). Using wellbeing for public policy: Theory, measurement, and recommendations. *International Journal of Wellbeing*, 6(1), 1–35. <https://doi.org/10.5502/ijw.v6i1.429>

Ajzen, I. (1991). The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 50(2), 179–211. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T)

Arcimowicz, B., Cantarero, K., & Soroko, E. (2015). Motivation and consequences of lying: A qualitative analysis of everyday lying. *Forum: Qualitative Social Research*, 16(3), Art. 31.

Aripin, S., Pierewan, A. C., Susanti, S., & Salmon, I. P. P. (2023). The subjective wellbeing policy: Case studies and its relevance in the Special Region of Yogyakarta, Indonesia. *Social Psychology and Society*, 14(2), 152–168.

Ballard, R., Crino, M. D., & Rubenfeld, S. (1988). Social desirability response bias and the Marlowe–Crowne social desirability scale. *Psychological Reports*, 63(1), 227–237.

Booker, J. A., Brakke, K., Sales, J. M., & Fivush, R. (2022). Narrative identity across multiple autobiographical episodes: Considering means and variability with well-being. *Self and Identity*, 21(3), 339–362. <https://doi.org/10.1080/15298868.2020.1868390>

Cantarero, K., Van Tilburg, W. A. P., & Szarota, P. (2018). Differentiating everyday lies: A typology of lies based on beneficiary and motivation. *Personality and Individual Differences*, 134, 252–260. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.06.027>

Clark, A. E., & Oswald, A. J. (1994). Unhappiness and unemployment. *Economic Journal*, 104(424), 648–659. <https://doi.org/10.2307/2234639>

Crowne, D. P., & Marlowe, D. (1960). A new scale of social desirability independent of psychopathology. *Journal of Consulting Psychology*, 24(4), 349–354. <https://doi.org/10.1037/h0047358>

D'Andrade, R. (1987). A folk model of the mind. In D. Holland & N. Quinn (Eds.), *Cultural models in language and thought* (p. 112–148). Cambridge University Press.

De Paola, J., Hakoköngäs, E. J., & Hakanen, J. J. (2022). #Happy: Constructing and sharing everyday understandings of happiness on Instagram. *Human Arenas*, 5(3), 469–487. <https://doi.org/10.1007/s42087-021-00214-0>

Dejonckheere, E., Rhee, J. J., Baguma, P. K., Barry, O., Becker, M., Bilewicz, M., & Bastian, B. (2022). Perceiving societal pressure to be happy is linked to poor well-being, especially in happy nations. *Scientific Reports*, 12(1), Article 1514. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-04262-z>

DePaulo, B. M., Kashy, D. A., Kirkendol, S. E., Wyer, M. M., & Epstein, J. A. (1996). Lying in everyday life. *Journal of Personality and Social Psychology*, 70(5), 979–995. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.70.5.979>

Di Tella, R., MacCulloch, R. J., & Oswald, A. J. (2003). The macroeconomics of happiness. *Review of Economics and Statistics*, 85(4), 809–827. <https://doi.org/10.1162/003465303772815745>

Diener, E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542–575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>

Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J., & Griffin, S. (1985). The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13

Diener, E., Lucas, R. E., & Oishi, S. (2018). Advances and open questions in the science of subjective well-being. *Collabra: Psychology*, 4(1), Article 15. <https://doi.org/10.1525/collabra.115>

Diener, E., Oishi, S., & Lucas, R. E. (2003). Personality, culture, and subjective well-being: Emotional and cognitive evaluations of life. *Annual Review of Psychology*, 54, 403–425. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.54.101601.145056>

Diener, E., Suh, E. M., Lucas, R. E., & Smith, H. L. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin*, 125(2), 276–302. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.2.276>

Diener, E., Wirtz, D., Tov, W., Kim-Prieto, C., Choi, D., Oishi, S., & Biswas-Diener, R. (2010). New well-being measures: Short scales to assess flourishing and positive and negative feelings. *Social Indicators Research*, 97(2), 143–156. <https://doi.org/10.1007/s11205-009-9493-y>

Dodge, R., Daly, A. P., Huyton, J., & Sanders, L. D. (2012). The challenge of defining wellbeing. *International Journal of Wellbeing*, 2(3), 222–235. <https://doi.org/10.5502/ijw.v2i3.4>

Dolan, P., & White, M. P. (2007). How can measures of subjective well-being be used to inform public policy? *Perspectives on Psychological Science*, 2(1), 71–85. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6916.2007.00030.x>

Edwards, A. L. (1953). The relationship between the judged desirability of a trait and the probability that the trait will be endorsed. *Journal of Applied Psychology*, 37(2), 90–93. <https://doi.org/10.1037/h0058073>

Frey, B. S., & Stutzer, A. (2002). What can economists learn from happiness research? *Journal of Economic Literature*, 40(2), 402–435. <https://doi.org/10.1257/002205102320161320>

Frey, B. S., & Stutzer, A. (2000). Happiness prospers in democracy. *Journal of Happiness Studies*, 1(1), 79–102. <https://doi.org/10.1023/A:1010088704641>

Goodhart, C. (1981). Problems of monetary management: The U.K. experience. In A. S. Courakis (Ed.), *Inflation, depression, and economic policy in the West* (p. 111–146). Rowman & Littlefield.

Hood, C., & Piotrowska, B. (2021). Goodhart's law and the gaming of UK public spending numbers. *Public Performance & Management Review*, 44(2), 250–271. <https://doi.org/10.1080/015309576.2020.1796427>

Jain, M., Sharma, G. D., & Mahendru, M. (2019). Can I sustain my happiness? A review, critique and research agenda for economics of happiness. *Sustainability*, 11(22), Article 6375. <https://doi.org/10.3390/su11226375>

Keil, F. C. (2003). Folkscience: Coarse interpretations of a complex reality. *Trends in Cognitive Sciences*, 7(8), 368–373. [https://doi.org/10.1016/S1364-6613\(03\)00158-X](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(03)00158-X)

Keyes, C. L. M. (2002). The mental health continuum: From languishing to flourishing in life. *Journal of Health and Social Behavior*, 43(2), 207–222. <https://doi.org/10.2307/3090197>

Krueger, A. B., & Schkade, D. A. (2008). The reliability of subjective well-being measures. *Journal of Public Economics*, 92(8–9), 1833–1845. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2007.12.015>

Layard, R. (2021). Wellbeing as the goal of policy. *LSE Public Policy Review*, 2(2), Article 1. <https://doi.org/10.31389/lseppr.31>

Levine, T. (2017). Mysteries and myths in human deception and deception detection: Insights from truth-default theory. *Ewha Journal of Social Sciences*, 33(2), 5–28.

Loukianov, A., Burningham, K., & Jackson, T. (2020). Young people, good life narratives, and sustainable futures: The case of Instagram. *Sustainable Earth*, 3(1), Article 11. <https://doi.org/10.1186/s42055-020-00033-2>

Lucas, R. E., Diener, E., & Suh, E. (1996). Discriminant validity of well-being measures. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71(3), 616–628. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.3.616>

Martela, F. (2024). Being as having, loving, and doing: A theory of human well-being. *Personality and Social Psychology Review. Advance online publication*. <https://doi.org/10.1177/10888683241263634>

McGregor, I., & Little, B. R. (1998). Personal projects, happiness, and meaning: On doing well and being yourself. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74(3), 494–512. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.3.494>

Oishi, S., & Diener, E. (2014). Can and should happiness be a policy goal? *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*, 1(1), 195–203. <https://doi.org/10.1177/2372732214548427>

Oswald, A. J. (1997). Happiness and economic performance. *Economic Journal*, 107(445), 1815–1831. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.1997.tb00085.x>

Palena, N., & Caso, L. (2021). Investigative interviewing research: Ideas and methodological suggestions for new research perspectives. *Frontiers in Psychology*, 12, Article 715028. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.715028>

Premack, D., & Woodruff, G. (1978). Does the chimpanzee have a theory of mind? *Behavioral and Brain Sciences*, 1(4), 515–526. <https://doi.org/10.1017/S0140525X00076512>

Robeyns, I. (2017). *Wellbeing, freedom and social justice: The capability approach re-examined*. Open Book Publishers. <https://doi.org/10.11647/OBP.0130>

Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2001). On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being. *Annual Review of Psychology*, 52, 141–166. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.141>

Ryff, C. D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 57(6), 1069–1081. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.6.1069>

Saphire-Bernstein, S., & Taylor, S. E. (2013). Close relationships and happiness. In S. A. David, I. Boniwell, & A. Conley Ayers (Eds.), *The Oxford handbook of happiness* (p. 821–833). Oxford University Press.

Seidlitz, L., Wyer, R. S., Jr., & Diener, E. (1997). Cognitive correlates of subjective well-being: The processing of valenced life events by happy and unhappy persons. *Journal of Research in Personality*, 31(2), 240–256. <https://doi.org/10.1006/jrpe.1997.2184>

Sen, A. (1984). The living standard. *Oxford Economic Papers*, 36(Supplement), 74–90. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.oep.a041662>

Sen, A. (1989). Development as capability expansion. *Journal of Development Planning*, 19(1), 41–58. https://doi.org/10.1007/978-1-349-21136-4_3

Slottte, D. J. (1991). Measuring the quality of life across countries. *Review of Economics and Statistics*, 73(4), 684–693.

Smetanin, S., & Komarov, M. (2022). The voice of Twitter: Observable subjective well-being inferred from tweets in Russian. *PeerJ Computer Science*, 8, Article e1181. <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.1181>

Smetanin, S. (2022). Pulse of the nation: Observable subjective well-being in Russia inferred from social network Odnoklassniki. *Mathematics*, 10(16), Article 2947. <https://doi.org/10.3390/math10162947>

Stimson, R., & Marans, R. W. (2011). Objective measurement of quality of life using secondary data analysis. In R. Marans & R. Stimson (Eds.), *Investigating quality of urban life* (p. 33–53). Springer. https://doi.org/10.1007/978-94-007-1742-8_3

Strathern, M. (1997). Improving ratings: Audit in the British university system. *European Review*, 5(3), 305–321. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1234-981X\(199707\)5:3<305::AID-EURO184>3.0.CO;2-4](https://doi.org/10.1002/(SICI)1234-981X(199707)5:3<305::AID-EURO184>3.0.CO;2-4)

Su, R., Tay, L., & Diener, E. (2014). The development and validation of the Comprehensive Inventory of Thriving (CIT) and the Brief Inventory of Thriving (BIT). *Applied Psychology: Health and Well-Being*, 6(3), 251–279. <https://doi.org/10.1111/aphw.12027>

Sun, F., & Xiao, J. J. (2012). Perceived social policy fairness and subjective wellbeing: Evidence from China. *Social Indicators Research*, 107(1), 171–186. <https://doi.org/10.1007/s11205-011-9839-0>

Van der Deijl, W. (2020). A challenge for capability measures of wellbeing. *Social Theory and Practice*, 46(3), 605–631. <https://doi.org/10.5840/soctheorpract202071731>

Veenhoven, R. (2002). Why social policy needs subjective indicators. *Social Indicators Research*, 58(1/3), 33–45. <https://doi.org/10.1023/A:1015723614574>

Vrij, A. (2000). *Detecting lies and deceit: The psychology of lying and the implications for professional practice*. Wiley.

Vrij, A., Granhag, P. A., Ashkenazi, T., Ganis, G., Leal, S., & Fisher, R. P. (2022). Verbal lie detection: Its past, present and future. *Brain Sciences*, 12(12), Article 1644. <https://doi.org/10.3390/brainsci12121644>

Walen, H. R., & Lachman, M. E. (2000). Social support and strain from partner, family, and friends: Costs and benefits for men and women in adulthood. *Journal of Social and Personal Relationships*, 17(1), 5–30. <https://doi.org/10.1177/0265407500171001>

Wan, C. K., Jaccard, J., & Ramey, S. L. (1996). The relationship between social support and life satisfaction as a function of family structure. *Journal of Marriage and Family*, 58(2), 502–513. <https://doi.org/10.2307/353513>

Waterman, A. S. (1993). Two conceptions of happiness: Contrasts of personal expressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 64(4), 678–691. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.64.4.678>

Wilson, W. (1967). Correlates of avowed happiness. *Psychological Bulletin*, 67(4), 294–306. <https://doi.org/10.1037/h0024431>

Zivanovic, S., Martinec, J., & Verplanke, J. (2020). Capturing and mapping quality of life using Twitter data. *GeoJournal*, 85, 237–255. <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9860-2>

References

Aivazyan, S. A. (2001). Russia in the cross-country analysis of synthetic categories of quality of life. Part 1: Methodology and an example of its application. *Mir Rossii*, 10(4), 59–96

Antipina, O. (2017). Economy, culture, and happiness: Is there a connection? *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 61(7), 35–44

Antipina, O. N., & Khomutov, A. A. (2024). How does life satisfaction depend on the type of settlement? *Voprosy Teoreticheskoi Ekonomiki*, 19(2), 103–115. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_103_115

Bank of Russia. (n.d.). Inflationary expectations and consumer sentiment. https://cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/

Bobkov, V. N., Gulyugina, A. A., Zlenko, E. G., & Odintsova, E. V. (2017). Comparative characteristics of quality-of-life indicators across Russian regions: Subjects, federal districts, Arctic. *Uroven Zhizni Naseleniya Regionov Rossii*, 13(1), 50–64

FOM. (n.d.). Correlation between happiness and income level: Research results. <https://fom.ru/Ekonomika/15078>

Khashchenko, V. A. (2005). A model of subjective economic well-being (Message 1). *Psikhologicheskii Zhurnal*, 26(3), 38–50.

Kiseleva, L. S., & Strielkovski, V. (2016). Russians' perception of happiness. *Sociologicheskie Issledovaniya*, 42(1), 86–91

Levada-Center. (n.d.). Social and economic indicators. <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

Romir. (n.d.). GIA Romir research. <https://romir.ru/GIAROMIR>

Rossoshansky, A. I. (2019). Methodological aspects of assessing the subjective perception of the quality of life in a region. *Voprosy Territorialnogo Razvitiya*, 5(50), 1–10.

Russian National Corpus. (n.d.). Russian National Corpus. <https://ruscorpora.ru/>

Shikhgafizov, P. Sh., Konishcheva, E. V., & Kotlyarov, S. A. (2023). The impact of digital literacy on the subjective well-being of young people in the region. *Tsifrovaya Sotsiologiya*, 6(4), 61–66.

Skachkova, L. S., & Shchetinina, D. P. (2019). Contours of subjective well-being of academic staff. *Regionalnaya Ekonomika: Teoriya i Praktika*, 17(11), 2026–2038.

Tambovtsev, V. L., Buzulukova, E. V., Valitova, L. A., Deng, C., Sitkevich, D. A., & Turabaeva, A. M. (2023). Methodology of narrative analysis in economics: The case

of entrepreneurial networks. *Voprosy Ekonomiki*, 19(7), 81–99. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-7-81-99>

VCIOM. (2024, April 18). Happiness in Russia: Monitoring. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-18042024>

Volchik, V. V., & Maslyukova, E. V. (2021). Opportunities of narrative economics in the study of the Russian innovation system. *Terra Economicus*, 19(4), 36–50

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

О. С. Виханский¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 005, 007

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-5

МЕНЕДЖМЕНТ: ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ

В трансформационных процессах, протекающих в экономической системе на протяжении последних четырех столетий изначально в Европе, а далее и в глобальном масштабе, в явном виде просматриваются этапность и цикличность, проявляющаяся наиболее наглядно в периодическом развертывании так называемых промышленных (индустриальных) революций. Сущностью этих четырех революций, порождаемых во многом научно-техническим прогрессом, являются кардинальные преобразования в системе производственных отношений. Важное место в этих преобразованиях занимают изменения в системе управленческих отношений, так как наряду с технологическими изменениями именно они во многом определяют успешность или неуспешность прохождения бизнес-субъектами рынка стадии революционных преобразований экономической системы. Очевидно, что именно новые обстоятельства задают требования, которым должна соответствовать система управления бизнесом. Однако возникает вопрос, какую роль играет «генетика» управленческой системы в процессе ее адаптации к новым условиям, насколько изначально исторически сформировавшаяся модель управления деловой организацией оказывает влияние на ее адаптационные возможности, и даже насколько изначально сформировавшиеся паттерны управления являются тормозом на пути трансформационного развития управления.

В статье на методологической основе исторического материализма и диалектической логики поставлена задача рассмотрения траектории и логики трансформационного процесса развития управленческих отношений в контексте развертывания промышленных революций, т.е. отображения диалектики их развития в исторической ретроспективе.

Статья представляет собой системное рассмотрение зарождения и эволюции менеджмента как обособленного типа управленческой деятельности в связи с развитием социально-экономической системы в результате промышленных (индустриальных) революций. В статье показано, как родовые исходные характеристики менеджмента определили его специфические черты и как они оказывали влияние на его трансформационные преобразования под влиянием носящих кардинальный характер изменений в научно-технологической, социальной и экономической сферах. На этапе развертывания третьей промышленной революции менеджмент трансформировался до такой степени, что это привело к его сущностному перерождению и потере его исходной идентичности. Это ознаменовало завершение жизненного цикла менеджмента как особого типа управленческой деятельности.

¹ Виханский Олег Самуилович — д.э.н., профессор, Заслуженный профессор Московского университета, научный руководитель кафедры управления организацией, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: mail@edu.mgubs.ru, ORCID: 0000-0001-6917-3119.

Ключевые слова: эволюция менеджмента, промышленная революция, жизненный цикл менеджмента, специфические черты менеджмента, менеджмент как особый тип управленческой деятельности.

Цитировать статью: Виханский, О. С. (2025). Менеджмент: жизненный цикл. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 82–106. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-5>

O. S. Vikhanskiy

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: L2, M1, O3

MANAGEMENT: LIFE CYCLE

In the transformation processes that have been taking place in the economic system over the past four centuries, initially in Europe and then on a global scale, the sequential and cyclical nature is clearly visible, manifested most clearly in the periodic development of the so-called industrial revolutions. The essence of these four revolutions generated in many ways by scientific and technological progress are fundamental changes in the system of industrial relations. An important place in these transformations is occupied by changes in the system of management relations, along with technological changes, they largely determine the success or failure of business entities in the market to pass the stage of revolutionary transformations of the economic system. Obviously, it is the new circumstances that set the requirements that the business management system have to meet. The following questions arise: what role the “genetics” of the management system plays in the process of its adaptation to new conditions; to what extent the initial historically formed model of business organization management influences on its adaptive capabilities; to what extent the initially formed management patterns are a brake on the path to the transformational development of management.

In the paper, on the methodological basis of historical materialism and dialectical logic, the aim is to consider the trajectory and logic of the transformational process of development of management relations in the context of the deployment of industrial revolutions, that is the dialectics of their development are displayed in historical retrospect.

The paper provides a systematic consideration of the origin and evolution of management as a separate type of management activity in connection with the development of the socio-economic system as a result of industrial revolutions. The article shows how the generic initial characteristics of management determined its specific features and how they influenced its transformational changes under the cardinal changes in the scientific and technological, social and economic spheres. At the stage of the third industrial revolution management was transformed to such an extent which led to the essential degeneration and the loss of its original identity. This marked the end of the life cycle of management as a special type of managerial activity.

Keywords: evolution of management, the industrial revolution, the life cycle of management, specific features of management, management as a special type of managerial activity.

To cite this document: Vikhanskiy, O. S. (2025). Management: life cycle. *Lomonosov Economics Journal*, 60(1), 82–106. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-5>

Введение

Всегда, когда осуществляется совместная деятельность, возникает отношение управления. И независимо от того, проявляется оно в форме директивного воздействия или же в форме самоорганизации (самоуправления), его практическая реализация в виде управления направлена на достижение определенного результата посредством интеграции усилий участников взаимодействия. Исходя из сказанного, можно ли говорить, что во всех случаях деятельность по практической реализации управленческого отношения является менеджментом? Однозначно — нет. Например, является ли управление семейными отношениями или воинской частью менеджментом? Ответ — очевидно не является. Не составит большого труда привести еще множество примеров того, когда явно присутствуют отношения управления и осуществляется управленческая деятельность, и даже есть главное лицо (родитель, командир, премьер-министр в конце концов), но при этом данную управленческую деятельность никак нельзя назвать менеджментом. Но, если термин «менеджмент» широко и даже почти постоянно употребляется, когда речь идет об управлении, то, как возможно определить, в каком случае использование термина менеджмент по отношению к конкретной управленческой деятельности относительно, а когда это делать, скажем, некорректно. Вопрос этот отнюдь не из области лексикологии, т.е. совсем не абстрактный. Дело в том, что именно в ответе на этот вопрос коренится исходная точка понимания сути категории «менеджмент», т.е. сути того, что есть деятельность, называемое менеджментом.

Существует множество различных определений и образных высказываний по поводу того, что есть менеджмент. Вот примеры нескольких авторитетных мнений. Например, Том Питерс считает, что менеджмент заключается в организации и рассказывании. А для Питера Друкера менеджмент касается людей. И его задача сделать людей способными к совместной работе, сделать их сильные стороны эффективными, а слабые — неуместными. Для Стива Джобса менеджмент заключается в том, чтобы убедить людей делать то, чего они делать не хотят. Терри Гибсон смотрит на менеджмент, как на искусство достижения целей в условиях ограниченных ресурсов. Ли Якокка уверен, что менеджмент — это не что иное, как мотивация других людей. Мери Паркер Фоллетт видела менеджмент как обеспечение выполнения работы с помощью других лиц.

Отметим, что сама по себе категория «менеджмент» — это чистая абстракция, некий фантом, которого в реальности не существует. Попытаться содержательно говорить о «чистом» менеджменте — это ничто иное, как явная схоластика. В предыдущем абзаце было приведено несколько мнений известных людей о том, что такое менеджмент. И что это дает для понимания менеджмента? Почти ничего. Потому, что нет менеджмента **вообще**,

так как он как систематизированная реализация отношения управления посредством определенной деятельности всегда привязан к конкретному сообществу, в котором эта деятельность разворачивается. Поэтому именно **типологизация сообществ**, к управлению которыми можно применить термин «менеджмент» является одной из основ, на базе которой можно конструировать образ менеджмента и давать, если так можно выразиться, его теоретическое описание. Второй основополагающей основой концептуального представления категории «менеджмент», является рассмотрение ее **в историческом контексте** в соответствии с законами диалектической логики. Управленческая деятельность, идентифицируемая как менеджмент, сегодня совсем не та, какой она была вчера. А завтра опять будет что-то, чего мы точно в полной мере предсказать не можем. Но при этом с уверенностью можем сказать, что это будет далеко, а может и совсем не то, что есть сегодня.

Начнем с рассмотрения того, в случае какого типа сообщества (далее будем сообщество называть термином «объект»), по отношению к осуществляемой в нем управленческой деятельности, может быть применен термин «менеджмент». Ранее было обращено внимание на то, что, например, применительно к объекту семья неуместно использовать термин «менеджмент». Казалось бы, легче к выделению множества объектов, для которых применимо использование термина «менеджмент», пойти путем исключения тех объектов, к которым этот термин не применим. Однако при таком подходе вне поля зрения окажутся ключевые атрибуты, которые характеризуют множество объектов, к которым применим термин «менеджмент». И в результате категория «менеджмент» еще более «фантомизируется». Поэтому конструктивным может являться только подход, при котором атрибутируется множество объектов, управленческая деятельность в которых и есть менеджмент. А для этого необходим исторический подход, объясняющий возникновение феномена «менеджмент», ибо только при таком подходе можно выделить ключевые отличительные характеристики управленческой деятельности, которые атрибутивно присущи менеджменту и которые выделяют его из очень широкой совокупности различных видов управленческой деятельности.

Вернемся к примеру управления армейским подразделением. Смотрим на данное управление и видим, что есть руководитель и подчиненные, есть разделение обязанностей и специализация, есть принятие решений и план, есть управленческие команды и контроль исполнения. То есть в наличии присутствует все управленческое по А. Файолю (Fayol, 1916; Файоль, 1923). Но это не менеджмент. И это потому, что управление само по себе — это абстракция, которая ранее была названа фантом. И всякие абстрактные схемы — это просто схемы. Иначе говоря, почти не о чем. На практике управление — это особая функция, реализующаяся в объекте, а следовательно, **органичная** составляющая функционирования объекта.

Объект и только объект задает ее характерные качества и отличительные особенности, задает ее атрибутивные характеристики. И это все потому, что объект — это реально существующая субстанция, имеющая материальную и институциональную основу.

Откуда пошел менеджмент

Считается, что в общепринятой обиход категория «менеджмент» вошла в 1886 г. после выступления крупного предпринимателя и инженера-изобретателя Генри Робинсона Тауна с докладом «Инженер как экономист» на годовом собрании Американского общества инженеров-механиков. Он выдвинул лозунг «Управление фабрикой (Factory management) является не менее важным, чем техника». При этом призвал систематизировать знания в области менеджмента и обмениваться этими знаниями. «Уже накоплен весьма значительный опыт управления производством, однако этот опыт не изложен сколько-нибудь полно в письменной форме... Разумеется, подробное состояние дел не может быть признано нормальным и должно быть исправленным» (цит. по: Шелдрейк, 2001). Очень важно понимать, в каком контексте он произнес свой доклад. Это была эпоха, когда в бизнесе очень во многом бал правили инженеры. Поэтому его слова имели очень большой резонанс. Со временем устоялось мнение, что именно 1886 г. является годом начала триумфального шествия менеджмента, — его осмысления и переосмысления, его популяризации, его фетишизации. И хотя параллельно продолжалось употребление других терминов, например, администрирование (до сих пор выпускники школ бизнеса получают содержащую этот термин степень MBA), менеджмент стал занимать доминирующую позицию. Обусловлено это тем, что термин «менеджмент» ввиду его смыслового наполнения наиболее точно соответствовал характеру и содержанию управленческой деятельности, по отношению к которой он применялся, из-за того, что он зародился, оттачивался и содержательно развивался в неразрывной связи с развитием объекта.

Здесь необходимо перейти к характеристике объекта, особенности которого и придают менеджменту смысловое наполнение, отличающее его от других описывающих управленческую деятельность понятий, таких, например, как командование, руководство, администрирование.

Как ранее было сказано, в исследовательских кругах считается, что термин «менеджмент» институализировался в 1886 г. Хотя, справедливости ради следует подчеркнуть, что на самом деле предпосылки возникновения управления типа менеджмент зародилось лет за 150 до этой даты. И произошло это на стадии развитой формы мануфактуры. То есть менеджмент и промышленный капитализм в определенной мере — это братья близнецы. Менеджмент как особый вид управленческой деятельности зародился в объекте, обладающем следующими базовыми характеристиками.

В общих чертах это наличие инвестора (капиталиста), наемный труд, по-операционное разделение труда и кооперация труда, и создание рыночной ценности. И при этом осуществляется это все в **промышленной сфере**. Окончательно свои исходные отличительные черты менеджмент получил тогда, когда произошел переход к фабрике.

В развитой поздней стадии мануфактурного производства сформировались предпосылки и сложились общие контуры менеджмента. Но именно с появлением фабричного производства менеджмент обрел объект своего существования. Поэтому логично утверждать, что первая индустриальная революция породила менеджмент как отдельный тип реализации управленческой деятельности. Но при этом в свою очередь менеджмент стал одной из содержательных составляющих первой индустриальной революции. **Менеджмент — порождение промышленной революции и менеджмент существенная часть этой революции.** Такова диалектика их взаимоотношений.

В отношении изложенного положения может возникнуть естественное возражение. А разве в цеховом, ремесленном производстве не было разделения труда и кооперации, не было хозяина-собственника, не производились товары на продажу. Да, все это было, но система отношений в процессе кооперации строилась на существенно другой основе, на принципе квалификационного уровня и ассоциированного членства. Разделение в системе кооперации труда строилось по уровню квалификации участника трудового процесса: ученик, подмастерье, мастер, старейшины во главе с деканом. Операционная специализация присутствовала, но она предполагала ее постепенное расширение по мере роста квалификации. При этом разделение труда не предполагало жесткого закрепления операций за исполнителями, а наоборот предполагало подключение их в качестве «ассистентов» при выполнении более сложных работ. В определенном смысле это была интеграционная кооперация, при которой управленческие команды давались более квалифицированным участником трудового процесса. То есть управленческая иерархия определялась уровнем производственной квалификации. Профессионал-исполнитель и управленец сочетались в одном лице. В Европе в значительной степени цеховое производство и цеховые отношения базировались на Магдебургском праве. По своему духу цеховая форма производства была противоположна капиталистическому производству. Приток в Европу золота дал толчок росту капитала, который запустил процесс умирания цеховой формы организации производства. В отличие от цеховой, ремесленной формы в мануфактуре разделение труда строилось жестко на базе операций, работ (job), а не по квалификационному признаку. Работник подбирался для работы, а не наоборот, когда работа, как это было в цехе или у ремесленника, давалась участнику совместного производственного процесса в соответствии с уровнем его профессионализма. На фабрике такой переход от старой кадровой модели еще более усугубился появлением машины, которая

окончательно закрепила работника за конкретно выполняемой работой. Это стало основой менеджмента в области кадровой работы. Говоря по-другому, основой менеджмента по «утилизации» второго основного фактора производства.

Существенное отличие мануфактурного от цехового, ремесленного типа производства состояло в том, что в мануфактуре практически не уделялось какого-либо внимания обучению персонала, его профессиональному развитию. В массе своей работники принимались на работу для выполнения отдельной операции, и в дальнейшем закреплялись за ней до тех пор, пока физически могли выполнять ее на требуемом уровне. Именно физические возможности в совокупности с некоторыми навыками владения практически неизменяемыми инструментами являлись критерием найма работника и закрепления за ним возможной производственной операции (job). Поэтому исходно зарождающийся на поздней стадии развития мануфактуры менеджмент фактически состоял в описании производственных операций (работ) и в контроле за исполнением (объем и качество, там, где это требовалось). Самым известным наглядным примером такого взгляда на работника, его работу и управления им явилась сформулированная существенно позднее теория «Научного менеджмента» Ф. Тейлора (Taylor, 1911; Тейлор, 1991). Эти два родовых начала очень надолго предопределили то, как в дальнейшем строился и трансформировался менеджмент.

С переходом на фабричное производство, когда машинная технология стала преимущественно определять логику построения технологической схемы производственного процесса, возникли две задачи, решение которых привело к окончательному формированию менеджмента, как отдельного вида управленческой деятельности. Первая задача — это создание специализированной производственной среды. Необходимо было строить фабричные задания для размещения в них машинного технологического оборудования. А это требовало больших капиталовложений. Инвестиционная составляющая в это время становится основополагающей в бизнесе. Важнейшей функцией управления становится формирование, поддержание и развитие машинно-технологической среды. Вторая задача — это организация рабочего процесса не столько вокруг рутинных операций, сколько вокруг работ, завязанных на машинное оборудование. Квалификация работника уравнилась по значимости с его физической силой. Это привело к существенному возрастанию роли функции управления персоналом. А с развитием профсоюзного движения значимость этой функции еще более усилилась. Обучение вслед за технологическим обновлением стало регулярной задачей менеджмента.

Подводя итог сказанному, можно констатировать следующее. Менеджмент как особый вид управленческой деятельности сложился в объекте, обретшем определенные характеристики в результате промышленной ре-

волюции (ее идентифицируют как первую), в объекте, получившем обобщенное название «фабрика», которая постепенно вытеснила распространенную до нее форму организации производственной деятельности — мануфактуру. Говоря о том, что менеджмент является порождением первой промышленной революции, следует также обратить внимание на очень важное обстоятельство, заключающееся в том, что менеджмент в свою очередь является и одной из составляющих промышленной революции. Такова особенность диалектики соотношения менеджмента и первой промышленной революции. Позже в статье будет дано более подробное рассмотрение структуры промышленной революции и собственно диалектики этого взаимоотношения. Сейчас же остановимся на отличительных особенностях фабрики как объекта (смысловое понимание категории «объект» было дано в начале статьи) и на том, как эти отличительные особенности привели к возникновению менеджмента как особого вида управленческой деятельности. Сразу следует оговориться, что особенности фабрики, которые будут обозначены далее, в целом не являются сугубо уникальными. Многие из них присущи в том или ином виде другим формам организации производства. Принципиальным же является то, что они в случае фабрики обладают некой отличительной спецификой, которая не могла проявиться ранее, а зародилась именно в процессе разворачивания первой промышленной революции.

Остановимся на рассмотрении этих отличительных особенностей.

Первое — это предпринимательно-инвестиционная основа собственности объекта, преимущественно ориентированная на получение финансовой отдачи как результата функционирования (производственной деятельности) объекта (фабрики). При этом право собственности выступает основой права со стороны собственника на управление объектом либо напрямую, либо через его представителей.

Право собственности в соответствии с определенной долей закреплено за конкретным собственником (инвестором) и пропорционально этой доле наделяет его степенью влияния на функционирование фабрики, в частности, дает право на получение вознаграждения из прибыли в виде дивидендов. Собственник может обладать имущественным правом или же только правом на участие в управлении и в прибыли в соответствии со своей долей. Переход к фабричному производству привел к резкому росту промышленного капитала и соответствующей трансформации экономической системы в целом. Экономика вступила в фазу промышленного капитализма. Это и явилось содержанием и важнейшим проявлением первой промышленной революции. И именно это задало сущностную основу менеджмента как продукта становления промышленного капитализма, — полное отчуждение труда от капитала и полное подчинение труда капиталу. Менеджмент становится продуктом видения инвестора, капиталиста.

В значительной части предприниматели, создававшие фабрики, были инженерами, конструкторами, даже изобретателями. Вполне естественным явилось то, что свой инженерно-механистический взгляд они распространили на конструирование отношений и связей внутри фабрики. Жесткие, исключаящие любое проявление гибкости, по-своему логически построенные схемы взаимоотношений и взаимодействия в организации с учетом капиталистической природы фабричного производства напрочь выхолостили из системы взаимоотношений внутри фабрики неформальные, «человеческие» отношения, характерные для цеховой, ремесленной модели управления. А если еще учесть, что в дополнение к преимущественно жесткой пооперационной специализации, сложившейся еще на этапе мануфактуры, на этапе порожденного первой промышленной революцией и продолжавшегося на протяжении полутора веков первого индустриального уклада, добавилось подчинение человека машине, то становится понятно, почему сложилась и укоренилась модель менеджмента, в соответствии с которой управленческая деятельность осуществляется по принципам работы механизма, машины, и в соответствии с которой работник является отдельным винтиком (операцией), интегрированным в иерархически построенную, исключаящую гибкость систему. На смену качеству труда и квалификации работника пришла фетишизация машины. Главным фактором производительности становится машина. Ценность работника измеряется интенсивностью и экстенсивностью трудозатрат. Квалификация жестко соотносится с содержанием операции.

Второе — это создание рыночной стоимости в результате производственной деятельности. Подавляющее большинство объектов, для которых характерно наличие управленческой деятельности, в результате своего функционирования создает ценность. В ряде случаев эта ценность не имеет количественного измерения. Например, это характерно для благотворительных организаций. Налицо есть ценность, предоставляемая потребителям, есть потребители этой ценности, они даже оценивают ее. Но, во-первых, эта оценка носит качественный характер, и, во-вторых, потребительская компенсация за полученную ценность носит неосязаемый, количественно неопределенный характер. Слова благодарности, признательность, улыбки — это все способы «компенсации» за полученную благотворительность. Но они не имеют количественного выражения. В случае же когда управленческая деятельность может быть идентифицирована как менеджмент, созданная ценность обретает количественно выраженную рыночную стоимость. При этом получатель ценности рассчитывается за нее преимущественно в денежной форме, имеющей количественное выражение. Менеджмент, зародившись в недрах фабрики, в качестве родовой характеристики имеет целевую ориентацию на создание ценности в виде рыночной стоимо-

сти. И не просто количественно определенной рыночной стоимости, а рыночной стоимости, соотнесенной с величиной затрат, а следовательно, оцененной с позиции эффективности. И в этом проявляется важнейшая составляющая первой промышленной революции – рост производительности основных факторов производства, в первую очередь, рост производительности труда за счет использования машинных технологий. По-видимому, именно этот эффект послужил основанием для того, чтобы распространилась точка зрения, что первая промышленная революция – это собственно технологический прогресс, так как именно машина стала источником роста производительности и труда, и капитала.

Менеджмент как эволюционирующая субстанция

После вводных рассуждений о том, что менеджмент, являющийся особым видом управленческой деятельности, присущей определенного типа объекту, зародился в процессе первой промышленной революции в недрах новой формы осуществления производственной деятельности (фабрика), перейдем к рассмотрению процесса трансформации менеджмента с начала его становления до наших дней. Естественно начать это рассмотрение с этапа великого перехода от эпохи аграрного хозяйства к эпохе хозяйства промышленного типа. Сразу необходимо отметить, что между категориями «индустриальный» и «промышленный» в данной статье проводится принципиальное различие. В случае употребления категории «индустриальный» (индустриальный уклад, индустриальная революция и т.п.) речь идет об отдельном этапе, или процессе в пределах промышленного типа хозяйства. Категория же «промышленный» выделяет тип хозяйственной системы, противопоставляемой аграрной системе. Поэтому, если речь идет о переходе от аграрного типа хозяйствования к промышленному уместно (возможно) употреблять понятие «промышленная революция» (первая), так и понятие «индустриальная революция». Для следующих за этим революционных изменений в рамках промышленного уклада будет использоваться категория «индустриальная революция» (соответственно индустриальный уклад), произошедшая на определенной стадии развития хозяйства промышленного типа. При этом отметим, что используемые в ряде экономических школ применительно к аграрному хозяйству и хозяйству индустриального типа категории «феодалская экономика» и «капиталистическая экономика» в данной статье не будут использоваться, потому что при рассмотрении менеджмента в качестве ключевых исходных основ будут рассматриваться не отношения собственности, а отношения между стейкхолдерами, организационно-технологическое построение объекта и трансформационные процессы в среде, такие, например, как глобализация и научно-техническое развитие.

Промышленные (индустриальные) революции

Существует достаточно много публикаций на тему периодизации промышленных революций. Обычно речь идет о четырех. Наиболее известные, позволим себе назвать их яркими, публикации приведены в списке литературы в конце данной статьи (Шваб, 2017; Мокир, 2017; Hobsbawm, 1999; Розенберг, , Бирдселл, 2015; Шедровицкий, 2018; Рифкин, 2015). В подавляющем большинстве публикаций революция идентична собственному новому индустриальному укладу, которому она в реальности открыла путь. Фактически это созвучно известному большевистскому лозунгу: «Есть у революции начало, нет у революции конца!». На самом деле необходимо различать оба эти понятия, а именно различать революцию и уклад, который возник в результате ее происхождения. Для этого, с методологической точки зрения, очень важно определить сущностные характеристики индустриальной революции, т.е. выделить то, что она привнесла в систему хозяйствования и что она отбросила, а также зафиксировать ее продолжительность в определенных временных границах.

Обычно принято считать, что индустриальная революция – это вызванные научно-техническим прогрессом коренные преобразования в технологической сфере, приводящие к качественным изменениям в экономической системе, в частности, в функционировании субъектов производственной деятельности, что проявляется в первую очередь в создании принципиально новых по своей сути продуктов и услуг. И, что исключительно важно, все это в конечном счете приводит к повышению благосостояния населения, изменению образа жизни людей, созданию новых социальных институтов и норм общественной жизни.

Очевидно, что наиболее наглядной, в определенном смысле лежащей на поверхности исходной точкой индустриальной революции являются **прорывные научные открытия и соответствующие прорывные технологические решения**. Довольно широко распространено мнение, что именно это является сутью промышленной революции и даже собственно промышленной революцией. Однако также очевидно и то, что это всего лишь один, — хотя и важнейший, фактор, всего лишь одна ее предпосылка. Исключительно важным является наличие **запроса** на революцию. Это и социально-экономические предпосылки такие, например, как наличие капитала и соответствующих институтов финансового обращения, наличие определенных правовых институтов, определенное состояние рынка труда. Также наличие определенного потребительского запроса как по величине потребительского спроса, так и по материально-вещественной и сервисной структуре этого спроса. И, наконец, очень важной предпосылкой является наличие в обществе **предпринимательского потенциала** достаточного уровня, который в состоянии превратиться в движущую силу индустриальной революции. Если в социальной революции движущей

шей силой являются угнетенные массы, то в индустриальной революции одной и ведущих движущих сил становятся предприниматели, изобретатели, инноваторы. Соединенные вместе эти три начала приводят к тому, что возникают нового типа производства, которые создают нового типа ценность, возникают новые формы взаимодействия людей в производственном процессе и в обществе, в быту, создаются новые институты. И, в свою очередь, менеджмент как значимая составляющая индустриальной революции претерпевает качественное изменение. Все это наглядно присутствует в каждой из уже достаточно широко признанных четырех индустриальных революций.

Углубленное рассмотрение влияния всех вышеобозначенных факторов не входит в периметр данной статьи, так как основная ее цель — это описание того, как зародился и эволюционировал менеджмент в процессе смены индустриальных укладов. Поэтому влияние и роль отдельных факторов будут затрагиваться при рассмотрении того, как изменились форма, организационное построение и технико-технологическое оснащение предприятия и соответственно с этим, как изменялся менеджмент.

Если посмотреть на то, изменение в каких сферах лежали в основе технико-технологических преобразований, открывавших новые перспективы для создания продуктов и услуг и соответственно требовавших появления новых форм построения предприятий, то окажется, что для всех четырех индустриальных революций это были одни и те же сферы. Первое — это **энергия**: добыча (производство), хранение, передача (транспортировка) и использование. Второе — это **материалы**: производство и использование. Третье — это **транспорт**: источник тяги, пространственное позиционирование. Четвертое — это **связь**: получение, кодирование, передача и хранение информации.

Первая промышленная революция

Первая индустриальная революция ознаменовалась переходом от аграрного производства к промышленному. По разным оценкам считается, что первый индустриальный уклад охватывает период с 60-х гг. XVIII в. до последней четверти XIX в. Наиболее яркими проявлениями этого уклада выступали разрастающаяся урбанизация, слом сословной системы в основе построения производства и замена ее на капиталистическую, во многом предпринимательскую систему построения производственной деятельности, возникновение рабочего класса, и, как конкретное выражение всего этого, новая форма организации производства — фабрики. А фабрика в свою очередь породила адекватный ее отличительным особенностям новый тип управления производственным процессом — менеджмент.

Двумя важнейшими отличительными особенностями фабрики были следующие. Первое — это машинное производство, которое привело к за-

метному росту производительности труда. Так, например, созданный Эдмундом Картрайтом ткацкий станок с ножным приводом (патент на него он получил в 1785 г.) увеличил производительность труда в 40 раз. Но не только. Исключительно важным было то, что машина отодвинула работника как бы на второй план, подчинила его себе и стала основой производственного процесса. Этот процесс начался с текстильной промышленности. Старт дали изобретение в 1769 г. Ричардом Аркрайтом прядильной машины Waterframe (позже в 1790 г. она была переведена на паровую тягу) и изобретение в 1779 г. Сэмюэлем Кромптоном машины для прядения *Sprinning-mule*.

Сделав человека придатком, машина резко снизила ценность работника. И это в совокупности с существенным ростом в городах предложения на рынке труда изначально заложило в основу менеджмента организацию управления работниками не как участниками совместного производственного процесса, а как исполнителями жестко специализированной операции (*job*). Работник рассматривался исключительно как ресурс, который следовало использовать с максимальной отдачей. Позже эта функция менеджмента получила название управление трудовыми ресурсами. В дальнейшем на протяжении XIX и XX столетий эта функция менеджмента содержательно расширилась и модернизировалась. Однако вплоть до третьей индустриальной революции по своей сути оставалась неизменной. В связи со сказанным следует обратить внимание на то, что на протяжении первого индустриального уклада возникло профсоюзное движение, которое, явившись ответной реакцией со стороны работников фабрик на несправие в системе управления человеческими ресурсами, оказало существенное влияние на трансформацию менеджмента за счет введения в его состав функции проведения переговоров. В 1824 г. в Англии было отменено антирабочее законодательство, лишавшее рабочих каких-либо прав в отстаивании своих интересов. И тем самым было легализовано профсоюзное движение. В результате был нанесен серьезный удар по строго вертикальной связке: собственник — топ-менеджмент фабрики — работники. В системе менеджмента направленность принятия управленческих решений несколько развернулась в сторону возникшего нового стейкхолдера — коллектива сотрудников.

Второе — это распространение формы собственности в виде «компаний». Если ранее собственность преимущественно имела семейный характер, и при этом преимущественно собственник осуществлял управление объектом (мастерская, мануфактура), то в процессе первой индустриальной революции наметился и стал распространяться отход собственника от управления. В такой ситуации собственники по факту превращались в инвесторов, а управление фабрикой передавалось в руки наемных управленцев — менеджеров. И, если создавшие фабрику предприниматели продолжали осуществлять руководство ею, то их партнеры — инвесторы

в управлении производственным процессом на фабрике принимали относительно ограниченное участие.

Паровой двигатель дал толчок развитию не только фабричного производства, но и преобразовал транспорт. В 1820-е гг. началось строительство железных дорог. Это открывало перспективы территориального расширения промышленного производства, что потребовало значительного увеличения производства железа. В результате начинают существенно расширяться три отрасли: железнодорожный транспорт, металлургия (выплавка чугуна и железа) и добыча полезных ископаемых, в первую очередь добыча угля. В каждой из этих отраслей, исходя из отраслевых особенностей производства, формировалась система «менеджмент», имеющая некоторые отраслевые отличительные черты. В результате менеджмент начал обретать некое многообразие. В частности, возникают бригадные фирмы организации труда, начинают выделяться на постоянной основе специализированные управленческие функции.

Появление телеграфа в 1844 г. и развитие железных дорог позволили открывать филиалы производства (часто специализированные в рамках внутренней кооперации). А это привело к появлению такой формы организации производства как комбинат. Менеджмент пока еще в зачаточном виде обретал новую для себя форму иерархического построения — дивизиональность. Поэтому на протяжении первого индустриального уклада менеджмент эволюционировал от простой линейной модели к линейно-функциональной и даже линейно-дивизиональной модели построения управленческой иерархии. Эти родовые характеристики менеджмента, сложившиеся на этапе развертывания первой промышленной революции, надолго зажали в своих тисках дальнейшую его трансформацию.

Еще одним очень важным новшеством, которое возникло в управлении на этапе первого индустриального уклада явилось расширение предмета проектирования. Если раньше проектирование сводилось к проектированию изготавливаемого изделия, то фабричное производство расширило предмет проектирования, перенеся его и на процесс изготовления изделия. То есть был сделан очень важный шаг в направлении формирования функции производственного планирования. Правда пока еще только на уровне операционного планирования.

Вторая индустриальная революция

Вторая индустриальная революция ознаменовала собой триумф капиталистической системы. Города растут, экономика растет, производительность растет и растет уровень благосостояния. Буржуазия становится ведущим классом общества, а рабочий класс — влиятельной политической силой. Противоречие между трудом и капиталом (классовая борьба) сохраняется. Но уже созданы институты, позволяющие находить компро-

миссные решения. Если у истоков технологических прорывов первой промышленной революции стояли ученые и изобретатели, то технологический прогресс второй индустриальной революции в значительной мере создается инженерами и все теми же изобретателями, произрастающими на благодатной предпринимательской почве.

Энергия — электричество и двигатель внутреннего сгорания. **Материалы** — сталь, алюминий, а также пластик и другие продукты химической промышленности. **Транспорт** — железные дороги (локомотивы, электровагоны), автомобили, самолеты: прокладываются автомагистрали, линии метро, строятся аэропорты. **Передача информации, связь** — телефон, телеграф, радио и телевидение. Все это результат научной и инженерной мысли. Но все-таки это в первую очередь результат индустриального прогресса, в основе которого лежат предпринимательская энергия, капитал, труд и, как это не покажется странным, менеджмент. Поэтому не случайно именно на этапе второго индустриального уклада в обиход вводится категория «менеджмент» (об этом было сказано ранее в начале данной статьи). В силу своей значимости менеджмент становится настолько признаваемым и даже почитаемым, что применительно к нему добавляется определение «научный». Более того, начинается некая фетишизация менеджмента. В это же время начинается профессиональная подготовка менеджеров, менеджмент становится профессией².

Рост производства товаров, породивший ценовую конкуренцию, и с другой стороны рост рынков, в ответ на который росли инвестиции в производство, объективно требовали наращивания производственных мощностей, чтобы получать эффект от масштаба. А это в свою очередь требовало организации массового стандартизированного производства. В этих условиях перед менеджментом жестко встает задача обеспечения такого производственного процесса, который, с одной стороны, обеспечивает должное качество и с другой стороны, загоняет издержки в жесткие рамки, определяемые фиксируемыми параметрами эффективности. Проектирование выходит за рамки изготовления изделия и охватывает весь процесс производства. Создаются модели и технологии оргпроектирования, которые на вооружение берет менеджмент. Унифицируется и концептуализируется модель менеджмента. Основные ее положения формулируются практиком-управленцем А. Файолем. Изложенные им концептуальные положения относительно того, что в себе содержит менеджмент и на каких принципах он строится, являлись отражением того, до какого состояния развился менеджмент на стадии развертывания второго индустриального уклада.

Важным результатом второй индустриальной революции, породившей массовое стандартизированное производство, явилось внедрение Генри

² Первых выпускников со степенью MBA в 1901 г. выпустил Дартмутский колледж штата Нью-Гэмпшир.

Фордом конвейерного производства для сборки автомобилей. Это окончательно сделало работника придатком машины. А менеджмент окончательно оформился в виде формализованных схем, оргструктур, планов и систем контроля. Можно сказать, что машина в лице формализованных процедур, стандартов, оперограмм и т.п. подчинила себе и менеджмент. **Механистическое понимание** менеджмента стало доминирующим. При этом осознание менеджмента как особой функции постепенно стало обретать концептуальное оформление. Начал Ф. Тейлор со своим «научным менеджментом», продолжил А. Файоль с обобщенными универсальными принципами правильного менеджмента, а на практике закрепил в граните Г. Форд (Ford, Crowther, 1922; Форд, 2019), положивший в основу производственного процесса конвейер.

Позже поиск дополнительных источников повышения производительности труда (концептуально результаты были отражены в положениях бихевиоризма) поколебал механистический, сугубо формализованный подход к осуществлению управления. Менеджмент несколько «огуманизировался». Наиболее яркое воплощение эта тенденция получила в предложенной в 1954 г. П. Друкером (Drucker, 1954; Друкер, 2015) модели управления по целям. Но это уже было в конце второго индустриального уклада, в преддверии третьей индустриальной революции.

Обобщая сказанное относительно того, как эволюционировал менеджмент на этапе второго промышленного уклада, необходимо подчеркнуть, что на этом этапе фактически менеджмент, как особый вид деятельности, обрел достойное признание. И как следствие этого он стал объектом большого количества эмпирических и чисто теоретических исследований. На практике это привело к крайне негативному результату: менеджмент при его концептуальном рассмотрении оторвался от объекта и зажил своей самостоятельной жизнью. Прямо как нос в абсурдистской повести Н. В. Гоголя «Нос». В результате этого разрослось схоластическое теоретизирование по поводу того, что есть менеджмент сам по себе, что он в себя включает и т.п. При этом по факту была канонизирована модель менеджмента, сложившаяся в 10–20-е гг. XX в. Она стала как бы сущностным абсолютом, к которому добавлялись только отдельные модификации. И такая ситуация фактически сохранилась до наших дней. Мы все еще в наше время видим менеджмент с позиции парадигмы, сформировавшийся в процессе второго индустриального уклада. И это при том, что уже третья индустриальная революция во многом дезуваливовала данную модель менеджмента.

Третья индустриальная революция

Вышедший в 1973 г. фундаментальный труд П. Друкера «Management: Tasks, Responsibilities, Practices» (Drucker, 1973; Друкер, 2008), с одной сто-

роны, как бы завершил построение концепции менеджмента, формировавшейся в период второго индустриального уклада, а с другой стороны, как бы явился исходной точкой формирования нового взгляда на менеджмент. Менеджмент по-прежнему оставался обособившейся функцией (со своими задачами, структурой, методикой и т.п.), но при этом приобрел качество системной интегрированности в среду реально функционирующего объекта производственной деятельности.

Считается, что третий индустриальный уклад начал зарождаться в промышленно развитых странах в 60-е гг. прошлого столетия. Переход в третий индустриальный уклад не сопровождался такой сильной социальной трансформацией, которая наблюдалась при первой и второй промышленной революциях. Однако тем не менее ряд заметных социальных сдвигов был характерен и для этого времени. Массовые протестные движения молодежи, борьба за гражданские права, — это то, что было видно на поверхности. Но произошли к этому времени и существенные сдвиги в структурном построении общества. Широкое распространение получило учение об обществе всеобщего благоденствия. Развилось гражданское общество, существенно выросло благосостояние среднего класса. В частности, это проявилось в изменении потребительской ситуации на рынке. Он стал рынком покупателя. В глобальном пространстве стали развиваться интеграционные процессы, усилилась роль международных институтов.

В технологической сфере произошли кардинальные изменения в связи с изобретением транзистора. Стартовала эра компьютеризации, открывшая очень многие новые возможности в деле преобразования механизма функционирования деловой организации, в частности производственного процесса. Зародилась автоматизация как собственно производственных операций, так и управленческих операций.

Энергия — развивается атомная энергетика, возникает новый тип энергетики — зеленая, остро встает задача сокращения загрязняющих окружающую среду, в особенности атмосферу выбросов. В области **материалов** появились технологии, позволяющие создавать материалы с заданными свойствами. Этот революционный прорыв наполняет рынки товарами с совершенно новыми качественными характеристиками. Также это принципиально сказывается на развитии строительной отрасли. Развитие **телекоммуникаций** (факс, спутниковая связь), а потом интернет в сочетании с расширением авиационного сообщения и появлением скоростных железных дорог существенно повысили мобилизационные и коммуникационные возможности экономической системы.

Если во втором индустриальном укладе основой технологического развития фирмы являлись инженерные разработки, то в третьем укладе основой становятся обособившиеся в отдельную функцию научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР), технологические платформы, инновации. В основу всего кладется системный

подход, на базе которого и с помощью ЭВМ с 1960-х гг. начинает прогнозироваться деятельность фирмы, включая функционирование ее системы управления.

Дальнейшее развитие (обретение нового качества) получает процесс проектирования. На базе использования электронно-вычислительной техники (ЭВТ) создают автоматизированные системы управления (АСУ), которые в дополнение к проектированию изделия, процесса его изготовления и оргпроектированию включают в себя также планирование на продолжительную перспективу. **Получение, обработка и передача информации** становится важнейшей задачей. Информация из средства превращается в целевой продукт. А создание информации становится процессом, равноценным процессу создания продукта.

В этих условиях менеджмент претерпевает кардинальное изменение, делающее его по своей сути не просто отличным от менеджмента парадигмы второго индустриального уклада, а к концу третьего индустриального уклада, делающего его совсем другим. Возникает идея конца менеджмента. Системная интеграция организации во внешнюю среду заставляет менеджмент развернуться от взгляда во внутрь организации, как это было ранее, на взгляд во вне организации. К середине 1960-х гг. возникает и в дальнейшем широко укореняется в практике управления фирмой концепция стратегического менеджмента, основной вклад в создание которой внес Игорь Ансофф (Ansoff, 1965; Ansoff, 1979). Позже концепция стратегического менеджмента находит существенное развитие в концепции стейкхолдеров (Freeman, 1984). Фиксируется значимость не только внешних обстоятельств и рыночных сил, но и конкретных субъектов, задающих траекторию движения фирмы. Принципиально меняется суть менеджмента. От воздействия на процессы, протекающие в организации, центр концентрации внимания менеджмента переходит на разрешение противоречий интересов стейкхолдеров посредством нахождения компромисса их интересов и формулирования баланса их интересов в виде стратегических целевых установок для фирмы.

Автоматизация на базе компьютеризации, в частности АСУ, и в дальнейшем роботизация, а также интернет и мобильная связь кардинально преобразовали производственные и управленческие процессы. В результате этого произошло и кардинальное изменение положения работника в производственном процессе. Человек оторвался от машины, вышел из подчинения. Резко возросла роль человеческого фактора, важнейшими проявлениями которого стали креативность, гибкость, скорость реагирования на отклонения. В силу этого традиционная модель менеджмента с ее жесткими регламентами, нормами и правилами, с ее фиксированными плановыми установками, с ее традиционными организационными структурами, базирующимися на жесткой специализации и соответствующем ей жестком разделении труда, а также на детерминировано функциональ-

ном разделении сфер деятельности, вошла в противоречие с реальностью, сложившейся в следствии произошедшей третьей промышленной революции в процессе ускоренного становления трансформационного по своей сути третьего индустриального уклада.

Окончательно оформившаяся к концу второго индустриального уклада модель менеджмента оказалась низвергнута действительностью, сложившейся к концу третьего индустриального уклада. Таков жизненный цикл менеджмента. Зародившись в результате первой промышленной революции, он окончательно оформился в рамках второго индустриального уклада и «умер» под влиянием трансформационных процессов третьего индустриального уклада.

Рассмотрим более подробно те существенные изменения, которые произошли в управлении в процессе третьего индустриального уклада. Изначально присущей менеджменту характерной особенностью была ориентация на внутриорганизационные, преимущественно операционные процессы и задачи. Этому сопутствовал и краткосрочный, обычно годовой диапазон планирования. В случае, если операционный процесс создания продукта выходил за пределы одного года (например, строительство здания), планирование производственного цикла выходило за пределы календарного года. То есть, родовыми особенностями менеджмента являлись направленности во внутрь объекта и на краткосрочную перспективу.

Третья индустриальная революция кардинально изменила менеджмент в этом плане. Первое — это удлинение горизонта планирования, произошел переход к планированию на среднесрочную и даже долгосрочную перспективу. И второе — это разворот «взгляда» менеджмента вовне объекта управления. Очевидно, эти существенные изменения были связаны с трансформационными процессами в социальной и экономической сферах, развернувшимися в третьем индустриальном укладе. Экономика в развитых в экономическом отношении странах окончательно развернулась в сторону покупателя. Также вырос уровень благосостояния населения, а следовательно, и изменилась структура потребительских предпочтений, а также произошла их индивидуализация. Качественно изменились доступ к информации и возможности информационного воздействия на людей. Постепенно нарастало влияние глобализационных процессов.

Но не только это привело к вышеобозначенным изменениям в менеджменте. Существенно расширилась инструментальная база менеджмента. Большое развитие получили так называемые экономико-математические методы. Например, математическое моделирование, математическое программирование, разного рода эконометрические инструменты и т.п. Все это вкупе с развитием электронно-вычислительной техники (ЭВТ) сформировало методологическую и инструментальную основу для трансформационных преобразований менеджмента.

А теперь о том, что происходило на практике. Считается, что старт долгосрочному планированию дало введение в военном ведомстве США методологии PPBS (Gilmour, 1967). Обычно эту методологию связывают с именем министра обороны США Робертом Макнамара. Хотя следует указать на то, что у него были соавторы в разработке этой системы. Это глава корпорации RAND Чарльз Дж. Хитч и федеральный советник Дэвид Новак. Вообще на самом деле роль Роберта Макнамары состояла во внедрении системы PPBS в министерстве обороны США. А отцом данной системы считается Чарльз Дж. Хитч.

Внедрение PPBS заложило методологическую основу долгосрочного планирования: цель, программа действий, распределение ресурсов. То есть основой долгосрочного планирования стала связка цель – сроки – ресурсы. Все три составляющих этой связки находились в динамическом взаимодействии. Если доминировавшее до начала эры долгосрочного планирования краткосрочное планирование имело преимущественно производственный по направленности годовой цикл, обусловленный циклом налогообложения и финансовых выплат (годовые проценты, дивиденды, бонусы и т.п.), то в долгосрочном планировании доминантной стало целевое состояние компании на конец продолжительного периода (5-7 лет). Это производственные показатели, финансовые показатели, положение на рынке, место в общественной среде и т.п. Если характеризовать кратко и сущностно по содержанию, то долгосрочный план – это набор последовательных, подкрепленных соответствующим ресурсным обеспечением шагов, по переводу фирмы через продолжительное время из существующего в желаемое (целевое) положение. Для долгосрочного планирования характерны следующие отличительные особенности. Во-первых, это **прогнозирование**, с одной стороны дающее картину будущего, но при этом с другой стороны, указывающее на то, что в прогнозируемом будущем возможны отклонения от прогнозируемой картины этого будущего. Возможность составления прогнозов в значительной степени явилась определяющим фактором перехода к долгосрочному планированию. В свою очередь возможность осуществления прогнозирования возникла благодаря развитию в 1950-е и 1960-е гг. методологической и инструментальной основы, в частности, благодаря развитию специализированных математических методов анализа и моделирования социально-экономических процессов и явлений.

Во-вторых, с появлением прогнозирования в методологии планирования важное место занял стохастический анализ, должное место заняла категория **риск**. Это обстоятельство потребовало внесения в планирование гибкости, возможности модификации планов в процессе их выполнения с целью учета рисков. Позже появилась методология сценарного планирования, которая предполагала построение нескольких траекторий долгосрочного плана.

Сценарный подход так же как и PPBS зародился в 1960-е гг. в стенах RAND Corporation и далее был развит в стенах Гудзоновского института. Считается, что ведущую роль в формировании этого подхода сыграл один из самых известных футурологов XX в. Герман Кан (Kahn, 1962; 1972; 1976). В отличие от прогнозирования, которое строится на основе анализа текущих тенденций и их экстраполяции посредством использования специализированного математического аппарата, сценарный подход – это предсказание будущих событий, базирующееся на априорно сформулированных предположениях. В случае сценарного подхода в значительной степени задействована интуиция, экспертное мнение, которые являются основой выдвигаемых предположений. В бизнес сценарный подход пришел в 1970-е гг. Самым наглядным примером его успешного использования является опыт компании Royal Dutch Shell, которая с помощью этого подхода предсказала энергетические кризисы 1973 и 1979 гг. и в результате сумела более успешно, чем конкуренты, преодолеть их.

В-третьих, процесс долгосрочного планирования стал строиться на базе методологии оптимального программирования. Вычислительные технологии вкуче с разработанным в это время математическим аппаратом открыли возможности для нахождения оптимальных целевых показателей и соответствующей этим показателям оптимальной траектории их достижения. В Советском Союзе позже даже была разработана концепция СОФЭ (система оптимального функционирования экономики), охватывающая все народное хозяйство страны. Однако оптимизм 1960-х гг. по поводу перспектив оптимизации долгосрочных планов постепенно угас, так как реальность оказалась гораздо сложнее экономико-математических моделей. И этот разрыв стремительно нарастал. Но при этом тем не менее долгосрочное планирование закрепилось и сохранилось в практике менеджмента, так как оно создавало у высшего руководства чувство (иллюзию) уверенности в будущем, которое в то же время в реальности становилось все более непредсказуемым.

Если распространение долгосрочного планирования в практике управления фирмами было логичным расширением временного диапазона в силу возрастания удельного веса инвестиционного процесса в управленческой практике, а также формирования соответствующей ему методологии и инструментария, то трансформационный процесс перерождения управления бизнесом в так называемое стратегическое управление был во многом обусловлен появлением в академической сфере концепции стратегического менеджмента. Естественно, реальная бизнес-практика не могла не реагировать на возросший в 1960-е гг. динамизм социально-экономических изменений. То есть, если долгосрочное планирование органично выросло на базе меняющейся управленческой практики, хотя при этом не следует забывать, что внедрение системы PPBS было

неким триггером для концептуального оформления идеологии Long Range Planning, то распространение модели стратегического управления очень во многом было обязано формированию концепции стратегического менеджмента, о которой ранее говорилось в данной статье. Системный подход, исследование операций, экономико-математическое моделирование, развивавшиеся в 1960-е гг. многими исследователями, пожалуй, самым известным из которых был Рассел Акофф (Ackoff, 1962; Ackoff, Sacieni, 1968; Ackoff, 1970), хотя и расширяли сферу направленности внимания менеджмента на внешнюю среду, концентрация же внимания по-прежнему была направлена внутрь организации. Представленная Игорем Ансоффом концепция стратегического менеджмента в корне изменила существовавшую на протяжении двух веков парадигму управления бизнес организацией. В соответствии с предложенной им парадигмой исходной точкой при формировании стратегии становились внешние факторы, которые он разделил на две группы, а именно — возможности и угрозы. Это означало, что существовавшая модель стратегического планирования (читай долгосрочного планирования), основанная на схеме цель — ресурс не просто дополнилась более углубленным учетом влияния внешних факторов. В действительности произошла ее замена на абсолютно новую модель — модель обстоятельств, модель динамики **потенциала ситуации**. С появлением концепции стратегического менеджмента на концептуальном уровне рассмотрения управления образовался некий дуализм в понимании того, что же все-таки является сущностным основанием управления фирмой, — менеджмент как он зародился на этапе распространения фабричного производства с его изначальной основой в виде администрирования, либо же стратегический менеджмент, отрицающий администрирование в качестве основополагающего начала управленческой деятельности. Изначально появление стратегического менеджмента воспринималось как некое дополнение, как открытие, возникновение новой грани менеджмента. Но постепенно стратегический менеджмент все больше стал обретать, если так можно выразиться, самостоятельность. В результате к 80-м гг. прошлого века сложилась парадоксальная ситуация, — управление стало как бы проявляться в двух различных по сути ипостасях. Это был менеджмент в своем классическом понимании и стратегический менеджмент в его сущностной основе, сформировавшийся на базе теоретических трудов 1960-х гг. и распространяющейся практики использования идей и инструментов стратегического менеджмента в управлении фирмами. Наглядным примером раздельной объективизации «простого» менеджмента и стратегического менеджмента является укоренившееся в практике параллельное преподавание в университетах учебных курсов «Менеджмент» и «Стратегический менеджмент». На практике же управленческая парадигма стратегического менеджмента все больше вытесняла парадигму менеджмента, сложившуюся в резуль-

тате первой промышленной революции и обретшую цельность в процессе второй индустриальной революции. К концу третьего индустриального уклада парадигма менеджмента потеряла поддержку в реальной практике. Менеджмент как определенная управленческая идеологема умер (Клок, Голдсмит, 2004; Виханский, 2002).

Помимо разворота взгляда вовне фирмы, вызванного в результате третьей индустриальной революции реальной трансформацией бизнес-среды, и появления в результате этого концепции стратегического менеджмента, значительную роль в замещении существовавшей концепции менеджмента сыграло и кардинальное изменение в понимании внутренней среды фирмы. Бихевиористы в своих трудах поднимали вопросы, касающиеся поведенческой стороны менеджмента (Mayo, 2003; Follett, 2003). Однако они только ставили вопрос о необходимости в управлении фирмой учета социально-психологических аспектов динамики функционирования ее внутренней среды. Это находило отражение в практике менеджмента, но не затрагивало его основополагающих начал. Реальной революцией в плане понимания того, как устроена внутренняя среда в условиях, соответствующих третьему индустриальному укладу, явилось возникновение концепции организационного поведения, признанным основоположником, которой считается профессор Фред Лютенс. Его книга 1973 г. «Организационное поведение» (Luthans, 1973) заложила основу данной концепции, которая, распространившись, также, как и концепция стратегического менеджмента легла в основу новой парадигмы управления. Хотя при этом в университетах курс «Организационное поведение» так же, как и курс «Стратегический менеджмент» преподается параллельно с курсом «Менеджмент».

Подводя итог сказанному, к 90-м гг. прошлого столетия в процессе управления взгляд на внутреннюю и внешнюю среду фирмы коренным образом изменился. И тем самым коренным образом изменились существенные характеристики управленческой деятельности. История менеджмента развивалась по классической схеме жизненного цикла любого явления: зарождение, рост, окончательное становление, затухание и уход.

Вместо послесловия

Основатель и бессменный руководитель компании NVIDIA — компании с капитализацией 3,34 трлн долл., Дженсен Хуанг отмечал: «Я не знаю, сколько я еще пробуду у руля. Не исключен вариант, что я стану роботом и проработаю еще лет 30»³. Роботы будут управлять компаниями.

³ Биография Дженсена Хуанга: основание корпорации NVIDIA, предпринимателя, миллиардера. *Gem Space Media*. 13 июня 2023.

Список литературы

- Виханский, О. С. (2002). Менеджмент мёртв. Следующий — маркетинг. *Секрет фирмы*, февраль, 41–43.
- Друкер, П. Ф. (2008). *Менеджмент: задачи, обязанности, практика*. М.: Вильямс.
- Друкер, П. Ф. (2015). *Практика менеджмента*. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Катькало, В. С. (2006). *Эволюция теории стратегического управления*. СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та.
- Клок, К., & Голдсмит, Дж. (2004). *Конец менеджмента и становление организационной демократии*. СПб.: Питер.
- Мокир, Дж. (2017). *Просвещенная экономика. Великобритания и Промышленная революция 1700–1850 г.* М.: Издательство Института Гайдара.
- Рифкин, Дж. (2015). *Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Розенберг, Н., & Бирдцелл, Л. (2015). *Как запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира*. М.: ИД «Социум».
- Тейлор, Ф. У. (1991). *Принципы научного менеджмента*. М.: Контроллинг.
- Файоль, А. (1923). *Общее промышленное управление*. Пер. Б. В. Бабина-Кореня с предисловием А. К. Гастева. М.: Центральный институт труда.
- Форд, Г. (2019). *Моя жизнь и мое дело*. М.: Концептуал.
- Шваб, К. М. (2017). *Технологии четвертой промышленной революции*. М.: Эксмо.
- Щедровицкий, П. Г. (2018). *Три индустриализации России*. М.: Terra Fantastica.
- Шелдрейк, Дж. (2001). *Теория менеджмента: от тейлоризма до японизации*; пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. СПб.: Питер.
- Ackoff, R. L. (1970). *A concept of corporate planning*. N. Y.: Wiley-Interscience.
- Ackoff, R. L., & Sasieni, M. W. (1968). *Fundamentals of operations research*. N. Y.: John Wiley & Sons.
- Ackoff, R. L. (1962). *Scientific method: optimizing applied research decisions*. N. Y.: Wiley.
- Ansoff, I. (1965). *Corporate strategy*. N. Y.: Me Crew-Hill.
- Ansoff, I. (1979). *Strategic management*. L.: MacMillan.
- Drucker, P. F. (1973). *Management: Tasks, responsibilities, practices*. N. Y.: Harper & Row.
- Drucker, P. F. (1954). *The practice of management*. N. Y. and Evanstore.: Harper & Row.
- Fayol, H. (1916). *Administration Industrielle et Générale*. P.: Dunod at Pinat.
- Follett, M. P. (2003). *Dynamic administration: The collected papers of Mary Parker Follett*. London: Routledge.
- Ford, H., & Crowther, S. (1922). *My life and work*. N. Y.: Garden City Publishing Company.
- Freeman, R. E. (1984). *Strategic management: A stakeholder approach*. Marshfield, MA.: Pitman Publishing.
- Gilmour, R. S. (1967). A planning-programming, budgeting system. *Proceedings of the Academy of Political Science*, 28(3), Modernizing State Government: The New York Constitutional Convention of 1967, 183–191. <https://doi.org/10.2307/1173161>
- Hobsbawn, E. (1999). *Industry and empire: The birth of the industrial revolution*. N. Y.: The New Press.
- Kahn, H. (1976). *The next 200 years*. N. Y.: Morrow.
- Kahn, H. (1962). *Thinking about the unthinkable*. N. Y.: Avon Library Book.
- Kahn, H. (1972). *Things to come: Thinking about the seventies and eighties*. N. Y.: MacMillan.

- Luthans, F. (1973). *Organizational behavior*. N. Y.: Me Crew-Hill.
- Mayo, G. E. (2003). *The human problems of an industrial civilisation*. L: Routledge.
- Taylor, F. W. (1911). *Principles of scientific management*. N. Y., L.: Harper & Brothers.

References

- Cloke, K., & Goldsmith, J. (2004). *The end of management and the rise of organizational democracy*. SPb.: Peter.
- Drucker, P. F. (2008). *Management: Tasks, responsibilities, practices*. M.: Williams.
- Drucker, P. F. (2015). *The practice of management*. M: Mann, Ivanov and Ferber.
- Fayol, H. (1923). *General and industrial management*. M.: Central Institute of Labor.
- Ford, H. (2019). *My life and work*. M.: Konceptual.
- Schwab, K. M. (2017). *Shaping the fourth industrial revolution*. M.: Eksmo.
- Sheldrake, J. (2001). *Management theory: From taylorism to japanization*. SPb.: Peter.
- Shchedrovitsky, P. G. (2018). *Tri industrializacii Rossii = Three industrializations of Russia*. M.: Terra Fantastica.
- Vikhanskiy, O. S. (2002). Menedzhment myortv. Sleduyushchij – marketing = Management is dead. Next is marketing. *Sekret firmy = Company Secret*, February, 41–43.

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

И. В. Соловьев¹

Высшая школа бизнеса,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

С. П. Куш²

Высшая школа бизнеса,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Т. Р. Маликов³

Высшая школа бизнеса,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

УДК: 334.7

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-6

ВЛИЯНИЕ ОРИЕНТИРОВАННОСТИ КОМПАНИЙ НА КООПЕРАЦИЮ НА РАЗВИТИЕ МЕЖОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИННОВАЦИЙ⁴

Растущий спрос на инновации и регулярные обновления в бизнесе, вызванные стремительным развитием технологий и цифровизацией всех сфер человеческой жизнедеятельности, требуют от компаний развития способностей по адаптации к изменениям и по развитию инноваций. Однако ограниченность ресурсов компаний, нехватка знаний и сложность современных технологий для самостоятельной разработки и внедрения требуют также способностей развивать межорганизационные инновации,

¹ Соловьев Иван Владимирович — преподаватель, Высшая школа бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: isolovev@hse.ru, ORCID: 0000-0002-3120-9726.

² Куш Сергей Павлович — д.э.н., профессор, Руководитель департамента операционного менеджмента и логистики, Академический директор аспирантской школы по менеджменту, Высшая школа бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: skushch@hse.ru, ORCID: 0000-0002-6749-184X.

³ Маликов Тимур Равилевич — аспирант, Высшая школа бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: trmalikov@hse.ru, ORCID: 0000-0001-5485-3402.

⁴ Статья подготовлена по результатам прикладных исследований, выполненных в рамках научно-исследовательского проекта 2023.004EMPL.SPKUSHCH С. П. Куш «Преобразование форм и инструментов кооперации участников цепей поставок российских компаний в новых условиях развития российского бизнеса» Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ в 2023–2024 гг.

© Соловьев Иван Владимирович, 2025

© Куш Сергей Павлович, 2025

© Маликов Тимур Равилевич, 2025

управлять межорганизационными проектами и минимизировать риски, связанные с привлечением внешних партнеров. Одним из ключевых этапов жизненного цикла межорганизационных отношений, способных повлиять на их результат, является выбор партнеров, которые смогли бы обеспечить достижение необходимого результата. Ранее в исследованиях предпринимались попытки выделения критериев отбора партнеров для разработки межорганизационных инноваций, однако предложенные критерии были сфокусированы, прежде всего, на соответствии потенциальных партнеров целям фокальной компании, в то время как внутренняя заинтересованность потенциальных партнеров в таких отношениях не учитывалась. В данном исследовании авторы стремятся преодолеть это упущение и определить индикаторы, характеризующие заинтересованность потенциальных партнеров в участии в межорганизационных отношениях. В данном исследовании разрабатывается модель зависимости заинтересованности компании в развитии межорганизационных инноваций от ориентированности компании на кооперацию и тестируются на данных опроса 165 специалистов и топ-менеджеров российских компаний. В результате исследования подтверждается связь между ориентированностью компаний на кооперацию и заинтересованностью в развитии межорганизационных инноваций, а также обнаруживается частичная медиация данной связи отношением к межорганизационным инновациям.

Ключевые слова: межорганизационные инновации, сотрудничество, развитие инноваций, намерение, маркетинг отношений, технологические инновации.

Цитировать статью: Соловьев, И. В., Куш, С. П., & Маликов, Т. Р. (2025). Влияние ориентированности компаний на кооперацию на развитие межорганизационных инноваций. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 107–128. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-6>.

I. V. Solovyov

Graduate School of Business, HSE University (Moscow, Russia)

S. P. Kushch

Graduate School of Business, HSE University (Moscow, Russia)

T. R. Malikov

Graduate School of Business, HSE University (Moscow, Russia)

JEL: O31, O32, D22

THE IMPACT OF COMPANIES' FOCUS ON COOPERATION ON THE DEVELOPMENT OF INTER-ORGANIZATIONAL INNOVATIONS⁵

The growing demand for innovations and regular business updates caused by the rapid development of technology and digitalization of all spheres of human activity requires

⁵ The article is based on the results of applied research carried out within the framework of the research project 2023.004EMPL.SPKUSHCH “Transformation of forms and tools of cooperation between participants in the supply chains of Russian companies in the new conditions of Russian business development” of the Graduate School of Business of the HSE University in 2023–2024.

companies to develop the ability to adapt to changes and to develop innovations. However, the limited resources of the company, the lack of knowledge and the complexity of modern technologies for independent development and implementation also require the ability to develop inter-organizational innovations, manage inter-organizational projects and minimize the risks associated with attracting external partners. One of the key stages in the life cycle of interorganizational relations that can influence their outcome is the choice of partners who could ensure the achievement of the necessary result. Earlier, research attempts were made to identify criteria for selecting partners for the development of inter-organizational innovations, however, the proposed criteria were focused primarily on the compliance of potential partners with the goals of the focal company, while the internal interest of potential partners in such relationships was not taken into account. In this study, the authors strive to overcome this omission and identify indicators characterizing the interest of potential partners in participating in inter-organizational relations. In this study, a model is developed for the dependence of a company's interest in the development of interorganizational innovations on the company's focus on cooperation and is tested on data from a survey of 165 specialists and top managers of Russian companies. As a result of the study, the relationship between the focus of companies on cooperation and interest in the development of interorganizational innovations is confirmed, and a partial mediation of this relationship is revealed by the attitude towards interorganizational innovations.

Keywords: interorganizational innovations, cooperation, innovation development, intention, relationship marketing, technological innovations.

To cite this document: Solovyov, I. V., Kushch, S. P., & Malikov, T. R. (2025). The impact of companies' focus on cooperation on the development of inter-organizational innovations. *Lomonosov Economics Journal*, 60(1), 107–128. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-6>

Введение

В условиях стремительного развития технологий и цифровизации всех сфер человеческой жизнедеятельности компании вынуждены приспосабливаться к динамичным изменениям конъюнктуры рынков и запросов потребителей. Несмотря на то, что задача оптимизации и обновления процессов стояла перед компаниями всегда, настоящее время характеризуется беспрецедентной скоростью изменений, что с одной стороны снижает возможность создания устойчивых конкурентных преимуществ и с другой стороны повышает роль способности компаний к регулярным обновлениям и инновационному развитию в обеспечении ее конкурентоспособности.

Инновации являются одним из важнейших источников конкурентного преимущества компаний, обеспечивающим необходимую отстройку продуктов или услуг компании от конкурентов. Тем не менее сам процесс развития инноваций, особенно технологических является трудоемким, требующим от компаний обладания развитыми междисциплинарными компетенциями, актуальными знаниями и большими ресурсными мощностями. Такие требования являются ключевыми сдерживающими факторами, которые ограничивают возможности компании развивать соб-

ственные инновации. Также усложнение современных технологических решений, связанное с бурным ростом технологического потенциала на всех уровнях управления, включая национальный и международный уровни, еще больше увеличило влияние обозначенных сдерживающих факторов.

Одним из ключевых способов преодоления ресурсных и компетентностных ограничений является поиск внешних ресурсов за пределами организации через установление партнерств с другими акторами рынка. Однако наряду с преимуществами, получаемыми от привлечения партнеров к развитию инноваций, компании также сталкиваются с необходимостью управления отношениями с партнерами и рисками, связанными с этим управлением.

В соответствии с классификацией этапов жизненного цикла межорганизационных отношений, предложенной Ф. Двайером с соавт., жизненный цикл отношений подразделяется на пять этапов: осознание, исследование, расширение, приверженность и расторжение (Dwyer et al., 1987). На каждом из этих этапов компании принимают управленческие решения, которые оказывают непосредственное влияние на развитие таких отношений и на их результативность. Этап осознания, предполагающий отбор партнеров является решающим, с точки зрения определения потенциала отношений, так как именно на этом этапе определяются цели партнерства, формируются критерии отбора и совершается выбор (Holmberg, Cummings, 2009; Jee, Sohn, 2020).

В академической литературе существует множество подходов к идентификации факторов и конкретных критериев, влияющих на выбор компаний для потенциального сотрудничества. Доверие и приверженность рассматриваются многими исследователями, как существенные факторы, влияющие на весь жизненный цикл отношений (см., например: Morgan, Hunt, 1994; Shah, Swaminathan, 2008), однако, на стадии отбора партнеров данные факторы менее применимы по отношению к компаниям, с которыми у фокальной организации отсутствует опыт взаимодействия. Шан и Свамнатан (Shah, Swaminathan, 2008) дополнительно выделяют взаимодополняемость и ценность или финансовую отдачу в качестве факторов отбора партнеров, которые возможно оценить на этапе проведения переговоров и которые могут быть применимы ко всем типам и формам сотрудничества.

Тем не менее, определяя критерии для отбора партнеров, следует учитывать не только общие характеристики «качественного» партнера, но в то же время разрабатывать дополнительные критерии, руководствуясь требованиями той цели, которую требуется достигнуть через сотрудничество. Развитие инноваций в рамках межорганизационного сотрудничества является одной из наиболее сложных задач, в связи с неопределенностью результата, сложностью разделения вклада, рисками, связанными с обеспечением интеллектуальной собственности и коммерческой тайны и т. д.

Значимость задачи корректного выбора партнеров для развития инноваций подтверждается многими исследователями, однако, также исследователи обращают внимание на недостаток освещенности темы отбора этих партнеров (Jacobides et al., 2018; Wei et al., 2020). Одной из важнейших проблем предлагаемых индикаторов отбора партнеров для развития инноваций является учет потребностей только фокальной фирмы, при этом интерес потенциального партнера не включается в критерии отбора. Частично данная проблема объясняется тем, что, отбирая партнеров для осуществления традиционных рыночных процессов купли-продажи, заинтересованность противоположной стороны принимается априори положительной в случае, если партнерство подразумевает улучшение условий осуществления ее базовых функций. Тем не менее, рассматривая развитие инноваций в качестве цели предполагаемого партнерства, следует учитывать, что ряд компаний предпочитает внутренние (in-house) разработки любым внешним проектам с привлечением сторонних организаций, несмотря на растущую популярность «открытой» инновационной модели, предполагающей открытие границ организации и подключение к внешним ресурсам. Внутренние (или закрытые) инновации считаются традиционным подходом, который позволяет фирмам снизить риски (Ryoo, 2017; Zhang, Tang, 2017), не тратить ресурсы на управление взаимоотношениями (Gkypali et al., 2017; Lakemond et al., 2016) и сохранить право на полное владение результатом инновационной разработки (Berchicci, 2013; Ryoo, 2017). Таким образом, компании, находящиеся в поиске партнеров для развития инноваций, сталкиваются с задачей не только найти подходящих партнеров, но и отобрать среди них тех, кто действительно готов участвовать в такого рода межорганизационных отношениях.

Таким образом, целью данного исследования является разработка подхода к оценке намерения организации вступить в межорганизационное сотрудничество в целях инновационного развития. Для оценки намерения была использована теория планируемого поведения, которая была разработана в качестве основы для предсказания поведения человека, в которой намерение определяется как основная детерминанта дальнейшего поведения (Ajzen, 1991; Asare, 2015; Asare, Sharma, 2009). В данном исследовании был концептуализирован подход, позволяющий использовать положения данной теории для анализа намерения компании, и были выделены две независимые переменные, которые предшествуют намерению: «отношение к межорганизационным инновациям» и «субъективные нормы». Отношение к межорганизационным инновациям предполагает наличие у компании определенных ожиданий в отношении полученного результата от их развития. Субъективная норма характеризует убеждения организации об отношении окружающих к такому поведению.

На базе положений теории планируемого поведения были разработаны следующие гипотезы:

Н1: Положительное отношение к развитию межорганизационных инноваций повышает намерение компании вступить в партнерство для развития совместных инноваций.

Н2: Рассмотрение развития межорганизационных инноваций как субъективной нормы положительно влияет на намерение компании вступить в партнерство для развития совместных инноваций.

Также для определения предшественников намерения компании развивать межорганизационные инновации используется призма организационных рутин. Опираясь на идею о том, что организационные рутины лежат в основе организационного поведения, которое используется для решения разных задач в различных ситуациях (Feldman, 2000; Martinsuo et al., 2024), формируется предположение, о том, что намерение использовать кооперацию с другими компаниями для развития межорганизационных инноваций будет зависеть от того, применяет ли компания кооперацию для решения своих бизнес-задач, т.е. рассматривает ли компания кооперацию в качестве своей рутины. На основании данного предположения формируется третья гипотеза:

Н3: Высокая ориентированность компании на кооперацию для решения своих бизнес-задач положительно влияет на намерение развивать межорганизационные инновации.

Однако также необходимо учесть то, что ориентированность компании на кооперацию также будет влиять и на отношение к сотрудничеству в целях развития инноваций. А соответственно, предполагается, что влияние ориентированности на кооперацию будет опосредовано отношением к межорганизационному сотрудничеству в целях развития инноваций.

Н4: Отношение к сотрудничеству в целях развития инноваций является посредником между ориентацией на сотрудничество и намерением вступить в сотрудничество для развития инноваций.

Для проверки гипотез используются данные оригинального опроса, проведенного среди российских компаний.

В следующем разделе будет представлен теоретический обзор по отбору партнеров для развития инноваций, поведенческой теории фирмы и теории планируемого поведения; затем будут представлены раздел с описанием методологии исследования и раздел с результатами и их обсуждением. Заканчивается работа заключением, в котором отмечаются ключевые выводы исследования, его ограничения и направления для будущих исследований.

Теоретические основы

Межорганизационные инновации. Термин «инновации», несмотря на его активное употребление в деловом и академическом пространстве, по-прежнему остается сложным конструктом с точки зрения его интер-

претации. Инновации часто определяют как процесс по поиску и внедрению новых возможностей, базирующихся на новых идеях (см., например: Barak, Usher, 2019; Garcia, Calantone, 2002; Morad et al., 2021). В то же время в литературе можно встретить понятие «потоки инноваций», который подразумевает разработку инноваций системным образом, а соответственно инновации в данном случае становятся не процессом, а результатом (Ташмен, О'Райли III, 2013). В Федеральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О науке и государственной научно-технической политике» предлагается аналогичный взгляд на инновации, как на результат, а именно «инновации — введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях». В данном исследовании под инновациями будет также пониматься результат разработки и внедрения новых решений в компанию, удовлетворяющих ее коммерческим интересам.

Развитие вопроса появления и управления межорганизационными инновациями нашло отражение в двух научных областях: управление инновациями и промышленный маркетинг. В области управления инновациями наиболее значимой концепцией, повлиявшей на развитие вопроса, является парадигма открытых инноваций, предложенная Генри Чесбро в 2003 г., в соответствии с которой ценные идеи могут рождаться, как внутри компании, так и приходиться извне, то же относится и к распространению идей — пути могут быть, как внешними, так и внутренними (Chesbrough, 2003). Данная парадигма быстро нашла отклик в академической дискуссии, а положительные эффекты открытых инноваций стали подтверждаться многими исследованиями (Bogers et al., 2019; Cricelli et al., 2023; Hong et al., 2019).

Изучение открытых инноваций создало широкий пласт исследований, раскрывших особенности «открытости» инновационных проектов, выраженной в широте, т.е. количестве типов внешних партнеров, и глубине, т.е. в степени интеграции взаимодействий с партнерами (Bahemia, Squire, 2010; Kobarg et al., 2019; Lappalainen et al., 2023; Salge et al., 2013). Также в рамках развития парадигмы исследователи активно поднимают вопросы управления открытыми инновационными проектами, охватывающими в том числе вопросы механизмов управления (Bagherzadeh et al., 2021; Barbic et al., 2021; Lappalainen et al., 2023; Lehtimäki, Komulainen, 2021), контроля (Ahlfänger et al., 2022; Dyball, Wang, 2017), а также вопросы выявления критериев отбора партнеров и самого процесса отбора (Garcez et al., 2014; Guertler, Sick, 2021).

Так, например, в статье (Slowinski, Sagal, 2010) авторы предлагают четырехэтапную модель жизненного цикла отношений в рамках открытых инноваций (хотим, находим, получаем, управляем), которая имеет опре-

деленное сходство с моделями жизненного цикла отношений, предлагаемых исследователями в области промышленного маркетинга. Характеризуя этап поиска, авторы описывают ключевые принципы реализации данного процесса и обращают внимание на то, что поиск партнеров – это двусторонний процесс, что актуализирует значимость учета целей и предпочтений не только фокальной фирмы (традиционный взгляд), но и потенциальных партнеров. И хотя авторы обращают внимание больше на аспект конкуренции за конкретного партнера, тем не менее данная идея является основанием для рассмотрения заинтересованности потенциального партнера не только в конкретной компании, но и в инновационном проекте в целом.

Параллельно с развитием парадигмы открытых инноваций активно развивается концепция маркетинга отношений, через призму которой рассматриваются не только традиционные для маркетинга отношения продавец-покупатель, но и отношения партнер-партнер, что в свою очередь позволяет изучать не только вопросы купли-продажи, но и достижение иных целей, в частности развитие инноваций (Keränen et al., 2021; Najafi-Tavani et al., 2018). В рамках сетевого подхода одного из доминирующих концептов маркетинга отношений, активно изучаются инновационные сети и экосистемы, которые, по мнению исследователей способствуют развитию инноваций через объединение ресурсов и знаний различных акторов (Varbosa et al., 2024), что является созвучным с идеями парадигмы открытых инноваций. Тем не менее, направленность исследований в области промышленного маркетинга и маркетинга отношений остается сфокусированной на управлении отношениями и их оптимизации, где вопрос выбора партнеров остается фундаментальным, раскрывающим одну из основных стадий жизненного цикла отношений.

Несмотря на то что в академической литературе представлено большое количество подходов к определению стадий жизненного цикла отношений, однако все они включают стадию поиска и выделения будущих партнеров (см., например: Dwyer et al., 1987; Klimas et al., 2022; Zineldin, 1996) так как именно на данной стадии определяется потенциал будущих отношений.

В литературе предложен следующий процесс выбора партнеров, включающий три этапа: сформулировать цель партнерства, оценить потенциальных партнеров на основе факторов, связанных с задачей и самим партнером, и интегрировать критерии отбора для выбора партнера (Holmberg, Cummings, 2009; Jee, Sohn, 2020). Тщательный анализ потенциального партнера на стадии распознавания провести крайне сложно, любые суждения на данном этапе будут основываться на поверхностных признаках, а не на опыте (Davis, Love, 2011), в соответствии с чем повышение точности таких суждений является важной задачей для компаний, заинтересован-

ных в установлении новых межорганизационных отношений. Наиболее распространенными группами характеристик-индикаторов при отборе партнеров являются соответствие продукта/услуг компании ожиданиям фокальной фирмы (Duanmu, Fai, 2007) и наличие хорошей репутации, которая может оцениваться через отзывы других компаний (Davis, Love, 2011). Также в литературе встречаются и иные подходы: так, например Шах и Свамианатан (Shah, Swaminathan, 2008) выделили четыре ключевых фактора, которые, влияют на выбор партнера и последующую эффективность стратегического альянса: доверие, приверженность, взаимодополняемость, а также ценность или финансовая отдача.

Оценка намерения компаний. Оценка намерения и готовности акторов рынка совершать определенные действия является важным аспектом планирования действий фокальной компании. В академической литературе вопрос оценки намерения применительно к организациям рассматривается в различных контекстах: например, в теории игр оценка намерения конкурентов совершить какое-либо действие позволяет определить наиболее выгодное или наименее рискованное действие со стороны фокальной компании (совершение действий может быть как последовательным, так и одновременным). Также оценка намерения компаний может применяться на B2B-рынках по отношению к компаниям-потребителям (см., например: Casidy, Nyadzayo, 2019; Niroomand, Jenkins, 2020; Nyadzayo et al., 2020). Например Нироманд и Дженкинс (Niroomand, Jenkins, 2020) производили оценку готовности компаний платить больше за поставку электроэнергии при улучшении условий обслуживания.

Многие исследования по оценке намерения и готовности компаний совершать определенные действия опираются на практику B2C-рынков (см., например, Casidy, Nyadzayo, 2019; Nyadzayo et al., 2020), тем самым проводя параллель между поведением компании и поведением индивидов и актуализируя вопрос рассмотрения идентичных предпосылок поведения. Принимая данное допущение, ряд исследователей опирается на психологические и социальные теории, например, теорию обоснованных действий и теорию планируемого поведения, для изучения поведения компаний (Zhao et al., 2018).

В данном исследовании также принимается предпосылка о схожести поведения индивидов и компаний, и для оценки намерения компаний будет использована теория планируемого поведения. Тем не менее, принимая во внимание то, что сам процесс принятия решения в компании отличается от принятия решения индивидом, будут обозначены определенные ограничения применения обозначенной теории.

Теория планируемого поведения была разработана Айзеком Айзенем, как основа для предсказания поведения человека, в которой намерение определяется как основная детерминанта дальнейшего поведения (Ajzen, 1991; Asare, 2015; Asare, Sharma, 2009). Согласно данной теории ключе-

выми переменными, влияющими на намерение, являются отношение к поведению, субъективная норма и воспринимаемый поведенческий контроль. Первая независимая переменная «отношение к поведению» подразумевает оценочную степень благоприятности (или неблагоприятности) рассматриваемого поведения. Она складывается из убеждений человека о вероятных последствиях совершаемого действия. Вторая независимая переменная «субъективная норма» подразумевает восприятие индивидом социального давления, которое складывается из нормативных убеждений (что ожидается от индивида, как норма; совершают ли это действие значимые «другие»). Третья независимая переменная «воспринимаемый поведенческий контроль» характеризуется убеждениями индивида о наличии факторов, способствующих или препятствующих данному поведению (Ajzen, 2006; Asare, 2015).

Для того, чтобы использовать вышеуказанные конструкты для анализа намерения в компании, следует определить возможность их корректной интерпретации не с точки зрения конкретного индивида, а с точки зрения целой организации. «Отношение к поведению» предполагает наличие определенных ожиданий в отношении полученного результата от данного поведения, что в целом соответствует логике реализации любых бизнес-проектов, до старта реализации которых должны быть сформированы целевые ожидания. Также следует учитывать, что любой проект зависит от лиц, которые принимают решение и отношение которых к данному типу проекта может повысить или снизить намерение организации его реализовать. Таким образом, отношение лиц, принимающих решение или влияющих на принятие решение, к проекту может оказывать влияние на намерение его реализовать, в соответствии с чем была сформулирована первая гипотеза:

H1: Положительное отношение к развитию межорганизационных инноваций повышает намерение компании вступить в партнерство для развития совместных инноваций.

Вторая независимая переменная «субъективная норма» в теории планируемого поведения характеризует убеждения индивида об отношении окружающих к такому поведению (что ожидается от индивида, как норма; совершают ли это действие значимые «другие»). Применительно к организациям данная переменная находит свое отражение в неинституциональной теории, которая обращает внимание на парадоксальную ситуацию, при которой компании, меняясь, становятся все больше похожими друг на друга. Диаджио и Пауэлл описали три механизма (изоморфизма) способствующих данному парадоксу: подражательный, нормативный и принудительный (DiMaggio, Powell, 1983). Логика данных механизмов заключается в том, что поведение компаний во многом обуславливается внешними факторами (институтами), через необходимость и/или стремление компаний соответствовать нормам, стандартам, законам. Таким образом,

действительно, можно ожидать, что «субъективные нормы» окажут влияние на намерение компании, в соответствии с чем была сформулирована вторая гипотеза:

H2: Рассмотрение развития межорганизационных инноваций, как субъективной нормы положительно влияет на намерение компании вступить в партнерство для развития совместных инноваций.

Третья независимая переменная «воспринимаемый поведенческий контроль» характеризуется восприятием индивида возможности контролировать данное поведение, т.е. возможности осуществлять его или не осуществлять его независимо от внешних факторов. Данный фактор является наименее применимым для определения намерения компании развивать межорганизационные инновации. Во-первых, возможность контроля межорганизационных проектов может изменяться с изменением условий проекта (размер и количество партнеров, цели проекта, соотношение рисков и выгод и пр.), в соответствии с чем, определение воспринимаемого контроля целесообразно измерять не по отношению к типу проекта, а по отношению к конкретному проекту. Во-вторых, понимание поведенческого контроля на уровне фирмы может происходить только на этапе планирования проекта, в процессе определения причин запуска проекта и его целей, что уже является частью поведения. Таким образом, третий конструкт в данном исследовании не будет рассматриваться в качестве предшественника намерения компании развивать межорганизационные инновации.

Ориентированность на кооперацию: призма организационных рутин.

В данном исследовании принимается взгляд организационных рутин, используемых для реализации деятельности компании. Организационные рутины позволяют описывать и объяснять сложные процессы в компании, в основе которых находятся шаблоны, процедурные знания, на которые опирается компания (включая не только физические «артефакты», такие как инструкции, образцы и пр., но и образ мышления при решении задач) (Maroun, Duboisée de Ricquebourg, 2024).

Соответственно, опираясь на идею о том, что организационные рутины лежат в основе организационного поведения, которое используется для решения разных задач в различных ситуациях (Feldman, 2000; Martinsuo et al., 2024), формируется предположение, о том, что намерение использовать кооперацию с другими компаниями для развития межорганизационных инноваций будет зависеть от того, использует ли компания кооперацию для решения своих бизнес-задач, т.е. рассматривает ли компания кооперацию в качестве своей рутины. На основании данного предположения формируется третья гипотеза:

H3: Высокая ориентированность компании на кооперацию для решения своих бизнес-задач положительно влияет на намерение развивать межорганизационные инновации.

Однако также необходимо учесть то, что ориентированность компании на кооперацию также будет влиять и на отношение к сотрудничеству в целях развития инноваций. А соответственно, предполагается, что влияние ориентированности на кооперацию будет опосредовано отношением к межорганизационному сотрудничеству в целях развития инноваций.

Н4: Отношение к сотрудничеству в целях развития инноваций является посредником между ориентацией на сотрудничество и намерением вступить в сотрудничество для развития инноваций.

Итоговая модель исследования представлена на рис. 1.

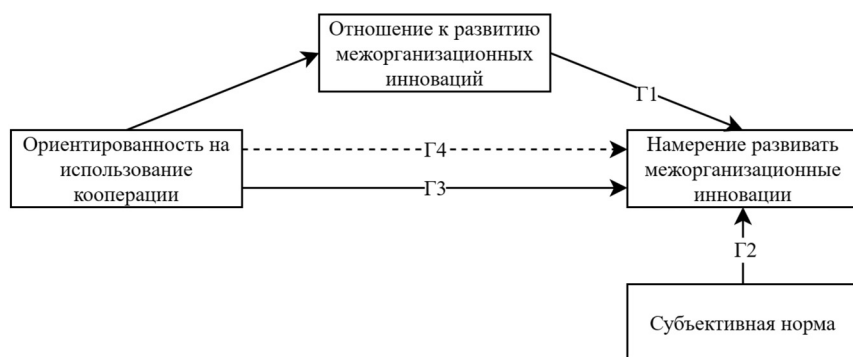

Рис. 1. Модель исследования
Источник: составлено авторами.

Методология

Сбор данных. Данные для проведения анализа были собраны посредством опроса (метод САП) в марте-апреле 2024 г. Выборка включала топ-менеджеров, специалистов и экспертов отечественных компаний, имеющих отношение к управлению межорганизационными связями в компании. Отношение респондентов к инновациям не уточнялось. Каждый респондент представлял отдельную компанию. Перед сбором данных респондентам сообщались, что результаты исследования будут анонимизированы и названия компаний не будут упоминаться.

Общая база прозвоненных контактов составила 125 552, из которых 2379 согласились пройти опрос и оставили свои контакты. Ссылка была открыта 349 раз, из которых 165 были успешно завершены. Таким образом, выборка для данного исследования составила 165 ответов. Среди них представители крупных компаний составили 18,79%, средних — 28,48%, малых и микропредприятий — 52,73%. Подробные данные о выборке представлены в табл. 1.

Описание выборки

		n	%
Всего		165	100
Размер компании	Крупные	31	19
	Средние	47	28
	Малые	47	28
	Микропредприятия	40	24
Отрасль	Торговля	27	16
	Транспортировка и хранение	25	15
	Информационные технологии и связь	32	19
	Строительство	25	15
	Производство и обрабатывающая промышленность	31	19
	Добывающая промышленность	25	15
Должность	Специалист/эксперт	23	14
	Руководитель группы/отдела/дивизиона/ департамента/функции	54	33
	Генеральный/исполнительный/ операционный директор	88	53

Источник: составлено авторами.

Измерение теоретических конструктов. Для измерения конструктов «межорганизационные инновации» и «субъективная норма» использовались предложенные в теории планируемого поведения вопросы, отражающие ожидаемый результат от предполагаемого поведения, адаптированные к уровню анализа компании. Также при разработке вопросов была учтена двойственность понятия «инновации», предполагающая, как разработку, так и внедрение новых решений.

Указанные конструкты измерялись при помощи шкалы Лайкерта. Респондентам предлагалось оценить свою степень согласия с утверждениями по шкале от 1 до 5. Согласованность измерений была оценена при помощи коэффициента Альфа Кронбаха. Значения по всем конструктам превысили предложенное пороговое значение 70 (Taber, 2018), что говорит о высоком качестве полученных конструктов (табл. 2).

Оценка согласованности измерений внутри конструкторов

Конструктор	Количество измерений	Альфа Кронбаха
Отношение к межорганизационным инновациям	2	.76
Намерение развивать межорганизационные инновации	4	.81
Субъективная норма	4	.88

Источник: составлено авторами.

Для оценки ориентированности компаний на использование кооперации для решения бизнес-задач использовался один вопрос, характеризующий общее отношение компании к использованию кооперации в своей деятельности. Измерение конструктора произведено при помощи шкалы Лайкерта.

Статистический анализ. Для проверки гипотез, связанных с медиацией, был использован бутстрэп-анализ с помощью макроса PROCESS. PROCESS включает в себя вычислительный инструмент — «макрос», который можно загрузить с <http://www.processmacro.org>. Он доступен для SPSS (также для SAS и R) и упрощает анализ медиаций и модераций (Hayes et al., 2017). В данном исследовании предпочтение было отдано SPSS. Для анализа медиаций бутстрэп-выборка составила 5000 с 95%-м доверительным интервалом. Полезность данного метода заключается в том, что он не предполагает нормальность распределения выборки (Gkorezis et al., 2021). Для проверки валидности конструкторов был осуществлен конфирматорный факторный анализ с помощью AMOS 23.

Результаты и обсуждение

Конфирматорный факторный анализ. В ходе конфирматорного анализа была выявлена хорошая согласованность модели ($\chi^2 [29] = 54.4$, $p < .01$, CFI = 0.97, IFI = 0.97, RMSEA = 0.07). Для повышения согласованности модели она учитывает корреляции остатков по вопросам «Намерение 2 (Разработка)» и «Намерение 4 (Внедрение)», «Норма 1 (Разработка)» и «Норма 3 Внедрение», «Норма 2 (Разработка)» и «Норма 4 (Внедрение)». Высокая корреляция между остатками этих вопросов вероятнее всего обусловлена использованием идентичных формулировок в рамках измеряемых конструкторов: с позиции разработки и внедрения инноваций. Модель представлена на рис. 2.

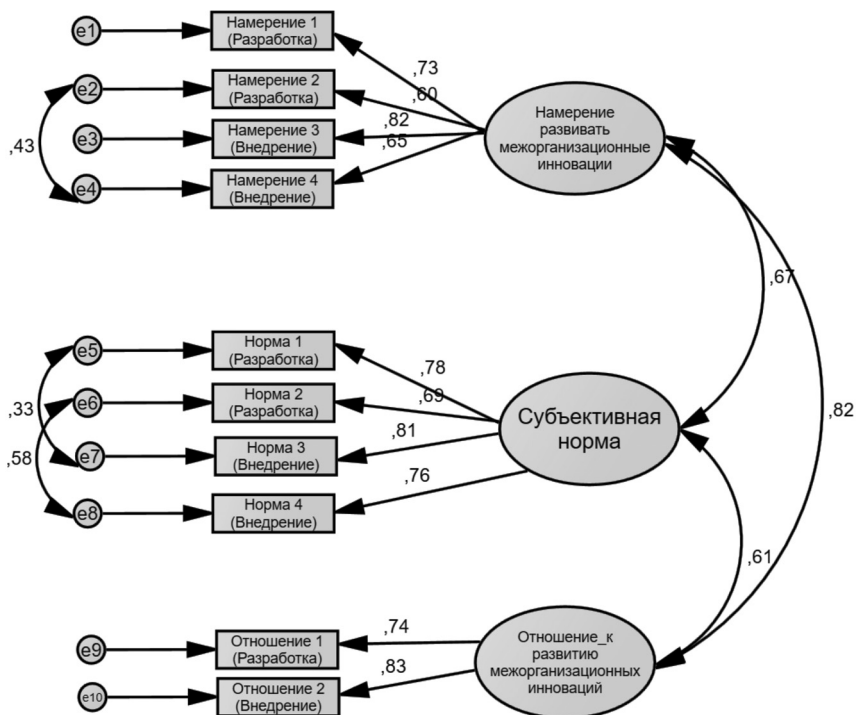

Рис. 2. Результаты конфирматорного анализа
 Источник: составлено авторами.

Значения средней извлеченной дисперсии ($AVE > .50$) и композитной надежности ($CR > .70$) были удовлетворительными для всех конструкторов: они представлены в табл. 3.

Таблица 3

Оценка надежности и валидности конструкторов

Конструктор	Число вопросов	Альфа Кронбаха	CR	AVE
Отношение к развитию межорганизационных инноваций	2	.76	.76	.62
Намерение развивать межорганизационные инновации	4	.81	.79	.50
Субъективная норма	4	.88	.85	.58

Источник: составлено авторами.

Средние значения. В табл. 4 представлена корреляционная матрица между рассмотренными в исследовании конструктами, а также их средние значения и стандартные отклонения. Выявлены значимые значения корреляции между всеми рассмотренными конструктами. Опрошенные представители компаний проявляют как высокое намерение, так и ориентацию к развитию межорганизационные инновации. При этом средние значения субъективной нормы и ориентированности на использование кооперации близки к нейтральному значению в 3 балла. Стандартное отклонение по всем переменным находится в рамках одного балла, наибольшее рассеивание наблюдается в ориентированности на использование кооперации.

Таблица 4

**Описательная статистика и взаимные корреляции
исследуемых переменных**

	М	SV	1	2	3
1. Намерение развивать межорганизационные инновации	3,48	0,99			
2. Субъективная норма	3,13	1,07	,54**		
3. Отношение к развитию межорганизационных инноваций	3,63	1,04	,64**	,48**	
4. Ориентированность на использование кооперации	3,11	1,22	,43**	,16*	,33**

Источник: составлено авторами.

Проверка гипотез. Г1 была подтверждена: была выявлена значимая связь между конструктами отношение к развитию межорганизационных инноваций и намерение развивать межорганизационные инновации ($r = .64$, $p < .01$). Г2 тоже была подтверждена: субъективная норма была позитивно связана с намерением развивать межорганизационные инновации ($r = .54$, $p < .01$). Подтвердилась и Г3: ориентированность на использование кооперации была позитивно связана с намерением развивать межорганизационные инновации ($r = .43$, $p < .01$).

Таблица 5 демонстрирует результаты регрессионного анализа для проверки медиации. Ее значения в том числе подтверждают Г1 ($B = .39$, $p < .01$), Г2 ($B = .59$, $p < .01$) и Г3 ($B = .21$, $p < .01$). Г4 о медиации связи ориентированности на использование кооперации и намерении развивать межорганизационные инновации конструктом отношение к развитию межорганизационных инноваций также подтверждается, так как доверительные интервалы в результате бутстрэп-анализа не включали 0 (0.07, 0.25).

Регрессионный анализ

Variables	B	SE	t	p	R2
Регрессия отношения от ориентированности	0,27	0,06	4,46	0,00	0,11
Регрессия намерения от отношения, с учетом ориентированности	0,56	0,06	9,17	0,00	0,47
Регрессия намерения от ориентированности, с учетом отношения	0,21	0,05	4,23	0,00	0,47
	M	SE	L95% CI	U95%CI	
Результаты бутстреп анализа на не прямой эффект	0,15	0,04	0,07	0,25	

Источник: составлено авторами.

Таким образом, в ходе статистического анализа были подтверждены все выдвинутые гипотезы. Итоговая модель исследования представлена на рис. 3.

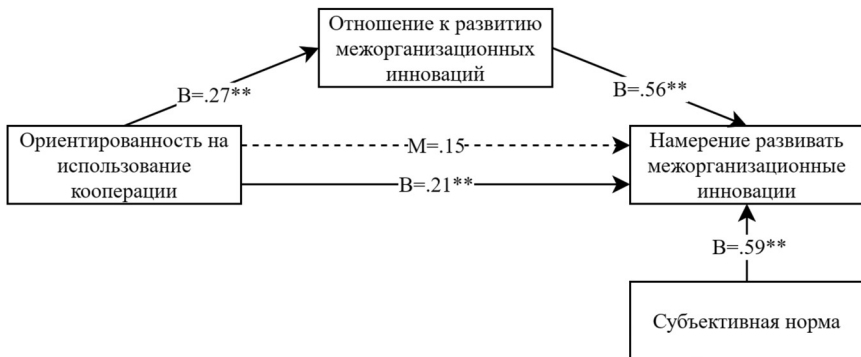

Рис. 3. Результаты проверки гипотез

Источник: составлено авторами.

Заключение

В данном исследовании была рассмотрена проблема выбора партнеров и учета намерения компании развивать межорганизационные инновации, как фактора выбора партнера, была концептуализирована модель зависимости намерения компании развивать межорганизационные инновации от ориентированности на решение любых бизнес-задач при помощи

кооперации и проверена на данных опроса среди российских компаний. Также было предложено использовать теорию планируемого поведения, как основу для измерения намерения, субъективной нормы и отношения к поведению на уровне организации.

Первая и вторая гипотезы о положительном влиянии высокого уровня отношения к развитию межорганизационных инноваций и высокого уровня субъективной нормы на намерение развивать такие инновации были подтверждены. Данный результат подтверждает предыдущие предположения исследователей о схожести поведенческих паттернов между людьми и организациями и встраивается в существующую дискуссию о применении социальных и психологических теорий к изучению организаций (Zhao et al., 2018).

Третья гипотеза о зависимости намерения компании развивать межорганизационные инновации от ориентированности на решение любых бизнес-задач при помощи кооперации была также подтверждена. Это указывает на то, что компании, ориентированные на кооперацию и использующие ее в своей деятельности, будут более расположены к развитию межорганизационных инноваций. Последняя гипотеза о медиации указанной зависимости отношением к межорганизационным инновациям также была подтверждена (обнаружена частичная медиация). Это означает что компании с высокой ориентированностью на кооперацию в решении бизнес-задач будут больше расположены к развитию межорганизационных инноваций во многом благодаря тому, что они позитивно относятся к межорганизационным инновациям.

Данное исследование вносит вклад в развитие подходов к выбору партнеров для развития межорганизационных инноваций, подчеркивает необходимость учета внутреннего отношения потенциального партнера к целям предполагаемого проекта и создает основу для разработки критериев, указывающих на уровень намерения компании участвовать в развитии межорганизационных инноваций.

К ограничениям исследования относится выбор только ориентированности компании на кооперацию в качестве фактора, определяющего намерение организации принимать участие в развитии межорганизационных инноваций. В дальнейшем могут быть концептуализированы и другие параметры, которые позволят выявить намерение потенциального партнера участвовать в развитии межорганизационных инноваций. Помимо этого, ограничением исследования является анализ компаний одновременно по нескольким отраслям и без учета иных параметров дифференциации компаний (размер, доступные ресурсы и пр.); в дальнейшем будет важным рассмотреть аналогичную модель в высокотехнологичных и низкотехнологичных отраслях, а также иные контекстуальные различия.

Также отдельно необходимо подчеркнуть то, что применимость теории планируемого поведения к организациям может иметь определенные

ограничения, связанные как с более сложным и длительным процессом принятия решений, что может снижать связь между намерением и реальным поведением компании, так и с динамично меняющимися условиями конъюнктуры рынков, ключевых факторов макросреды, которые также могут ослаблять связь между намерением и реальным поведением.

Список литературы

Ташмен, М., & О'Райли III, Ч. (2013). *Победить с помощью инноваций. Практическое руководство по управлению организационными изменениями и обновлениями*. Альпина Паблишер.

Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике». (1996, 23 августа) от 23.08.1996. Принят ГД РФ 12 июля 1996, действующая редакция от 08.08.2024 (№ 127-ФЗ).

Ahlfänger, M., Gemünden, H. G., & Leker, J. (2022). Balancing knowledge sharing with protecting: The efficacy of formal control in open innovation projects. *International Journal of Project Management*, 40(2), 105–119. <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2021.09.007>

Ajzen, I. (1991). The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 50(2), 179–211. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T)

Ajzen, I. (2006). *Constructing a Theory of Planned Behavior Questionnaire*.

Asare, M. (2015). USING THE THEORY OF PLANNED BEHAVIOR TO DETERMINE THE CONDOM USE BEHAVIOR AMONG COLLEGE STUDENTS. *American journal of health studies*, 30(1), 43–50.

Asare, M., & Sharma, M. (2009). Using the theory of planned behavior to predict safer sexual behavior by ghanaiian immigrants in a large midwestern U.S. city. *International Quarterly of Community Health Education*, 30(4), 321–335. <https://doi.org/10.2190/IQ.30.4.d>

Bagherzadeh, M., Markovic, S., & Bogers, M. (2021). Managing Open Innovation: A Project-Level Perspective. *IEEE Transactions on Engineering Management*, 68(1), 301–316. <https://doi.org/10.1109/TEM.2019.2949714>

Bahemia, H., & Squire, B. (2010). A contingent perspective of open innovation in new product development projects. *International Journal of Innovation Management*, 14(04), 603–627. <https://doi.org/10.1142/S1363919610002799>

Barak, M., & Usher, M. (2019). The innovation profile of nanotechnology team projects of face-to-face and online learners. *Computers & Education*, 137, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2019.03.012>

Barbic, F., Jolink, A., Niesten, E., & Hidalgo, A. (2021). Opening and closing open innovation projects: A contractual perspective. *Industrial Marketing Management*, 94, 174–186. <https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2021.02.014>

Barbosa, S., Sáiz, P., & Zoffio, J. L. (2024). The emergence and historical evolution of innovation networks: On the factors promoting and hampering patent collaboration in technological lagging economies. *Research Policy*, 53(5), 104990. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2024.104990>

Berchicci, L. (2013). Towards an open R&D system: Internal R&D investment, external knowledge acquisition and innovative performance. *Research Policy*, 42(1), 117–127. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2012.04.017>

Bogers, M., Chesbrough, H., Heaton, S., & Teece, D. J. (2019). Strategic Management of Open Innovation: A Dynamic Capabilities Perspective. *California Management Review*, 62(1), 77–94. <https://doi.org/10.1177/0008125619885150>

Casidy, R., & Nyadzayo, M. (2019). Drivers and outcomes of relationship quality with professional service firms: An SME owner-manager perspective. *Industrial Marketing Management*, 78, 27–42. <https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2017.09.011>

Chesbrough, H. (2003). Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting From Technology. *Journal of Engineering and Technology Management—J ENG TECHNOL MANAGE* (T. 21).

Cricelli, L., Mauriello, R., & Strazzullo, S. (2023). Preventing open innovation failures: A managerial framework. *Technovation*, 127, 102833. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2023.102833>

Davis, P., & Love, P. (2011). Alliance contracting: Adding value through relationship development. *Engineering, Construction and Architectural Management*, 18(5), 444–461. <https://doi.org/10.1108/09699981111165167>

DiMaggio, P.J., & Powell, W.W. (1983). The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*, 48(2), 147. <https://doi.org/10.2307/2095101>

Duanmu, J.-L., & Fai, F. M. (2007). A processual analysis of knowledge transfer: From foreign MNEs to Chinese suppliers. *International Business Review*, 16(4), 449–473. <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2007.04.004>

Dwyer, F. R., Schurr, P. H., & Oh, S. (1987). Developing Buyer-Seller Relationships. *Journal of Marketing*, 51(2), 11–27. <https://doi.org/10.2307/1251126>

Dyball, M. C., & Wang, A. F. (2017). The links among characteristics, controls and performance of inter-firm innovation projects. *International Journal of Innovation Management*, 21(06), 1850015. <https://doi.org/10.1142/S1363919618500159>

Feldman, M. S. (2000). Organizational Routines as a Source of Continuous Change. *Organization Science*, 11(6), 611–629. <https://doi.org/10.1287/orsc.11.6.611.12529>

Garcez, M. P., Sbragia, R., & Kruglianskas, I. (2014). FACTORS FOR SELECTING PARTNERS IN INNOVATION PROJECTS – QUALITATIVE EVIDENCES FROM NON-EQUITY BILATERAL ALLIANCES IN THE BRAZILIAN PETROCHEMICAL LEADER. *Review of Administration and Innovation - RAI*, 11(2), 241. <https://doi.org/10.5773/rai.v11i2.1292>

García, R., & Calantone, R. (2002). A critical look at technological innovation typology and innovativeness terminology: A literature review. *Journal of Product Innovation Management*, 19(2), 110–132. <https://doi.org/10.1111/1540-5885.1920110>

Gkorezis, P., Mousailidis, G., Kostagiolas, P., & Kritsotakis, G. (2021). Harmonious work passion and work-related internet information seeking among nurses: The mediating role of intrinsic motivation. *Journal of Nursing Management*, 29(8), 2534–2541. <https://doi.org/10.1111/jonm.13405>

Gkypali, A., Filiou, D., & Tsekouras, K. (2017). R&D collaborations: Is diversity enhancing innovation performance? *Technological Forecasting and Social Change*, 118, 143–152. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.02.015>

Guertler, M. R., & Sick, N. (2021). Exploring the enabling effects of project management for SMEs in adopting open innovation – A framework for partner search and selection in open innovation projects. *International Journal of Project Management*, 39(2), 102–114. <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2020.06.007>

Hayes, A. F., Montoya, A. K., & Rockwood, N. J. (2017). The analysis of mechanisms and their contingencies: PROCESS versus structural equation modeling. *Australasian Marketing Journal (AMJ)*, 25(1), 76–81. <https://doi.org/10.1016/j.ausmj.2017.02.001>

- Holmberg, S. R., & Cummings, J. L. (2009). Building Successful Strategic Alliances: Strategic Process and Analytical Tool for Selecting Partner Industries and Firms. *Long Range Planning*, 42(2), 164–193. <https://doi.org/10.1016/j.lrp.2009.01.004>
- Hong, J. F. L., Zhao, X., & Stanley Snell, R. (2019). Collaborative-based HRM practices and open innovation: A conceptual review. *The International Journal of Human Resource Management*, 30(1), 31–62. <https://doi.org/10.1080/09585192.2018.1511616>
- Jacobides, M. G., Cennamo, C., & Gawer, A. (2018). Towards a theory of ecosystems. *Strategic Management Journal*, 39(8), 2255–2276. <https://doi.org/10.1002/smj.2904>
- Jee, S. J., & Sohn, S. Y. (2020). Patent-based framework for assisting entrepreneurial firms' R&D partner selection: Leveraging their limited resources and managing the tension between learning and protection. *Journal of Engineering and Technology Management*, 57, 101575. <https://doi.org/10.1016/j.jengtecman.2020.101575>
- Keränen, O., Komulainen, H., Lehtimäki, T., & Ulkuniemi, P. (2021). Restructuring existing value networks to diffuse sustainable innovations in food packaging. *Industrial Marketing Management*, 93, 509–519. <https://doi.org/10.1016/j.indmarmarman.2020.10.011>
- Klimas, P., Sachpazidu, K., Stańczyk, S., Nadolny, M., Grzeškowiak, A., & Stanimir, A. (2022). The configuration of inter-organizational relationship features in the life cycle perspective. *Journal of Organizational Change Management*, 35(6), 846–867. <https://doi.org/10.1108/JOCM-04-2022-0118>
- Kobarg, S., Stumpf-Wollersheim, J., & Welppe, I. M. (2019). More is not always better: Effects of collaboration breadth and depth on radical and incremental innovation performance at the project level. *Research Policy*, 48(1), 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2018.07.014>
- Lakemond, N., Bengtsson, L., Laursen, K., & Tell, F. (2016). Match and manage: The use of knowledge matching and project management to integrate knowledge in collaborative inbound open innovation. *Industrial and Corporate Change*, 25(2), 333–352. <https://doi.org/10.1093/icc/dtw004>
- Lappalainen, L., Aleem, M., & Sandberg, B. (2023). How to manage open innovation projects? An integrative framework. *Project Leadership and Society*, 4, 100095. <https://doi.org/10.1016/j.plas.2023.100095>
- Lehtimäki, T., & Komulainen, H. (2021). Matching Co-innovation Project Types to Diverse Customer Relationships: Perspective of an Industrial Technology Supplier. *International Journal of Innovation and Technology Management*, 18(01), 2050048. <https://doi.org/10.1142/S0219877020500480>
- Maroun, W., & Duboisée de Ricquebourg, A. (2024). How auditors identify and report key audit matters — An organizational routines perspective. *The British Accounting Review*, 56(2), 101263. <https://doi.org/10.1016/j.bar.2023.101263>
- Martinsuo, M., Vuorinen, L., & Killen, C. P. (2024). Project portfolio formation as an organizational routine: Patterns of actions in implementing innovation strategy. *International Journal of Project Management*, 42(4), 102592. <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2024.102592>
- Morad, S., Ragonis, N., & Barak, M. (2021). An integrative conceptual model of innovation and innovative thinking based on a synthesis of a literature review. *Thinking Skills and Creativity*, 40, 100824. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2021.100824>
- Morgan, R. M., & Hunt, S. D. (1994). The commitment-trust theory of relationship marketing. *Journal of Marketing*, 58(3), 20–38. <https://doi.org/10.2307/1252308>
- Najafi-Tavani, S., Najafi-Tavani, Z., Naudé, P., Oghazi, P., & Zeynaloo, E. (2018). How collaborative innovation networks affect new product performance: Product innovation capability, process innovation capability, and absorptive capacity. *Industrial Marketing Management*, 73, 193–205. <https://doi.org/10.1016/j.indmarmarman.2018.02.009>

Niroomand, N., & Jenkins, G. P. (2020). Estimation of households' and businesses' willingness to pay for improved reliability of electricity supply in Nepal. *Energy for Sustainable Development*, 55, 201–209. <https://doi.org/10.1016/j.esd.2020.02.006>

Nyadzayo, M. W., Mohan, M., & Casidy, R. (2020). Relationship factors and firms' willingness-to-pay: A comparison of east-west settings. *Industrial Marketing Management*, 91, 397–410. <https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2020.10.005>

Ryoo, J. (2017). Choosing between internal and external development for innovation projects: Antecedents and consequences. *Asia Pacific Business Review*, 23(1), 90–115. <https://doi.org/10.1080/13602381.2015.1109818>

Salge, T. O., Farchi, T., Barrett, M. I., & Dopson, S. (2013). When Does Search Openness Really Matter? A Contingency Study of Health-Care Innovation Projects. *Journal of Product Innovation Management*, 30(4), 659–676. <https://doi.org/10.1111/jpim.12015>

Shah, R. H., & Swaminathan, V. (2008). Factors influencing partner selection in strategic alliances: The moderating role of alliance context. *Strategic Management Journal*, 29(5), 471–494. <https://doi.org/10.1002/smj.656>

Slowinski, G., & Sagal, M. (2010). Good Practices in Open Innovation. *Research-Technology Management*, 53, 38–45. <https://doi.org/10.1080/08956308.2010.11657649>

Taber, K. S. (2018). The Use of Cronbach's Alpha When Developing and Reporting Research Instruments in Science Education. *Research in Science Education*, 48(6), 1273–1296. <https://doi.org/10.1007/s11165-016-9602-2>

Wei, F., Feng, N., Yang, S., & Zhao, Q. (2020). A conceptual framework of two-stage partner selection in platform-based innovation ecosystems for servitization. *Journal of Cleaner Production*, 262, 121431. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.121431>

Zhang, G., & Tang, C. (2017). How could firm's internal R&D collaboration bring more innovation? *Technological Forecasting and Social Change*, 125, 299–308. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.07.007>

Zhao, Y., Wang, C., Sun, Y., & Liu, X. (2018). Factors influencing companies' willingness to pay for carbon emissions: Emission trading schemes in China. *Energy Economics*, 75, 357–367. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2018.09.001>

Zineldin, M. (1996). Bank strategic positioning and some determinants of bank selection. *International Journal of Bank Marketing*, 14(6), 12–22. <https://doi.org/10.1108/02652329610130136>

References

Tushman M. & O'Reilly III C. (2013). *Winning Through Innovation: A Practical Guide to Managing Organizational Change and Renewal*. Alpina Publisher.

Federal Law «About Science and the State Scientific and Technical Policy» (1996) of 23.08.1996. Adopted by the State Duma of the Russian Federation on July 12, 1996, current version of 08.08.2024 (N 127-FZ).

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

Б. С. Батаева¹

Финансовый университет при Правительстве РФ
(Москва, Россия)

Н. А. Карпов²

Финансовый университет при Правительстве РФ
(Москва, Россия)

УДК: 658.114.45

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-7

ПРОЗРАЧНОСТЬ РАСКРЫТИЯ ИНФОРМАЦИИ РОССИЙСКИМИ КОМПАНИЯМИ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ: ВЛИЯНИЕ СОСТАВА И СТРУКТУРЫ СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ³

В современных российских условиях возрастает актуальность повышения качества корпоративного управления и информационной прозрачности корпораций. Влияние структуры собственности, а именно участия государства в акционерном капитале, на раскрытие нефинансовой (ESG) информации российскими компаниями остается недостаточно изученным. В исследовании проверяется гипотеза о том, что госкомпании и компании с госучастием хуже раскрывают ESG-показатели, чем частные компании. В статье также исследуется гипотеза о влиянии характеристик совета директоров (количественный состав совета директоров, доля независимых директоров, доля директоров-женщин, а также наличие комитета по устойчивому развитию) на уровень ESG-прозрачности российских компаний с государственным участием. В качестве теоретической базы исследования используются ресурсная теория и агентская теория. В качестве основного метода исследования применяется дескриптивный анализ, а также регрессионный анализ панельных данных. Выборка исследования включает финансовые и нефинансовые данные по 34 котирующимся на бирже российским компаниям за период с 2012 по 2021 г. В результате исследо-

¹ Батаева Бэла Саидовна — д.э.н., профессор, профессор кафедры корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; e-mail: bbataeva@fa.ru, ORCID: 0000-0002-5700-1667.

² Карпов Никита Андреевич — м.н.с. Института финансово-промышленной политики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; e-mail: karpov.n.a@mail.ru, ORCID: 0009-0001-6612-4503.

³ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

вания было доказано, что компании с государственным участием характеризуются меньшим уровнем ESG-прозрачности, чем компании без государственного участия. Кроме того, было обнаружено, что в компаниях с государственным участием важной детерминантой ESG-прозрачности является наличие комитета по устойчивому развитию, в то время как количественный состав, независимость и разнообразие совета директоров не оказывают влияния на степень ESG-прозрачности таких компаний. Исследование позволяет сделать вывод, что для существенного улучшения степени ESG-прозрачности и, следовательно, качества корпоративного управления в публичных компаниях с госучастием, может быть рекомендовано создание комитета по устойчивому развитию в составе совета директоров компании. Полученные результаты могут применяться органами управления государственным имуществом, инвесторами и прочими заинтересованными сторонами.

Ключевые слова: корпоративное управление, совет директоров, устойчивое развитие, ESG, ESG-прозрачность, компании с государственным участием, государственная собственность, государственный сектор.

Цитировать статью: Батаева, Б. С., & Карпов, Н. А. (2025). Прозрачность раскрытия информации российскими компаниями с государственным участием: влияние состава и структуры совета директоров. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 129–150. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-7>.

B. S. Bataeva

Financial University (Moscow, Russia)

N. A. Karpov

Financial University (Moscow, Russia)

JEL: C33, D22, G32

TRANSPARENCY OF INFORMATION DISCLOSURE BY RUSSIAN COMPANIES WITH STATE PARTICIPATION: THE IMPACT OF THE COMPOSITION AND STRUCTURE OF THE BOARD OF DIRECTORS⁴

In modern Russian conditions, the importance of improving the quality of corporate governance and information transparency of corporations is increasing. The influence of ownership structure, namely the presence of state participation in equity, on the disclosure of non-financial (ESG) information by Russian companies remains insufficiently studied. The study tests the hypothesis that state-owned companies and companies with state participation are worse at disclosing ESG indicators than private companies. The article also explores the influence of the characteristics of the board of directors (the number of board members,

⁴ The article was based on the findings of research conducted with the use of government funds in accordance with the state order of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

the proportion of independent directors, the proportion of female directors, as well as the presence of a sustainability committee) on the level of ESG transparency of Russian companies with state participation. Resource theory and agent theory are used as the theoretical basis of the research. Descriptive analysis and panel data regression analysis are used as the main research method. The study sample includes financial and non-financial data on 34 listed Russian companies between 2012 and 2021. As a result of the study, it was proved that companies with state participation are characterized by a lower level of ESG transparency than companies without state participation. In addition, it was found that in companies with state participation, an important determinant of ESG transparency is the presence of a sustainability committee, while the quantitative composition, independence and diversity of the board of directors do not affect the degree of ESG transparency of such companies. The study allows us to conclude that in order to significantly improve the degree of ESG transparency and, consequently, the quality of corporate governance in public companies with state participation, it may be recommended to establish a sustainability committee of the company's board of directors. The results obtained can be applied by state property management bodies, investors and other interested parties.

Keywords: corporate governance, board of directors, sustainable development, ESG, ESG transparency, companies with state participation, state ownership, public sector.

To cite this document: Bataeva, B. S., & Karpov, N. A. (2025). Transparency of information disclosure by Russian companies with state participation: the impact of the composition and structure of the board of directors. *Lomonosov Economics Journal*, 60(1), 129–150. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-7>.

Введение

Стратегическая задача по достижению технологического лидерства России, обозначенная в «майских указах» Президента РФ в 2024 г., связана с большими инвестициями. На 27-м Петербургском международном экономическом форуме в июне 2024 г. В. В. Путин указал, что присутствие государственного капитала оправдано в стратегических отраслях экономики. Правительство, выполняя поставленные задачи, опирается прежде всего на крупнейшие компании и холдинги с госучастием. Как следствие, актуализируется задача повышения качества корпоративного управления. Она связана с вопросами эффективности управления госсобственностью, устойчивого развития экономики, с проблемой раскрытия финансовой и нефинансовой информации корпорациями для осуществления контроля со стороны акционеров и других стейкхолдеров.

Вопросы об эффективности госсобственности не имеют однозначных ответов среди зарубежных и российских исследователей. Одни экономисты доказывают невозможность эффективного государственного предпринимательства (Яновский, 2004), а в росте госсектора видят формирование в стране государственно-монополистической формы капитализма (ГМК), для которого характерно объединение силы монополий с силой государства (Вегенер, 2015). Другие указывают на то, что государство как собственник может не только заботиться о прибыли, но и отдавать

приоритет общественным интересам (Qian, Yang, 2023). Третьи приводят в защиту госсектора пример Китая, рыночные реформы которого без приватизации и с упором на государственную собственность, поддержку госкомпаний позволили стране стать одной из ведущих экономик мира в XXI в.

Абсолютное большинство экспертов согласны с тем, что привилегированное положение компаний с государственным участием, получающих господдержку и преференции, имеет риски неэффективного расходования средств, необоснованного повышения доходов топ-менеджеров, нарушений экологического законодательства и прочих злоупотреблений. В этой связи прозрачность деятельности корпораций, раскрытие не только финансовой, но и нефинансовой информации является основным глобальным трендом и важным направлением развития корпоративного управления (Thomsen, 2023).

В настоящее время согласно данным реестра федерального имущества в стране функционирует порядка 1000 акционерных обществ с государственным участием и около 700 ФГУПов. Это разнородные предприятия по доле участия государства, а также по эффективности управления и уровню прибыли. Часть из них — планово-убыточные. У примерно половины АО, находящихся в федеральной собственности, пакет акций государства составляет менее 25%, целесообразность участия государства в деятельности подобных компаниях остается под вопросом. В целом уровень участия государства в экономике России по данным Счетной палаты РФ оценивается «в широких пределах от 30 до 70% в зависимости от методики подсчета» (Счетная палата РФ, 2020). Институт экономики роста им. П. А. Столыпина оценивает его по состоянию на 2022 г. на уровне 56% (Институт экономики роста им. Столыпина П. А., 2023). В отчете Счетной палаты РФ по состоянию на конец 2019 г. указано, что деятельность более 550 АО с долей участия Российской Федерации менее 50% была непрозрачна как для государства, так и для общества. Кроме того, в ежегодном отчете в Правительство РФ представляется информация лишь о 10 крупнейших АО, что составляет менее 1% от их общего количества.

Правительством РФ поставлена задача снижения доли прямого участия государства в экономике: политика в целом направлена на снижение количества организаций с государственным участием. Принята Дорожная карта приватизации имущества на 2024–2026 гг. Однако по расчетам Счетной палаты на практике преобладают процессы не столько приватизации, сколько консолидации государственной собственности. В результате «сокращение количества компаний с государственным участием не в полной мере свидетельствует о сокращении прямого участия государства в экономике» (Счетная палата РФ, 2020). А рост выручки 10 крупнейших АО в последние годы может быть вызван не только ростом

их эффективности, но и передачей им имущества унитарных предприятий, а также приобретением дополнительных активов.

В данной работе мы рассматриваем устойчивое развитие корпорации с позиции оценки экологических, социальных и управленческих критериев (ESG). ESG — набор стандартов и критериев для инвесторов и других стейкхолдеров для оценки экологических, социальных и управленческих результатов деятельности компании (UNEP Finance Initiative, 2004). Одним из основных инструментов корпоративного управления в корпорациях является совет директоров. Он принимает участие в утверждении целей и стратегии устойчивого развития, контроле действий менеджмента, раскрытии существенной информации в области корпоративного управления, экологической и социальной информации (ESG). Однако роль совета директоров как ключевого органа корпоративного управления в повышении устойчивого развития корпораций и ESG-прозрачности изучена недостаточно (Daiser et al., 2017; Miazek, 2021).

В России закон о нефинансовой отчетности пока не принят, публикация отчета об устойчивом развитии носит рекомендательный характер. Таким образом, для компаний с государственным участием крайне актуальными являются выявление и оценка факторов корпоративного управления, которые способствуют повышению прозрачности критериев устойчивого развития и выполнению одного из принципов корпоративного управления.

Цель исследования заключается в установлении взаимосвязи между характеристиками совета директоров (количественный состав совета директоров, доля независимых директоров, доля директоров женщин, а также наличие комитета по устойчивому развитию) и ESG-прозрачностью компаний с государственным участием.

В качестве теоретической базы исследования используются агентская теория и ресурсная теория. В качестве основного метода исследования применяется регрессионный анализ панельных данных. Выборка исследования включает финансовые и нефинансовые данные по 34 котирующимся на бирже российским компаниям за период с 2012 по 2021 г.

Статья построена следующим образом. Во введении обосновывается актуальность изучения ESG-прозрачности как инструмента устойчивого развития в компаниях с государственным участием, формулируется цель работы. Далее приводятся методологическая база и обзор зарубежных и отечественных публикаций на данную тему, формулируются исследовательские гипотезы. Затем описываются методология и выборка исследования, приводятся и интерпретируются результаты проведенного эмпирического анализа. В заключении определяются практическая значимость полученных результатов, связанные с ними ограничения, а также направления дальнейших исследований ESG-прозрачности и устойчивого развития в компаниях с государственным участием.

Теоретическая основа исследования

Теоретической базой исследования являются ресурсная теория и агентская теория. С точки зрения *ресурсной теории*, реализация ESG-практик требует использования разного рода ресурсов. А посредством реализации ESG-практик и раскрытия ESG-информации компании обеспечивают поступление дополнительных финансовых, инвестиционных ресурсов от инвесторов. Участие государства как собственника в акционерном капитале существенно повышает возможности компании за счет того, что государство как регулятор и администратор может предоставлять ей кредиты, субсидии и прочие ресурсы, а также выделять государственные заказы. Как следствие, необходимость привлечения дополнительного финансирования от инвесторов и прочих стейкхолдеров для компаний с государственным участием заметно снижается, в результате чего уменьшается мотивация менеджеров компании реализовывать ESG-практики и, как следствие, раскрывать ESG-отчетность (Qian, Yang, 2023).

На основании *агентской теории* можно говорить о том, что раскрытие информации, в том числе в сфере ESG, является одним из инструментов решения проблемы информационной асимметрии между акционерами (принципалами) и менеджерами (агентами). Соответствующие вопросы были рассмотрены в работах Дж. Акерлофа (Akerlof, 1970) и О. Уильямсона (Williamson, 1985), а также М. Дженсена и У. Меклинга (Jensen, Meckling, 1976). Причем наиболее остро данная проблема проявляется в компаниях, функционирующих на развивающихся рынках (Young et al., 2008). Противоречие интересов может возникать как между акционерами и менеджерами, так и между мажоритарными (в том числе в лице государства) и миноритарными акционерами (Шевченко, Курузов, 2014). Агентская проблема в российских компаниях с государственным участием связана с тем, что государство как собственник выполняет в совете директоров сразу несколько ролей: регулятора корпоративных отношений, администратора, контролера и рыночного игрока (Кузин, 2024). Учитывая возможность государства как контролирующего акционера оказывать влияние на деятельность совета директоров, в российских компаниях с государственным участием можно ожидать меньшую самостоятельность совета директоров, в том числе в вопросах ESG-прозрачности.

Обзор литературы

Прежде всего кратко остановимся на научных работах, в которых рассматривается влияние государства как собственника на уровень ESG-прозрачности компании. *Не было выявлено влияния* участия государства в структуре собственности на уровень ESG-прозрачности в мета-исследовании (Lagasio, Cusani, 2019) на базе 24 научных статей и порядка 25

тыс. наблюдений (преимущественно по азиатским и европейским компаниям за период с 2016 по 2018 г.). К аналогичным выводам пришли (Lavin, Montecinos-Pearce, 2021; Ma, Chen, 2023).

В ряде исследований (Oh et al., 2011; Khan, 2012; Rudyanto, 2017; Alshbili et al., 2019; Matuszak et al., 2019; Nguyen et al., 2023) демонстрируется *положительное влияние* участия государства в структуре собственности на уровень ESG-прозрачности компании. Более высокая ESG-прозрачность компаний с государственным участием связывается с ориентацией государства как акционера на достижение общественно значимых (экологических, социальных) целей (Khlif et al., 2017; Qian, Yang, 2023), а также с большей степенью общественного контроля за такими компаниями, в том числе в сфере устойчивого развития (Alshbili et al., 2019).

В других исследованиях (Ghazali, Weetman, 2006; Luo et al., 2006; Li, Zhang, 2010; Al-Janadi et al., 2016; Shahhen et al., 2021; Pareek, Sahu, 2022; Jiang et al., 2023), наоборот, демонстрируется *негативное влияние* участия государства в структуре собственности на уровень ESG-прозрачности компании. Более низкая ESG-прозрачность компаний с государственным участием связывается с меньшей ориентацией на запросы инвесторов ввиду наличия тесных связей с органами государственной власти, обеспечивающими контракты для таких компаний, а также с соображениями национальной безопасности, что проявляется во введении ограничений на раскрытие информации об органах корпоративного управления стратегически важных для страны организаций (Ghazali, Weetman, 2006).

По результатам оценки Счетной палатой РФ компаний с государственным участием в 2020 г. также выявлен «недостаток целостных данных по результатам финансовой деятельности организаций с государственным участием», не говоря уже о нефинансовой информации (Счетная палата РФ, 2020).

Таким образом, учитывая отсутствие консенсуса в академической среде в отношении влияния государства как собственника на уровень ESG-прозрачности, на основании проведенного обзора научных публикаций и на базе положений ресурсной теории была сформулирована следующая гипотеза:

Гипотеза Н1. Компании с государственным участием характеризуются более низким уровнем ESG-прозрачности по сравнению с частными компаниями⁵.

Что касается влияния совета директоров на уровень ESG-прозрачности, то на данную тему представлено множество научных работ, однако, в подобных исследованиях рассматривались чаще всего либо все компании в целом, либо компании определенной отраслевой принадлежности —

⁵ Здесь и далее под частными компаниями имеются в виду компании без государственного участия.

без разделения компаний в зависимости от степени участия государства в структуре собственности.

Влияние размера совета директоров на ESG-прозрачность в ряде работ было определено как положительное (Lagasio, Cucari, 2019; Al Amosh, Khatib, 2021; Fatma, Chouaibi, 2021; Aboud, Yang, 2022; Макеева и др., 2022), в то время как в работах (Al-Qahtani, Elgharbawy, 2019; Ma, Chen, 2023; Батаева, Карпов, 2023) не было выявлено какой-либо взаимосвязи между количеством директоров и уровнем ESG-прозрачности. Наоборот, в исследовании (Al-Qahtani, Elgharbawy, 2019) было установлено негативное влияние размера совета директоров на уровень ESG-прозрачности: авторы обратили внимание на то, что увеличение количества членов совета директоров приводит к затягиванию процесса принятия решений, а также к размыванию персональной ответственности, в том числе в ESG-вопросах.

Влияние доли независимых директоров на ESG-прозрачность в большинстве работ было определено как положительное (Garas, ElMassah, 2018; Lagasio, Cucari, 2019; Fahad, Mubarak, 2020; Fatma, Chouaibi, 2021; Aboud, Yang, 2022; Макеева и др., 2022; Батаева, Карпов, 2023). В исследовании (Макеева и др., 2022) было отмечено, что благодаря присутствию независимых директоров смягчаются негативные эффекты концентрации собственности — за счет учета интересов более широкого круга стейкхолдеров и активного содействия внедрению практик устойчивого развития.

Влияние доли директоров-женщин на ESG-прозрачность в большинстве работ было определено как положительное (Adams, Ferreira, 2009; Wasiuzzaman, Wan Mohammad, 2020; Fatma, Chouaibi, 2021; Buallay, Alhalwachi, 2022; Макеева и др., 2022; Батаева, Карпов, 2023). В исследовании (Adams, Ferreira, 2009) было показано, что благодаря большему гендерному разнообразию улучшается мониторинговая функция совета директоров, в том числе в вопросах ESG. Однако в работе (Fahad, Mubarak, 2020) было продемонстрировано, что увеличение доли директоров-женщин, наоборот, приводит к снижению уровня ESG-прозрачности.

Влияние наличия комитета по устойчивому развитию на ESG-прозрачность в большинстве работ было оценено как положительное (Cucari et al., 2017; Fahad, Mubarak, 2020; Velte, 2020; Driss et al., 2022; Макеева и др., 2022; Jiang et al, 2023; Батаева, Карпов, 2023). В частности, (Velte, 2020) указал: важность комитета по устойчивому развитию в вопросах ESG-прозрачности объясняется тем, что в рамках данного органа управления аккумулируются компетенции компании в области устойчивого развития, которые требуются в том числе в процессе реализации раскрытия нефинансовых показателей.

Как уже отмечалось, в приведенных выше зарубежных и отечественных исследованиях взаимосвязи между характеристиками совета директоров, с одной стороны, и уровнем ESG-прозрачности, с другой стороны, рассматривались все компании в целом, без выделения компаний с государ-

ственным участием. В то же время, необходимость учета фактора государственной собственности в вопросах, связанных с деятельностью совета директоров и информационной прозрачностью, признана на международном уровне и закреплена в Руководящих принципах ОЭСР по корпоративному управлению для предприятий с государственным участием (ОЭСР, 2015).

В контексте особенностей корпоративного управления в компаниях с государственным участием И. И. Смотрицкая и Н. Д. Фролова (Смотрицкая, Фролова, 2022) указывают на то, что наличие государства как акционера приводит к принятию решений по стратегическим вопросам «в интересах и по директивам государства». В результате, в компаниях, в которых контрольный пакет акций принадлежит государству, работа совета директоров приобретает более формальный характер. В работе Х. П. Харчилавы и А. Ю. Боттаева (Харчилава, Боттаев, 2017) отмечается, что у компаний с государственным участием может отсутствовать ориентация на повышение экономической эффективности, а у топ-менеджеров и членов совета директоров могут отсутствовать стимулы для развития практик корпоративного управления.

На основании проведенного обзора литературы и на базе положений агентской теории была сформулирована следующая гипотеза:

Гипотеза H2. В компаниях с государственным участием состав и структура совета директоров (количественный состав совета директоров, доля независимых директоров, доля директоров-женщин и наличие комитета по устойчивому развитию) оказывают менее значительное влияние на уровень ESG-прозрачности, по сравнению с частными компаниями.

Дизайн и методология исследования

С целью анализа уровня ESG-прозрачности компаний с государственным участием, а также взаимосвязи между государственной собственностью и ESG-прозрачностью в рамках данной работы была использована выборка российских публичных компаний, акции которых торговались на Московской бирже в период с 2012 по 2021 г. Выбор в пользу публичных компаний объясняется важной ролью таких компаний в экономической жизни страны, а также ограниченностью финансовых и нефинансовых данных по непубличным компаниям.

В качестве источника как финансовых, так и нефинансовых показателей использовалась база данных международного информационного агентства Bloomberg, которая, в отличие от существующих российских провайдеров аналогичной информации, содержит достаточный объем статистических данных для проведения эмпирического анализа. В итоговую выборку вошли только те компании, по которым за период с 2012 по 2021 г. содержалась информация обо всех рассматриваемых в данном исследовании показателях как минимум в течение одного года — это 34

компании и 258 наблюдений, из которых 44% компаний и 42% наблюдений относятся к компаниям с государственным участием.

Включение в выборку данных за период до 2021 г. объясняется тем, что после начала СВО в 2022 г. база Bloomberg для российских пользователей стала недоступна, а российские провайдеры аналогичной информации еще не предоставляют достаточный объем необходимой информации для проведения эмпирического анализа.

В качестве показателя, характеризующего уровень ESG-прозрачности, использовался общий коэффициент ESG-прозрачности (`esg_score`), а также отдельные коэффициенты прозрачности экологической информации (`e_score`), социальной информации (`s_score`) и информации в области корпоративного управления (`g_score`), рассчитываемые международным информационным агентством Bloomberg. Данные показатели ESG-прозрачности могут принимать значения от 0 до 100 баллов.

В качестве показателей, характеризующих совет директоров, использовались: количественный состав совета директоров (`board_size`), доля независимых директоров (`board_independence`) в процентах, доля директоров-женщин (`board_diversity`) в процентах, а также наличие комитета совета директоров по устойчивому развитию (`sustainability_committee`).

В качестве показателя, характеризующего государственное участие, использовалась доля пакета акций, прямо или косвенно принадлежащая на праве собственности Российской Федерации или субъектам Российской Федерации (`state_share`). Другими словами, учитывалось владение государством акциями как напрямую, так и опосредованно — через другие дочерние компании. Доля государственного участия более 50% означает, что государство владеет контрольным пакетом акций и, следовательно, имеет возможность принимать ключевые стратегические решения, в том числе в сфере корпоративного управления и устойчивого развития.

В качестве показателей, характеризующих финансовое положение и финансовые результаты, использовались: размер компании (`firm_size`) как сумма всех ее активов, в млрд руб., коэффициент рентабельности активов (`return_on_assets`) как отношение суммы чистой прибыли к сумме активов, в процентах, а также коэффициент финансового рычага (`financial_leverage`) как отношение суммы активов к сумме собственного капитала. При этом коэффициент рентабельности активов применялся в качестве показателя уровня прибыльности компании, а коэффициент финансового рычага — в качестве показателя уровня ее финансовой устойчивости. Все финансовые показатели рассчитывались на основании финансовых отчетов, составленных в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности (МСФО).

В рамках регрессионного анализа применялись 4 модели панельных данных, по одной на каждый коэффициент ESG-прозрачности. В качестве зависимых переменных использовались коэффициенты ESG-

прозрачности, в качестве независимых — доля государственного участия и характеристики совета директоров, а в качестве контрольных переменных — финансовые показатели. Регрессионный анализ используется в качестве основного метода исследования взаимосвязи между уровнем ESG-раскрытия и различными финансовыми и нефинансовыми показателями в большинстве работ на соответствующую тему (Velte, 2020; Wasiuzzaman, Wan Mohammad, 2020; Fatma, Chouaibi, 2021; Driss et al., 2022; Jiang et al., 2023).

С целью определения наиболее релевантной регрессионной модели панельных данных были проведены F-тесты и тесты Хаусмана, по результатам которых для всех коэффициентов ESG-раскрытия в качестве предпочтительной была выбрана регрессионная модель панельных данных с постоянными (фиксированными) эффектами.

Регрессионный анализ проводился в два этапа. На первом этапе строилась и оценивалась регрессионная модель для всех компаний из выборки, вне зависимости от степени участия в них государства. Показатель государственного участия при этом входил в число независимых факторов. На данном этапе исследовалось влияние государственной собственности на уровень ESG-прозрачности, проверялась **гипотеза H1**.

На втором этапе регрессионного анализа все компании были поделены на две группы: частные компании и компании с государственным участием. Для каждой из этих групп компаний строилась и оценивалась отдельная регрессионная модель. Показатель государственного участия на данном этапе уже не входил в число независимых факторов. На данном этапе исследовалось влияние характеристик совета директоров на уровень ESG-прозрачности отдельно для компаний с нулевой и ненулевой долей участия государства, проверялась **гипотеза H2**.

Результаты исследования

Более половины (8 из 16) компаний с государственным участием относятся к сферам газоснабжения (ПАО «Газпром»), электроснабжения (ПАО «Интер РАО» и пр.) и водоснабжения (ПАО «Русгидро»). Большинство (9 из 19) частных компаний относятся к химической и металлургической сфере, среди таких компаний: ПАО «Норникель», ПАО «Северсталь», ПАО «Уралкалий», ПАО «Фосагро» и пр.

В рамках дескриптивного анализа, результаты которого представлены в табл. 1, было выявлено, что средняя доля государства как акционера в капитале среди компаний с государственным участием составляет 57%. Компании с государственным участием, по сравнению с частными компаниями, характеризуются более низким уровнем ESG-прозрачности, что отражается как на общем коэффициенте ESG-прозрачности (45 баллов против 51 балла), так и на его отдельных компонентах. Примечательно,

что больше всего различается коэффициент прозрачности экологической информации (31 балл против 42 баллов), а меньше всего — коэффициент прозрачности информации в области корпоративного управления (76 баллов против 75 баллов).

Таблица 1

Результаты описательного анализа российских компаний

Переменная	Частные компании	Компании с гос. участием	Все компании
esg_score	51,28	45,29	48,75
e_score	42,31	31,23	37,63
s_score	33,41	28,20	31,21
g_score	78,03	76,43	77,35
board_size	10,17	12,28	11,07
board_independence	46,32	30,45	39,62
board_diversity	8,81	5,56	7,43
sustainability_committee	51,01	20,18	37,98
state_share	0,00	56,53	23,88
firm_size	1059,93	6016,44	3153,96
return_on_assets	9,79	4,74	7,66
financial_leverage	6,58	3,89	5,44

Источник: расчеты авторов.

Характеристики совета директоров в компаниях с государственным участием также имеют свои особенности. Так, для компаний с государственным участием характерны большие по количественному составу советы (12 директоров против 10 в компаниях без государственного участия), при этом такие компании характеризуются меньшим уровнем независимости (30 против 46%) и разнообразия (6 против 9%) совета директоров, а также меньшей распространенностью комитета по устойчивому развитию (20 против 51%).

Что касается финансовых показателей исследуемых компаний, то компании с государственным участием являются более крупными в терминах размера активов (6 млрд руб. против 1 млрд руб.), а также меньшим уровнем прибыльности (5 против 10%) и финансовой устойчивости (4 против 7%).

В целом, по результатам проведенных t-тестов было определено, что различия между компаниями с государственным участием от частных компаний являются статистически значимыми (на уровне значимости 5%) для всех исследуемых показателей.

В рамках регрессионного анализа всех компаний, результаты которого представлены в табл. 2, было выявлено, что наличие государства в качестве акционера приводит к уменьшению уровня прозрачности информации в области корпоративного управления. В среднем рост доли государственной собственности в структуре акционерного капитала на 1 п.п. сопровождается снижением коэффициента прозрачности информации о корпоративном управлении на 0,77 балла, при этом прямой взаимосвязи между фактором государственной собственности и прочими коэффициентами ESG-прозрачности выявлено не было.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа российских компаний

Переменная	esg_score	e_score	s_score	g_score
board_size	-1,87***	-3,48***	-0,94	-1,20**
board_independence	0,15***	0,32***	0,10**	0,03
board_diversity	0,15*	0,17	0,13	0,16*
sustainability_committee	5,51***	5,03*	3,09*	8,26***
state_share	-0,10	0,39	0,05	-0,77***
ln(firm_size)	14,12***	20,89***	14,26***	7,43***
return_on_assets	0,04	0,09	0,04	-0,01
financial_leverage	0,02	-0,03	0,17	0,06
R2	0,44	0,37	0,35	0,34
Adjusted R2	0,33	0,25	0,22	0,22
F statistic	21,00	15,99	14,33	14,14
Numbers of observations	258	258	258	258

Примечание: здесь и далее используются следующие обозначения уровня статистической значимости (p-value) * — 10%; ** — 5%; *** — 1%.

Источник: расчеты авторов.

В отношении компаний с государственным участием было обнаружено, что количественный состав совета директоров и уровень гендерного разнообразия оказываются статистически незначимыми в отношении всех рассматриваемых коэффициентов ESG-прозрачности (табл. 3). Влияние

уровня независимости совета директоров является значимым и негативным для общего коэффициента ESG-прозрачности, а также для его экологического компонента, в то время как фактор наличия комитета по устойчивому развитию является значимым и положительным для всех рассматриваемых коэффициентов ESG-прозрачности.

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа российских компаний с государственным участием

Переменная	esg_score	e_score	s_score	g_score
board_size	-1,82	-2,73	-1,18	-1,74
board_independence	-0,15*	-0,29**	-0,1	-0,08
board_diversity	-0,20	-0,61	-0,12	0,13
sustainability_committee	10,55***	9,77*	9,65***	13,66***
ln(firm_size)	7,05***	4,93	7,93***	7,95**
return_on_assets	0,01	-0,33	-0,19	0,56***
financial_leverage	-0,20	-1,20	0,33	0,27
R2	0,35	0,22	0,32	0,39
Adjusted R2	0,19	0,04	0,16	0,24
F statistic	6,70	3,60	5,86	7,94
Numbers of observations	109	109	109	109

Источник: расчеты авторов.

В рамках регрессионного анализа частных компаний, результаты которого приведены в табл. 4, было выявлено, что характер влияния таких характеристик совета директоров, как его количественный состав, а также степень независимости и разнообразия, на уровень ESG-прозрачности аналогичен результату, полученному на первом этапе регрессионного анализа, при этом влияние комитета по устойчивому развитию оказалось значимым и положительным исключительно в контексте раскрытия информации о корпоративном управлении.

Что же касается сравнительной значимости характеристик совета директоров в вопросах ESG-прозрачности, то количественный состав совета директоров, уровень его независимости и разнообразия в большей степени влияет на ESG-прозрачность в частных компаниях, чем в компаниях с государственным участием. Наоборот, наличие комитета по устойчивому развитию в большей степени влияет на ESG-прозрачность в компаниях с государственным участием, чем в частных компаниях.

Результаты регрессионного анализа российских частных компаний

Переменная	esg_score	e_score	s_score	g_score
board_size	-1,93***	-3,43***	-1,28*	-1,10*
board_independence	0,23***	0,47***	0,15**	0,08
board_diversity	0,21**	0,27	0,21*	0,16*
sustainability_committee	2,60	1,38	-0,70	6,26***
ln(firm_size)	18,07***	30,05***	17,04***	7,50***
return_on_assets	0,09	0,04	0,07	-0,08
financial_leverage	-0,03	-0,10	-0,03	0,05
R2	0,55	0,55	0,43	0,36
Adjusted R2	0,45	0,46	0,32	0,24
F statistic	21,11	21,30	13,36	10,08
Numbers of observations	149	149	149	149

Источник: расчеты авторов.

Обсуждение результатов

По результатам проведенного эмпирического исследования, **гипотеза H1** о том, что компании с государственным участием характеризуется более низким уровнем ESG-прозрачности, по сравнению с частными компаниями, *не отвергается*. В частности, общий коэффициент ESG-прозрачности компаний с государственным участием составил 45 баллов против 51 балла для остальных компаний — аналогичные результаты были получены в том числе и по отдельным компонентам данного коэффициента. Полученные результаты соответствуют результатам более ранних исследований (Ghazali, Weetman, 2006; Luo et al., 2006; Li, Zhang, 2010; Al-Janadi et al., 2016; Pareek, Sahu, 2022; Jiang et al., 2023).

Полученные результаты можно объяснить тем, что геополитические условия, в которых работает российский бизнес, отличаются от среднемировых. Начиная с 2014 г. российские компании регулярно подвергаются санкциям. В результате потребность в прозрачности, в раскрытии финансовых и нефинансовых показателей находится в противоречии с сокрытием информации по соображениям безопасности. Информационная прозрачность о сфере ESG не является для российских компаний с государственным участием ключевой ценностью. Этот феномен объясняет ресурсная теория, согласно которой государство как акционер способствует более легкому получению ресурсов за счет использования банковского

долгового финансирования (Boubakri, Saffar, 2019; Zeng et al., 2022), политические связи помогают проникать в отрасли с высокими входными барьерами (Kusnadi et al., 2015), снижаются риски банкротства и пр. В результате компании с государственным участием меньше заботятся об информационной открытости перед инвесторами и другими заинтересованными сторонами.

Гипотеза H2, о том, в компаниях с государственным участием характеристики совета директоров оказывают меньшее влияние на уровень ESG-прозрачности, по сравнению с частными компаниями, *не отвергается* для всех характеристик совета директоров, кроме наличия комитета по устойчивому развитию. Такие характеристики совета директоров, как его количественный состав, доля независимых директоров и директоров-женщин, в компаниях с государственным участием влияют на ESG-прозрачность в меньшей степени, чем в частных компаниях.

Исключение составляет такая характеристика совета директоров, как наличие комитета по устойчивому развитию. Важная роль такого комитета объясняется тем, что для его создания требуется заинтересованность мажоритарных акционеров. Учреждение комитета по устойчивому развитию сопровождается разработкой ESG-стратегии, ее реализацией менеджментом, интеграцией стратегии в бизнес-процессы, а также мониторингом ESG-показателей и публикацией нефинансовой отчетности. Тот факт, что наличие комитета по устойчивому развитию в компаниях с государственным участием сопровождается увеличением уровня ESG-прозрачности на 10,55 балла по 100-балльной шкале может объясняться эффектом низкой базы: в частных публичных компаниях комитеты по устойчивому развитию и ESG были созданы гораздо раньше, чем в публичных компаниях с государственным участием.

Полученные результаты можно объяснить с позиции агентской теории. Поскольку интересы государства как акционера и других крупных и мелких акционеров могут различаться, постольку в компаниях с государственным участием влияние характеристик совета директоров на раскрытие ESG-данных ниже, чем в частных компаниях, из-за существующей системы участия в управлении через профессиональных поверенных (Харчилава, Боттаев, 2017; Смотрицкая, Фролова, 2022). Последние голосуют по директивам Росимущества, ввиду чего роль независимых директоров снижается. Можно говорить о том, что государство как акционер в меньшей степени заинтересовано в сбалансированности совета директоров, что является крайне важным для миноритарных акционеров.

Заключение

Ключевым выводом данного исследования является следующее: в первых, компании с государственным участием — менее прозрачны,

чем частные компании. Непрозрачность повышает риски устойчивого развития и неэффективного расходования государственных средств. Во-вторых, из всех рассмотренных характеристик совета директоров значительно влияет на повышение уровня ESG-прозрачности компании создание комитета по устойчивому развитию. Такие характеристики, как количественный состав совета директоров, наличие независимых директоров и женщин-директоров, не оказывают существенного влияния на степень ESG-прозрачности компании.

Полученные в рамках данного исследования результаты имеют высокую теоретическую и практическую значимость. С началом СВО и санкционного давления на страну и ее компании государство сделало ставку на помощь госкомпаниям в виде льгот, субсидий, дотаций, снижения тарифов, уменьшения проверок и пр. Задача сокращения доли государства в экономике откладывается до более благоприятного периода, в то время как вопросы повышения качества корпоративного управления, устойчивого развития и, следовательно, ESG-прозрачности встают еще более остро, в том числе в свете контроля не только со стороны совета директоров, но и со стороны широкой общественности.

С теоретической точки зрения, одними из первых среди российских исследователей корпоративного управления было проанализировано влияние характеристик советов директоров на уровень ESG-прозрачности в компаниях с государственной собственностью. С практической точки зрения, полученные выводы могут использоваться как рекомендации по созданию комитета по устойчивому развитию в компаниях с государственным участием. Выводы могут быть полезны инвесторам при оценке устойчивого развития и ESG-прозрачности корпораций с учетом их структуры собственности.

Необходимо отметить, что в процессе использования полученных результатов требуется учитывать ряд ограничений. Так, исследовались лишь публичные и, следовательно, наиболее крупные компании. Также не учитывалось наличие КПЭ, связанных с устойчивым развитием через критерии ESG, в системе оценке эффективности работы членов совета директоров и топ-менеджмента. Помимо этого, не учитывались характеристики еще одного важного органа корпоративного управления — генерального директора, который также становится предметом научного интереса (Черкасова, Петров, 2023).

Кроме того, данное эмпирическое исследование проводилось на основе данных за период до начала специальной военной операции, когда были приняты новые правила раскрытия чувствительной с точки зрения возможных внешних ограничений информации компаниями-эмитентами.

Для дальнейших исследований могут быть выделены следующие направления оценки:

- уровень ESG-прозрачности в холдинговых компаниях с государственным участием, включая дочерние и зависимые общества;

- факторы повышения качества корпоративного управления, устойчивого развития и ESG-прозрачности в компаниях с государственным участием в условиях ухода иностранных и притока российских миноритарных частных инвесторов;
- влияние компетенций и возрастных характеристик директоров в составе совета директоров на уровень ESG-прозрачности и эффективности компаний с государственным участием;
- взаимосвязь между характеристиками генерального директора и ESG-прозрачностью компаний с государственным участием;
- отраслевая специфика качества корпоративного управления и уровня ESG-прозрачности в компаниях с государственным участием.

Список литературы

Батаева, Б. С., & Карпов, Н. А. (2023). Влияние факторов корпоративного управления на уровень раскрытия ESG-информации российскими публичными компаниями. *Управленец*, 14 (3), 30–43. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2023-14-3-3>

Вегенер, Р. А. (2015). Возникновение и сущность государственно-монополистического капитализма. *Российское предпринимательство*, 16 (8), 1101–1110.

Институт экономики роста им. Столыпина П. А. (2023). *Отказ от госкапитализма — ключ к трансформации российской экономики*.

Кузин, Д. В. (2024). Концепции российского корпоративного управления: эволюция и сравнительный анализ. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 59 (1), 3–28. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-1-1>

Макеева, Е. Ю., Попов, К. А., Дихтярь, А. А., & Судакова, А. В. (2022). Взаимосвязь характеристик совета директоров с ESG-рейтингами и стоимостью российских компаний. *Российский журнал менеджмента*, 20 (4), 498–523. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2022.403>

Смотрицкая, И. И., & Фролова, Н. Д. (2022). Качество корпоративного управления в компаниях с государственным участием: эмпирические оценки. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*, 4, 59–85. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-4-59-85>

Счетная палата РФ. (2020). *Бюллетень Счетной палаты РФ 2020. №8. Управление федеральным имуществом*.

Харчилава, Х. П., & Боттаев А. Ю. (2017). Корпоративное управление в компаниях с государственным участием. *Управление*, 1 (15), 88–92. <https://doi.org/10.12737/24706>

Черкасова, В. А., & Петров, А. В. (2023). Влияние характеристик CEO на взаимосвязь между ESG-рейтингом и эффективностью золотодобывающих компаний. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 5, 184–208. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-5-9>

Шевченко, И. В., & Курузов, М. В. (2014). Внутрикорпоративные агентские конфликты и их классификация. *Финансы и кредит*, 10 (586), 25–30.

Яновский, К. (2004). Размеры государственного сектора экономики (теоретические подходы, обзор литературы, российский опыт). *Вопросы экономики*, 9, 25–34. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-9-25-34>

Aboud, A., & Yang, X. (2022). Corporate governance and corporate social responsibility: New evidence from China. *International Journal of Accounting & Information Management*, 30 (2), 211–222. <https://doi.org/10.1108/IJAIM-09-2021-0195>

Adams, R., & Ferreira, D. (2009). Women in the boardroom and their impact on governance and performance. *Journal of Financial Economics*, 94 (2), 291–309. <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2008.10.007>

Akerlof, G. A. (1970). The market for “lemons”: Quality uncertainty and the market mechanism. *The Quarterly Journal of Economics*, 84 (3), 488–500.

Al-Janadi, Y., Abdul Rahman, R., & Alazzani, A. (2016). Does government ownership affect corporate governance and corporate disclosure? Evidence from Saudi Arabia. *Managerial Auditing Journal*, 31 (8/9), 871–890. <https://doi.org/10.1108/MAJ-12-2015-1287>

Al-Qahtani, M., & Elgharbawy, A. (2019). The effect of board diversity on disclosure and management of greenhouse gas information: Evidence from the United Kingdom. *Journal of Enterprise Information Management*, 33 (6), 1557–1579. <https://doi.org/10.1108/JEIM-08-2019-0247>

Alshbili, I., Elamer, A., & Beddewela, E. (2019). Ownership types, corporate governance and corporate social responsibility disclosures: Empirical evidence from a developing country. *Accounting Research Journal*, 33 (1), 148–166. <https://doi.org/10.1108/ARJ-03-2018-0060>

Al Amosh, H., & Khatib, S. (2021). Corporate governance and voluntary disclosure of sustainability performance: the case of Jordan. *SN Business & Economics*. <https://doi.org/10.1007/s43546-021-00167-1>

Boubakri, N., & Saffar, W. (2019). State ownership and debt choice: Evidence from privatization. *Journal of Financial and Quantitative Analysis*, 54, 1313–1346. <http://dx.doi.org/10.1017/S0022109018000881>

Buallay, A., & Alhalwachi, L. (2022). Board gender diversity and environmental disclosure: evidence from the banking sector. *Journal of Chinese Economic and Foreign Trade Studies*, 15 (3), 350–371. <https://doi.org/10.1108/JCEFTS-08-2021-0046>

Cucari, N., Esposito De Falco, S., & Orlando, B. (2017). Diversity of board of directors and environmental social governance: Evidence from Italian listed companies. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 25 (2), 250–266. <https://doi.org/10.1002/csr.1452>

Daiser, P., Ysa, & T., Schmitt, D. (2017). Corporate governance of state-owned enterprises: a systematic analysis of empirical literature. *International Journal of Public Sector Management*, 30 (5), 447–466. <https://doi.org/10.1108/IJPSM-10-2016-0163>

Deegan, C., & Blomquist, C. (2006). Stakeholder influence on corporate reporting: An exploration of the interaction between WWF-Australia and the Australian minerals industry. *Accounting, Organizations and Society*, 31, 343–372.

Driss, H., Drobetz, W., el Ghoul, S., & Guedhami, O. (2022). The sustainability committee and environmental disclosure: International evidence. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4226967>

Fahad, P., & Mubarak, R. (2020). Impact of corporate governance on CSR disclosure. *International Journal of Disclosure and Governance*, 17 (1), 155–167. <https://doi.org/10.1057/s41310-020-00082-1>

Fatma, H., & Chouaibi, J. (2021). Corporate governance and CSR disclosure: Evidence from European financial institutions. *International Journal of Disclosure and Governance*, 18, 346–361. <https://doi.org/10.1057/s41310-021-00117-1>

Garas, S., & ElMassah, S. (2018). Corporate governance and corporate social responsibility disclosures: The case of GCC countries. *Critical Perspectives on International Business*, 14 (1), 2–26. <https://doi.org/10.1108/cpoib-10-2016-0042>

Ghazali, N. A. M., & Weetman, P. (2006). Perpetuating traditional influences: voluntary disclosure in Malaysia following the economic crisis. *Journal of International Accounting Auditing & Taxation*, 15 (2). <https://doi.org/10.1016/j.intaccudtax.2006.08.001>

Hill, C., & Jones, T. (1992). Stakeholder-agency theory. *Journal of Management Studies*, 28 (2), 131–154. <https://doi.org/10.1111/J.1467-6486.1992.TB00657.X>

Jensen, M. C., & Meckling, W. H. (1976). Theory of the firm: Managerial behavior, agency costs and ownership structure. *Journal of Financial Economics (JFE)*, 3 (4). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.94043>

Jiang, Y., García-Meca, E., & Martínez-Ferrero, J. (2023). Do board and ownership factors affect Chinese companies in reporting sustainability development goals? *Management Decision*, 61 (12), 3806–3834. <https://doi.org/10.1108/MD-01-2023-0113>

Khan, A., Muttakin, M., & Siddiqui, J. (2012). Corporate governance and corporate social responsibility disclosures: Evidence from an emerging economy. *Journal of Business Ethics*, 114. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2050630>

Khlif, H., Ahmed, K., & Souissi, M. (2017). Ownership structure and voluntary disclosure: a synthesis of empirical studies. *Australian Journal of Management*, 42 (3), 376–4031. <https://doi.org/10.1177/0312896216641475>

Kusnadi, Y., Yang, Z., & Zhou, Y. (2015). Institutional development, state ownership, and corporate cash holdings: Evidence from China. *Journal of Business Research*, 68, 351–359. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusres.2014.06.023>

Lagasio, V., & Cucari, N. (2019). Corporate governance and environmental social governance disclosure: A meta-analytical review. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 26, 701–711. <https://doi.org/10.1002/csr.1716>

Lavin, J. F., & Montecinos-Pearce, A. A. (2021). ESG disclosure in an emerging market: An empirical analysis of the influence of board characteristics and ownership structure. *Sustainability*, 13. <https://doi.org/10.3390/su131910498>

Li, W., & Zhang, R. (2010). Corporate social responsibility, ownership structure, and political interference: evidence from China. *Journal of Business Ethics*, 96 (4), 631–645. <https://doi.org/10.1007/s10551-010-0488-z>

Luo, S., Courtenay, S. M., & Hossain, M. (2006). The effect of voluntary disclosure, ownership structure and proprietary cost on the return – future earnings relation. *Pacific-Basin Finance Journal*, 14, 501–521. <https://doi.org/10.1016/j.pacfin.2006.02.002>

Ma, A., & Chen, Y. (2023). Board attributes, ownership structure, and corporate social responsibility: evidence from A-share listed technological companies in China. *Society and Business Review*. <https://doi.org/10.1108/SBR-08-2022-0225>

Matuszak, Ł., Róžańska, E., & Macuda, M. (2019). The impact of corporate governance characteristics on banks' corporate social responsibility disclosure: Evidence from Poland. *Journal of Accounting in Emerging Economies*, 9 (1), 75–102. <https://doi.org/10.1108/JAEE-04-2017-0040>

Miazek, R. (2021). Corporate governance in state-owned enterprises. A systematic literature review: an international perspective. *International Journal of Contemporary Management*, 57. <https://doi.org/10.2478/ijcm-2021-0011>

Nguyen, T. H., Nguyen, Q. T., Nguyen, D. M., & Le T. (2023). The effect of corporate governance elements on corporate social responsibility reporting of listed companies in Vietnam. *Cogent Business & Management*, 10 (1). <https://doi.org/10.1080/23311975.2023.2170522>

OECD. (2015). *OECD guidelines on corporate governance of state-owned enterprises, 2015 Edition*. OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/9789264244160-en>

Oh, W., Chang, Y., & Martynov, A. (2011). The effect of ownership structure on corporate social responsibility: Empirical evidence from Korea. *Journal of Business Ethics*, *104*. <https://doi.org/10.1007/s10551-011-0912-z>

Pareek, R., & Sahu, T. N. (2022). How far the ownership structure is relevant for CSR performance? An empirical investigation. *Corporate Governance*, *22* (1), 128–147. <https://doi.org/10.1108/CG-10-2020-0461>

Qian, T., & Yang, C. (2023). State-owned equity participation and corporations' ESG performance in China: The mediating role of top management incentives. *Sustainability*, *15*. <https://doi.org/10.3390/su151511507>

Rudyanto, A. (2017). State ownership, family ownership, and sustainability report quality: The moderating role of board effectiveness. *GATR Accounting and Finance Review*, *2*. [https://doi.org/10.35609/afr.2017.2.2\(3\)](https://doi.org/10.35609/afr.2017.2.2(3))

Shahhen, R., Yang, H., Bhutto, M., Bala H., & Khan F. (2021). Assessing the effect of board gender diversity on CSR reporting through moderating role of political connections in Chinese listed firms. *Frontier in Psychology*, *12* (1), 16–36. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.796470>

Thomsen, S. (2023). Sustainable corporate governance. An overview and an assessment. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4459225>

Velte, P. (2020). Corporate sustainability committees, chief sustainability officers and environmental performance – Empirical evidence for European firms. *SSRN Electronic Journal*, *43*, 191–213.

Wasiazaman, S., & Wan Mohammad, W. M. (2020). Board gender diversity and transparency of environmental, social and governance disclosure: Evidence from Malaysia. *Managerial and Decision Economics*, *41*, 145–156. <https://doi.org/10.1002/mde.3099>

Williamson, O. (1985). *The economic institutions of capitalism*. New York: The Free Press.

Young, M. N., Peng, M. W., Ahlstrom, D., Bruton G. D., & Jiang, Y. (2008). Corporate governance in emerging economies: A review of the principal-principal perspective. *Journal of Management Studies*, *45* (1), 196–220. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-6486.2007.00752.x>

Zeng, M., Li, C. Q., & Li, Y. K. (2022). How does the state-owned capital shareholder affect the cash holding of private enterprises? Based on the dual perspective of cooperative advantages and competitive balances. *Journal of Business Management*, *44*, 134–152. <http://dx.doi.org/10.1590/s0034-759020250202>

References

Accounts Chamber of the Russian Federation. (2020). *Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation. Federal Property Management*.

Bataeva, B. S., & Karpov, N. A. (2023). Impact of corporate governance factors on ESG disclosure by Russian public companies. *Upravlenets / The Manager*, *14* (3), 30–43. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2023-14-3-3>

Cherkasova, V. A., & Petrov, A. V. (2023). The influence of CEO's characteristics on ESG rating and e-ciency of gold mining companies. *Moscow University Economics Bulletin*, *5*, 184–208. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-5-9>

Institute for the Economy of Growth, Stolypin, P. A. (2023). *Otkaz ot goskapitalizma – klyuch k transformacii rossijskoj ekonomiki*.

Kharchilava, K. P., & Bottaev, A. Yu. (2017). Corporate governance in companies with state participation. *Upravlenie / Management*, (15), 88–92. <https://doi.org/10.12737/24706>

Kuzin, D.V. (2024). Russian corporate governance conceptions: evolution and comparative analysis. *Moscow University Economics Bulletin*, 59 (1), 3–28. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-1-1>

Makeeva, E. Yu., Popov, K.A., Dikhtyar, A.A., & Sudakova A.V. (2022). Board of directors characteristics: How they are related to ESG rankings and value of Russian companies. *Russian Management Journal*, 20 (4), 498–523. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2022.403>

Shevchenko, I. V., & Kuruzov, M. V. (2014). Internal corporate agency conflicts and their classification. *Finance and Credit*, 10 (586), 25–30.

Smotrinskaya, I. I., & Frolova, N. D. (2022). The quality of corporate governance in companies with state participation: empirical estimates. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, 4, 59–85. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-4-59-85>

Yanovsky, K. (2004). The size of the state sector of the economy (theoretical approaches, survey of literature, Russian experience). *Voprosy Ekonomiki*, 9, 25–34. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-9-25-34>

Vegener, R. A. (2015). The origin and nature of state-monopoly capitalism. *Russian Journal of Entrepreneurship*, 16 (8), 1101–1110.

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

А. В. Подлесная¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 338.22, 338.23

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-8

АУКЦИОНЫ ВИЭ В РОССИИ: ПРИВЕЛА ЛИ КОНКУРЕНЦИЯ К СНИЖЕНИЮ СТОИМОСТИ ПРОЕКТОВ?

Статья посвящена оценке эффективности основного механизма поддержки развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в России – конкурсного отбора проектов с последующим заключением инвесторами договоров поставки мощности (ДПМ) – с точки зрения снижения стоимости таких проектов. Актуальность исследования обусловлена тем, что конфигурация данного механизма (в том числе организация в форме аукциона, установление лимитов по объемам отбора и удельным капитальным затратам, на основе которых конкурируют инвесторы) направлена на ограничение затрат на развитие ВИЭ в России. Для достижения поставленной цели на основе анализа опыта Европейского союза автором была разработана методика оценки эффективности конкурсного отбора проектов ВИЭ для первого этапа реализации программы (2013–2020 гг., ДПМ ВИЭ 1.0). С учетом специфики конкурсных отборов проектов ВИЭ в России для оценки эффективности данного механизма проверялась зависимость среднего дисконта к плановой величине капитальных затрат от интенсивности конкуренции на отборах и выполнения плана по отбору мощности. Были получены следующие результаты. Во-первых, эконометрическая оценка влияния интенсивности конкуренции на отборах проектов ВИЭ на средний дисконт к плановой величине капитальных затрат подтвердила, что более интенсивная конкуренция на отборах проектов ветровых и солнечных электростанций приводила к более низким удельным капитальным затратам по проектам. Во-вторых, сопоставление величины среднего дисконта по итогам отборов, где не был выполнен план по отбору, со средним дисконтом по итогам отборов, где план по отбору был выполнен, также свидетельствуют, что на отборах с недостаточно интенсивной конкуренцией устанавливались более высокие удельные капитальные затраты по проектам.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, конкурсный отбор проектов, конкуренция, удельные капитальные затраты, договора поставки мощности.

Цитировать статью: Подлесная, А. В. (2025). Аукционы ВИЭ в России: привела ли конкуренция к снижению стоимости проектов? *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 151–182. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-8>.

¹ Подлесная Алина Вадимовна — аспирант, Экономический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: a.v.podlesnaya@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6121-4104.

© Подлесная Алина Вадимовна, 2025

A. V. Podlesnaya

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: L52, L94, L98

RES AUCTIONS IN RUSSIA: HAS COMPETITION LED TO A REDUCTION IN THE COSTS OF PROJECTS?

The article is devoted to the efficiency assessment of the main support mechanism for renewable energy sources (RES) development in Russia – the competitive selection of projects followed by the entering of capacity supply agreements (CSA) by investors – in terms of reducing the cost of such projects. The relevance of the study is because the configuration of this mechanism (including organization in the form of an auction, setting the limits on the selection volumes and specific capital costs, based on which investors compete) aims at limiting the costs of RES development in Russia. To achieve this goal based on the analysis of the European Union experience the author developed the methodology for efficiency assessment of competitive selection of RES projects for the first stage of the program (2013–2020, CSA RES 1.0). Accounting for the specifics of competitive selection of RES projects in Russia, to assess the efficiency of this mechanism we checked the dependence of the average discount to the planned capital costs on the competition intensity at the selections and the fulfillment of the plan for the capacity selection. The following results obtained. Firstly, an econometric estimation of the impact of the competition intensity in the selection of RES projects on the average discount to the planned capital costs confirmed that more intense competition in the selection of wind and solar power plant projects led to lower specific capital costs for projects. Secondly, the comparison of the average discount following the results of selections where the selection plan not fulfilled with the average discount following the results of selections where the selection plan fulfilled also indicates that higher specific capital costs for projects set at selections with insufficiently intense competition.

Keywords: renewable energy sources, competitive selection of projects, competition, specific capital costs, capacity supply agreements.

To cite this document: Podlesnaya, A. V. (2025). RES auctions in Russia: Has competition led to a reduction in the costs of projects? *Lomonosov Economics Journal*, 60(1), 151–182. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-8>.

Введение

Россия долгое время находилась вне мирового процесса по развитию возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Попытки разработать государственную систему поддержки ВИЭ предпринимались с 1997 г., однако активное формирование соответствующей политики началось в 2010-е гг. Сегодня государственная поддержка развития ВИЭ в России идет по нескольким направлениям: на оптовом рынке электроэнергии и мощности (ОРЭМ), на розничных рынках электроэнергии (РРЭ), в технологически

изолированных и труднодоступных территориях (ГИТТ), а также путем развития рынка микрогенерации. Однако среди обозначенных направлений наиболее результативным по объемам ввода мощностей оказался механизм стимулирования инвестиций в ВИЭ на ОРЭМ (Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2019; РЭА Минэнерго России, 2022).

В качестве инструмента стимулирования инвестиций в ВИЭ на ОРЭМ определен механизм продажи мощности квалифицированных генерирующих объектов. Инвестиционные проекты для такой поддержки выбираются по результатам конкурсных отборов, после чего инвесторам предоставляется право на заключение со всеми потребителями соответствующей ценовой зоны ОРЭМ договоров о предоставлении мощности (ДПМ), гарантирующих в течение 15 лет оплату установленной мощности, что обеспечит возврат инвестированного капитала и норму доходности 12% (РЭА Минэнерго России, 2022).

Механизм ДПМ ВИЭ аналогичен договорной схеме, разработанной для финансирования инвестиционной программы бывшего монополиста — РАО «ЕЭС России» — в процессе его приватизации. Инвесторы, покупавшие его генерирующие активы, подписывали долгосрочные ДПМ, предусматривавшие плату за мощность по регулируемым ценам (Международная финансовая корпорация, 2013).

Механизм стимулирования инвестиций в ВИЭ на ОРЭМ предусматривает два этапа, известные как ДПМ ВИЭ 1.0 (2013–2024 гг.) и ДПМ ВИЭ 2.0 (2025–2035 гг.). Несмотря на существенные отличия первого и второго этапов поддержки, основной целью реализации обоих этапов, нашедшей свое отражение в их конфигурации, было и остается *создание* (и дальнейшее повышение конкурентоспособности, в том числе на внешних рынках) *новой отрасли энергомашиностроения* — производство основного и вспомогательного оборудования для генерирующих объектов на основе ВИЭ — *при социально-приемлемом уровне затрат на такое развитие* (Копылов, 2018; Копылов, 2020; РЭА Минэнерго России, 2022).

Мотивация правительства при принятии решения о запуске программы поддержки ВИЭ нашла свое отражение в конфигурации ДПМ ВИЭ. Для ограничения затрат на развитие ВИЭ предусмотрен конкурсный отбор проектов ВИЭ, установлены максимальные объемы отбора проектов ВИЭ (в МВт — в рамках ДПМ ВИЭ 1.0 и в денежном выражении — по программе ДПМ ВИЭ 2.0), лимиты удельных капитальных затрат, на основе которых конкурируют инвесторы и рассчитывается размер платы за мощность (для ДПМ ВИЭ 1.0). Для создания новой отрасли энергомашиностроения предусмотрены целевые показатели локализации оборудования и система штрафов за их нарушение (для ДПМ ВИЭ 2.0 дополнительно установлены требования по экспорту оборудования). В этой связи представляет интерес оценка эффективности кон-

фигурации механизма ДПМ ВИЭ с точки зрения снижения стоимости ВИЭ-генерации в России.

По своей конфигурации механизм ДПМ ВИЭ является аукционом. Аукционы ВИЭ представляют собой конкурсные торги, проводимые с целью отбора и распределения поддержки между наиболее приемлемыми проектами ВИЭ, которые должны быть реализованы в течение определенного периода времени на конкретной территории. Как правило, на торги выставляется определенный объем мощности или электроэнергии от ВИЭ. Участники торгов конкурируют за право поставки возобновляемой энергии на основе требуемого уровня поддержки (выражающегося в ценах на поставляемую электроэнергию). Как правило победителями аукционов становятся проекты с наименьшим требуемым уровнем поддержки². Победителям предоставляется право на реализацию проектов и получение поддержки в течение определенного периода времени.

Есть два основных аргумента в пользу использования аукционов ВИЭ. Во-первых, они позволяют эффективно распределять поддержку, уровень которой определяется на конкурентной основе и регулярно пересматривается. Во-вторых, они позволяют контролировать объем ввода мощностей ВИЭ и расходов на такую поддержку. Как и в случае с другими инструментами поддержки успех аукционов ВИЭ, в частности выигрыш в эффективности, зависит от выбранных элементов дизайна и от того, насколько хорошо они соответствуют конкретным характеристикам технологий и рынка (Alvarez et al., 2017).

Аукционы создают конкуренцию между проектами ВИЭ. В этой связи конкуренция считается одним из основных факторов, определяющих устанавливаемые на аукционах ВИЭ цены. В ряде исследований с использованием эконометрических методов на основе данных аукционов береговых ветровых электростанций (ВЭС) и фотоэлектрических солнечных электростанций (СЭС) в странах ЕС (Cassetta et al., 2017; Batz Liceiro, Mьsgens, 2021; Anatolitis et al., 2022) показано, что более интенсивная конкуренция на аукционах приводила к значимому снижению цен.

Аукционы поднимают перед регуляторами вопросы обеспечения достаточной конкуренции для эффективного ценообразования, предотвра-

² Существуют две основные категории аукционов: ценовые аукционы, на которых удовлетворяются заявки с наименьшим требуемым уровнем поддержки, и многокритериальные аукционы, на которых удовлетворение заявки зависит от нескольких критериев. В случае многокритериальных аукционов возможен ряд различных критериев оценки, таких как уровень локализации, степень воздействия на окружающую среду или специфические технологические особенности. Большее количество критериев оценки дает участникам с более высоким требуемым уровнем поддержки шанс выиграть аукцион. Таким образом, такой подход к проведению аукционов несет больший риск смещения фокуса с определения экономически эффективного уровня поддержки на другие, не связанные с ВИЭ, цели (например, обеспечение занятости) (Council of European Energy Regulators, 2016).

шения стратегического поведения, сговора и других искажений рынка, а также минимизации риска низких темпов реализации проектов, например, из-за занижения цен или регуляторных барьеров.

Часто решения указанных проблем не носят универсальный характер и то, что работает на одном рынке, не обязательно применимо к другому. Кроме того, различные элементы дизайна могут смягчать одни проблемы, но вести к другим. Например, правила предварительного отбора и штрафные санкции могут повысить вероятность реализации проектов, но также и риски и, как следствие, издержки и заявляемые участниками аукционов цены. Кроме того, регуляторы часто преследуют другие политические цели, например повышение надежности энергоснабжения или стимулирование разнообразия участников. Поиск компромисса между различными политическими целями без ущерба для эффективного ценообразования является сложной задачей (Alvarez et al., 2017).

Отдельный вопрос заключается в степени зависимости интенсивности конкуренции от элементов дизайна аукциона. Некоторые авторы утверждают, что такие элементы дизайна, как предварительные финансовые требования, могут препятствовать участию определенных субъектов в аукционе и таким образом снижать общий уровень конкуренции (Anatolitis et al., 2022).

Несмотря на успех аукционов, их не следует рассматривать как универсальную меру. Можно выделить несколько ситуаций, в которых аукционы могут быть неуместны, и следует рассмотреть альтернативные или дополнительные меры. Исследования показывают, что аукционы неуместны в ситуациях, когда нельзя ожидать приемлемой конкуренции, стоимость проектов слишком неопределенна или преследуются политические цели, отличные от минимизации затрат, такие как разнообразие участников. Указанные критерии часто соблюдаются, когда регуляторы стремятся развивать незрелые или инновационные технологии ВИЭ (Alvarez et al., 2017).

Данная работа посвящена оценке эффективности механизма ДПМ ВИЭ в России с точки зрения сокращения стоимости проектов ВИЭ в России. Работа состоит из четырех разделов. В первом охарактеризованы стартовые условия развития ВИЭ в России. Во втором разделе раскрыта конфигурация первого этапа программы ДПМ ВИЭ в России. С учетом конфигурации ДПМ ВИЭ 1.0 в третьем разделе предложена методика оценки эффективности указанного механизма. В четвертом разделе на основе предложенной методики произведена оценка эффективности первого этапа программы ДПМ ВИЭ.

Стартовые условия развития ВИЭ в России

На момент запуска программы поддержки ВИЭ в России были неконкурентоспособны по сравнению с традиционной генерацией. По данным

IRENA, нормированная стоимость электроэнергии (LCOE) ВИЭ в России на момент запуска программы была минимум в 2 раза выше аналогичного показателя для новых газовых и угольных электростанций³ и цен на электроэнергию для промышленности и населения (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная оценка нормированной стоимости электроэнергии в России от возобновляемых и невозобновляемых технологий в 2014 г.

	Нормированная стоимость электроэнергии, руб./кВт-ч	Цена на электроэнергию (с учетом мощности) для конечного потребителя, руб./кВт-ч	
		Для всех категорий потребителей	Для всех категорий потребителей, кроме населения
Угольная ТЭС	2,4	2,92	3,09
Газовая ТЭС	1,9–2,4		
СЭС	12,0–19,2		
ВЭС	4,3–7,2		
МГЭС	5,3–6,7		

Примечания:

1. Здесь и далее МГЭС — малая гидроэлектростанция.

2. Нормированная стоимость электроэнергии ВИЭ рассчитана с учетом предельного уровня капитальных и эксплуатационных затрат на 2014/2015 г. в соответствии с правилами первого этапа программы ДПМ ВИЭ. Для расчета использованы обменный курс рубля 48 руб./долл., оптовая цена на газ 105 долл./тыс. куб. м и диапазон стоимости капитала (WACC) 10–12%.

3. Цена на электроэнергию для конечного потребителя — прогноз АО «АТС» от 28 ноября 2014 г. для ценовых зон (1 и 2) ОРЭМ.

Источник: рассчитано автором по данным АО «АТС»: <https://www.atsenergo.ru/results/statistic/fcast/fcconsumer?year=2014&load=second> и (International Renewable Energy Agency, 2017).

Основная причина — субсидирование традиционной энергетики. По данным МЭА, с 2010 г. Россия стабильно занимает второе место в мире после Ирана по объему потребительских субсидий⁴ на газ в абсолютном

³ Несколько более высокая нормированная стоимость электроэнергии новых угольных электростанций по сравнению с новыми газовыми обусловлена большими капитальными затратами на их строительство и более низкой эффективностью (удельный расход топлива), несмотря на то что цена на уголь (в энергетическом эквиваленте) значительно ниже цены на газ, а КИУМ угольных электростанций выше.

⁴ Для оценки потребительских субсидий используется метод ценового разрыва. Ценовой разрыв представляет собой отрицательную разницу между ценой на энергетической товар для конечного потребителя и индикативной («конкурентной рыночной») ценой на него; его существование указывает на наличие субсидий. Субсидии оцениваются в отношении ископаемого топлива (природный газ, нефть и уголь), потребляемого напрямую

выражении (в 2021 г. страны поменялись местами в рейтинге). По объему потребительских субсидий на электроэнергию в абсолютном выражении Россия в 2010–2021 гг. была в основном в первой тройке лидеров вместе с Ираном и Китаем (рис. 1 и 2). Объем потребительских субсидий колеблется год от года под влиянием изменений мировых цен на энергоносители, внутренней ценовой политики, обменных курсов валют и спроса на энергоресурсы. Из числа этих факторов волатильность мировых цен на энергоносители как правило оказывает наибольшее влияние на колебания уровней потребительских субсидий (International Energy Agency, 2010).

Цены на природный газ в России исторически поддерживались ниже общемирового рыночного уровня. Внутренние цены на газ субсидировались за счет экспортных, а для населения – дополнительно за счет более высоких цен для промышленности. Перекрестное субсидирование также применяется в электроэнергетике (Международная финансовая корпорация, 2011).

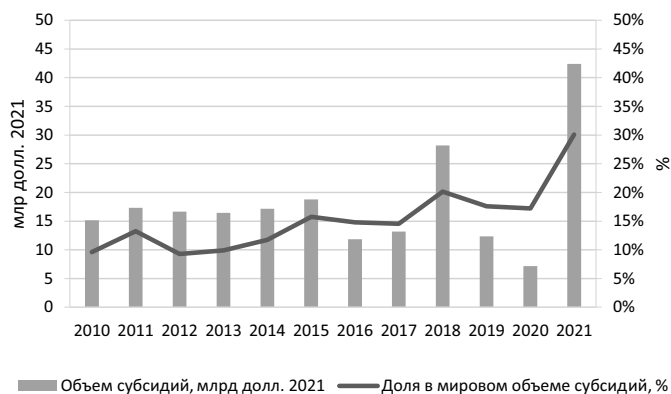

Рис. 1. Субсидии на природный газ для конечных потребителей в России

Источник: построено автором по данным International Energy Agency: <https://www.iea.org/topics/energy-subsidies>.

или используемого для выработки электроэнергии (субсидии на электроэнергию). Для биржевых товаров (природный газ, нефть и уголь) индикативные цены для стран-экспортеров основаны на экспортном паритете: цена товара на ближайшем международном хабе за вычетом транспортных расходов и страхования плюс затраты на внутренний маркетинг и сбыт и НДС. Индикативные цены на электроэнергию посчитаны на основе индикативных цен на ископаемое топливо как себестоимость выработки электроэнергии в стране (с учетом структуры генерации) плюс стоимость ее передачи и распределения. Оценки по методу ценового разрыва не учитывают иные субсидии, помимо потребительских (например, субсидии на исследования и разработки или производство ископаемого топлива), однако на них приходится меньшая часть субсидий на ископаемое топливо. Несмотря на указанные ограничения, метод является ценным инструментом для оценки субсидий и сравнительного анализа их уровня между странами.

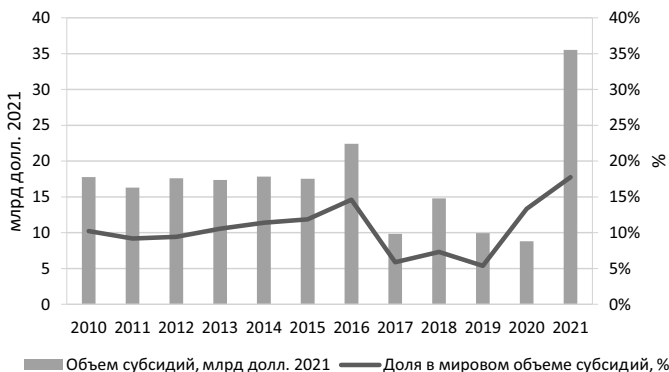

Рис. 2. Субсидии на электроэнергию для конечных потребителей в России
 Источник: построено автором по данным International Energy Agency:
<https://www.iea.org/topics/energy-subsidies>.

Кроме того, нормированная стоимость электроэнергии ВИЭ сильно зависит от стоимости капитала (которая в свою очередь зависит от уровня процентных ставок в экономике и рисков проектов ВИЭ, обусловливаемых стабильностью мер регуляторной и экономической политики), которая для России оценивается выше, чем для стран ОЭСР и Китая⁵ (International Renewable Energy Agency, 2022). Для традиционной генерации эффект стоимости капитала менее выражен, важную роль играют затраты на топливо.

Стартовые условия развития производства оборудования для ВИЭ-генерации в России на момент запуска программы были следующими. Во-первых, ни для одной из отраслей (солнечной, ветровой и малой гидроэнергетики) не было рынка проектов ВИЭ промышленного масштаба. Во-вторых, условия по отраслям сильно различались. Несмотря на длительную историю производства оборудования для МГЭС в России, оно было неконкурентоспособно из-за небольших объемов производства, устаревшей производственной базы и несоответствующего качества выпускаемого оборудования. Аналогично, несмотря на долгую историю производства солнечных панелей в России, технологическая база была устаревшей, а объемы производства — незначительными. Имелся только один готовившийся к реализации проект компании Хевел на основе современного оборудования и находившийся на тот момент в высокой степени готовности. Производственная база российской ветроэнергетики почти отсутствовала или была фрагментарной и нестабильной. Проектов производства элементов оборудования ВЭС высокой степени готовности в России не было (Копылов, 2018).

⁵ По оценкам IRENA, реальная стоимость капитала для проектов ВИЭ для стран ОЭСР и Китая с 2010 по 2020 г. снизилась с 7,5 до 5%, а для остальных стран (включая Россию) — с 10 до 7,5%.

Высокая стоимость ВИЭ-генерации и неконкурентоспособность отрасли по производству соответствующего оборудования в России были учтены при разработке первого этапа программы ДПМ ВИЭ, о чем пойдет речь в следующем разделе.

Конфигурация ДПМ ВИЭ 1.0

В основе ДПМ ВИЭ 1.0 лежат следующие принципы⁶.

1) Конкурсное определение объектов поддержки

Перечень проектов ВИЭ, в отношении которых с инвесторами заключаются ДПМ, определяется на конкурсных отборах (аукционах), проводимых ежегодно отдельно по каждому виду ВИЭ, включенному в схему поддержки (ветровые, солнечные и малые гидроэлектростанции). Как было показано во введении, интенсивность конкуренции является одним из основных факторов, влияющих на устанавливаемые на аукционах ВИЭ цены.

2) Введение лимитов капитальных затрат, по которым конкурируют инвесторы

Инвесторы в проекты ВИЭ конкурируют только на основе полных удельных капитальных затрат, включающих затраты на технологическое присоединение к сетям. Заявленные инвесторами капитальные затраты затем включаются в расчет цены на мощность по ДПМ ВИЭ.

Для ограничения влияния схемы поддержки на цены на электроэнергию Правительством Российской Федерации установлены лимиты удельных капитальных затрат по каждому виду ВИЭ. Плановая величина удельных капитальных затрат, заявляемая инвесторами, не может превышать установленные лимиты.

В связи с резкой девальвацией национальной валюты в конце 2014 г. и, как следствие, повышением рисков реализации проектов ВИЭ (из-за удорожания импортного оборудования) в 2015 г. были внесены изменения в правила отбора проектов ВИЭ в России. Для конкурсных отборов проектов ВИЭ, проводимых после 1 января 2015 г., при определении лимита удельных капитальных затрат применялся корректирующий коэффициент, учитывающий изменения валютных курсов (доллара и евро)⁷.

Исследования показывают, что потолок цен (в случае России – лимит удельных капитальных затрат) может предотвратить установление завы-

⁶ Изложенные в данном разделе принципы не являются исчерпывающими (Постановление Правительства РФ от 28.05.2013 № 449 «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности»).

⁷ При этом для проектов ВИЭ, отобранных в 2013–2014 гг., внесены соответствующие изменения в формулу расчета цены на мощность (применение корректирующего коэффициента для валютной составляющей плановых капитальных затрат).

шенных цен на электроэнергию от ВИЭ в случае слабой конкуренции на аукционе (Anatolitis et al., 2022).

3) Установление целевых показателей развития ВИЭ-генерации по технологиям

Для минимизации влияния схемы поддержки на цены на электроэнергию Правительством Российской Федерации установлены целевые показатели ежегодных объемов ввода мощности генерирующих объектов по видам ВИЭ (рис. 3).

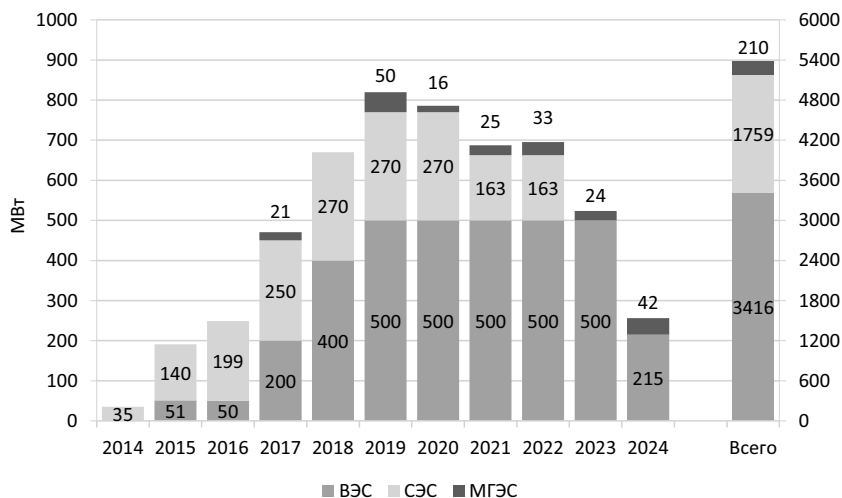

Рис. 3. Целевые показатели ввода мощности генерирующих объектов ВИЭ, МВт
 Источник: построено автором по данным распоряжения Правительства РФ от 08.01.2009 № 1-р.

4) Поддержка объектов, оборудование которых произведено внутри страны

В рамках проектов ВИЭ должно гарантироваться использование оборудования, которое было (хотя бы частично) произведено или собрано в России. Правительством Российской Федерации установлены целевые показатели степени локализации для каждого типа генерирующего объекта ВИЭ на каждый год ввода в эксплуатацию (табл. 2). Заявляемый инвестором плановый показатель локализации не должен быть ниже целевого показателя для соответствующего года.

Для стимулирования соблюдения целевых показателей локализации введена система понижающих коэффициентов к величине капитальных затрат при расчете цены на мощность (0,35 — для СЭС, 0,45 — для ВЭС и МГЭС).

**Целевые показатели степени локализации
производства основного и (или) вспомогательного оборудования
для ВИЭ-генерации**

Вид объекта ВИЭ	Год ввода в эксплуатацию	Целевой показатель степени локализации, %
ВЭС	2015–2016	25
	2017	40
	2018	55
	2019–2024	65
СЭС	2014–2015	50
	2016–2024	70
МГЭС	2014–2015	20
	2016–2017	45
	2018–2024	65

Источник: распоряжение Правительства РФ от 08.01.2009 № 1-р.

5) Распределение нагрузки на всех потребителей ценовой зоны оптового рынка

Покупатель на ОРЭМ не может отказаться от выполнения своего обязательства по оплате части мощности ВИЭ в общем объеме оплаты мощности на рынке как по результатам ее конкурсного отбора (КОМ), так и по договорам ДПМ, включая договоры ДПМ ВИЭ. Указанное обеспечивает более экономный вариант развития ВИЭ, так как средства поддержки «размазываются» по всему ОРЭМ (Копылов, 2016).

б) Поддержка объектов, прошедших квалификацию и подтвердивших все нормативные требования в ее составе

7) Стимулирование эффективного использования генерирующих мощностей

В целях стимулирования эффективного использования генерирующих мощностей:

- плата за мощность покрывает только часть затрат генерирующих объектов ВИЭ (капитальные, на техобслуживание и ремонт), прочие (эксплуатационные) затраты покрываются за счет выручки от продажи электроэнергии на оптовом рынке;
- установлен минимальный объем выработки электроэнергии в год (КИУМ) по видам ВИЭ и предусмотрено снижение платы за мощность в случае его недостижения.

Таким образом, конфигурация ДПМ ВИЭ во многом направлена на ограничение влияния государственной поддержки ВИЭ на цены на электроэнергию, в том числе через конкуренцию инвесторов, установление лимитов по стоимости и объемам ввода мощностей, распределение нагрузки на всех потребителей и стимулирование эффективного использования мощностей. В связи с этим представляет интерес оценка эффективности механизма ДПМ ВИЭ с точки зрения снижения стоимости проектов ВИЭ.

Методика оценки эффективности ДПМ ВИЭ 1.0

Отечественные исследования, посвященные вопросу конкуренции на отборах проектов ВИЭ, единичны. Среди них можно упомянуть работу (Кудрявцева и др., 2019), в которой проанализирована динамика изменения уровня концентрации на конкурсных отборах проектов ВИЭ, проведенных в 2013–2018 гг. Для этого на основе накопленных данных по итогам отборов проектов для каждого вида ВИЭ авторами были рассчитаны три индекса: концентрации (CR1), Герфиндаля — Хиршмана и Холла — Тайдмана.

Проведенный авторами анализ выявил высокий уровень концентрации на отборах проектов ВИЭ, особенно ВЭС. Вместе с тем в анализируемом периоде уровень концентрации на отборах для каждого вида ВИЭ снижался.

Слабой стороной исследования является то, что для оценки уровня концентрации использовались данные по компаниям — победителям конкурсных отборов. Это связано с правилами раскрытия информации организатором отборов (АО «АТС»): в отличие от результатов отборов (перечня отобранных проектов) информация о поданных заявках представлена в обезличенном виде. В этой связи предложенный подход не может быть использован для оценки интенсивности конкуренции на отборах.

Методологической основой данного исследования послужила работа (Directorate-General for Competition, 2020), в которой представлена ретроспективная оценка эффективности внедрения аукционов ВИЭ с точки зрения снижения стоимости ВИЭ-генерации в 14 странах-членах ЕС в 2014–2019 гг.⁸

Эффективность внедрения аукционов ВИЭ в ЕС оценивалась по трем показателям:

- зависимость цен на электроэнергию от ВИЭ от интенсивности конкуренции на аукционах;

⁸ С результатами исследования можно ознакомиться в работе (Подлесная, 2023).

- зависимость цен на электроэнергию от ВИЭ от выполнения/невыполнения плана по отбору мощности на аукционах;
- зависимость цен на электроэнергию от ВИЭ от технологической нейтральности/специфичности аукционов (количества конкурировавших технологий).

Интенсивность конкуренции определялась как отношение объемов мощности ВИЭ-генерации, участвовавших в аукционах, к объемам мощности ВИЭ-генерации, получившим поддержку по итогам аукционов.

Касательно выполнения плана по отбору предполагалось, что план был выполнен, если объем участвовавшей в отборе мощности превысил плановый объем отбора.

Поскольку на аукционах устанавливались различные типы цен (фиксированные и плавающие премии, двусторонние контракты на разницу, фиксированные тарифы), для сопоставимости они были преобразованы таким образом, чтобы представлять собой оптовую цену на электроэнергию (в евроцентах/кВт-ч).

При разработке методики оценки эффективности механизма ДПМ ВИЭ в России были учтены следующие национальные особенности:

- способ конкуренции участников отборов (на основе плановой величины удельных капитальных затрат, а не цены электроэнергии);
- правила определения лимита капитальных затрат (исходя из установленных Правительством Российской Федерации базовых удельных капитальных затрат и валютного коэффициента);
- технологическая специфичность аукционов (конкурсные отборы проводятся отдельно для каждого вида ВИЭ – ВЭС, СЭС и МГЭС).

С учетом национальной специфики конкурсных отборов проектов ВИЭ в России для оценки эффективности механизма ДПМ ВИЭ были использованы два показателя:

- индикатор зависимости среднего дисконта к плановой величине капитальных затрат от интенсивности конкуренции на отборах;
- показатель зависимости среднего дисконта к плановой величине капитальных затрат от выполнения плана по отбору мощности.

Оценка проведена на данных АО «АТС» по результатам отборов проектов ВИЭ (ОПВ), проведенных в 2013–2020 гг.⁹

Средний дисконт определялся как процентное отклонение плановых капитальных затрат по отобраным проектам ВИЭ от предельных капитальных затрат. Средний дисконт рассчитывался отдельно для каждого вида ВИЭ, года проведения отбора и года начала поставки мощности. В качестве весов использовался плановый объем мощности по отобраным проектам ВИЭ:

⁹ Отбор проектов СЭС не проводился в 2016 и 2020 г., МГЭС — в 2013 и 2016 гг.

$$\begin{aligned} & \text{Средний дисконт}^{jkl} = \\ & = \frac{\sum_i \max CapEx_i^{jkl} \cdot Capacity_i^{jkl} - \sum_i CapEx_i^{jkl} \cdot Capacity_i^{jkl}}{\sum_i \max CapEx_i^{jkl} \cdot Capacity_i^{jkl}} \cdot 100\% \end{aligned}$$

где $CapEx$ — плановая величина капитальных затрат на 1 кВт установленной мощности объекта ВИЭ, руб./кВт; $\max CapEx$ — предельная величина капитальных затрат на 1 кВт установленной мощности объекта ВИЭ, руб./кВт; $Capacity$ — планируемый объем установленной мощности объекта ВИЭ, МВт; i — проект ВИЭ, $i = 1, \dots, n$; j — вид генерирующего объекта, $j = \text{ВЭС, СЭС, МГЭС}$; k — год проведения отбора, $k = 2013, \dots, 2020$; l — плановый год начала поставки мощности, $l = 2014, \dots, 2024$.

С учетом изменения в 2015 г. правил отбора проектов ВИЭ предельная величина удельных капитальных затрат для каждого вида ВИЭ, года проведения отбора (начиная с 2015 г.) и года поставки мощности (начиная с 2016 г.) рассчитывалась как произведение установленной базовой предельной величины удельных капитальных затрат и коэффициента ($K_{\text{вал}}$), отражающего изменение курсов доллара и евро на дату начала приема заявок на конкурсный отбор, определяемого с учетом целевого показателя степени локализации оборудования:

$$K_{\text{вал}} = K_{\text{лок}} + (1 - K_{\text{лок}}) \cdot \frac{0,5 \cdot (KR_{\text{опв}}^{\text{долл}} + KR_{\text{опв}}^{\text{евро}})}{43,262},$$

где $K_{\text{лок}}$ — целевой показатель степени локализации производства основного и (или) вспомогательного оборудования для ВИЭ-генерации; $KR_{\text{опв}}^{\text{долл}}$ и $KR_{\text{опв}}^{\text{евро}}$ — среднее арифметическое значение установленных Банком России курсов доллара и евро по отношению к рублю для каждого из дней календарного месяца, предшествующего месяцу, на который приходится дата начала срока подачи заявок на участие в конкурсном отборе.

Интенсивность конкуренции измерялась с помощью двух показателей:

- соотношение объема заявленной и отобранной мощности на ОПВ (отношение объема мощности, участвовавшей в отборе, к объему мощности, отобранной по результатам ОПВ);
- соотношение объема заявок и квоты на ОПВ (отношение объема мощности, участвовавшей в отборе, к плановому объему отбора мощности на ОПВ).

При расчете показателя *выполнения плана по отбору мощности* предполагалось, что план был выполнен, если объем заявок (участвовавшей в отборе мощности) превысил разыгрываемые на конкурсе квоты (плановый объем отбора мощности).

В следующем разделе на основе предложенной методики произведена оценка эффективности первого этапа программы ДПМ ВИЭ.

Оценка эффективности ДПМ ВИЭ 1.0

Интенсивность конкуренции и, как следствие, средний дисконт к плановой величине капитальных затрат на отборах проектов ВИЭ в России в 2013–2020 гг. существенно различались как по секторам ВИЭ-генерации, так и во времени (рис. 4–6).

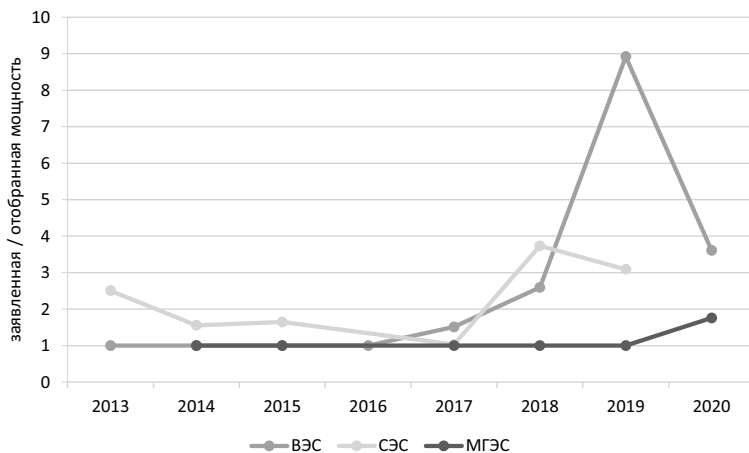

Рис. 4. Соотношение объема заявленной и отобранной мощности на ОПВ

Источник: рассчитано и построено автором по данным АО «АТС»:
<https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo> и <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>.

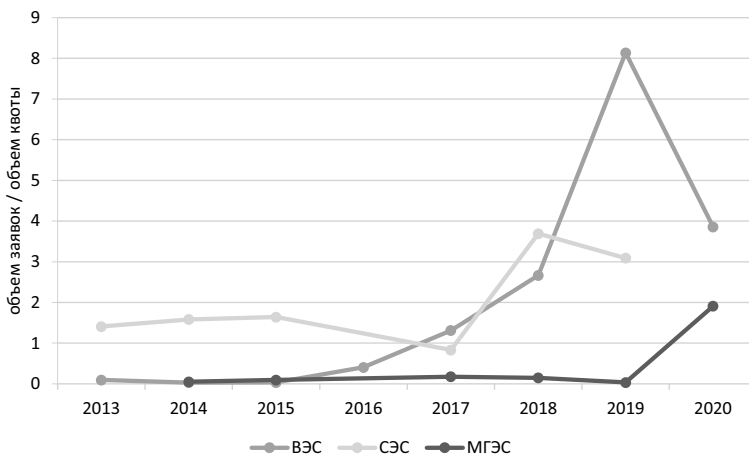

Рис. 5. Соотношение объема заявок и квоты на ОПВ

Источник: рассчитано и построено автором по данным АО «АТС»:
<https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>.

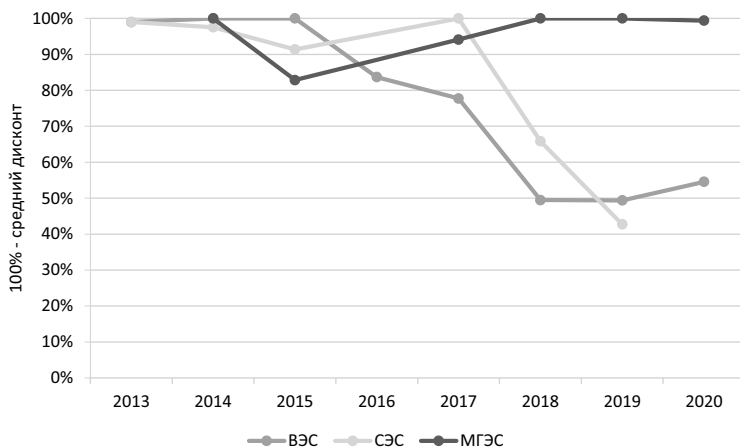

Рис. 6. Средний дисконт к плановой величине капитальных затрат проектов ВИЭ
 Источник: рассчитано и построено автором по данным АО «АТС»:
<https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>.

Оценка влияния интенсивности конкуренции на отборах проектов ВИЭ на средний дисконт к плановой величине удельных капитальных затрат на основе парной регрессии подтвердила, что более интенсивная конкуренция на отборах проектов ВЭС и СЭС приводила к более низким удельным капитальным затратам по проектам (табл. 3).

Таблица 3

Результаты тестирования влияния интенсивности конкуренции на средний дисконт к плановой величине капитальных затрат на отборах проектов ВИЭ

Регрессор	Средний дисконт					
	ВЭС		СЭС		ГЭС	
Константа	0,093 (0,054)	0,104 (0,043)	-0,115 (0,088)	-0,167 (0,059)	0,088 (0,101)	0,046 (0,031)
Заявленная/ отобранная мощность	0,071** (0,020)		0,101** (0,034)		-0,047 (0,090)	
Объем заявок/ объем квоты		0,076*** (0,016)		0,151*** (0,027)		-0,017 (0,040)
Число наблюдений	18	18	17	17	8	8
R ²	0,453	0,583	0,371	0,672	0,043	0,029

Источник: рассчитано автором по данным АО «АТС»: <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo> и <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>.

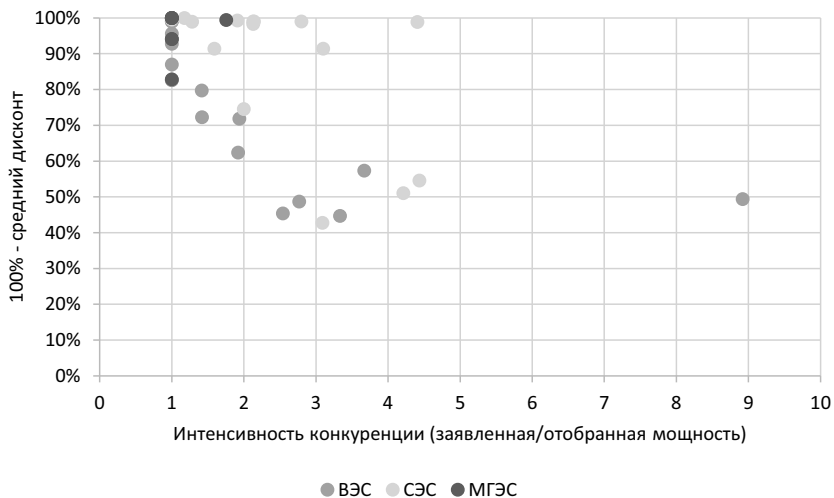

Рис. 7. Зависимость среднего дисконта к плановой величине капитальных затрат от соотношения объема заявленной и отобранной мощности на ОПВ
 Источник: рассчитано и построено автором по данным АО «АТС»:
<https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo> и <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>.

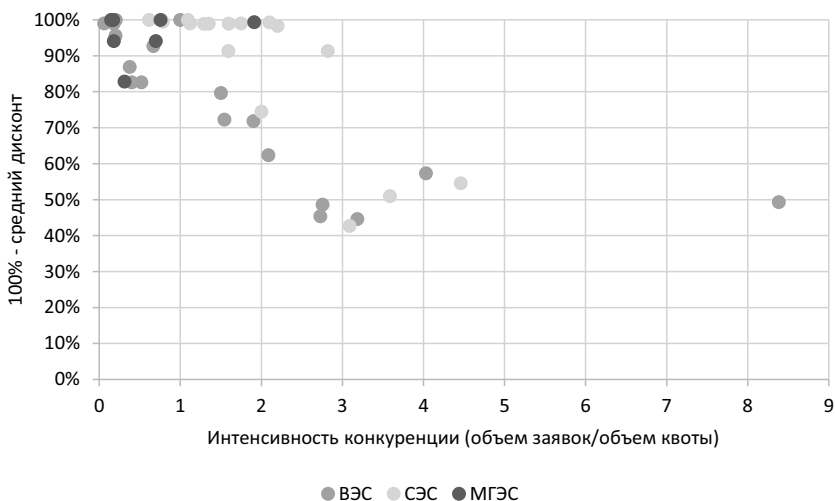

Рис. 8. Зависимость среднего дисконта к плановой величине капитальных затрат от соотношения объема заявок и квоты на ОПВ
 Источник: рассчитано и построено автором по данным АО «АТС»:
<https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>.

Сопоставление величины среднего дисконта по итогам ОПВ, где не был выполнен план по отбору, со средним дисконтом по итогам ОПВ, где план по отбору был выполнен, также свидетельствует, что на отборах с недостаточно интенсивной конкуренцией устанавливались более высокие удельные капитальные затраты по проектам (табл. 4).

Таблица 4

**Зависимость среднего дисконта
к плановой величине капитальных затрат от выполнения плана
по отбору мощности (%)**

Вид объекта ВИЭ	Выполнение плана	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ВЭС	Выполнен					25	51	51	45
	Не выполнен	1	0	0	16	7			
СЭС	Выполнен	1	3	9		0	34	57	
	Не выполнен		0			0			
МГЭС	Выполнен								1
	Не выполнен		0	17		6	0	0	

Источник: рассчитано автором по данным АО «АТС»: <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo> и <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>.

Превышение объема заявок над квотой свидетельствует о наличии конкуренции на отборах, поскольку, как будет показано ниже на уровне отдельных участников ОПВ, в большинстве случаев оно означало присутствие нескольких реально конкурирующих независимых участников.

Перейдем к более детальному анализу на уровне участников отборов.

Проекты СЭС. Формально по результатам ОПВ, проведенных в 2013–2019 гг., были отобраны инвестиционные проекты по строительству СЭС, заявленные 11 участниками оптового рынка. Однако 8 из них были связаны с тремя группами — ГК «Ренова» (4 компании), ГК «Энергия Солнца» (2 компании) и ГК «Солар Системс» (2 компании). Другими участниками отборов были ПАО «Фортум», ОАО «Красноярская ГЭС» и ООО «МЭК-Инжиниринг» (табл. 5).

Более половины отобранных проектов по строительству СЭС были заявлены компаниями, связанными с ГК «Ренова» (973 МВт, 53%). Группа владеет двумя из трех крупнейших производителей генерирующего оборудования для СЭС: ГК «Хевел» в Новочебоксарске и с 2016 г. — ООО «ХЕЛИОС-Ресурс» в Саранске (Смирнова, 2021). При этом строительство завода в Новочебоксарске началось задолго до утверждения программы поддержки ВИЭ в России (в 2009 г.).

Почти четверть отобранных проектов СЭС была заявлена компаниями ГК «Энергия Солнца» (435 МВт, 24%). Однако ввиду проблем с привлечением инвестиций большая часть проектов была продана структурам ГК «Ренова» (195 МВт) и ГК «Солар Системс» (60 МВт)¹⁰.

На ГК «Солар Системс» пришлось 17% отобранных проектов СЭС (305 МВт). Группе принадлежит ООО «Солар Кремниевые технологии» — третий крупнейший производитель генерирующего оборудования для СЭС в России.

Fortum (в лице ПАО «Фортум») вышла на рынок солнечной генерации в России в 2017 г., приобретя 3 СЭС (Бугульчанскую, Грачевскую и Плешановскую) у ГК «Ренова» (Дятел, 2017). С 2018 г. компания принимала участие в отборах проектов СЭС. На ПАО «Фортум» пришлось 6% отобранных проектов СЭС (116 МВт). ПАО «Фортум» — единственная компания, сумевшая реализовать проекты СЭС, не обладая собственными производственными мощностями.

Таблица 5

**Распределение инвестиционных проектов СЭС по итогам ОПВ
(без учета перепродаж)¹¹**

Компания/Группа компаний		Объем мощности СЭС			
		МВт		%	
ГК «Ренова»	ООО «Авелар Солар Технолоджи»	973	458	53	25
	ООО «Грин Энерджи Рус»		285		15
	ПАО «Т Плюс»		205		11
	ООО «Оренбургская ТГК»		25		1
ГК «Энергия Солнца»	ООО «МРЦ Энергохолдинг»	435	240	24	13
	ООО «КомплексИндустрия»		195		11
ГК «Солар Системс»	ООО «Солар Системс»	305	225	17	12
	ООО «Кремниевые технологии»		80		4

¹⁰ ДПМ в отношении 13 проектов СЭС совокупной мощностью 195 МВт были проданы структурам ГК «Ренова», ДПМ в отношении 4 проектов совокупной мощностью 60 МВт были проданы компаниям, входящим в группу «Солар Системс» (Big Electric Power News, 2019).

¹¹ С учетом прекращенных ДПМ ВИЭ на 55 МВт («Резиновая» ООО «МРЦ Энергохолдинг», «Володаровка» и «Рудник» ООО «КомплексИндустрия»; «Каспийская» и «Хунзах-1» ООО «МЭК-Инжиниринг»).

Компания/Группа компаний	Объем мощности СЭС	
	МВт	%
ПАО «Фортум»	116	6
ООО «МЭК-Инжиниринг»	10	1
ОАО «Красноярская ГЭС»	5	0,3

Источник: рассчитано автором по данным АО «АТС»: <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>, Ассоциации «НП Совет рынка»: <https://www.np-sr.ru/ru/market/vie/index.htm> и (Жихарев, Уханова, 2021).

В секторе солнечной энергетики производственные проекты были запущены к моменту первых вводов объектов генерации. Условия, заложенные в первоначальной редакции программы поддержки ВИЭ для СЭС, не потребовали существенных корректировок и оказались достаточно сбалансированными, чтобы привлечь инвесторов, начиная с первых отборов проектов ВИЭ (Жихарев, Уханова, 2021).

На отборах проектов СЭС объем заявок стабильно превышал объем квот (кроме 2017 г.), однако до 2018 г. конкуренция на отборах не приводила к значимому снижению удельных капитальных затрат в заявках инвесторов (что видно по концентрации точек на графиках (рис. 7 и рис. 8) вблизи отметки 100%, соответствующей уровню предельных капитальных затрат). Дисконт к предельным капитальным затратам у крупнейших игроков, как правило, не превышал 1% (табл. 6).

Ситуация изменилась в 2018 г., когда ПАО «Фортум» заявило рекордно низкие удельные капитальные затраты (около 59 руб./Вт) для трех проектов (Астраханская СЭС, Приволжская СЭС-1 и СЭС Калмыкии), что было вдвое ниже установленного предельного уровня. Однако рекордное снижение капитальных затрат вызывало вопросы о возможности реализации указанных проектов (Дятел, 2018).

В 2019 г. ПАО «Фортум» побило свой рекорд 2018 г., заявив удельные капитальные затраты на уровне менее 50 руб./Вт для проекта СЭС в Ставропольском крае, что было более чем вдвое ниже установленного лимита. При этом два основных конкурента ПАО «Фортум» — ГК «Ренова» и ГК «Солар Системс» — также сильно снизили капитальные затраты (Дятел, 2019), однако ни один из их проектов не был отобран.

**Средний дисконт к предельным капитальным затратам
по отобраным проектам СЭС (%)**

Компания/Группа компаний		2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
ГК «Ренова»	ООО «Авелар Солар Технолоджи»	1	1	9		0	1	
	ООО «Грин Энерджи Рус»					0		
	ПАО «Т Плюс»			9		0		
	ООО «Оренбургская ТГК»	1						
ГК «Энергия Солнца»	ООО «МРЦ Энергохолдинг»	1	1					
	ООО «КомплексИндустрия»	1	3					
ГК «Солар Системс»	ООО «Солар Системс»		1	9				
	ООО «Кремниевые технологии»					0		
Fortum	ПАО «Фортум»						46	57
ОАО «Красноярская ГЭС»		2						
ООО «МЭК-Инжиниринг»			39					

Источник: рассчитано автором по данным АО «АТС»: <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>.

Проекты ВЭС. Формально по итогам ОПВ, проведенных в России в 2014–2020 гг., были отобраны инвестиционные проекты по строительству ВЭС, заявленные 8 компаниями. 6 из них связаны с крупной генерацией – Fortum, Росатом и Enel. Каждая из этих компаний реализовала собственный подход к локализации производства оборудования для ВЭС в России. Другими участниками отборов были ООО «КомплексИндустрия» и ООО «АЛТЭН» (табл. 7).

Более половины отобранных проектов по строительству ВЭС были заявлены компаниями, связанными с Fortum (52%, 1858 МВт). Инвестиции Fortum в ветроэнергетику России главным образом осуществлялись через созданный на паритетной основе с АО «РОСНАНО» Фонд развития ветроэнергетики (ПАО «Фортум», 2022).

Треть отобранных проектов ВЭС была заявлена компаниями Росатома (33%, 1193 МВт). Еще 10% проектов – Enel в лице ПАО «Энел Россия» (362 МВт).

Незначительное количество отобранных проектов ВЭС пришлось на ГК «Энергия Солнца» (3%, 105 МВт), которая единственная подала

заявки на отбор в 2013 г. Однако из-за проблем с привлечением инвестиций компания не смогла реализовать ни один из семи заявленных проектов и планировала их продать (Дятел, Титов, 2018).

Один проект ВЭС был заявлен ООО «АЛТЭН», связанной с чешским фондом Falcon Capital, ставшей единственной участницей отбора проектов ВЭС в 2014 г. Однако проект не был реализован (РИА Калмыкия, 2020).

Таблица 7

**Распределение инвестиционных проектов ВЭС по итогам ОПВ
(без учета перепродаж)¹²**

Компания/Группа компаний		Объем мощности ВЭС			
		МВт		%	
Fortum	ООО «ФОРТУМ ЭНЕРГИЯ»	1858	1000	52	28
	ООО «Ветропарки ФРВ»		823		23
	ОАО «Фортум»		35		1
Росатом	АО «ВетроОГК»	1193	970	33	27
	АО «ВетроОГК-2»		223		6
Enel	ПАО «Энел Россия»	362		10	
ГК «Энергия Солнца»	ООО «КомплексИндустрия»	105		3	
ООО «АЛТЭН»		51		1	

Источник: рассчитано автором по данным АО «АТС»: <https://www.atsenergo.ru/vie/progresults>, Ассоциации «НП Совет рынка»: <https://www.np-sr.ru/ru/market/vie/index.htm> и (Жихарев, Уханова, 2021).

¹² С учетом прекращенных ДПМ на 141 МВт («Аксарайская», «Аэропорт», «Новосергиевская», «Карсун», «Ишеевка», «Новая Майна» ООО «КомплексИндустрия»; «Приютненская ВЭС» 1 очередь ООО «АЛТЭН»).

**Средний дисконт к предельным капитальным затратам
по отобранным проектам ВЭС (%)**

Компания/Группа компаний		2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Fortum	ООО «ФОРТУМ ЭНЕРГИЯ»					23			
	ООО «Ветропарки ФРВ»						52		
	ОАО «Фортум»			0					
Росатом	АО «ВетроОГК»				16	13			
	АО «ВетроОГК-2»						23		45
Enel	ПАО «Энел Россия»					30		51	
ГК «Энергия Солнца»	ООО «КомплексИндустрия»	1							
ООО «АЛТЭН»			0						

Источник: рассчитано автором по данным АО «АТС»: <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>.

Конкуренции на отборах проектов ВЭС до 2017 г. не было. Объем заявленных проектов был в десятки раз ниже объема квоты. При этом каждый раз в отборе участвовала одна компания. В результате удельные капитальные затраты по всем отобранным проектам были установлены на предельном уровне. Основные причины – завышенные требования по локализации и начавшийся в 2014 г. экономический кризис в России. Корректировка требований по локализации и формирование консорциумов мировых производителей оборудования, российских инвестгрупп и генерирующих компаний позволили перейти к активной фазе реализации проектов ВЭС к 2016 г. (Ассоциация развития возобновляемой энергетики, 2020).

Интенсификация конкуренции на отборах проектов ВЭС с 2017 г. привела к существенному снижению заявляемых инвесторами удельных капитальных затрат. Это было связано с выходом на рынок ветровой генерации России трех крупнейших игроков – Fortum, Росатом и Enel, которые находились на этапе завершения строительства заводов по производству основного оборудования для ВЭС. Резкое снижение удельных капитальных затрат на отборах проектов ВЭС с 2017 г. связывают с необходимостью

загрузки компаниями их технологических партнеров (суммарной мощностью около 900–1200 МВт в год), особенно с учетом резко сократившегося объема квоты на отборах в 2019–2020 гг. (Дятел, 2019).

Проекты МГЭС. По итогам ОПВ, проведенным в России в 2013–2020 гг., были отобраны проекты по строительству МГЭС, заявленные 6 компаниями (табл. 9).

Таблица 9

Распределение инвестиционных проектов МГЭС по итогам ОПВ

Компания/Группа компаний	Объем мощности МГЭС	
	МВт	%
ПАО «Русгидро»	100	53
ООО «НГБП»	50	26
ООО «Южэнергострой»	24	13
ПАО «ТГК-1»	17	9
ООО «ЭнергоМИН»	16	8
ООО «ЕвроСибЭнерго-Гидрогенерация»	8	4

Источник: рассчитано автором по данным АО «АТС»: <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>.

Сектор малой гидроэнергетики не смог привлечь внимания инвесторов. Конкуренция на отборах проектов МГЭС была зафиксирована только в 2020 г., при этом в 2013 г. и 2016 г. на отборы не было подано ни одной заявки. За все время инвесторы заявили проекты на 214 МВт — в 3,5 раза меньшем объеме, чем было изначально запланировано (751 МВт), что привело к соответствующему уменьшению целевых объемов ввода МГЭС и перераспределению их в пользу СЭС и ВЭС. Инвестиционную активность в секторе малой гидроэнергетики сдерживали высокие затраты на предварительную проработку проекта на предынвестиционной стадии, необходимые для определения перспективного створа МГЭС и расчета плановых капитальных затрат (Ассоциация развития возобновляемой энергетики, 2020).

**Средний дисконт к предельным капитальным затратам
по отобранным проектам МГЭС (%)**

Компания/Группа компаний	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ПАО «Русгидро»		0			6			0
ООО «НГБП»			17					
ООО «Южэнергострой»						0		
ПАО «ТГК-1»								0
ООО «ЭнергоМИН»						0		
ООО «ЕвроСибЭнерго-Гидрогенерация»							0	

Источник: рассчитано автором по данным АО «АТС»: <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>.

Заключение

Данная работа посвящена оценке эффективности аукционов ВИЭ в России — механизма конкурсного отбора проектов ВИЭ для последующего заключения инвесторами договоров поставки мощности (ДПМ) — с точки зрения снижения стоимости таких проектов. Оценка проведена на данных АО «АТС» по результатам отборов проектов ВИЭ в России в 2013–2020 гг. в рамках первого этапа программы (ДПМ ВИЭ 1.0). Методологической основой послужило исследование Европейской комиссии, в котором представлена ретроспективная оценка эффективности внедрения аукционов ВИЭ в 14 странах — членах ЕС в 2014–2019 гг. С учетом специфики конкурсных отборов проектов ВИЭ в России для оценки эффективности данного механизма проверялась зависимость среднего дисконта к плановой величине капитальных затрат от интенсивности конкуренции на отборах и выполнения плана по отбору мощности.

Были получены следующие результаты. Во-первых, эконометрическая оценка влияния интенсивности конкуренции на отборах проектов ВИЭ на средний дисконт к плановой величине капитальных затрат подтвердила, что более интенсивная конкуренция на отборах проектов ВЭС и СЭС приводила к более низким удельным капитальным затратам по проектам. Во-вторых, сопоставление величины среднего дисконта по итогам отборов, где не был выполнен план по отбору, со средним дисконтом по итогам отборов, где план по отбору был выполнен, также свидетельствуют, что на отборах с недостаточно интенсивной конкуренцией устанавливались более высокие удельные капитальные затраты по проектам.

Анализ на уровне участников отборов показал, что победителями в основном становились компании, связанные с промышленными группами/крупной генерацией, сумевшей локализовать производство оборудования для ВИЭ-генерации в России. При этом имеются существенные секторальные различия. В секторе солнечной энергетики формальная конкуренция на отборах (превышение объема заявок над квотой) в 2013–2017 гг. не приводила к значимому снижению стоимости проектов СЭС. Выход на рынок ПАО «Фортум», обострив конкуренцию для двух других основных игроков — ГК «Ренова» и ГК «Солар Системс», привел к сильному падению стоимости проектов СЭС на отборах в 2018–2019 гг. В секторе ветроэнергетики конкуренция на отборах в 2013–2016 гг. сдерживали завышенные требования по локализации и экономический кризис в России. Интенсификация конкуренции в связи с выходом на рынок трех основных игроков — Fortum, Росатом и Enel — на фоне корректировки требований по локализации привела к существенному снижению стоимости проектов ВЭС на отборах в 2017–2020 гг. В секторе малой гидроэнергетики конкуренция на отборах препятствовали высоким затратам на предварительную проработку проектов на предынвестиционной стадии.

Список литературы

Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. (2019). *Поддержка ВИЭ-генерации: тенденции и возможности*. <https://ac.gov.ru/files/publication/a/21961.pdf>

АО «АТС». (2013, 19 сентября). *Перечень проектов ВИЭ, отобранных по результатам ОПВ, проведенного в 2013 году*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>

АО «АТС». (2014, 11 июня). *Перечень проектов ВИЭ, отобранных по результатам ОПВ, проведенного в 2014 году*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>

АО «АТС». (2015, 17 декабря). *Перечень проектов ВИЭ, отобранных по результатам ОПВ, проведенного в 2015 году*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>

АО «АТС». (2016, 14 июня). *Перечень проектов ВИЭ, отобранных по результатам ОПВ, проведенного в 2016 году*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>

АО «АТС». (2017, 14 июня). *Перечень проектов ВИЭ, отобранных по результатам ОПВ, проведенного в 2017 году*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>

АО «АТС». (2018, 13 июня). *Перечень проектов ВИЭ, отобранных по результатам ОПВ, проведенного в 2018 году*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>

АО «АТС». (2019, 11 июня). *Перечень проектов ВИЭ, отобранных по результатам ОПВ, проведенного в 2019 году*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>

АО «АТС». (2020, 1 декабря). *Перечень проектов ВИЭ, отобранных по результатам ОПВ, проведенного в 2020 году*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>

АО «АТС». (2013, 11 сентября). *Сокращенный перечень принятых заявок на ОПВ по итогам второго этапа*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>

АО «АТС». (2014, 11 июня). *Сокращенный перечень принятых заявок на ОПВ по итогам второго этапа*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>

АО «АТС». (2015, 16 декабря). *Сокращенный перечень принятых заявок на ОПВ по итогам второго этапа*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>

АО «АТС». (2016, 14 июня). *Сокращенный перечень принятых заявок на ОПВ по итогам второго этапа*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>

АО «АТС». (2017, 13 июня). *Сокращенный перечень принятых заявок на ОПВ по итогам второго этапа*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>

АО «АТС». (2018, 13 июня). *Сокращенный перечень принятых заявок на ОПВ по итогам второго этапа*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>

АО «АТС». (2019, 11 июня). *Сокращенный перечень принятых заявок на ОПВ по итогам второго этапа*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>

АО «АТС». (2020, 30 ноября). *Сокращенный перечень принятых заявок на ОПВ по итогам второго этапа*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>

АО «АТС». (2014, 28 ноября). *Прогноз изменения цены покупки электрической энергии (с учетом мощности) для конечного потребителя в 2014 году*. Дата обращения 01.08.2023, <https://www.atsenergo.ru/results/statistic/fcast/fcconsumer?year=2014&load=second>

Ассоциация «НП Совет рынка». (н.д.). *Перечень квалифицированных генерирующих объектов, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии, с указанием местонахождения объекта и реквизитов юридического лица, которому принадлежит указанный объект*. Дата обращения 01.03.2023, <https://www.np-sr.ru/market/vie/index.htm>

Ассоциация развития возобновляемой энергетики. (2020). *Рынок возобновляемой энергетики России: текущий статус и перспективы развития*. <https://reda.ru/products/yearly-reviews/review-414>

Дятел, Т. (2017, 30 ноября). Финны выходят на российское солнце. *Коммерсантъ*. <https://www.kommersant.ru/doc/3482396>

Дятел, Т. (2018, 12 июня). Финны и Роснано зачистили «зеленку». *Коммерсантъ*. <https://www.kommersant.ru/doc/3656746>

Дятел, Т. (2019, 11 июня). Enef поставила последнее на ветер. *Коммерсантъ*. <https://www.kommersant.ru/doc/3998706>

Дятел, Т., & Титов, С. (2018, 23 января). Ветряки меняют направление. *Коммерсантъ*. <https://www.kommersant.ru/doc/3527423>

Жихарев, А., & Уханова, О. (2021). *Промышленный кластер производства оборудования для отрасли возобновляемой энергетики в России*. АРВЭ. <https://renen.ru/wp-content/uploads/2015/09/Digest-RREDA-Renewable-Industry-2020-1.pdf>

Копылов, А. Е. (2020). Перспективы развития национальной системы поддержки ВИЭ. *Возобновляемые источники энергии: Материалы Всероссийской научной конференции и XII молодежной школы с международным участием: сборник* (с. 37–44). Наука.

Копылов, А. Е. (2016). Совершенствование нормативно-правовой базы и экономических механизмов поддержки ВИЭ на оптовом и розничном рынках электро-

энергии и мощности. *Альтернативная энергетика как фактор модернизации российской экономики: тенденции и перспективы. Сборник научных трудов* (с. 161–192). Научный консультант.

Копылов, А. Е. (2018). Требования локализации оборудования ВИЭ – императив продления программы поддержки ВИЭ после 2024 г. В *Материалы IV Международного конгресса REENCON-XXI «Возобновляемая энергетика XXI век: Энергетическая и экономическая эффективность»* (с. 104–108). ОИВТ РАН.

Кудрявцева, О. В., Митенкова, Е. Н., Маликова, О. И., & Головин, М. С. (2019). Развитие альтернативной энергетики в России в контексте формирования модели низкоуглеродной экономики. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 4, 122–139. <https://doi.org/10.38050/01300105201949>

Международная финансовая корпорация. (2011). *Политика в области развития возобновляемой энергетики: как разбудить российского великана*. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/838001468336332696/pdf/769230WP0RUSS10en0Giant02011RUSIAN.pdf>

Международная финансовая корпорация. (2013). *Новая схема поддержки возобновляемой энергетики на основе платы за мощность: Анализ Постановления № 449*. <https://documents.worldbank.org/curated/en/662001486664090923/pdf/110538-RUSSIAN-Energy-Support-Scheme-Rus-PUBLIC.pdf>

ПАО «Фортум». (2022, 18 января). *«РОСНАНО» выходит из проекта строительства ветроэлектростанций*. Дата обращения 01.08.2023, <https://www.fortum.ru/media/2022/01/rosnano-vykhodit-iz-proekta-stroitelstva-vetroelektrostantsiy>

Подлесная, А. В. (2023). Специфика ценовой конкуренции на аукционах возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в ЕС. *Современная конкуренция*, 17(1), 32–53. <https://doi.org/10.37791/2687-0649-2023-17-1-32-53>

Постановление Правительства РФ от 28.05.2013. № 449 «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности».

Распоряжение Правительства РФ от 08.01.2009 № 1-р «Об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2035 года».

РИА Калмыкия. (2020, 7 декабря). *В Калмыкии ввели в промышленную эксплуатацию ветроэлектростанции*. Дата обращения 01.08.2023, <https://riakalm.ru/news2/26801-v-kalmykii-vveli-v-promyshlennuyu-ekspluatatsiyu-vetroelektrostantsii>

РЭА Минэнерго России. (2022). *Возобновляемая энергетика в России и в мире*. Минэнерго России. <https://rosenergo.gov.ru/press-center/news/vozobnovlyaemaya-energetika-v-rossii-i-mire/>

Смирнова, Е. (2021, 28 июля). *«Хелиос» гаснет! Столица С*. <https://stolica-s.su/archives/306427>

Alvarez, M., Fernando, D., Kitzing, L., Soysal, E. R., Steinhilber, S., del Ryo, P., Wigand, F., Klessmann, C., Tiedemann, S., Blanco, A. L. A., Welisch, M., Kreiz, J., Fitch-Roy, O., & Woodman, B. (2017). *Auctions for renewable energy support — Taming the beast of competitive bidding*. AURES. <http://aures2project.eu/2021/07/06/auctions-for-renewable-energy-support-taming-the-beast-of-competitive-bidding/>

Anatolitis, V., Azanbayev, A., & Fleck A. (2022). How to design efficient renewable energy auctions? Empirical insights from Europe. *Energy Policy*, 166, 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2022.112982>

Batz Liceiro, T., & Mesgens, F. (2021). Evaluating the German PV auction program: the secrets of individual bids revealed. *Energy Policy*, *159*, 1–20. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112618>

Big Electric Power News. (2019, 12 апреля). Павел Шевченко: «Инвестиции в строительство солнечных электростанций приносят инвесторам 8–30% годовых». Дата обращения 01.08.2023, <https://www.bigpowernews.ru/interview/document87738.phtml>.

Cassetta, E., Monarca, U., Nava, C. R., & Meleo, L. (2017). Is the answer blowin' in the wind (auctions)? An assessment of the Italian support scheme. *Energy Policy*, *110*, 662–674. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2017.08.055>

Council of European Energy Regulators. (2016). *Key support elements of RES in Europe: moving towards market integration*. https://www.ceer.eu/documents/104400/3728813/C15_SDE-49-03+CEER+report+on+key+support+elements_26_January_2016.pdf/28b53e80-81cf-f7cd-bf9b-dfb46d471315

Directorate-General for Competition. (2020). *Retrospective evaluation support study on State aid rules for environmental protection and energy – Final report*. European Commission. <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d3289dd8-a930-11ea-bb7a-01aa75ed71a1>

International Energy Agency. (n.d.). *Energy subsidies: Tracking the impact of fossil-fuel subsidies*. Retrieved September 4, 2023, from <https://www.iea.org/topics/energy-subsidies#methodology-and-assumptions>

International Energy Agency. (2010). *World Energy Outlook 2010*. <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2010>

International Renewable Energy Agency. (2017). *REmap 2030. Renewable Energy Prospects for the Russian Federation. Working paper*. https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2017/Apr/IRENA_REmap_Russia_paper_2017.pdf

International Renewable Energy Agency. (2022). *Renewable Power Generation Costs in 2021*. <https://www.irena.org/publications/2022/Jul/Renewable-Power-Generation-Costs-in-2021>

References

Analytical Center for the Government of the Russian Federation. (2019). *Podderzhka VIE-generatsii: tendentsii i vozmozhnosti = Support for RES-generation: trends and opportunities*. <https://ac.gov.ru/files/publication/a/21961.pdf>

JSC “TSA”. (2013, September 19). *Perechen' proektov VIE, otobrannykh po rezul'tatam OPV, provedennogo v 2013 godu = List of RES projects selected based on the results of the selection of RES projects conducted in 2013*. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>

JSC «TSA». (2014, June 11). *Perechen' proektov VIE, otobrannykh po rezul'tatam OPV, provedennogo v 2014 godu = List of RES projects selected based on the results of the selection of RES projects conducted in 2014*. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>

JSC “TSA”. (2015, December 17). *Perechen' proektov VIE, otobrannykh po rezul'tatam OPV, provedennogo v 2015 godu = List of RES projects selected based on the results of the selection of RES projects conducted in 2015*. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>

JSC “TSA”. (2016, June 14). *Perechen' proektov VIE, otobrannykh po rezul'tatam OPV, provedennogo v 2016 godu = List of RES projects selected based on the results of the selection*

of RES projects conducted in 2016. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>

JSC “TSA”. (2017, June 14). *Perechen' proektov VIE, otabrannykh po rezul'tatam OPV, provedennogo v 2017 godu = List of RES projects selected based on the results of the selection of RES projects conducted in 2017*. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>

JSC “TSA”. (2018, June 13). *Perechen' proektov VIE, otabrannykh po rezul'tatam OPV, provedennogo v 2018 godu = List of RES projects selected based on the results of the selection of RES projects conducted in 2018*. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>

JSC “TSA”. (2019, June 11). *Perechen' proektov VIE, otabrannykh po rezul'tatam OPV, provedennogo v 2019 godu = List of RES projects selected based on the results of the selection of RES projects conducted in 2019*. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>

JSC “TSA”. (2020, December 1). *Perechen' proektov VIE, otabrannykh po rezul'tatam OPV, provedennogo v 2020 godu = List of RES projects selected based on the results of the selection of RES projects conducted in 2020*. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults>

JSC “TSA” “TSA”. (2013, September 11). *Sokrashchennyi perechen' prinyatykh zayavok na OPV po itogam vtorgo etapa = An abbreviated list of accepted applications for the selection of RES projects based on the results of the second stage*. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>

JSC “TSA”. (2014, June 11). *Sokrashchennyi perechen' prinyatykh zayavok na OPV po itogam vtorgo etapa = An abbreviated list of accepted applications for the selection of RES projects based on the results of the second stage*. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>

JSC “TSA”. (2015, December 16). *Sokrashchennyi perechen' prinyatykh zayavok na OPV po itogam vtorgo etapa = An abbreviated list of accepted applications for the selection of RES projects based on the results of the second stage*. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>

JSC “TSA”. (2016, June 14). *Sokrashchennyi perechen' prinyatykh zayavok na OPV po itogam vtorgo etapa = An abbreviated list of accepted applications for the selection of RES projects based on the results of the second stage*. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>

JSC “TSA”. (2017, June 13). *Sokrashchennyi perechen' prinyatykh zayavok na OPV po itogam vtorgo etapa = An abbreviated list of accepted applications for the selection of RES projects based on the results of the second stage*. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>

JSC “TSA”. (2018, June 13). *Sokrashchennyi perechen' prinyatykh zayavok na OPV po itogam vtorgo etapa = An abbreviated list of accepted applications for the selection of RES projects based on the results of the second stage*. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>

JSC “TSA”. (2019, June 11). *Sokrashchennyi perechen' prinyatykh zayavok na OPV po itogam vtorgo etapa = An abbreviated list of accepted applications for the selection of RES projects based on the results of the second stage*. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>

JSC “TSA”. (2020, November 30). *Sokrashchennyi perechen' prinyatykh zayavok na OPV po itogam vtorgo etapa = An abbreviated list of accepted applications for the selection of RES*

projects based on the results of the second stage. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/vie/zainfo>

JSC “TSA”. (2014, November 28). *Prognoz izmeneniya tseny pokupki elektricheskoi energii (s uchedom moshchnosti) dlya konechnogo potrebitelya v 2014 godu = Forecast of changes in the purchase price of electric energy (accounting for capacity) for the final consumer in 2014*. Retrieved August 1, 2023, from <https://www.atsenergo.ru/results/statistic/fcast/fcconsumer?year=2014&load=second>

Association “NP Market Council”. (n.d.). *Perechen' kvalifitsirovannykh generiruyushchikh ob'ektov, funktsioniruyushchikh na osnove vozobnovlyаемykh istochnikov energii, s ukazaniem mestonakhozhdeniya ob'ekta i rekvizitov yuridicheskogo litsa, kotoromu prinadlezhit ukazannyi ob'ekt = A list of qualified generating facilities operating on the basis of renewable energy sources, indicating the location of the facility and the details of the legal entity to which the specified facility belongs*. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.np-sr.ru/ru/market/vie/index.htm>

Russia Renewable Energy Development Association. (2020). *Russian Renewable Energy Market: Current Status and Development Prospects*. <https://rreda.ru/en/reports/annual-reports/?year=2020>

Dyatel, T. (2017, November 30). Finny vykhodyat na rossiiskoe solntse = Finns step out into the Russian sun. *Kommersant* = *Kommersant*. <https://www.kommersant.ru/doc/3482396>

Dyatel, T. (2018, June 12). Finny i Rosnano zachistili “zelenku” = Finns and Rosnano cleaned up green energy. *Kommersant* = *Kommersant*. <https://www.kommersant.ru/doc/3656746>

Dyatel, T. (2019, June 11). Enel postavila poslednee na veter = Enel has put the latter to the wind. *Kommersant* = *Kommersant*. <https://www.kommersant.ru/doc/3998706>

Dyatel, T., & Titov, S. (2018, January 23). Vetryaki menyayut napravlenie = Windmills change direction. *Kommersant* = *Kommersant*. <https://www.kommersant.ru/doc/3527423>

Kopylov, A. E. (2018). Extension of national RES support program beyond 2024 is an imperative to keeping local content requirements for RES equipment. In *Proceedings of the IV International Congress “Renewable Energy XXI Century: Energy & Economic Efficiency”* (pp. 104–108). JIHT RAS.

Kopylov, A. E. (2020). Prospects for the development of the national system of support for RES. In *“Vozobnovlyаемye istochniki energii: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii i XII molodezhnoi shkoly s mezhdunarodnym uchastiem”*: sbornik (pp. 37–44). Nauka.

Kopylov, A. E. (2016). Sovershenstvovanie normativno-pravovoi bazy i ekonomicheskikh mekhanizmov podderzhki VIE na optovom i roznichnom rynkakh elektroenergii i moshchnosti = Improving the regulatory framework and economic mechanisms to support RES in the wholesale and retail electricity and capacity markets. In *Al'ternativnaya energetika kak faktor modernizatsii rossiiskoi ekonomiki: tendentsii i perspektivy. Sbornik nauchnykh trudov* (pp. 161–192). Nauchnyi konsul'tant.

International Finance Corporation. (2011). *Renewable Energy Policy in Russia: Waking the Green Giant*. <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/536181468304472759/renewable-energy-policy-in-russia-waking-the-green-giant>

International Finance Corporation. (2013). *Russia's New Capacity-based Renewable Energy Support Scheme: An Analysis of Decree No. 449*. <https://documents.worldbank.org/curated/en/898211480317256904/pdf/110538-Energy-Suppor-Scheme-Eng.pdf>

Kudryavtseva, O. V., Mitenkova, E. N., Malikova, O. I., & Golovin M. S. (2019). Development of Alternative Energy in Russia in the Context of a Low-Carbon Economy Model. *Moscow University Economics Bulletin*, 4, 122–139. <https://doi.org/10.38050/01300105201949>

PJSC Fortum. (2022, January 18). “*ROS NANO*” vykhodit iz proekta stroitel'stva vetroelektrostantsii = *RUS NANO withdraws from wind farm construction project*. Retrieved August 1, 2023, from <https://www.fortum.ru/media/2022/01/rosnano-vykhodit-iz-proekta-stroitelstva-vetroelektrostantsiy>

Podlesnaya, A. (2023). Specific Nature of Price Competition at an Auction of Renewable Energy Sources (RES) in the EU. *Sovremennaya konkurentsia=Journal of Modern Competition*, 17(1), 32-53. <https://doi.org/10.37791/2687-0649-2023-17-1-32-53>

Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 28.05.2013. № 449 “O mekhanizme stimulirovaniya ispol'zovaniya vozobnovlyaemykh istochnikov energii na optovom rynke elektricheskoi energii i moshchnosti” = Resolution of the Government of the Russian Federation No. 449 dated 28.05.2013 “On the mechanism for stimulating the use of renewable energy sources in the Wholesale Electricity and Capacity market”.

Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 08.01.2009 № 1-r “Ob osnovnykh napravleniyakh gosudarstvennoi politiki v sfere povysheniya energeticheskoi effektivnosti elektroenergetiki na osnove ispol'zovaniya vozobnovlyaemykh istochnikov energii na period do 2035 goda” = Decree of the Government of the Russian Federation No. 1-r dated 08.01.2009 “On the main directions of state policy in the field of improving the energy efficiency of the electric power industry based on the use of renewable energy sources for the period up to 2035”.

REA by the Ministry of Energy of the Russian Federation. (2022). *Vozobnovlyaemaya energetika v Rossii i v mire = Renewable energy in Russia and in the world*. Ministry of Energy of the Russian Federation. <https://rosenergo.gov.ru/press-center/news/vozobnovlyaemaya-energetika-v-rossii-i-mire/>

RIA Kalmykiya. (2020, December 7). *V Kalmykii vveli v promyshlennuyu ekspluatatsiyu vetroelektrostantsii = Wind farms have been put into commercial operation in Kalmykia*. Retrieved September 4, 2023, from <https://riakalm.ru/news2/26801-v-kalmykii-vveli-v-promyshlennuyu-ekspluatatsiyu-vetroelektrostantsii>

Smirnova, E. (2021, July 28). “Khelios” gasnet! = “Helios” goes out! *Stolitsa S*. <https://stolica-s.su/archives/306427>

Zhikharev, A. & Ukhanova, O. (2021). *Promyshlennyyi klaster proizvodstva oborudovaniya dlya otrasli vozobnovlyaemoi energetiki v Rossii = Industrial cluster for the production of equipment for the renewable energy industry in Russia*. ARVE = RREDA. <https://renen.ru/wp-content/uploads/2015/09/Digest-RREDA-Renewable-Industry-2020-1.pdf>

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Л. И. Теньковская¹

Московская Биржа ММВБ-РТС (Москва, Россия)

УДК: 336,74; 336,711; 338,27; 338,5

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-9

МИРОВЫЕ ЦЕНЫ НЕФТИ – ФАКТОР ЭКСПАНСИИ МОНЕТАРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Представленный научный труд является актуальным, потому что содержит новую информацию о способах снижения конкурентоспособности экономики Соединенных Штатов, замедления темпов прироста потребительской инфляции в России, экспансии монетарной политики Центрального банка РФ. Цель данного научного изыскания – поиск метода формирования благоприятных экономических условий в России с относительно медленными темпами прироста индекса потребительских цен в соответствии с целью Центрального банка РФ. Гипотезы: высокие цены нефти на мировом рынке энергетических ресурсов влияют на повышение потребительской инфляции в Соединенных Штатах; большая денежная масса в Соединенных Штатах увеличивает потребительские цены в стране; расширение денежного предложения в Соединенных Штатах ускоряет темпы прироста потребительских цен в России; высокие мировые цены нефти способствуют уменьшению индекса потребительских цен в России на фоне сокращения денежной массы в Соединенных Штатах и увеличения денежной массы в России. В процессе изучения задействованы методы: поиск статистических данных о показателях (ценах нефти марки Brent; денежном агрегате M2 в США; базовом ценовом индексе расходов на личное потребление в США; денежном агрегате M2 в России; индексе потребительских цен в России); тестирование временных рядов приведенных показателей на стационарность с помощью расширенного теста Дики-Фуллера, KPSS-теста; построение на основе корреляционно-регрессионной связи экономико-математических моделей с функциями прогноза базового ценового индекса расходов на личное потребление в США и индекса потребительских цен в России. Научное исследование показало, что высокие мировые цены нефти увеличивают базовый ценовой индекс расходов на личное потребление в США, что заставляет Федеральную резервную систему сокращать денежное предложение. Жесткая монетарная политика в Соединенных Штатах замедляет темпы прироста индекса потребительских цен в России и позволяет расширять денежное предложение в нашей стране. Теоретическая и практическая значимость изыскания заключается в создании механизма экспансии монетарной политики Центрального банка РФ на основе выявленных взаимосвязей.

¹ Теньковская Людмила Игоревна — к.э.н., доцент, аналитик фондового рынка, индивидуальный инвестор, ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС»; e-mail: tenkovskaya.lyudmila@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2055-1497.

Ключевые слова: мировые цены нефти, денежный агрегат M2, потребительская инфляция, монетарная политика, Соединенные Штаты, Россия.

Цитировать статью: Теньковская, Л. И. (2025). Мировые цены нефти – фактор экспансии монетарной политики России. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 183–206. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-9>.

L. I. Tenkovskaya

Moscow Exchange (Moscow, Russia)

JEL: E37, E 44, E 51, E 52, E 58

WORLD OIL PRICES ARE A FACTOR IN THE EXPANSION OF RUSSIA'S MONETARY POLICY

The presented scientific work is relevant because it contains new information about ways to reduce the competitiveness of the United States economy, slow down the growth rate of consumer inflation in Russia, and the expansion of the monetary policy of the Central Bank of the Russian Federation. The purpose of this research is to find a method for creating favorable economic conditions in Russia with a relatively slow growth rate of the consumer price index in accordance with the goal of the Central Bank of the Russian Federation. Hypotheses: high oil prices on the world energy resources market affect the increase in consumer inflation in the United States; a large money supply in the United States increases consumer prices in the country; the expansion of money supply in the United States accelerates the growth rate of consumer prices in Russia; high world oil prices contribute to a decrease in the consumer price index in Russia against the background of a reduction in the money supply in the United States and an increase in the money supply in Russia. The following methods are involved in the study: search for statistical data on indicators (Brent crude oil prices; M2 monetary aggregate in the USA; core personal consumption expenditure price index in the USA; M2 monetary aggregate in Russia; consumer price index in Russia); testing of time series of the above indicators for stationarity using the augmented Dickey-Fuller test, KPSS test; construction of economic and mathematical models based on the correlation-regression relationship with the forecast functions of the core personal consumption expenditure price index in the United States and the consumer price index in Russia. A scientific study has shown that high world oil prices increase the core personal consumption expenditure price index in the United States, which forces the US Federal Reserve System to reduce the money supply. Tight monetary policy in the United States slows down the growth rate of the consumer price index in Russia and allows expanding the money supply in our country. The theoretical and practical significance of the research is to create a mechanism for the expansion of the monetary policy of the Central Bank of the Russian Federation on the basis of the identified relationships.

Keywords: world oil prices, monetary aggregate M2, consumer inflation, monetary policy, United States, Russia.

To cite this document: Tenkovskaya, L. I. (2025). World oil prices are a factor in the expansion of Russia's monetary policy. *Lomonosov Economics Journal*, 60(1), 183–206. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-9>

Введение

Научные познания о влиянии мировых цен нефти и денежной массы на экономические условия в международной хозяйственной системе являются *актуальными*, так как несут в себе важную информацию о способах ослабления воздействия расширенной денежной массы Соединенных Штатов на ускорение темпов прироста потребительской инфляции в России посредством регулирования повышения цен нефти эталонного сорта.

Цель научного исследования – определить способ создания благоприятных экономических условий в России, характеризующихся небольшими значениями индекса потребительских цен в нашей стране, находящимися в пределах таргета по инфляции Центрального банка РФ.

В соответствии с поставленной целью решены следующие *задачи*: рассмотрены теоретические основы формирования условий хозяйствования в международной экономике посредством цен нефти эталонного сорта и денежной массы; подобрана научная методология, позволяющая на основе экономико-математического моделирования разработать механизм экспансии монетарной политики Центрального банка РФ в мировой экономической системе; построены экономико-математические модели с функциями прогноза потребительской инфляции в Соединенных Штатах и России на основе денежной массы в этих странах и мировых цен нефти.

Гипотеза 1. Мировые цены нефти оказывают прямое воздействие на потребительскую инфляцию в Соединенных Штатах.

Гипотеза 2. Существует прямая связь потребительской инфляции и денежной массы в Соединенных Штатах.

Гипотеза 3. Денежная масса Соединенных Штатов вызывает повышенную потребительскую инфляцию в России.

Гипотеза 4. Высокие цены нефти на мировом рынке энергетических ресурсов сокращают денежную массу в Соединенных Штатах, что способствует уменьшению индекса потребительских цен в России на фоне увеличения денежной массы в нашей стране.

В ходе работы применены общие и специальные *методы научного исследования*: анализ, синтез, статистические (графический; табличный; анализ временных рядов; корреляционно-регрессионный анализ; прогнозирование).

Новизна представленного изыскания заключается: 1) в построении уравнений множественной линейной регрессии с функцией прогноза: базового ценового индекса расходов на личное потребление в США на основе цен нефти марки Brent и денежного агрегата M2 в США; индекса потребительских цен в России на основе денежного агрегата M2 в России; денежного агрегата M2 в США; цен нефти марки Brent; 2) в формировании механизма экспансии монетарной политики Центрального банка РФ,

действующего посредством регулирования мировых цен нефти и денежного предложения в Соединенных Штатах и России.

Представленный научный труд имеет *практическую ценность*, потому что полезен государственным служащим для создания благоприятных экономических условий в нашей стране.

Приведенная научная работа включает следующие *разделы*: обзор литературы, методология, результаты, обсуждение и заключение, использованные источники.

Обзор литературы.

Теория воздействия мировых цен нефти и денежной массы на экономические условия

Цены нефти формируют экономические условия. Большинство научных работ, посвященных конъюнктуре мирового рынка нефти, свидетельствует о том, что мировые цены нефти оказывают заметное воздействие на фондовые рынки. Jiang Y., Tian G., Mo B. (Jiang et al., 2020), используя индексный метод, дисконтирование, векторную авторегрессию и квантильную регрессию, указывают на то, что мировые цены нефти влияют на фондовые индексы таких развитых стран как Соединенные Штаты, Канада, Япония, Великобритания, Германия, Франция, Италия. Zhang Y., Wang Y., Ma F. et al. (Zhang et al., 2022) с помощью моделей HAR-RV и HAR-CJ показали, что цены нефти способны оказывать эффекты на фондовые рынки, когда являются особенно волатильными. Jebran K., Chen S., Saeed G. et al. (Jebran et al., 2007), построив эконометрические модели GARCH и EGARCH, определили взаимосвязь нефтяных цен на мировом рынке и фондового рынка импортера энергетических ресурсов Пакистана.

Прежде всего, цены нефти на мировом рынке энергии изменяют фондовые индексы посредством давления на котировки акций нефтяных компаний. Pavlata J., Strejček P., Albrecht P., Širůček M. (Pavlata et al., 2021) говорят о том, что существует небольшая корреляция между ценами нефти эталонного сорта и государственными нефтяными компаниями. Нуреев П. М., Бусыгин Е. Г. (Нуреев, Бусыгин, 2019) подтверждают наличие взаимосвязи между конъюнктурой мирового рынка энергетических ресурсов и котировками акций нефтяных компаний. Oyewole O. J., Adubiagbe I. A., Adekoya O. B. (Oyewole et al., 2022) отмечают, что последствиями неопределенности экономической политики являются низкие нефтяные цены и изменения индикаторов фондовых рынков стран ОПЕК в худшую сторону. Yürteri Köseadağlı B., Huyugüzel Kışla G., Çatık A. N. (Yürteri et al., 2021) провели плодотворное научное исследование формирования доходности акций нефтегазового сектора Бразилии, Индии, Индонезии, Южной Африки, Турции благодаря высоким ценам нефти эталонного сорта.

Uzo-Peters A., Laniran T., Adenikinju A. (Uzo-Peters et al., 2018) с помощью векторной авторегрессионной модели установили, что шоки роста нефтяных цен являются негативным фактором котировок акций нигерийских нефтегазовых компаний, что нехарактерно для таких стран-экспортеров нефти как Нигерия. Также необходимо отметить научный труд Zhao X. (Zhao, 2020), доказывающий наличие прямой связи между ценами нефти мирового рынка энергетических ресурсов и акциями компаний, занимающихся экологически чистой энергетикой.

Таким образом, исследователи, прежде всего, заинтересованы в поиске причин изменения фондовых индексов и котировок акций, приносящих инвестиционные доходы. Наиболее часто факторами фондовых рынков различных стран выступают показатели конъюнктуры мирового рынка нефти, так как цены нефти служат источником доходов компаний нефтяных секторов экономики и составляют экономические издержки других отраслей хозяйства.

Взаимосвязь мировых цен нефти и монетарной политики различных стран изучается существенно реже, поскольку до сих пор принято считать, что цены нефти связаны только со спросом и предложением на мировом рынке энергетических ресурсов. Однако на основе научных исследований Теньковской Л. И. (Теньковская, 2023) можно сделать выводы о том, что в последнее время цены нефти эталонного сорта не находятся под влиянием спроса и предложения на мировом рынке энергии, а объясняются индикаторами монетарной политики Федеральной резервной системы США. В качестве подтверждения этой закономерности существует научный труд Lu Q., Sun S., Duan H. et al. (Lu et al., 2021), объясняющий посредством моделей временных рядов, эконометрических моделей, качественных методов и методов искусственного интеллекта, что на конъюнктуру мирового рынка нефти воздействуют финансовые факторы и индикаторы экономического роста. Также Кузовкин А. И., Лабзунов П. П., Степченков В. И., Михайлов А. Ю., Бурова Т. Ф. (Кузовкин и др., 2009; Михайлов, Бурова, 2018) проанализировали связи мировых цен нефти с внешнеэкономическими факторами и пришли к заключению, что среди них находятся индикаторы экономической политики развитых капиталистических стран. Мастепанов А. М., Маланичев А. Г. (Мастепанов, 2016; Маланичев, 2018) отметили, что на цены нефти оказывают давление добыча нефти в Соединенных Штатах, курс доллара США, денежная масса и другие факторы. Таким образом, можно заключить, что цены нефти эталонных сортов могут быть связаны с монетарной политикой наиболее влиятельных капиталистических стран, в числе которых находятся Соединенные Штаты, и за счет этого формировать экономические условия в мире, характеризующиеся определенным уровнем потребительских цен.

Ученых-экономистов интересует большая изменчивость цен на нефть, поскольку именно она несет в себе нестабильность экономических систем.

Ji Q., Shahzad S. J. H., Bouri E. et al. (Ji et al., 2020) определили, что нефтяные шоки и реальные обменные курсы валют стран-экспортеров и стран-импортеров нефти взаимозависимы. Palaios P., Paparetrou E. (Palaios, Paparetrou, 2022) освещают проблему взаимосвязи между волатильностью цен нефти и индикаторами рынка труда Греции на разных стадиях экономического цикла. Salisu A. A., Obiora K. (Salisu, Obiora, 2021) указывают на то, что большая волатильность цен на нефть несет в себе риски потери инвестиционных вложений в энергию. Ghazani M. M., Jafari M. A. (Ghazani, Jafari, 2021) говорят о неэффективности мирового рынка нефти, потому что существует много факторов волатильности на этом рынке, о которых нет информации в текущем моменте. Agbanike T. F., Nwani C., Uwazie U. I. et al. (Agbanike et al., 2019) подчеркивают, что изменчивость нефтяных цен сказывается на потреблении энергии и экологии. Fazelabdolabadi B. (Fazelabdolabadi, 2019) изучено, каким образом спрогнозировать цены нефти различных сортов на основе общих индексов волатильности и индексов волатильности нефти. Таким образом, мировые цены нефти поддаются прогнозированию с определенной трудностью в силу своей волатильности, что существенно осложняет процесс формирования благоприятных экономических условий в мире. Следовательно, цены нефти эталонных сортов могут дестабилизировать экономическую ситуацию в мире в целом и, в частности, в отдельной стране.

Денежная масса тоже создает экономическую среду. В капиталистическом обществе экономический рост всегда стимулируется расширением денежного предложения. В особенности эта закономерность проявляется в периоды глобальных экономических кризисов. Именно наращивание денежной массы в международной экономике способствовало преодолению одного из самых глубоких мировых экономических кризисов во времена пандемии коронавируса COVID-19. Так, Das N., Gangopadhyay P. (Das, Gangopadhyay, 2023) отмечают, что только большая финансовая поддержка помогла преодолеть массовое распространение коронавируса COVID-19 и вывести мировую экономику из серьезной депрессии. Однако многие экономисты уверяют, что монетарное стимулирование несет в себе большие негативные последствия в виде резкого повышения потребительских цен. Афанасьева О. Н. (Афанасьева, 2022) считает, что расширение денежного предложения существенно ускоряет темпы прироста потребительских цен. Matres J. O. G., Le TV, Chaitip. P., Majid M. Z. A. et al. (Matres, Le, 2021; Chaitip et al., 2015; Majid, 2007) уверенно заявляют, что денежная масса в странах с низким уровнем инфляции способна повысить потребительские цены в течение длительного временного интервала, в странах с высоким уровнем инфляции – в течение короткого отрезка времени. Поэтому Palamalai S., Mariappan K., Devakumar C., Mundell R. A., Herwartz H., Reimers H.-E. (Palamalai et al., 2014; Mundell, 1963; Herwartz, Reimers, 2006) в своих научных трудах описывают благоприятные условия для расшире-

ния денежного предложения: сильная национальная валюта; медленные темпы прироста потребительских цен; низкие процентные ставки в экономике. Таким образом, экономики многих стран, в особенности, развитых капиталистических государств, имеют сильную зависимость от монетарной политики, постоянно поддерживающей экономическое развитие расширением денежного предложения.

Прежде всего, мягкая монетарная политика необходима Соединенным Штатам, обладающим самой большой в мире экономикой с широкой финансовой системой. Yildirim Z., Ivrendi M. (Yildirim, Ivrendi, 2021) предостерегают, что нетрадиционная монетарная политика Федеральной резервной системы США в виде количественного смягчения распространяет нежелательные побочные эффекты на другие страны. По итогам исследовательской работы Gržeta I., Žiković S., Tomas Žiković I. (Gržeta et al., 2023) можно сделать вывод о том, что негативные эффекты разрастания финансовой системы Соединенных Штатов могут передаваться через коммерческие банки. Dai PF., Xiong X., Liu Z., Lai H., Ng E. C. Y., Shahzad S. J. H., Bouri E., Kristoufek L., Hong H., Bian Z., Lee C. C. et al. (Dai et al., 2021; Lai, Ng, 2020; Shahzad et al., 2021; Hong et al., 2021) своими научными трудами доказали, что Соединенные Штаты имеют каналы передачи побочных эффектов своей финансовой системы в качестве фондовых рынков различных стран. Habibi A., Khan M. K., Teng JZ., Khan M. I. (Habibi, 2019; Khan et al., 2019) считают, что финансовая система Соединенных Штатов посредством изменения курса доллара США передает влияние на экономики других стран по торговым каналам. Таким образом, монетарная политика Федеральной резервной системы США предполагает постоянное расширение денежного предложения, которое может спровоцировать повышенные темпы прироста потребительской инфляции не только в Соединенных Штатах, но и в других странах.

Исходя из вышеизложенного текста, важно понять, каким образом в России обстоят дела с монетарной политикой. Глазьев С. Ю., Горидько Н. П., Нижегородцев Р. М. (Глазьев и др., 2016) считают, что в России денежное предложение целесообразно увеличить посредством кредитования на фоне внедрения достижений научно-технического прогресса, так как это позитивно для валового внутреннего продукта, уменьшения издержек и потребительских цен. Tenkovskaya L. I. (Tenkovskaya, 2019) отмечает, что мягкая монетарная политика Федеральной резервной системы США позитивна для укрепления российского рубля. Глазьев С. Ю., Горидько Н. П., Нижегородцев Р. М., Делягин М. Г. (Глазьев и др., 2016; Делягин, 2014; Делягин, 2009) пишут о том, что причиной высокой инфляции в России являются не монетарные стимулы, а постоянное повышение тарифов на услуги монополий, дефицит денежных средств, сформировавшийся из-за вывоза капитала за рубеж, высокие процентные ставки

в коммерческих банках, налоговая система, увеличивающая себестоимость продукции. Таким образом, складывается мнение о том, что в России наращивание денежной массы посредством мягкой денежно-кредитной политики Центрального банка РФ при определенных условиях может и не сказаться на ускорении темпов прироста потребительской инфляции.

Поскольку денежная масса в Соединенных Штатах может ускорять темпы прироста потребительских цен в России, а высокие мировые цены нефти могут увеличить инфляцию в Соединенных Штатах, встает вопрос о возможности формирования благоприятных экономических условий в России за счет стимулирования увеличения мировых цен на нефть. На рис. 1 представлен механизм экспансии монетарной политики Центрального банка РФ, основанный на высоких мировых ценах нефти.

*Рис. 1. Механизм экспансии монетарной политики России
Источник: составлено автором.*

Итак, изученный теоретический материал позволил выработать определенные действия по улучшению экономических условий в России посредством высоких мировых цен на нефть и расширения денежного предложения в нашей стране.

Методология научного исследования. Представленная научная работа использует ежемесячные статистические данные о показателях: ценах нефти марки Brent — мирового эталона нефти (взяты с сайта <https://ru.investing.com/>²); денежном агрегате М2 в США, являющемся денеж-

² Прошлые данные — Фьючерс на нефть Brent // investing.com — котировки и финансовые новости. URL: <https://ru.investing.com/commodities/brent-oil-historical-data> (дата обращения: 09.10.2023).

ной массой этой страны (получены с официального сайта Федеральной резервной системы США³); базовом ценовом индексе расходов на личное потребление в США — используется Федеральной резервной системой США в качестве показателя инфляции при изменении процентной ставки (заимствованы с сайта Бюро экономического анализа США⁴); денежном агрегате М2 в России, представляющем собой денежную массу в нашей стране, и индексе потребительских цен в России (извлечены с официального сайта ЦБ РФ^{5,6}).

Период исследования охватывает декабрь 2019 г. — август 2023 г. — время пандемии коронавируса COVID-19; специальной военной операции России в Украине; энергетического кризиса в Европе; рецессии в Европе и Соединенных Штатах на фоне высокой инфляции и ее подавления за счет сокращения денежного предложения; дефицита товаров и услуг; санкций, неблагоприятной геополитической обстановки, нарушения внешнеэкономических связей и отношений; больших экономических издержек для формирования новых международных взаимоотношений. В этот период особенно заметно увеличение потребительских цен в мире из-за монетарных стимулов.

Временные ряды с используемыми статистическими данными сглажены с помощью метода центрированного скользящего среднего для того, чтобы улучшить качество экономико-математических моделей (уменьшить ошибку аппроксимации, увеличить коэффициенты эластичности, корреляции и детерминации). Процесс экономико-математического моделирования и фактических, и сглаженных данных, помог сделать выбор наилучших экономико-математических моделей. Так, сглаженные данные позволили получить следующие модели лучшего качества: 1) уравнение регрессии цен нефти марки Brent и базового ценового индекса расходов на личное потребление в США; 2) уравнение регрессии денежного агрегата М2 в США и базового ценового индекса расходов на личное потребление в США. Временные ряды с фактическими данными об изучаемых индикаторах проверены на стационарность с помощью расширенного теста Дики-Фуллера и KPSS-теста. Между анализируемыми показателями, имеющими значения и фактических, и сглаженных данных, рассчитаны

³ Money Stock Measures — H.6 Release // The Federal Reserve Board of Governors in Washington DC. URL: <https://www.federalreserve.gov/releases/h6/current/default.htm> (дата обращения: 09.10.2023)

⁴ Personal Consumption Expenditures Price Index, Excluding Food and Energy // U.S. Bureau of Economic Analysis. URL: <https://www.bea.gov/data/personal-consumption-expenditures-price-index-excluding-food-and-energy> (дата обращения: 09.10.2023)

⁵ Денежный агрегат М2 // Банк России. URL: <https://cbr.ru/search/?text=денежный+агрегат+м2> (дата обращения: 09.10.2023)

⁶ Ключевые показатели // Банк России. URL: <https://cbr.ru/key-indicators/> (дата обращения: 09.10.2023)

коэффициенты корреляции с целью проверки качества данных для корреляционно-регрессионного анализа.

Рассчитаны экономико-математические модели: 1) уравнение парной линейной регрессии с влиянием цен нефти марки Brent на базовый ценовой индекс расходов на личное потребление в США; 2) уравнение парной линейной регрессии с воздействием денежного агрегата M2 в США на базовый ценовой индекс расходов на личное потребление в США; 3) уравнение множественной линейной регрессии, отражающее зависимость базового ценового индекса расходов на личное потребление в США от цен нефти марки Brent и денежного агрегата M2 в США; 4) уравнение множественной линейной регрессии, которое демонстрирует оказание эффекта от денежных агрегатов M2 в США и России на индекс потребительских цен в России; 5) уравнение множественной линейной регрессии, выявляющее связь индекса потребительских цен в России с денежным агрегатом M2 в России, денежным агрегатом M2 в США, ценами нефти марки Brent. Проведена оценка уравнений регрессии по параметрам: средняя ошибка аппроксимации; коэффициенты эластичности, корреляции и детерминации; критерий Стьюдента; критерий Фишера; мультиколлинеарность факторов; гетероскедастичность; автокорреляция.

Сделан прогноз инфляции в Соединенных Штатах и России: базового ценового индекса расходов на личное потребление в США на основе цен нефти марки Brent и денежного агрегата M2 в США; индекса потребительских цен в России на основе денежного агрегата M2 в России, денежного агрегата M2 в США, цен нефти марки Brent.

Результаты научного исследования. Определение силы влияния мировых цен нефти на монетарную политику Соединенных Штатов и России. Разрастание финансовой системы Соединенных Штатов является большой проблемой для российской экономики: расширение денежного предложения в Соединенных Штатах оказывает воздействие на ускорение темпов прироста потребительской инфляции в России; в Российской Федерации не существует способов противодействия экспансии монетарной политики Соединенных Штатов в силу небольших размеров и неблагоприятных геополитических факторов отечественной экономики; имеется возможность оказания эффекта на американскую денежную массу с помощью мировых цен нефти, вызывающих изменения базового ценового индекса расходов на личное потребление в США. Для того чтобы понять, можно ли регулировать денежную массу в Соединенных Штатах и индекс потребительских цен в России посредством мировых цен нефти, необходимо провести экономический анализ индикаторов, представленных на рис. 2. Временные ряды с фактическими данными сглажены с помощью метода центрированного скользящего среднего с целью улучшения качества некоторых экономико-математических моделей.

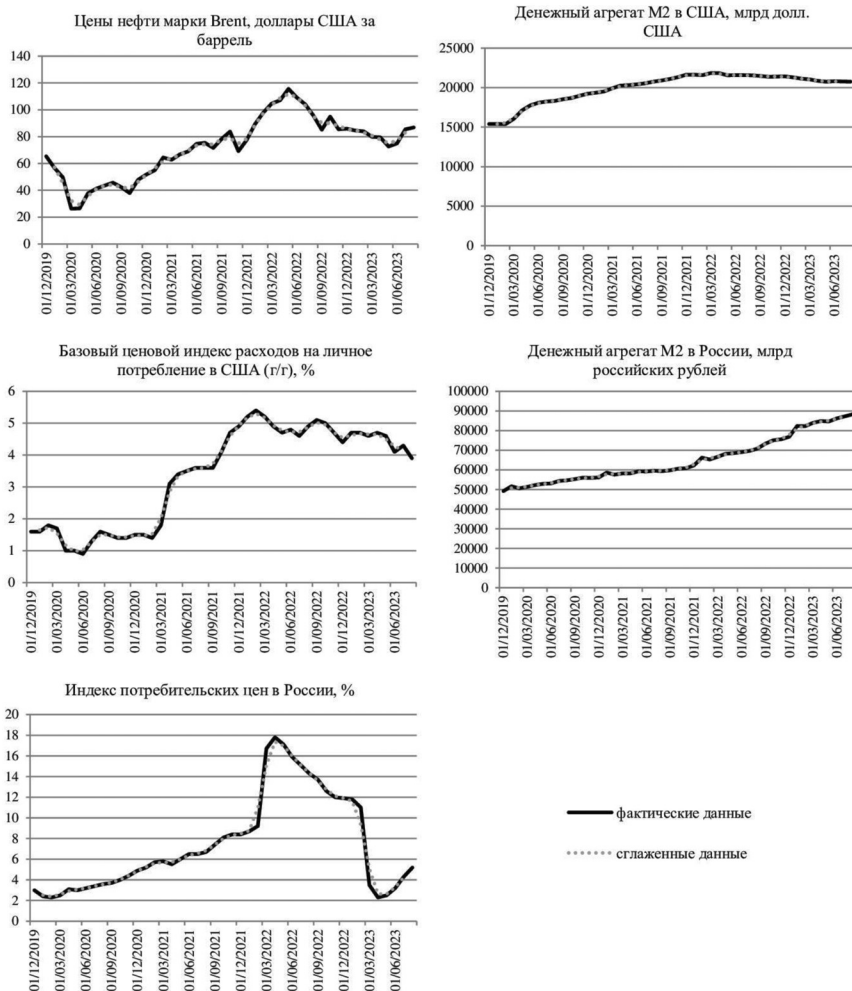

Рис. 2. Мировые цены нефти и индикаторы монетарной политики Соединенных Штатов и России

Источник: составлено автором.

Временные ряды с фактическими данными о приведенных показателях проверены на стационарность с помощью расширенного теста Дики-Фуллера и KPSS-теста: полученные результаты свидетельствуют о стационарности временных рядов и о перспективах их задействования для экономико-математического моделирования (табл. 1).

Расширенный тест Дики-Фуллера и KPSS-тест

Индикаторы	Расширенный тест Дики-Фуллера				KPSS-тест	
	Тест с константой		Тест с константой и трендом		Тестовая статистика	p-уровень
	Тестовая статистика	p-уровень	Тестовая статистика	p-уровень		
Цены нефти марки Brent, доллары США за баррель	-1,008	0,753	-1,910	0,649	0,845	< 0,01
Денежный агрегат M2 в США, млрд долларов США	-3,249	0,017	-2,056	0,570	0,941	< 0,01
Базовый ценовой индекс расходов на личное потребление в США (г/г), %	-1,309	0,628	-1,004	0,942	0,986	< 0,01
Денежный агрегат M2 в России, млрд российских рублей	2,202	1,000	-1,055	0,935	1,163	< 0,01
Индекс потребительских цен в России, %	-1,814	0,374	-1,565	0,807	0,491	0,046

Источник: составлено автором.

Целесообразно выявить силу воздействия мировых цен нефти на монетарную политику Соединенных Штатов и России. Необходимое определение взаимосвязей между мировыми ценами нефти и индикаторами монетарной политики Соединенных Штатов и России основывается на экономико-математическом моделировании с задействованием корреляционно-регрессионного анализа. Качество представленных данных для корреляционно-регрессионного анализа проверено с помощью матрицы коэффициентов корреляции. Установлено, что имеется связь между всеми индикаторами: ценами нефти марки Brent, денежным агрегатом M2 в США, базовым ценовым индексом расходов на личное потребление в США, денежным агрегатом M2 в России, индексом потребительских цен в России (табл. 2). Поэтому анализируемые статистические данные могут быть использованы для построения уравнений регрессии.

Матрица коэффициентов корреляции

Индикаторы	Цены нефти марки Brent, доллары США за баррель	Денежный агрегат M2 в США, млрд. долларов США	Базовый ценовой индекс расходов на личное потребление в США (г/г), %	Денежный агрегат M2 в России, млрд российских рублей	Индекс потребительских цен в России, %
Цены нефти марки Brent, доллары США за баррель	1,000	0,801* 0,864**	0,887* 0,920**	0,625* 0,645**	0,807* 0,851**
Денежный агрегат M2 в США, млрд долларов США	0,801* 0,864**	1,000	0,849* 0,870**	0,668* 0,671**	0,683* 0,710**
Базовый ценовой индекс расходов на личное потребление в США (г/г), %	0,887* 0,920**	0,849* 0,870**	1,000	0,731* 0,748**	0,684* 0,713**
Денежный агрегат M2 в России, млрд российских рублей	0,625* 0,645**	0,668* 0,671**	0,731* 0,748**	1,000	0,317* 0,350**
Индекс потребительских цен в России, %	0,807* 0,851**	0,683* 0,710**	0,684* 0,713**	0,317* 0,350**	1,000

Примечание: *фактические данные, ** сглаженные данные.

Источник: составлено автором.

Посредством расчета уравнения парной линейной регрессии проверяем гипотезу о влиянии мировых цен нефти на инфляцию в Соединенных Штатах, опираясь на сглаженные временные ряды показателей (сглаживание временных рядов улучшает качество уравнения регрессии). Уравнение парной линейной регрессии имеет вид:

$$Y = -1,14392 + 0,06323 \cdot X, \quad (1)$$

где Y – базовый ценовой индекс расходов на личное потребление в США (г/г), %; X – цены нефти марки Brent, доллары США за баррель.

Приведенное уравнение парной линейной регрессии свидетельствует о том, что инфляция в Соединенных Штатах находится во власти мировых цен нефти. Оно может быть использовано для прогноза.

Обследуем в Соединенных Штатах причинно-следственную связь между денежной массой и базовым ценовым индексом расходов на личное потребление американцев, чтобы подтвердить достоверность гипотезы

о монетарном происхождении инфляции в этой стране. Для этого построено уравнение парной линейной регрессии с использованием сглаженных данных о показателях (сглаживание временных рядов улучшает качество уравнения регрессии):

$$Y = -11,91249 + 0,000763 \cdot X, \quad (2)$$

где Y — базовый ценовой индекс расходов на личное потребление в США (г/г), %; X — денежный агрегат M2 в США, млрд долл. США.

Представленное уравнение парной линейной регрессии подтверждает наличие определенного соотношения между целевым уровнем инфляции и денежной массой в Соединенных Штатах.

Составим уравнение множественной линейной регрессии для прогноза инфляции в Соединенных Штатах на основе фактических временных рядов мировых цен нефти, денежного предложения и базового ценового индекса расходов на личное потребление в этой стране (уравнение регрессии для прогноза инфляции в России тоже построено на основе фактических данных, прогнозирование предполагает сопоставление этих уравнений). Оно имеет вид:

$$Y = -5,87099 + 0,0397 \cdot X_1 + 0,00032 \cdot X_2, \quad (3)$$

где Y — базовый ценовой индекс расходов на личное потребление в США (г/г), %; X_1 — цены нефти марки Brent, доллары США за баррель; X_2 — денежный агрегат M2 в США, млрд долл. США.

Описанное уравнение множественной линейной регрессии может быть использовано для прогноза.

Протестируем гипотезу о том, что повышенная инфляция в России вызвана разрастающейся денежной массой в Соединенных Штатах. Для этого рассчитано уравнение множественной линейной регрессии с задействованием фактических данных о потребительской инфляции в России, денежном предложении в России и Соединенных Штатах (сглаженные временные ряды анализируемых индикаторов уменьшают и без того низкое значение критерия Стьюдента t_1). Уравнение имеет форму:

$$Y = -28,4774 - 0,0001 \cdot X_1 + 0,00212 \cdot X_2, \quad (4)$$

где Y — индекс потребительских цен в России, %; X_1 — денежный агрегат M2 в России, млрд российских рублей; X_2 — денежный агрегат M2 в США, млрд долл. США.

Указанное уравнение множественной линейной регрессии демонстрирует, что рост потребительской инфляции в России спровоцирован мягкой монетарной политикой Федеральной резервной системы США. Оно может быть использовано с осторожностью для прогноза неточных значений зависимой переменной.

С целью прогнозирования потребительской инфляции в России построим уравнение множественной линейной регрессии на основе фактических данных о денежном предложении в России и Соединенных Штатах, мировых ценах нефти, потребительской инфляции в России (сглаженные временные ряды анализируемых индикаторов уменьшают значения критериев Стьюдента t_0 и t_2). Уравнение выглядит следующим образом:

$$Y = -8,85024 - 0,000154 \cdot X_1 + 0,000702 \cdot X_2 + 0,16984 \cdot X_3 \quad (5)$$

где Y – индекс потребительских цен в России, %; X_1 – денежный агрегат М2 в России, млрд российских рублей; X_2 – денежный агрегат М2 в США, млрд долл. США; X_3 – цены нефти марки Brent, доллары США за баррель.

Приведенное уравнение множественной линейной регрессии может быть использовано для прогноза.

Оценка уравнений регрессии отражена в табл. 3: ошибки аппроксимации выше нормы; коэффициенты эластичности характеризуются высокими уровнями; коэффициенты корреляции свидетельствуют о тесной взаимосвязи исследуемых факторов; коэффициенты детерминации говорят о том, что независимые факторы хорошо объясняют зависимые переменные; критерии Стьюдента указывают на значимость коэффициентов уравнений регрессии; критерии Фишера показывают статистическую значимость уравнений в целом; мультиколлинеарность факторов отсутствует; гетероскедастичность не обнаружена; имеется автокорреляция. Таким образом, рассчитанные уравнения регрессии статистически значимы и надежны.

Таблица 3

Оценка уравнений регрессии

Параметры оценки		Порядковый номер уравнения регрессии				
		1	2	3	4	5
Средняя ошибка аппроксимации А, %		17,89	30,03	21,28	52,78	37,80
Коэффициенты эластичности	E_1	1,335	4,495	0,847	-0,886	-1,358
	E_2	-	-	1,891	5,740	1,899
	E_3	-	-	-	-	1,656
Коэффициент корреляции R		0,920	0,870	-	-	-
Коэффициент множественной корреляции R		-	-	0,917	0,708	0,856

Параметры оценки		Порядковый номер уравнения регрессии				
		1	2	3	4	5
Коэффициент детерминации R ²		0,846	0,757	0,841	0,501	0,734
Критерии Стьюдента	t ₀	-3,601 (p-value 0,001)	-8,769 (p-value 0,000)	-4,395 (p-value 0,000)	-5,125 (p-value 0,000)	-1,682 (p-value 0,100)
	t ₁	14,981 (p-value 0,000)	11,317 (p-value 0,000)	5,619 (p-value 0,000)	-1,717 (p-value 0,093)	-3,484 (p-value 0,001)
	t ₂	-	-	3,747 (p-value 0,001)	5,813 (p-value 0,000)	1,952 (p-value 0,058)
	t ₃	-	-	-	-	5,977 (p-value 0,000)
Критерий Фишера F _{расч.}		224,434 (p-value 0,000)	128,072 (p-value 0,000)	110,752 (p-value 0,000)	21,116 (p-value 0,000)	37,621 (p-value 0,000)
Мультиколлинеарность факторов, влияющих на результат (Ридж-регрессия)		-	-	отсутствует VIF = 2,792 < 4	отсутствует VIF = 1,804 < 4	отсутствует VIF = 1,804; 1,642; 2,792 < 4
Гетероскедастичность (на основании теста ранговой корреляции Спирмена)		отсутствует	отсутствует	отсутствует	отсутствует	отсутствует
Автокорреляция (на основании коэффициента автокорреляции)		имеется	имеется	имеется	имеется	имеется

Источник: составлено автором.

В табл. 4 представлен прогноз базового ценового индекса расходов на личное потребление в США на основе третьего уравнения регрессии: высокие мировые цены нефти (для экономико-математического моделирования использовано гипотетическое значение цен нефти марки Brent 120 долларов США за баррель в связи с тенденцией их уверенного роста в последнее время) увеличивают потребительскую инфляцию в Соединенных Штатах, что вызывает необходимость сокращения денежной массы в этой стране.

**Прогноз базового ценового индекса расходов на личное потребление
в США на основе третьего уравнения регрессии**

Прогнозные значения базового ценового индекса расходов на личное потребление в США (г/г), %	Цены нефти марки Brent, доллары США за баррель	Денежный агрегат M2 в США, млрд долларов США	Примечания
4,21	86,83	20760,3	Прогноз потребительской инфляции в США на основе фактических данных о независимых индикаторах за август 2023 г.
5,53	120,00	20760,3	Прогноз потребительской инфляции в США на основе: увеличенных мировых цен нефти; фактических данных о денежном предложении в США
2,00	120,00	9724,9	Прогноз потребительской инфляции в США на основе: увеличенных мировых цен нефти; уменьшенного денежного предложения в США в соответствии с таргетом инфляции ФРС США 2% на фоне повышения мировых цен нефти

Источник: составлено автором.

Сокращение денежной массы в Соединенных Штатах – позитивное явление для экономических условий в России, уменьшающее индекс потребительских цен и позволяющее нарастить денежную массу в нашей стране (табл. 5).

**Прогноз индекса потребительских цен в России
на основе пятого уравнения регрессии**

Прогнозные значения индекса потребительских цен в России, %	Денежный агрегат М2 в России, млрд российских рублей	Денежный агрегат М2 в США, млрд долларов США	Цены нефти марки Brent, доллары США за баррель	Примечания
6,87	88294,0	20760,3	86,83	Прогноз потребительской инфляции в России на основе фактических данных о независимых индикаторах за август 2023 г.
4,76	88294,0	9724,9	120,00	Прогноз потребительской инфляции в России на основе: фактических данных о денежном агрегате М2 в России; уменьшенной денежной массы в США из-за роста инфляции в США на фоне увеличения мировых цен нефти
4,00	93238,7	9724,9	120,00	Прогноз инфляции в России на основе: увеличенного денежного агрегата М2 в России, соответствующего таргету ЦБ РФ по инфляции 4%; уменьшенной денежной массы в США из-за роста инфляции в США на фоне увеличения мировых цен нефти

Источник: составлено автором.

Таким образом, высокие мировые цены нефти являются фактором экспансии монетарной политики Центрального банка РФ – это (по примеру Соединенных Штатов) необходимое условие конкурентоспособности и господства российской экономики в мировом пространстве.

Обсуждение и заключение

Представленное научное исследование определяет цены нефти в качестве фактора экспансии монетарной политики России. Однако тема исследования, касающаяся взаимосвязи мировых цен нефти, экономических условий и эффективности хозяйственной системы, не нова. Она достаточно хорошо проработана другими учеными-экономистами. Имеющиеся работы отличаются использованием богатого математического аппарата в авторских методологиях экономического моделирования.

Один из подобных научных трудов выявляет совокупность факторов с целью прогнозирования федерального бюджета России. К ним относятся следующие воздействующие силы: резкое снижение мировых цен нефти на фоне сланцевой революции в Соединенных Штатах; санкции Евросоюза, Австралии, Новой Зеландии, Японии, Соединенных Штатов и Канады; значительное ослабление курса российского рубля по отношению к доллару США; неспособность Центрального банка РФ удержать курс российского рубля на высоком уровне; отток капитала из страны за рубеж; уменьшение поставок энергии из России в Европу. Они сокращают доходы федерального бюджета нашей страны (Михайлов, 2015). Другая научная работа свидетельствует: имеется сильная связь между волатильностью на мировом рынке нефти и изменениями валютных курсов стран-экспортеров нефти (российского рубля, евро, канадского доллара, китайского юаня, бразильского реала, нигерийской найры, алжирского динара — свободно плавающие национальные валюты в период с 2001 по 2021 г.); шоки на нефтяных рынках в периоды глобальных кризисов быстро передаются на курсы валют стран-производителей нефти; российский рубль подвержен санкциям Запада, что отличает его реакцию на цены нефти марки Brent (Mikhailov et al., 2024). В следующей научной статье изучаются экономическая эффективность российского энергетического сектора, его роль в мировой экономике под воздействием мировых тенденций использования возобновляемых источников энергии: нефтяная отрасль ощутит негативный эффект (An, Mikhailov, 2021). В другой научной проработке подчеркивается, что важнейшим внешним фактором курса российского рубля по отношению к доллару США остается мировая цена на нефть. Для улучшения макроэкономических показателей в России предлагается расчеты за экспорт нефти и природного газа из нашей страны перевести в российские рубли. (Mikhailov et al., 2019). Итак, результаты представленных научных трудов свидетельствуют о том, что низкие цены нефти наносят ощутимый ущерб экономическому сектору России, а высокая стоимость энергетических ресурсов благоприятно воздействует на экономику нашей страны.

Автор данной научной статьи соглашается с другими специалистами в том, что высокие нефтяные цены полезны для экономики России. Ав-

торский вклад в научную литературу по затронутой тематике состоит в том, что приведенная проработка показывает, как высокие нефтяные цены способны сократить конкурентную экономику Соединенных Штатов – в этом польза высоких мировых цен на нефть для экономики России.

Таким образом, данное научное изыскание вносит свой вклад в отечественную и зарубежную научную литературу, освещающую проблемы побочных эффектов монетарной политики Федеральной резервной системы США, конкурентоспособности российской экономики, роста потребительских цен в России.

Научное исследование имеет ограничение. Высокие мировые цены нефти могут увеличивать потребительскую инфляцию в нашей стране, поэтому приведенный в данном научном труде механизм экспансии монетарной политики Центрального банка РФ целесообразно использовать тогда, когда он не наносит вреда в форме роста индекса потребительских цен в российской хозяйственной системе. Экономико-математическое моделирование показало, что в России высокие мировые цены нефти все-таки увеличивают потребительскую инфляцию, но ее можно нормализовать за счет наращивания денежного предложения. Дело в том, что процентные ставки в России находятся на высоком уровне. В нашей стране увеличение денежного предложения может приводить к расширению кредитования, снижению процентных ставок, уменьшению потребительских цен.

Направления будущих исследований: 1) поиск факторов увеличения цен нефти и разработка механизмов их влияния на мировой рынок энергетических ресурсов; 2) уменьшение эффекта воздействия на потребительскую инфляцию в России мировых цен нефти; 3) создание условий для сотрудничества с другими странами в сфере увеличения мировых цен нефти; 4) установление льготного режима в обеспечении нефтью дружественных стран, например, таких как Китай.

По результатам проделанной работы можно сделать следующие выводы. Высокие мировые цены нефти увеличивают потребительскую инфляцию в Соединенных Штатах. В такой ситуации Соединенные Штаты проводят жесткую монетарную политику, направленную на сокращение денежной массы. Это выгодно для Российской Федерации, потому что уменьшение денежной массы в Соединенных Штатах замедляет темпы прироста индекса потребительских цен в России. В итоге высокие цены нефти на мировом рынке энергетических ресурсов могут способствовать формированию благоприятных экономических условий в России с низкими потребительскими ценами, оставляя возможность наращивать денежное предложение в нашей стране.

Итак, выполненная научная работа решает несколько острых проблем для российской экономики: снижает конкурентоспособность экономики Соединенных Штатов, которая базируется на расширении своего денеж-

ного предложения и увеличении инвестиций в эффективную хозяйственную систему своей страны; способствует формированию благоприятных экономических условий в нашей стране, так как снижает темпы прироста потребительских цен в Российской Федерации посредством сокращения денежного предложения в Соединенных Штатах; позволяет нарастить денежное предложение в России, необходимое для экспансии отечественной экономики, без ущерба для условий с низкими потребительскими ценами.

Список литературы

Афанасьева, О. Н. (2022) Денежно-кредитная политика: денежная масса и инфляция в различных странах. *Экономика устойчивого развития*, 1(49), 112-117. https://doi.org/10.37124/20799136_2022_1_49_112

Глазьев, С. Ю., Горилько, Н. П., & Нижегородцев, Р. М. (2016) Критика формулы Ирвинга Фишера и иллюзии современной монетарной политики. *Экономика и математические методы*, 52, 4, 3-23. <https://elibrary.ru/item.asp?id=27545532>

Делягин, М. Г. (2009) Выступление на круглом столе «Экономический рост России» по теме «Российская инфляция: постановка диагноза». *Научные труды Вольного экономического общества России*, 111, 32-36. <https://elibrary.ru/item.asp?id=12177028>

Делягин, М. Г. (2014) Крах оптимистических иллюзий и отправной пункт экономического оздоровления. *Российский экономический журнал*, 1, 19-23. <https://elibrary.ru/item.asp?id=21359198>

Кузовкин, А. И., Лабзунов, П. П., & Степченко, В. И. (2009) Современная методика долгосрочного прогноза мировых цен на нефть. *Микроэкономика*, 1, 32-40. <https://elibrary.ru/item.asp?id=13057378>

Маланичев, А. Г. (2018) Сланцевая нефть: потенциал добычи как функция ее цены. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, 22, 2, 275-293. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-2-275-293>

Мастепанов, А. М. (2016) Ситуация на мировом нефтяном рынке: некоторые оценки и прогнозы. *Энергетическая политика*, 2, 7-20. <https://elibrary.ru/item.asp?id=27212035>

Михайлов, А. Ю. (2015) Нефтегазовые доходы российского бюджета в 2015 году: прогноз и риски. *Финансовый журнал*, 2, 52-59. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23610916>

Михайлов, А. Ю., & Бурова, Т. Ф. (2018) Ценообразование на рынке нефти и влияние на фондовые рынки. *Финансы и кредит*, 24, 1(769), 178-188. <https://doi.org/10.24891/фс.24.1.178>

Нуреев, Р. М., & Бусыгин, Е. Г. (2019) Крупнейшие публичные нефтяные компании: влияние внешних и внутренних факторов на капитализацию. *Финансы: теория и практика*, 23 (5), 87-100. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-5-87-100>

Теньковская, Л. И. (2023) Влияние монетарной политики Федеральной резервной системы США на мировые цены нефти. *Вестник Самарского университета. Экономика и управление*, 14, 2, 125-132. <http://doi.org/10.18287/2542-0461-2023-14-2-125-132>

Теньковская, Л. И. (2023) Конъюнктура мирового рынка нефти. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 2 (70), 32-40. https://doi.org/10.52452/18115942_2023_2_32

Agbanike, T. F., Nwani, C., Uwazie, U. I. et al. (2019) Oil price, energy consumption and carbon dioxide (CO₂) emissions: insight into sustainability challenges in Venezuela. *Latin American Economic Review*, 28, 8. <https://doi.org/10.1186/s40503-019-0070-8>

An, J., & Mikhaylov, A.Yu. (2021) Analysis of energy projects financial efficiency and renewable energy generation in Russia. *Finance: Theory and Practice*, 25(5), 79-91. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-5-79-91>

Chaitip, P. et al. (2015) Money Supply Influencing on Economic Growth-Wide Phenomena of AEC Open Region. *International Conference of Applied Economics*, 24, 108-115. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00626-7](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00626-7)

Dai, P.F., Xiong, X., Liu, Z. et al. (2021) Preventing crash in stock market: The role of economic policy uncertainty during COVID-19. *Financial Innovation*, 7, 31. <https://doi.org/10.1186/s40854-021-00248-y>

Das, N., & Gangopadhyay, P. (2023) Did weekly economic index and volatility index impact US food sales during the first year of the pandemic? *Financial Innovation*, 9, 57. <https://doi.org/10.1186/s40854-023-00460-y>

Fazelabdolabadi, B. (2019) A hybrid Bayesian-network proposition for forecasting the crude oil price. *Financial Innovation*, 5, 30. <https://doi.org/10.1186/s40854-019-0144-2>

Ghazani, M. M., & Jafari, M. A. (2021) Cryptocurrencies, gold, and WTI crude oil market efficiency: a dynamic analysis based on the adaptive market hypothesis. *Financial Innovation*, 7, 29. <https://doi.org/10.1186/s40854-021-00246-0>

Gržeta, I., Žiković, S., & Tomas, Žiković I. (2023) Size matters: analyzing bank profitability and efficiency under the Basel III framework. *Financial Innovation*, 9, 43. <https://doi.org/10.1186/s40854-022-00412-y>

Habibi, A. (2019) Non-linear impact of exchange rate changes on U.S. industrial production. *Economic Structures*, 8, 40. <https://doi.org/10.1186/s40008-019-0172-0>

Herwartz, H., & Reimers, H.-E. (2006) Long-Run Links among Money, Prices and Output: Worldwide Evidence. *German Economic Review*, 7, 65-86. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0475.2006.00147.x>

Hong, H., Bian, Z., & Lee, C. C. (2021) COVID-19 and instability of stock market performance: evidence from the U. S. *Financial Innovation*, 7, 12. <https://doi.org/10.1186/s40854-021-00229-1>

Jebran, K., Chen, S., Saeed, G., & et al. (2017) Dynamics of oil price shocks and stock market behavior in Pakistan: evidence from the 2007 financial crisis period. *Financial Innovation*, 3, 2. <https://doi.org/10.1186/s40854-017-0052-2>

Jiang, Y., Tian, G., & Mo, B. (2020) Spillover and quantile linkage between oil price shocks and stock returns: new evidence from G7 countries. *Financial Innovation*, 6, 42. <https://doi.org/10.1186/s40854-020-00208-y>

Ji, Q., Shahzad, S. J. H., Bouri, E., & et al. (2020) Dynamic structural impacts of oil shocks on exchange rates: lessons to learn. *Journal of Economic Structures*, 9, 20. <https://doi.org/10.1186/s40008-020-00194-5>

Khan, M. K., Teng, J.Z., & Khan, M. I. (2019) Cointegration between macroeconomic factors and the exchange rate USD/CNY. *Financial Innovation*, 5, 5. <https://doi.org/10.1186/s40854-018-0117-x>

Lai, H., & Ng, E. C. Y. (2020) On business cycle forecasting. *Frontiers of Business Research in China*, 14, 17. <https://doi.org/10.1186/s11782-020-00085-3>

Lu, Q., Sun, S., Duan, H., & et al. (2021) Analysis and forecasting of crude oil price based on the variable selection-LSTM integrated model. *Energy Informatics*, 4(2), 47. <https://doi.org/10.1186/s42162-021-00166-4>

Majid, M. Z. A. (2007) Causality Link between Money, Output and Prices in Malaysia: An Empirical Re-Examination. *Applied Econometrics and International Development*, 7-1. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1249962

Matres, J. O. G., & Le, T. V. (2021) The Impact of Money Supply on the Economy: A Panel Study on Selected Countries. *Journal of Economic Science Research*, 4, 4, 48-53. <https://doi.org/10.30564/jesr.v4i4.3782>

Mikhaylov, A., Bhatti, I. M., Dinçer, H., & et al. (2024) Integrated decision recommendation system using iteration-enhanced collaborative filtering, golden cut bipolar for analyzing the risk-based oil market spillovers. *Computational Economics*, 63, 305–338. <https://doi.org/10.1007/s10614-022-10341-8>

Mikhailov, A. Y., Burakov, D. B., & Didenko, V. Y. (2019) Relationship between oil price and macroeconomic indicators in Russia. *Finance: Theory and Practice*, 23(2), 105-116. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-2-105-116>

Mundell, R. A. (1963) Capital Mobility and Stabilization Policy under Fixed and Flexible Exchange Rates. *The Canadian Journal of Economics and Political Science*, 29, 4, 475-485. https://www.depfe.unam.mx/actividades/11/macro-abierta/11-2_majr_05_mundell_1963.pdf

Oyewole, O. J., Adubiagbe, I. A., & Adekoya, O. B. (2022) Economic policy uncertainty and stock returns among OPEC members: evidence from feasible quasi-generalized least squares. *Future Business Journal*, 8, 12. <https://doi.org/10.1186/s43093-022-00124-w>

Palaios, P., & Papapetrou, E. (2022) Oil prices, labour market adjustment and dynamic quantile connectedness analysis: evidence from Greece during the crisis. *Journal of Economic Structures*, 11, 30. <https://doi.org/10.1186/s40008-022-00291-7>

Palamalai, S., Mariappan, K., & Devakumar, C. (2014) On the Temporal Causal Relationship Between Macroeconomic Variables: Empirical Evidence From India. *SAGE Open*, 4, 1. 1-14. <https://doi.org/10.1177/2158244014525419>

Pavlata, J., Strejček, P., Albrecht, P., & Širůček, M. (2021) The empirical linkage between oil prices and the stock returns of oil companies. *European Journal of Business Science and Technology*, 7, 2, 186-197. <https://doi.org/10.11118/ejobsat.2021.016>

Salisu, A. A., & Obiora, K. (2021) COVID-19 pandemic and the crude oil market risk: hedging options with non-energy financial innovations. *Financial Innovation*, 7, 34. <https://doi.org/10.1186/s40854-021-00253-1>

Shahzad, S. J. H., Bouri, E., Kristoufek, L., & et al. (2021) Impact of the COVID-19 outbreak on the US equity sectors: Evidence from quantile return spillovers. *Financial Innovation*, 7, 14. <https://doi.org/10.1186/s40854-021-00228-2>

Tenkovskaya, L. I. (2019) The Essence of Optimism of The Economists and Investors with Regard to the Economy of Russia. *Journal of Economic Science Research*, 53, 4, 1-9. <https://doi.org/10.30564/jesr.v2i4.1080>

Uzo-Peters, A., Laniran, T., & Adenikinju, A. (2018) Brent prices and oil stock behaviors: evidence from Nigerian listed oil stocks. *Financial Innovation*, 4, 8. <https://doi.org/10.1186/s40854-018-0092-2>

Yildirim, Z., & Ivrendi, M. (2021) Spillovers of US unconventional monetary policy: quantitative easing, spreads, and international financial markets. *Financial Innovation*, 7, 86. <https://doi.org/10.1186/s40854-021-00299-1>

Yurteri, Köseadağlı B., Huyugüzel, Kışla G., & Çatık, A. N. (2021) The time-varying effects of oil prices on oil–gas stock returns of the fragile five countries. *Financial Innovation*, 7, 4. <https://doi.org/10.1186/s40854-020-00224-y>

Zhang, Y., Wang, Y., Ma, F., & et al. (2022) To jump or not to jump: momentum of jumps in crude oil price volatility prediction. *Financial Innovation*, 8, 56. <https://doi.org/10.1186/s40854-022-00360-7>

Zhao, X. (2020) Do the stock returns of clean energy corporations respond to oil price shocks and policy uncertainty? *Journal of Economic Structures*, 9, 53. <https://doi.org/10.1186/s40008-020-00229-x>

References

Afanas'eva, O. N. (2022) Monetary policy: money supply and inflation in various countries. *Ekonomika ustojchivogo razvitiya*, 1(49), 112-117. https://doi.org/10.37124/20799136_2022_1_49_112

Glaz'ev, S. Yu., Goridko, N. P., & Nizhegorodtsev, R. M. (2016) The critics of Irving Fisher's formula and some illusions about contemporary monetary policy. *Ekonomika i matematicheskie metody*, 52, 4, 3-23. <https://elibrary.ru/item.asp?id=27545532>

Delyagin, M. G. (2009) Speech at the round table «Economic growth of Russia» on the topic «Russian inflation: diagnosis». *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 111, 32-36. <https://elibrary.ru/item.asp?id=12177028>

Delyagin, M. G. (2014) Destruction of optimistic illusions and starting point for economic recovery. *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal*, 1, 19-23. <https://elibrary.ru/item.asp?id=21359198>

Kuzovkin, A. I., Labzunov, P. P., & Stepchenkov, V. I. (2009) Modern methodology for long-term forecasting of world oil prices. *Mikroekonomika*, 1, 32-40. <https://elibrary.ru/item.asp?id=13057378>

Malanichev, A. G. (2018) Shale oil: production potential as a function of price. *HSE Economic Journal*, 22, 2, 275-293. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-2-275-293>

Mastepanov, A. M. (2016) The world oil market situation: several estimates and forecasts. *Energeticheskaya politika*, 2, 7-20. <https://elibrary.ru/item.asp?id=27212035>

Mikhaylov, A. Y. (2015) Russian oil and gas budget revenues in 2015: estimation and risk. *Financial journal*, 2, 52-59. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23610916>

Mikhailov, A. Yu., & Burova T. F. (2018) Oil Market Pricing and the Impact on Stock Market. *Finance and Credit*, 24, 3, 178–188. <https://doi.org/10.24891/fc.24.1.178>

Nureev, R. M., & Busygin E. G. (2019) Biggest public oil companies: Impact of external and internal factors on capitalization. *Finance: Theory and Practice*, 23 (5), 87-100. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-5-87-100>

Tenkovskaya, L. I. (2023) The impact of the monetary policy of the Federal Reserve System of the United States on world oil prices. *Vestnik of Samara University. Economics and Management*, 14, 2, 125–132. <http://doi.org/10.18287/2542-0461-2023-14-2-125-132>

Tenkovskaya, L. I. (2023) The conjuncture of the world oil market. *Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod. Social sciences*, 2 (70), 32–40. https://doi.org/10.52452/18115942_2023_2_32

ВОПРОСЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Т. В. Завьялова¹

Сбербанк (Москва, Россия)

О. С. Виноградова²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 339.97

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-10

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК НОВАЯ ЧАСТЬ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Сложные и нелинейные политические, экономические и социальные процессы определяют изменения приоритетности в решении современных и будущих проблем человечества. В период турбулентности многим странам стало сложнее выполнять цели устойчивого развития (далее — ЦУР), им пришлось пересмотреть, а некоторым даже отказаться на краткосрочный период от установленных требований по экологической, социальной и корпоративной ответственности с учетом их реалистичности и достижимости в текущих условиях. Но, несмотря на обострение социально-экономической ситуации, глобальные риски и решения, направленные на снижение долгосрочного ущерба от их реализации, все еще остаются важной составляющей стратегий большинства стран мира. В рамках данного исследования была поставлена цель систематизировать и приоритизировать с учетом современных мировых трендов цели устойчивого развития, определить критерии достижения этих целей и сроки их выполнения.

Один из ключевых инструментов в достижении ЦУР — ужесточение требований к контрагентам относительно социальных, корпоративных и экологических стандартов как на уровне государств, так и на уровне общества и индивидов. На законодательном уровне вводятся прямые и косвенные ограничения, которые стимулируют внедрение изменений и инноваций в деятельность бизнеса, а также побуждают население к ответственному потреблению и к заботе об окружающей среде. Экономический эффект от осуществления социально ориентированных или, наоборот, асоциальных практик проявляется через рыночные механизмы экономик государств и через социальные механизмы влияния на население, приводя в движение стоимость акций компаний под воздействием изменения спроса и перераспределяя силы во властных структурах.

Наиболее активно принципы устойчивого развития внедряются в развитых странах мира, но эффект от них имеет повсеместное распространение, поэтому важно

¹ Завьялова Татьяна Владимировна — старший вице-президент по ESG, ПАО Сбербанк; e-mail: TVZavyalova@sberbank.ru, ORCID: 0009-0004-3638-0372.

² Виноградова Ольга Сергеевна — к.э.н., доцент, Экономический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: o.s.gluhova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9575-9794.

идентифицировать и своевременно отслеживать, в каком направлении произошло смещение трендов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, декарбонизация, углеродная нейтральность, ESG, глобальные риски, ЦУР.

Цитировать статью: Завьялова, Т. В., & Виноградова, О. С. (2025). Устойчивое развитие как новая часть глобальной экономики. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 207–230. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-10>.

T. V. Zavyalova

Sberbank (Moscow, Russia)

O. S. Vinogradova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: E62, G30, G38

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS A NEW COMPONENT OF THE GLOBAL ECONOMY

Complex and non-linear political, economic and social processes are shaping changes in the solution of present and future problems of mankind. During the turbulence period, it has become more difficult for many countries to meet sustainable development goals (SDGs). They have had to revise or even abandon environmental, social and corporate responsibility requirements in the short term, taking into account the current realities and feasibility. But, despite the worsening socio-economic situation, global risks and solutions aimed at reducing the long-term damage from their implementation still remain an important component of the strategies of most countries of the world. The aim of the study is to systematize and prioritize the goals of sustainable development, taking into account current world trends, and to define criteria for achieving these goals and the time frame for the implementation these goals.

One of the key tools in achieving the SDGs is to strengthen social, corporate and environmental standards for the state and society. Direct and indirect restrictions are introduced at the legislative level, which stimulate the introduction of changes and innovations in business activities. This encourages responsible consumption and care for the environment. The economic effects of socially oriented or, conversely, asocial practices are manifested through market and social mechanisms of influence. This drives stock prices of companies, which are influenced by changes in demand and redistribution in power structures.

The principles of sustainable development are most actively implemented in the developed world, but the effect of it is widespread. It is important to identify and track in a timely manner where the ESG-transformation trends have changed.

Keywords: sustainable development, decarbonization, carbon neutrality, ESG, global risks, SDGs.

Введение

За последние годы повестка устойчивого развития прошла значительную трансформацию. Из теоретической плоскости обсуждения принципов и подходов к постановке социальных, климатических и экологических целей, разработки ESG-стратегий и инструментов их реализации власти стран и корпораций перешли к практическому внедрению ESG-подходов.

Катализатором широкомасштабного внедрения устойчивых практик стали принятые в 2015 г. Парижское соглашение по климату и Цели в области устойчивого развития ООН (ЦУР). После подписания соглашения у стран несколько лет ушло на процесс адаптации, «национализации» и локализации целей устойчивого развития, на внесение изменений в государственное регулирование и на создание соответствующей инфраструктуры, на определение внутреннего состава и масштабов реализуемых решений, на разработку прогнозов и стратегий перехода в длительной перспективе. В настоящий момент о планах по переходу к практикам устойчивого развития, декарбонизации и достижения углеродной нейтральности решительно заявили крупнейшие экономики мира, в числе которых Евросоюз (ЕС), США, Китай, Индия, ОАЭ и Россия, что определило приоритетный вектор геополитического развития.

Возникновение военных конфликтов, рекордное повышение температуры, засуха, лесные пожары, наводнения, социальные волнения и протесты — все эти тенденции освещались в новостной повестке последних нескольких лет и значимо влияли на политические решения в зависимости от «остроты» каждого из рассматриваемых явлений. Необходимость решения текущих проблем «охладила» интерес к долгосрочной ESG-повестке. ESG-трансформация замедлилась, но не остановилась и масштаб ее распространения будет увеличиваться. Практики устойчивого развития укореняются на уровне государства, в корпоративных структурах, на уровне общества, социальных групп и индивидов. Распространению ESG-стандартов способствует рынок, взимая «дополнительную плату» с тех, кто не придерживается практик устойчивого развития.

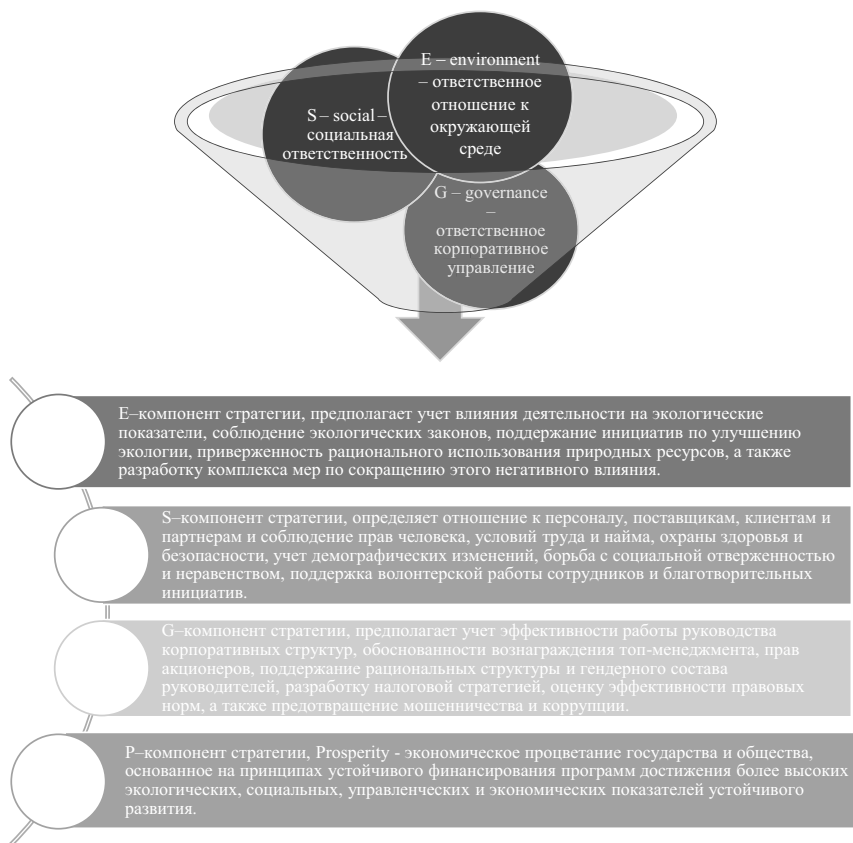
Приоритетность выполнения ЦУР определяется множеством факторов макроэкономического, социального, эпидемиологического, геополитического развития стран и мировой экономики. Уникальная архитектура каждой страны определяет индивидуальную стратегию трансформации, но общий вектор задается мировыми тенденциями, поэтому важно приоритизировать ЦУР с учетом экономического и социального эффектов от их достижения как в долгосрочной, так и в среднесрочной

перспективе. В рамках исследования на уровне глобального миропорядка по ЦУР были выявлены критерии их выполнения и запланированные сроки их достижения, с учетом текущей конъюнктуры мировых рынков. Доминирующей темой при планировании на долгосрочную перспективу до сих пор остается проблема изменения климата и последствий этих изменений. Климатические риски, оценка возможного ущерба, планирование финансовых ресурсов на митигацию и реализацию неизбежных адаптационных мероприятий неразрывно связаны с социально-экономическим развитием стран. Экологическая проблематика объединяет страны даже на фоне геополитических разногласий и экономических санкций в направлении снижения суверенного негативного влияния выбросов CO₂ на окружающую среду. В то же время в повестку дня выходит вопрос пересмотра критериев оценки вклада разных стран в выбросы парниковых газов.

Эволюция концепции устойчивого развития

Концепция эколого-социальной ориентированности экономической деятельности опирается на 17 Целей устойчивого развития ООН (далее — ЦУР), основные принципы которой впервые были сформулированы Кофи Аннаном — генеральным секретарем ООН. Он предложил на уровне государства и менеджмента крупных мировых компаний включить принципы социальной, экологической и корпоративной ответственности в стратегии развития, в первую очередь для борьбы с изменением климата и для обеспечения будущим поколениям возможности существовать. В настоящее время предложенная изначально концепция эволюционировала, дополнилась фактором «обеспечения условий экономического процветания и устойчивого развития», что дополнительно подчеркнуло важность учета экономических факторов в процессе ESG-трансформации (рис. 1).

Следование целям устойчивого развития способствует процветанию наций. Но с течением времени и под действием различных факторов (макроэкономических, социальных, эпидемиологических, геополитических) направления приложения усилий и распределения ресурсов могут пересматриваться. Каждая страна, по мнению ООН, имеет уникальную внутреннюю архитектуру, свои проблемы и приоритеты, потребности и возможности, поэтому формирует индивидуальную стратегию трансформаций. На уровне глобального миропорядка среди ЦУР по каждому из направлений трансформации были определены приоритетные задачи, а страны формируют свои собственные стратегии по достижению этих целей с учетом своего текущего положения и конъюнктуры мировых рынков.

*Рис. 1. Сферы структурирования государственной и корпоративной деятельности, соответствующие концепции устойчивого развития и ESG
Источник: (ООН, 2015; ООН, 1997; ISO, 2021).*

Например, с позиции устойчивой и справедливой экономики при осуществлении эколого-социальной трансформации планируется поощрение инклюзивного роста в интересах бедного населения под воздействием мер по перераспределению доходов и увеличению социальных субсидий (Kakwani, Siddiqui, 2023). В рамках благосостояния и возможностей человека рекомендовано увеличить инвестиции в первичную медико-санитарную помощь и обеспечение ее доступности, реализовать возможность получения среднего образования и обеспечения гендерного равенства при его получении, также увеличение инвестиций в инфраструктуру водоснабжения, чтобы вдвое сократить объем неочищенных сточных вод. В области устойчивых продовольственных систем и здорового питания

значится комплекс мер по повышению доступности разнообразных продуктов питания, увеличению урожайности при одновременном сокращении затрат и негативных последствий производства этих продуктов. Со стороны спроса планируется переход на осознанное и разнообразное питание, а также сокращение отходов потребления. В исследовании Н. Какуани и З. Сиддики произведена первичная оценка результатов реализации социальных проектов, направленных на достижение ЦУР, в 173 странах мира. За период с 2001 по 2020 г. в большинстве из анализируемых стран были улучшены статистические показатели социального развития, причем пропорциональные выгоды беднейших 40% стран превышали выгоды оставшихся 60% стран из выборки в относительных величинах³. В 40% беднейших стран среднее увеличение относительного темп роста составляло 1,78%, а в остальных 60% стран — 1,23% (Kakwani, Siddiqui, 2023). Анализируя инклюзивность достигнутого роста социальных и экономических параметров, авторы приходят к выводу об асимметрии результатов для беднейших и более развитых стран: в более развитых странах прослеживается инклюзивность роста (т.е. эффект от реализации социальных мер в наибольшей степени проявляется в наименее обеспеченных слоях населения), а для беднейших стран эти результаты не подтвердились). Следовательно, можно говорить об относительной инклюзивности экономического роста в рассматриваемых 173 странах.

В рамках экологической компоненты осуществляется внедрение передовых технологий в области климатической политики и глобального ценообразования на углеродные выбросы (например, трансграничное углеродное регулирование (СВАМ) и система торговли выбросами (ETS)), которые могут способствовать ускорению процесса перехода к более чистым производствам и низкоуглеродной экономике (Steinebach et al., 2021). Основная цель ценообразования на выбросы углерода — интернализация внешних издержек через создание внешних стимулов для компаний и частных лиц к сокращению выбросов углекислого газа (Venmans et al., 2020). Налоги на выбросы углерода обеспечивают четкий и прозрачный ценовой сигнал, создавая необходимость производителям учитывать «стоимость углерода» при принятии инвестиционных и производственных решений (Metcalfe, 2021). Климатическая политика оказывает дифференцированное воздействие на различные социально-экономические группы и отрасли (Steckel et al., 2021). Например, энергоемкие отрасли промышленности, такие как сталелитейная, цементная и химическая промышленности, могут столкнуться первыми с увеличением издержек производства, что может способствовать их скорейшей трансформации

³ В данном случае оправданным считается использование относительных величин, так как «стартовые» параметры стран существенно отличаются, что определяет сопоставимость факторов только в относительных величинах.

в условиях высокой конкуренции со стороны альтернативных более экологических производств (Digitemie, Ekemezie, 2024). Но существует и альтернативная позиция, указывающая на потенциальные проблемы, которые могут возникнуть при повсеместном распространении жесткого ценового регулирования. В исследовании Л. Сэгера произведена оценка влияния взимания пошлин за выбросы углерода на различные группы потребителей. Выборка составлена на основе статистических данных по 40 странам мира, которые были распределены по 5 группам в зависимости от среднего уровня доходов населения. Автор приходит к выводу, что итоговые потребительские издержки распределены по всему миру неравномерно: затраты для потребителей в нижней половине распределение доходов (т.е. в странах с наименьшими значениями подушевого дохода) эквивалентны 2–3%, что более чем в два раза больше в относительных величинах, чем затраты потребителей из более обеспеченных стран (Sager, 2023). Автор также статистически подтверждает, что потребительские издержки цен на выбросы углерода различаются гораздо сильнее между странами, чем в зависимости от уровня доходов внутри них (рис. 2).

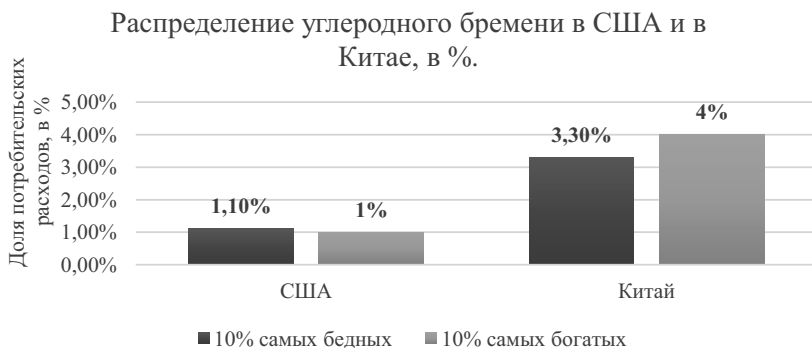

Рис. 2. Различия в распределении нагрузки на потребителей в зависимости от стран (на примере США и Китая)

Источник: (Sager, 2023).

Различия между странами, показанными на рис. 2, могут быть обусловлены различиями в углеродоемкости товаров потребительских корзин. Функциональные блоки цепи создания стоимости продукции и склонность к потреблению более углеродоемких товаров — одни из ключевых факторов, объясняющих разницу в потребительских издержках между странами. Следовательно, различия между странами имеют большее значение, чем различия внутри них, но гетерогенность внутри групп по доходам внутри стран может быть значительной, что не учитывается в работе Л. Сэгера. Выводы относительно разницы влияния налогового бремени

на выбросы углерода соответствуют результатам исследований, проведенных по отдельным странам, в которых была выявлена слабая или умеренная регрессивность налоговой системы углеродного регулирования для более обеспеченных стран (Grainger, Kolstad, 2010) и прогрессивность для бедных стран (Datta, 2010; Sterner, 2012; Dorband et al., 2019). Эти выводы также подтверждаются недавними результатами моделирования М. Чепелева и соавторов (Chepeliev et al., 2021), которые обнаруживают значительную межрегиональную гетерогенность в эффектах распределения бремени от ценообразования на выбросы углерода.

Климатическая повестка развивается также в рамках повышения ответственности общества. На уровне социума и бизнеса разрабатываются поощрительные меры, которые соответствуют критериям экологической достаточности (Figge et al., 2014). Отдельное внимание уделено декарбонизации энергетики за счет масштабного внедрения возобновляемых источников энергии и наилучших доступных технологий, увеличению инвестиций в инфраструктуру и всеобщего доступа к электроэнергии при изменении в глобальном поведении потребления энергии с целью его сокращения. Часть усилий направлена на увеличение инвестиций в «зеленые» инновации, а также на развитие циркулярной экономики и экономики совместного потребления. Рост интереса частного сектора к циркулярной экономике подтверждается динамикой количества публикаций по этой тематике в научных журналах (рис. 3).

Рис. 3. Динамика количества публикаций по проблематике циркулярной экономики
Источник: (Valencia et al., 2023).

В разрезе городского и пригородного развития запланированы удвоение доли перерабатываемых отходов к 2030 г. и переход к замкнутому циклу отходов, установлены ориентиры на улучшение экологической компоненты общественного транспорта и постепенного перехода на электромобили, реализуются проекты, способствующие E-трансформации населенных пунктов с ориентацией на пешеходов и маломобильных граждан, а не автомобили и другие средства передвижения. В рамках восстановления гло-

бального экологического достояния усилия направлены на достижение цели по расширению охраняемых территорий и восстановлению лесов. Создание общесистемных социальных стимулов к изменению эколого-климатической ситуации является частью политики по восстановлению глобальных экосистем (Doern, 2013; Tedesco et al., 2023). Например, в работах (Gastineau et al., 2021; Lu et al., 2021) подчеркивается значимость социальной политики экологической компенсации для минимизации общих затрат на экологическое восстановление и поддержание благосостояния общества.

Приоритетность реализации ЦУР до пандемии COVID-19 была первоочередной задачей большинства ведущих стран мира. Крупнейшие экономики на уровне нормативного регулирования деятельности корпоративного сектора активно занимались разработкой, введением и ужесточением обязательных к выполнению стандартов в области ESG: повышались требования по раскрытию информации, внедрялись рекомендации по корпоративному управлению, появлялись требования к зеленым финансам, критерии зеленых проектов и их верификация. Например, в 2019 г. Евросоюз принял программу «Зеленый курс», направленную на достижение околонулевых значений нетто-выбросов парниковых газов к 2050 г., и анонсировал запуск механизма трансграничного углеродного регулирования. ESG-трансформации компаний способствовали выстраивающиеся на глобальном уровне системы социальной мотивации, когда со стороны заинтересованных в деятельности организаций лиц (stakeholders) формировался запрос на соблюдение экологических, социальных и корпоративных стандартов ответственной деятельности.

Реализация обозначенных выше сценариев эколого-социальной трансформации выявляла активное стремление стран мира к достижению ЦУР, но современный этап развития высветил ряд острых социально-политических вопросов, которые сместили фокус внимания мировой общественности и потребовали изменения сроков достижения первоначальных целей. Начиная с 2020 г., когда от правительств всех стран потребовалась реализация крупномасштабных мер по противодействию распространению вирусной инфекции, приоритеты сместились в сторону обеспечения социальной безопасности и поддержки здравоохранения (Salve et al., 2023). Экологическая повестка устойчивого развития также была смягчена. Например, в ЕС вследствие мирового энергокризиса и роста цен на энергоресурсы в 2022 г. произошло признание атома и газа переходными технологическими решениями с внесением их в Таксономию устойчивых видов деятельности ЕС.

До 2022 г. ежегодно объем инвестиций в реализацию программ устойчивого развития рос и к концу 2021 г. объем мировых инвестиций в ESG достиг пика, превысив 1,6 трлн долл., а объем активов в ESG-стратегиях составил 4 трлн долл. (Al-Shibeeb, 2022). При этом страны Азиатско-Ти-

хоокеанского региона (АТР), вырвавшись в лидеры экономического роста, стали крупнейшими инвесторами в декарбонизацию экономик и набрали достаточный вес, чтобы оказывать влияние на глобальные решения в области ESG.

В 2023 г. в условиях глобальных изменений, которые произошли с начала 2020 г., Организация Объединенных Наций опубликовала Global Sustainable Development Report, в котором сформулировала текущие проблемы и точки роста в рамках устойчивого развития (UN, 2023). Сформированная новая эколого-экономическая нормальность предполагает достижение целей устойчивого развития в более длительные сроки. В регламентирующие документы были внесены корректировки, связанные со смещением сроков выполнения по некоторым целевым показателям с 2030 на 2050 г. Но долгосрочное ориентирование на соблюдение принципов устойчивого развития сохраняется и общий вектор развития не может быть кардинально пересмотрен в виду высокой значимости ЦУР для будущих поколений человеческой цивилизации.

Глобальные риски и динамические изменения их оценочных характеристик

Сложные и нелинейные политические, экономические и социальные процессы определяют изменения приоритетности в решении современных и будущих проблем человечества. В период «глобальной раздробленности» (Бобылев и др., 2022) многим странам стало сложнее выполнять ЦУР, им пришлось пересмотреть или даже на краткосрочный период отказаться от установленных требований по экологической, социальной и корпоративной ответственности. Возникновение военных конфликтов, рекордное повышение температуры, засуха, лесные пожары, наводнения, социальные волнения и протесты — все эти тенденции освещались в новостной повестке последних нескольких лет и существенно влияли на политические решения в зависимости от «остроты» каждого из рассматриваемых явлений. Как можно заметить, несмотря на обострение социально-экономической ситуации, глобальные риски и решения, направленные на снижение долгосрочного ущерба от их реализации, все еще остаются важной составляющей стратегий большинства стран мира.

По мнению экспертов, изложенному в ежегодном докладе на Всемирном экономическом форуме в 2024 г., в краткосрочной и среднесрочной перспективе прогноз развития человечества преимущественно негативный (рис. 4), что выявляет необходимость активизации программ устойчивого развития. Ожидаются ухудшение общей ситуации и усиление глобальных рисков: 54% респондентов ожидали в ближайшие два года сохранения нестабильности, оценивая риск глобальных катастроф как умеренный,

а 30% респондентов считали, что потенциально возможна эскалация глобальных рисков, которая приведет к катастрофическим последствиям. Прогноз на перспективу в 10 лет еще более пессимистичен, в нем более 2/3 респондентов ожидают ухудшения ситуации в мире. 46% опрошенных считают, что турбулентность через 10 лет усилится и возрастут риски глобальных катастроф, а еще 17% оценивают вероятность возникновения глобальных катастроф как очень высокую, предвещая глобальный «шторм» (WEF, 2024).

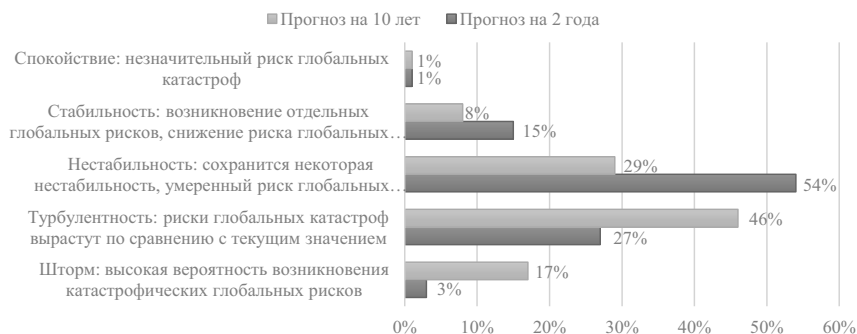

Рис. 4. Прогнозы краткосрочного и долгосрочного глобальных сценариев развития (восприятие экспертной группы)

Источник: (Global Risks Report, 2024).

За последние 4 года существенно был пересмотрен пул глобальных рисков, которые требуют особого внимания общественности и власти. Обращаясь к докладу, который был представлен на Всемирном экономическом форуме в январе 2020 г., среди наиболее значимых глобальных угроз тогда были отмечены экологические и климатические риски разной этиологии. Ориентируясь на частоту возникновения и тяжесть последствий, эти угрозы были проранжированы в зависимости от количественных показателей совместного влияния. В верхнем правом квадранте⁴, идентифицирующем наиболее существенные по оценкам экспертов для человечества глобальные риски, оказались угрозы (рис. 5)⁵ эколого-климатических катастроф, экстремального изменения погоды, утраты биоразнообразия, доступности питьевой воды, кибербезопасности и нарастания социально-политических конфликтов.

⁴ Риски с наибольшей вероятностью возникновения и тяжестью последствий.

⁵ Респондентам опроса было предложено оценить вероятность индивидуального глобального риска по шкале от 1 до 5, где 1 означает риск, который маловероятен, а 5 — риск, который очень вероятен. Они также оценили влияние каждого глобального риска по шкале от 1 до 5, где 1 представляет минимальное воздействие, а 5 — катастрофическое воздействие.

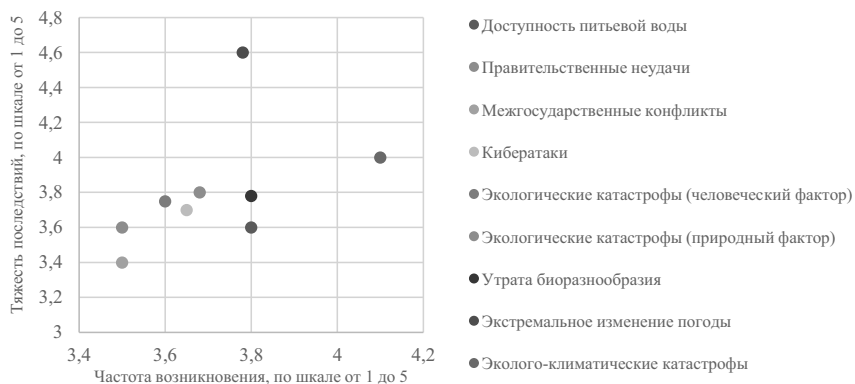

Рис. 5. Глобальные риски с высокой частотой и тяжестью последствий для человечества, 2020 г. Источник: (Global Risks Report, 2020).

Сравнивая оценочные характеристики докладов 2020 и 2024 гг., можно отметить произошедшие изменения в направлении систематизации выявленных угроз и пересмотра их приоритетности. В докладе 2024 г. глобальные риски были классифицированы по четырем группам, в зависимости от сфер реализации и методов управления, разрабатываемых для минимизации негативного влияния этих угроз (WEF, 2024):

- изменение климата: траектория развития, связанная с глобальным потеплением и последствиями этого потепления для различных систем Земли;
- демографическая бифуркация: изменения в количестве, темпах роста и структуре населения во всем мире;
- ускорение технологического развития: изменения в скорости появления и обновления технологий, искусственный интеллект, смещение в структуре спроса и предложения на традиционных рынках;
- геополитические изменения: смещение «полюсов власти» и мест концентрации капитала, изменение источников геополитической власти.

Оценивая соотношение частоты возникновения и тяжести последствий глобальных рисков, в докладе 2024 г. на основе ответов респондентов-экспертов угрозы были проранжированы в зависимости максимального значения показателя совместного влияния для двух прогнозных горизонтов (табл. 1).

**Ранжированный список глобальных рисков по уровню значимости
на перспективу 2 и 10 лет**

№ п/п	Оценка на перспективу 2 лет	№ п/п	Оценка на перспективу 10 лет
1	Дезинформация и мисселинг	1	Экстремальные погодные явления
2	Экстремальные погодные явления	2	Критические изменения в системах Земли
3	Социальная поляризация	3	Утрата биоразнообразия
4	Кибербезопасность	4	Нехватка природных ресурсов
5	Интенсификация военных конфликтов	5	Дезинформация и мисселинг
6	Отсутствие экономических возможностей	6	Последствия внедрения ИИ
7	Инфляция	7	Вынужденная миграция
8	Вынужденная миграция	8	Кибербезопасность
9	Экономический спад	9	Социальная поляризация
10	Загрязнение окружающей среды	10	Загрязнение окружающей среды

Источник: (Global Risks Report, 2024).

Если оценивать изменения, произошедшие за последние 4 года, то можно выявить, что в рамках краткосрочного горизонта планирования актуализировалась геополитическая повестка. Большинство респондентов считают, что в перспективе 2 лет будет высокая вероятность усиления военных противоречий, которые будут сопровождаться экономическими последствиями (спад, инфляция, отсутствие экономических стимулов и возможностей). На горизонте в 10 лет наблюдается стабилизация в вопросах социально-экономического развития, но возвращается экологическая компонента, причем оценки вероятности возникновения эколого-климатических катастроф предполагают рост частоты подобных событий.

Динамические изменения ранжированных списков подчеркивают приоритизацию в долгосрочной перспективе угроз, связанных с климатическими изменениями, глобальным потеплением, природными катаклизмами, утратой биологического разнообразия и нехваткой питьевой воды. Понимание того, что опасность экологических угроз для будущего человечества с каждым годом возрастает, отражается в направлениях стратегического ориентирования на трансформацию глобальной и националь-

ных экономик к созданию экономических и политических стимулов повышения экологических стандартов, например, через принятие ведущими экономиками мира долгосрочной цели достижения углеродной нейтральности, предполагающей, что выбросы парниковых газов не должны превышать объем их поглощения (Glasgow Climate Pact (OICA, 2022)). Пакт о достижении углеродной нейтральности был заключен наиболее развитыми странами (ЕС, США, Китай, Япония), целевым ориентиром которого является соответствие нулевому значению углеродного загрязнения в каждой подписавшей стране к 2050–2060-м гг.

«Масштабное трансграничное сотрудничество по-прежнему имеет решающее значение для минимизации эколого-климатических рисков, которые играют ключевую роль для безопасности и процветания человечества» (WEF, 2024). Климатическая повестка является неотъемлемой компонентой, которая учитывается при составлении планов относительно экономического роста, обеспечения материального благосостояния, доходов и занятости населения, а также других ключевых показателей экономического развития. «Международный курс на достижение углеродной нейтральности и экологизацию в целом требуют глубокого осознания и кардинального изменения моделей потребления» (Бобылев и др., 2022).

Достижение углеродной нейтральности и экологизация

Согласно Докладу о глобальных рисках Всемирного экономического форума за 2024 г., в следующие 10 лет климатические риски займут центральное место среди прочих рисков, составляя пять из 10 основных угроз. Причем на первом месте стоят экстремальные погодные явления, представляющие особую опасность, поскольку страны не готовы к потенциальным необратимым изменениям, вызванным глобальным потеплением, которое как ожидается достигнет критических значений к началу 2030-х гг.

В рамках исследования (Bastin et al., 2019) во многих городах Северной Европы климат к 2050 г. максимально приблизится к нынешнему климату городов Южной Европы и даже Австралии. Например, в Лондоне может произойти повышение среднегодовой температуры на 2,1 °С, повышение средней температуры в самый теплый месяц года — на 5,9 °С, а в самый холодный месяц года — на 3 °С.

Если оценивать изменение климата с экономической точки зрения, рост на 3 °С к 2050 г. среднегодовой температуры по отношению к показателю доиндустриального уровня связан со значительным ущербом для большинства секторов экономики. По данным исследовательского центра MSCI, при реализации данного негативного климатического сценария потери по различным секторам мировой экономики могут составлять до 15% (табл. 2).

**Потери разных секторов мировой экономики
при повышении температуры к 2050 г. на 3 °С**

Сектор	Потери от физических рисков, %
Коммунальные услуги	–15,90
Финансы	–10,90
Энергетика	–10,40
Недвижимость	–10,20
Материалы	–9,50
Потребительские скобы	–7,90
Промышленность	–7,80
Коммуникационные услуги	–6,20
Потребительские товары	–5,80
Здравоохранение	–3,40
IT	–2,20

Источник: (MSCI, 2022).

Кроме того, ученые подтвердили, что 2023 г. стал самым жарким за всю историю наблюдений с трендом на ускорение потепления (Chainey et al., 2024; Global Risks Report, 2024). В ноябре 2023 г. средняя глобальная температура на поверхности Земли впервые превысила доиндустриальный уровень более чем на 2 °С. Согласно исследованию, опубликованному в Nature Communications, в Европе волны жары 2003, 2010, 2015 и 2018 гг. стоили региону в целом по 0,3–0,5% ВВП, а в южных его частях — до 2% (García-León et al., 2021).

Оценки потенциального ущерба от изменений климата:

- по данным S&P, к 2050 г., если глобальное потепление не удержится ниже 2 °С, при отсутствии мер адаптации и митигации возможные экономические потери могут составить до 4,4% мирового ВВП в год (Munday et al., 2023);
- по данным ООН, за последние 50 лет климатический кризис привел к экономическим потерям на сумму более 4,3 трлн долл., а также к разрушению важных природных экосистем (WEF, 2024);
- Сбер оценивает потенциальный ущерб российской экономики от климатических рисков более чем в 12 трлн руб. до 2030 г. (СберПресс, 5 июля 2024). На отдельных территориях ежегодные потери могут составлять 5–6% валового регионального продукта. Речь

идет о потерях в результате реализации физических рисков, таких как пожары, наводнения, засухи, температурные шоки, деградация многолетней мерзлоты, опасные погодные явления, а также снижение производительности труда;

- по данным исследования Всемирного экономического форума о влиянии глобального потепления на здоровье, к 2050 г. изменение климата, вероятно, приведет к дополнительным 14,5 млн смертей и экономическим потерям на сумму 12,5 трлн долл. во всем мире (Eitelwein et al., 2024).

Финансирование борьбы с изменением климата с 2021 по 2022 г. удвоилось до 1,3 трлн долл., однако эксперты оценивают, что необходимо ежегодно увеличивать размер финансирования как минимум в пять раз, чтобы ограничить потепление до уровня ниже 1,5 °C (Chau, Allibho, 2024).

Согласно исследованию Risk Poll от Lloyd's Register Foundation 2021 г. в разных странах по-разному оценивается необходимость экологической перестройки на уровнях общества и власти. Так, например, в России только 60% населения видит угрозу в изменении климата (рис. 6). Респонденты отвечали на вопрос: «Будет ли изменение климата угрожать, в некоторой степени угрожать или не угрожать их стране в ближайшие 20 лет?». В большинстве развитых и развивающихся стран высокий процент населения обеспокоен изменением климата и видит необходимость реализации мер по экологической трансформации экономик.

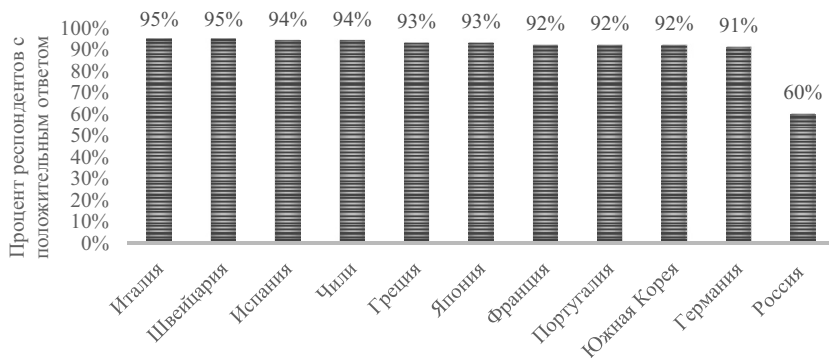

Рис. 6. Восприятие важности климатических угроз (опрос населения)

Источник: (Kennedy, 2023).

Большинство стран, где климатические изменения оцениваются как особенно значимые входят в ЕС, но стоит отметить присутствие в данном списке Южной Кореи, Японии и Чили, что лишней раз подтверждает распространение «зеленой» повестки в мировом масштабе.

Изменение климата в большей степени связывают с антропогенными выбросами парниковых газов и вызванными ими изменениями в концен-

трации CO₂ и его производных в атмосфере, что определило тренд на достижение углеродной нейтральности в различных странах мира (рис. 7 и 8).

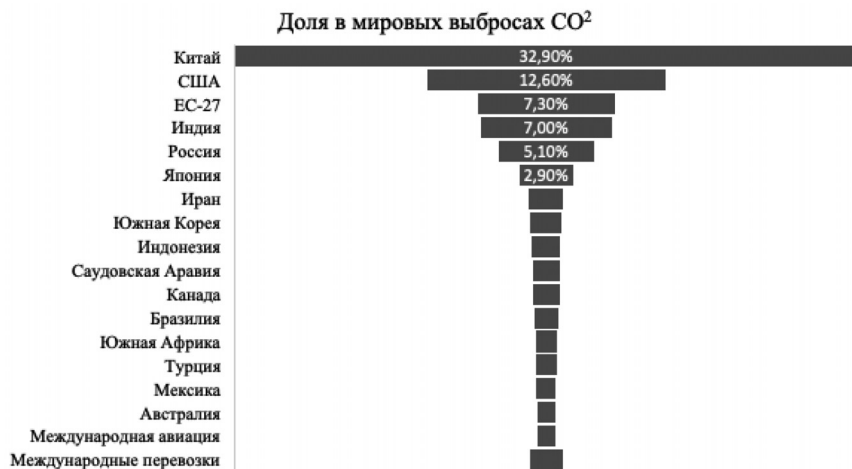

Рис. 7. Объем выбросов CO₂ различных стран мира в 2021 г. по отношению к общемировому объему (с долей более 1%)

Источник: (Girra et al., 2022).

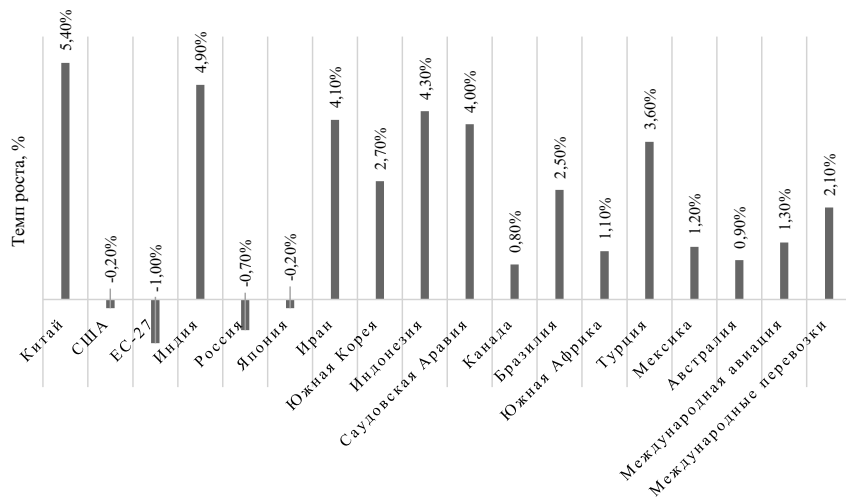

Рис. 8. Среднегодовой темп роста выбросов CO₂ за период с 1990 по 2021 г. для стран с долей в общем объеме выбросов более 1%

Источник: (Girra et al., 2022).

Выбросы CO₂ Китая составляют большую часть выбросов в мировом объеме, и среднегодовой темп роста углеводорода за двадцать один год в Китае был самый высокий. Рост объемов выбросов Китая за рассматриваемый период в основном связан с увеличением потребления нефти и газа, а также с ростом потребления угля. По состоянию на конец 2021 г. Китай являлся самым крупным потребителем ископаемого топлива (54,7% в общем объеме потребления).

В рамках достижения углеродной нейтральности важно обеспечить соразмерный выбросам темп выбытия CO₂ из атмосферы за счет репрофилирования производств и увеличения площадей растительного мира. Увеличение лесистой зоны в сочетании с переходом к «зеленым» источникам энергии может способствовать замедлению скорости изменения температурного режима на планете, но динамика выбытия растительных площадей к настоящему моменту отрицательная (The World Bank, 2023). Осознавая важность трансформации экономик большинства стран мира, был разработан и согласован ряд документов, регламентирующих поэтапный переход к новым стандартам осуществления экономической деятельности и способных повысить уровень социальной ответственности.

Устойчивое развитие и переход к цивилизации ответственного потребления

Цивилизация ответственного потребления и устойчивого развития означает достижение баланса в различных сферах деятельности человека, способствующего обеспечению «нейтральности» внешнего воздействия социума на различные системы Земли и обеспечивающий распространение более высоких стандартов жизни населения. Приоритизация целей определяет распределение усилий государственных и общественных структур по различным направлениям деятельности. Ориентируясь на ранжированный список приоритетов, представленный на Всемирном экономическом форуме в 2024 г. и критерии, разработанные для достижения поставленных целей сформирована табл. 3.

Динамические изменения экономической и геополитической ситуации изменили критерии достижения и сроки выполнения ЦУР, а также поменяли их приоритетность. Если ориентироваться на долгосрочную перспективу, угрозы, связанные с климатическими изменениями, глобальным потеплением, природными катаклизмами, утратой биологического разнообразия и нехваткой питьевой воды, остаются наиболее острыми.

**Приоритетные цели устойчивого развития, критерии
и сроки их достижения**

ЦУР	Критерий выполнения	Срок достижения
Экологические приоритеты		
Борьба с изменениями климата	Внедрение систем трансграничного углеродного регулирования, ценовое регулирование выбросов CO ₂ (рынок торговли квотами), отказ от «грязных» источников энергии и товаров	К 2030 г.
	Достижение углеродной нейтральности, переход на «чистые» источники энергии, увеличение лесистой зоны в мировом масштабе	К 2060 г.
Адаптация к экологическим изменениям	Повысить сопротивляемость и способность адаптироваться к опасным климатическим явлениям и стихийным бедствиям во всех странах. Обеспечение безопасности и экологической устойчивости городов и населенных пунктов	К 2060 г.
Социальные приоритеты		
Борьба с нищетой и неравенством во всех их формах	Сокращение доли населения, живущего ниже национальной черты бедности, по полу и возрасту в 2 раза. Обеспечение равноправного доступа к медицине, образованию и различным видам социальных услуг. Сокращение неравенства внутри стран и между ними. Сокращение социальной поляризации	К 2030 г.
Борьба с голодом и обеспечение доступа к питьевой воде	Обеспечение доступа всех групп населения к безопасной, питательной и достаточной пище и воде	К 2030 г.
Снижение интенсивности военных конфликтов	Значительно сократить распространенность всех форм насилия и уменьшить показатели смертности от этого явления во всем мире	К 2030 г.

ЦУР	Критерий выполнения	Срок достижения
Обеспечение кибербезопасности	Борьба с дезинформацией и мисселингом. Повышение стандартов хранения и обработки данных. Повышение уровня знаний и пользовательских навыков населения. Создание международной организации по искусственному интеллекту (ИИ), разработка регламентирующей деятельности документации и стандартов использования технологии ИИ	К 2030 г.
Корпоративные приоритеты		
Трансформация производств и обновление инфраструктуры	Создание стойкой инфраструктуры, содействие устойчивой индустриализации и инновациям. Модернизация промышленных предприятий для соответствия принципам устойчивого развития за счет повышения эффективности использования ресурсов и технологий	К 2060 г.

Источник: составлено авторами.

В сфере экологии поддерживается достижение баланса между выбросами углерода и поглощением углерода из атмосферы. Для достижения нулевых чистых выбросов все мировые выбросы парниковых газов должны быть уравновешены секвестрацией углерода. С 1990-х гг. темп прироста выбросов CO₂ сокращался вплоть до 2013 г., потом несколько лет подряд он практически не изменялся, а в 2020 г. из-за сокращения торговой активности в COVID-19 и появления электромобилей произошло существенное сокращение объемов выбросов парниковых газов.

Поглотитель углерода — это любая система, которая поглощает больше углерода, чем выделяет. Естественные поглотители углерода удаляют более 20 млрд т CO₂, например, 9,5 млрд т CO₂ поглощаются океаном и 11 млрд т CO₂ — наземной биосферой (International Climate Negotiations, 2018), но годовые мировые выбросы превышают эту способность более чем в 2,5 раза. В настоящий момент мы наблюдаем очередной рост выбросов CO₂: глобальные выбросы парниковых газов установили новый рекорд в 2022 г., составив 57,4 ГтCO₂э (Глобальные выбросы парниковых газов..., 2023).

Экологические риски продолжают доминировать в структуре рисков на протяжении всех исследуемых периодов времени. Экстремальные изменения погодных условий являются главным фактором риска, который с наибольшей вероятностью может привести к серьезному кризису в глобальном масштабе в долгосрочной перспективе.

Заключение

Приоритетность выполнения ЦУР определяется факторами макроэкономического, социального, эпидемиологического, геополитического развития стран и мировой экономики. Повестка устойчивого развития существенно изменилась за последние несколько лет: сместились приоритеты, определились новые критерии достижения целей, увеличились сроки их выполнения. Необходимость срочного решения текущих проблем «охладила» интерес к долгосрочной ESG-повестке, но не остановила процессы ESG-трансформации.

Практически во всех странах произошла корректировка целей с точки зрения их реалистичности и достижимости в текущих условиях, в первую очередь с учетом уже существующих решений в области энергетики и развития ВИЭ, а также с все более увеличивающимся фокусом на социальный аспект: решение задач улучшения качества жизни населения, прежде всего в развивающихся странах. С позиции устойчивой и справедливой экономики при эколого-социальной трансформации планируется поощрение инклюзивного роста в интересах бедного населения под воздействием мер по перераспределению доходов и увеличению социальных субсидий.

Определенные еще в рамках Парижского соглашения климатические решения так же не утратили своей актуальности. В рамках экологической компоненты осуществляется внедрение передовых технологий в области климатической политики и глобального ценообразования на углеродные выбросы, которые могут способствовать ускорению процесса перехода к более чистым производствам и низкоуглеродной экономике. Ускорение технологического развития в свою очередь вывело в приоритет ЦУР, связанные с развитием искусственного интеллекта и появлением новых технологий, что значительной мере предопределило необходимость обеспечения кибербезопасности.

Окончание эпохи «цивилизации максимизации», связанной с неконтролируемым ростом потребления, производства и финансовых показателей (Бобылев и др., 2022), определяет необходимость глобального перехода к новой модели экономики, что декларировалось неоднократно в рамках Всемирного экономического форума. Для перехода на низкоуглеродный путь развития до 2050 г. необходимо сформировать соответствующую инфраструктуру, разработать нормативные документы, которые будут регла-

ментировать направления трансформации на уровне государств и повысить степень социальной ответственности на уровне бизнеса и социума.

Список литературы

Бобылев, С. Н., & и др. (2022). Крах глобальной модели потребления: в поисках устойчивости. *Мировая экономика и международные отношения*, 66, 11.

ООН. (25 сентября 2015). Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», Дата обращения 05.07.2024, https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf

ООН. (1997). Финансовая инициатива Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (UNEP FI), Найробийская декларация. Дата обращения 05.07.2024, <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n97/057/95/pdf/n9705795.pdf?token=ov1YCSqMm4dzD1Raxl&fe=true>

СберПресс. (5 июля 2024). Ведяхин А., Дата обращения 06.07.2024, <https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/esg/article?newsID=d3e810ec-8324-4644-99ad-c43053888fe6&blockID=ff036e8f-6beb-4d62-b4e7-4c3e0a22b553®ionID=77&lang=ru&type=NEWS>

Al-Shibeeb, D. (2022). ESG investing has its faults, but here's what we can do to improve it. *Financial Post*. <https://financialpost.com/moneywise-pro/esg-investing-has-its-faults-but-heres-what-we-can-do-to-improve-it>.

Bastin, J. F., Clark, E., Elliott, T., Hart, S., van den Hoogen, J., & et al. (2019). Understanding climate change from a global analysis of city analogues. *PloS one*, 14(7). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0217592>

Can, J. *Political Sci.*, 46, 992–993. doi:10.1017/s0008423913001066.

Chainey, R., Lacina, L., & Whiting, K. (2024). Climate, nature and energy at Davos 2024: What to know. *World Economic Forum 2024*. <https://www.weforum.org/agenda/2024/01/everything-you-need-to-know-about-climate-and-nature-at-davos-2024/>

Chau, V., & Allibhoy, F. (2024), Speed, scale, pragmatism: How to boost climate finance in 2024. *World Economic Forum 2024*. <https://www.weforum.org/agenda/2024/02/climate-finance-resolutions-for-2024/>

Chepeliev, M., Osorio-Rodarte, I., & van Der Mensbrugge, D. (2021). Distributional impacts of carbon pricing policies under the Paris Agreement: Inter and intra-regional perspectives. *Energy Economics*, 102, 105530.

Crippa, M., Guizzardi, D., & et al. (2022). CO₂ emissions of all world countries – JRC/IEA/PBL 2022. *Report, Publications Office of the European Union, Luxembourg*. doi:10.2760/07904, JRC130363

Datta, A. (2010). The incidence of fuel taxation in India. *Energy Econ*, 32(1), S26–S33.

Digitemie, W. N., & Ekemezie, I. O. (2024). Assessing the role of carbon pricing in global climate change mitigation strategies. *Magna Scientia Advanced Research and Reviews*, 10(2), 022–031.

Doern, G. B., & Bruce Doern, G. (2013). *Designing public policies: principles and instruments*. Michael Howlett, London and New York: Routledge, 236.

Dorband, I., Jakob, M., Kalkuhl, M., & Steckel, J., (2019). Poverty and distributional effects of carbon pricing in low- and middle-income countries — a global comparative analysis. *World Dev.*, 115, 246–257.

Eitelwein, O., Fricker, R., Green, A., Racloz, V., & et al. (2024). Quantifying the Impact of Climate Change on Human Health. *Insight report, WEF, Davos*. https://www3.weforum.org/docs/WEF_Quantifying_the_Impact_of_Climate_Change_on_Human_Health_2024.pdf

Figge, F., Young, W., & Barkemeyer, R. (2014). Sufficiency or efficiency to achieve lower resource consumption and emissions? The role of the rebound effect. *Journal of Cleaner Production*, 69, 216–224.

García-León, D., & et al. (2021). Current and projected regional economic impacts of heatwaves in Europe. *Nature Communications*. DOI: 10.1038/s41467-021-26050-z

Gastineau, P., Mossay, P., & Taugourdeau, E. (2021). Ecological compensation: how much and where? *Ecol. Econ.*, 190, 107191.

Grainger, C., & Kolstad, C. (2010). Who pays a price on carbon? *Environ. Resour. Econ.*, 46, 359–376.

International Climate Negotiations. (2018). Issues at stake in view of the COP 24 UN Climate Change Conference in Katowice, [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/626092/IPOL_STU\(2018\)626092_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/626092/IPOL_STU(2018)626092_EN.pdf)

ISO. (2021). Стандарт ISO 32200 по устойчивому финансированию. Дата обращения 05.07.2024, URL: <https://www.iso.org/ru/standards.html>

Kakwani, N., & Siddiqui, Z. (2023). Shared prosperity characterized by four development goals: pro-poor growth, pro-poor development, inclusive growth, and inclusive development. *Philippine Review of Economics (Online ISSN 2984–8156)*, 60(2), 1–24.

Kennedy, A. (2023). World Risk Poll: How Do People Feel About Climate Change? <https://www.visualcapitalist.com/sp/views-on-climate-change/>

Lu, S., Zhong, W., Li, W., & et al. (2021). Regional non-point source pollution control method: a design of ecological compensation standards. *Front. Environ. Sci.*, 9, 724483.

Metcalf, G. E. (2021). Carbon taxes in theory and practice. *Annual Review of Resource Economics*, 13, 245–265.

Munday, P., Amiot, M., Sifon-Arevalo, R., Mukherji, J., & Ly, L. (2023). Lost GDP: Potential Impacts Of Physical Climate Risks, Standard & Poor's. *S&P And Ratingsdirect*. <https://ccfranco-arabe.fr/wp-content/uploads/2023/12/SP-Lost-GDP-Potential-impacts-of-physical-climate-risks.pdf>.

OICA, Carbon Neutrality by 2050 (November 2022). <https://www.oica.net/wp-content/uploads/OICA-Position-Paper-on-Carbon-Neutrality-by-2050-NOV2022.pdf>

Sager, L. (2023). The global consumer incidence of carbon pricing: evidence from trade. *Energy Economics*, 127, 107101.

Salve, S., Raven, J., Das, P., Srinivasan, S., Khaled, A., Hayee, M., ... & Gooding, K. (2023). Community health workers and Covid-19: Cross-country evidence on their roles, experiences, challenges and adaptive strategies. *PLoS Global Public Health*, 3(1), e0001447.

Steckel, J. C., Dorband, I. I., Montrone, L., Ward, H., Missbach, L., Hafner, F., Jakob, M., & Renner, S. (2021). Distributional impacts of carbon pricing in developing Asia. *Nature Sustainability*, 4(11), 1005–1014.

Steinebach, Y., Fernández-i-Marín, X., & Aschenbrenner, C. (2021). Who puts a price on carbon, why and how? *A global empirical analysis of carbon pricing policies. Climate Policy*, 21(3), 277–289.

Stern, T. (2012). Distributional effects of taxing transport fuel. *Energy Policy* 41, 75–83.

Tedesco, A. M., Brancalion, P. H., Hepburn, M. L. H., Walji, K., Wilson, K. A., Possingham, H. P., & Rhodes, J. R. (2023). The role of incentive mechanisms in promoting forest restoration. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 378(1867), 20210088.

The World Bank. (2023). Forest area (% of land area) – World (2023). <https://data.worldbank.org/indicator/AG.LND.FRST.ZS?locations=1W>

World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

UN. (2023). Global Sustainable Development Report, Times of Crisis, Times of Change. Science for Accelerating Transformations to Sustainable Development. <https://doi.org/10.18356/e31065c7-en>

WEF. (2024). Global Risks Report 2024, World Economic Forum, Davos. <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/>

Valencia, M., Bocken, N., Loaiza, C., & De Jaeger, S. (2023). The social contribution of the circular economy. *Journal of Cleaner Production*, 408, 137082.

Venmans, F., Ellis, J., & Nachtigall, D. (2020). Carbon pricing and competitiveness: are they at odds? *Climate Policy*, 20(9), 1070–1091.

References

Bobylev, S. N., & et al. (2022). The Collapse of the Global Consumption Pattern: In Search of Sustainability. *World Economy and International Relations*, 66, 11.

ВОПРОСЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В. В. Подгорный¹

Донецкая академия управления и государственной службы
(Донецк, Россия)

УДК: 332.142.2

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-11

ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ В ЗЕРКАЛЕ СИСТЕМНОЙ ТЕОРИИ УСТОЙЧИВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Статья посвящена обоснованию методологического подхода к решению проблемы региональной асимметрии в контексте теории устойчивого регионального развития. Объектом исследования является процесс региональной асимметрии. Предмет исследования — взаимодействие и взаимосвязи взаимозаинтересованных отношений между научным сообществом и практикующими специалистами по поводу решения проблемы региональной асимметрии и их отображение в технологии устойчивого регионального развития как производной соответствующей теории. Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что критические различия в значениях экономических и социальных показателей деятельности регионов могут быть устранены посредством объединения усилий теоретиков и практиков в рамках совместной работы над совершенствованием и внедрением технологии устойчивого регионального развития, формирование которой является заключительным этапом разработки положений теории устойчивого регионального развития. Главная идея исследования состоит в обосновании такой системной технологии устойчивого регионального развития, результаты применения которой способствуют увеличению потенциала регионов и их прогрессу. Цель исследования — формирование технологии устойчивого регионального развития как составной части соответствующей теории, применение которой способствует созданию необходимых предпосылок для устранения причин региональной асимметрии. В работе на основе применения метода системной идентификации исследуемых объектов обоснована методология формирования структурной организации технологии устойчивого регионального развития, включающая аргументацию ее структурных элементов — официальная идеология страны, государственное региональное управление, государственное управление развитием регионов, государственное управление функционированием регионов, государственное управление изменениями в регионах, синергия которых создает требуемые условия для увеличения потенциала регионов и их прогресса. Такой подход к устойчивому региональному развитию позволит улучшить уровень координации федерального центра и регионов, расширит их возможности положительно влиять на динамику развития регионов

¹ Подгорный Владимир Васильевич — д.э.н., профессор, кафедра экономики предприятия финансово-экономического факультета, Донецкая академия управления и государственной службы; e-mail: vlad60127@mail.ru, ORCID: 0009-0006-8785-7032.

и будет способствовать выравниванию показателей экономического и социального развития на основе государственного управления развитием регионов, их функционированием и изменениями.

Ключевые слова: устойчивое региональное развитие, официальная идеология страны, государственное региональное управление, государственное управление развитием, государственное управление функционированием, государственное управление изменениями, потенциал регионов, прогресс регионов.

Цитировать статью: Подгорный, В. В. (2025). Проблема региональной асимметрии в зеркале системной теории устойчивого регионального развития. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 231–256. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-11>.

A. A. Podgorny

Donetsk Academy of Management and Public Administration
(Donetsk, Russia)

JEL: R11, R58, Q01

THE PROBLEM OF REGIONAL ASYMMETRY IN THE MIRROR OF THE SYSTEM THEORY OF SUSTAINABLE REGIONAL DEVELOPMENT

The article is devoted to the substantiation of the methodological approach to solving the problem of regional asymmetry in the context of the theory of sustainable regional development. The object of this research is the process of regional asymmetry. The subject of this research is the interaction and interrelations of mutually interested relations between the scientific community and practitioners regarding the solution of the problem of regional asymmetry and their reflection in the technology of sustainable regional development as a derived from the corresponding theory. The hypothesis of the study is the assumption that critical differences in the values of economic and social indicators of regional activity can be eliminated by combining the efforts of theorists and practitioners in the framework of joint work on the improvement and implementation of the technology of sustainable regional development, the formation of which is the final stage of the development and provisions of the theory of sustainable regional development. The main idea of the study is to substantiate such a system technology of sustainable regional development, the results of which contribute to increasing the potential of the regions and their progress. The purpose of the study is to form the technology of sustainable regional development as an integral part of the relevant theory, the application of which contributes to the creation of the necessary prerequisites for eliminating the causes of regional asymmetry. In the work, based on the application of the method of system identification of the objects under study, the methodology for the formation of the structural organization of the technology of sustainable regional development is substantiated, including the argumentation of its structural elements – the official ideology of the country, state regional management, state management of regional development, state management of the functioning of regions, state management of changes in the regions, the synergy of which creates the required conditions for increasing the potential of the regions and their progress. Such an approach to sustainable regional development will improve the level of coordination between the federal center and the regions, expand their

opportunities to positively influence the dynamics of regional development and will contribute to the equalization of indicators of economic and social development on the basis of state management of regional development, their functioning and changes.

Keywords: sustainable regional development, official ideology of the country, state regional management, state management of development, state management of functioning, state management of changes, potential of regions, progress of regions.

To cite this document: Podgornyy, V. V. (2025). The problem of regional asymmetry in the mirror of the system theory of sustainable regional development. *Lomonosov Economics Journal*, 60(1), 231–256. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-11>.

Введение

Преодоление последствий деструктивизма, обусловленного региональной асимметрией, во многом зависит от результатов как теоретических изысканий в этом направлении, так и практического применения положений теории устойчивого регионального развития (УРР). Однако существующий разрыв между теорией и практикой регионального развития не способствует решению проблемы регионального неравенства. Отсутствие должного сотрудничества и взаимодействия между учеными и практикующими специалистами обусловлено целым рядом причин. Прежде всего, это различия в целях и приоритетах, доступности научной информации, институциональные ограничения и культурные различия. Решение этих и других проблем в рамках работы по совершенствованию структуры и содержания теории УРР позволит снять преграды и улучшить взаимодействие между учеными и практиками, что, в свою очередь, будет способствовать успешному решению проблемы регионального неравенства в Российской Федерации.

Решение проблемы регионального неравенства сопряжено, прежде всего, с теорией УРР, включающей в себя:

- выдвижение гипотезы УРР;
- формирование методологии УРР;
- изучение законов и закономерностей УРР;
- разработку методики УРР;
- обоснование концепции УРР;
- формирование технологии УРР.

Вначале формируется теоретический каркас решения проблемы, который проверяется на практике, при необходимости корректируется и тем самым доводится до уровня требуемых условий. Поэтому минимизация регионального неравенства напрямую связана со структурой и содержанием теории УРР, ее результирующим этапом – технологией УРР, так как именно последняя отражает не только взаимосвязь науки и практики, но и принципы, функции и методы, с учетом которых принимаются решения, успешная реализация которых способствует УРР.

Вместе с тем, следует отметить, что современная теория регионального развития не дает однозначного ответа на вопрос о том, каким образом можно и нужно решать проблему региональной асимметрии. Это обусловлено недостаточной систематизацией структуры и содержания самой теории, отсутствием надежных и актуальных данных, недостаточным упорядочением и обобщением соответствующих знаний.

Все это актуализирует необходимость пересмотра положений теории УРР и разработки на этой основе алгоритма решения проблемы региональной асимметрии, встроенного в технологию УРР.

Постановка проблемы

В настоящий период для Российской Федерации характерным является рост региональной асимметрии по основным экономическим и социальным показателям. За последние годы наметилась устойчивая тенденция роста различий экономического и социального характера между регионами-донорами и регионами-реципиентами. Попытка решения данной проблемы посредством создания федеральных округов на основе административно-территориального деления Российской Федерации, что по замыслу должно было объединить возможности развития лидирующих и отстающих регионов и тем самым уменьшить плечо вариаций экономических и социальных показателей, не привела к желаемому результату. Государству не удалось обеспечить желаемый уровень региональной динамики, повысить эффективность региональной политики и степень межрегиональной мобильности и, как следствие, снизить уровень региональной асимметрии.

Положение осложняется введением внешнеэкономических санкций со стороны США и стран ЕС в отношении российской экономики, что обусловило снижение возможностей регионального развития и усилило тенденцию экономического и социального расслоения в региональной среде. Целесообразным выходом из сложившейся неблагоприятной ситуации представляется активизация работы по формированию теоретической базы, совершенствованию положений теории регионального развития и выработке на этой основе технологического решения, направленного на преодоление различий в развитии на региональном уровне.

Актуальность исследуемой проблемы

Решению проблемы асимметрии регионального развития посвящено большое количество научных публикаций, среди которых целесообразно выделить ряд работ: (Валеев и др., 2023; Денисенко, Гаврилова, 2022; Афанасьева и др., 2019; Ли, 2023; Мухаметова, 2023; Федосеева, 2023; Юсупова, 2022; Давыдов, 2022; Усманов, 2022; Хубаев и др., 2022) и др.

Авторы в своих исследованиях подходят к решению данной проблемы с традиционных позиций, а именно:

- посредством применения регионального планирования и стратегического подхода;
- сквозь призму решения проблем, связанных с инвестированием в инфраструктуру регионов;
- посредством развития предпринимательства;
- на основе повышения доступности услуг;
- путем государственного инвестирования и субсидирования и т.д.

Вместе с тем практика показывает, что попытки решения проблемы асимметрии регионального развития посредством реализации мер локального характера не может обеспечить минимизацию регионального неравенства. Здесь целесообразным является комплексный подход, направленный на стимулирование УРР. Смысл такого подхода сводится к смещению акцента в государственном региональном управлении от точечных, разовых мер, обеспечивающих временной и крайне неустойчивое ослабление процессов региональной асимметрии, к мерам, обеспечивающим УРР на основе увеличения и максимально полного использования потенциала регионов для обеспечения их прогресса, что возможно лишь при условии разработки и реализации технологии УРР системного характера.

Такой подход ориентирует регионы жить в соответствии с положением, согласно которому конкурентоспособным и социально благополучным является не тот регион, который располагает большим количеством ресурсов, а тот, который умело распоряжается теми ресурсами, имеющимися в настоящий момент в наличии. А это требует согласованной работы исследователей и практиков по обоснованию и реализации технологии УРР, направленной на увеличения потенциала регионов и их прогресса во всех сферах жизнедеятельности. Это даст возможность активизировать собственный потенциал регионов и повысить их заинтересованность в собственном развитии, а также обеспечить желаемые изменения в жизни регионального сообщества. Такой подход к решению проблемы асимметрии регионального развития будет способствовать минимизации региональных различий уровня показателей экономического и социального развития территорий.

Все это обусловило необходимость проведения специального исследования, результаты которого позволяли бы систематизировать положения теории регионального развития, что, в свою очередь, дало возможность на этой основе обосновать особенности формирования технологии УРР, одним из результатов реализации которой является региональное выравнивание на основе увеличения потенциала регионов и их прогресса.

Цель исследования – формирование технологии УРР как составной части соответствующей теории, применение которой способствует увеличению потенциала регионов и их прогрессу для устранения причин региональной асимметрии.

Для достижения поставленной цели были поставлены и решены следующие задачи:

- исследовать состояние региональной асимметрии и выявить основные тенденции развития российских регионов;
- охарактеризовать значение и роль теории УРР в решении проблемы регионального неравенства;
- обосновать алгоритм формирования технологии УРР в рамках соответствующей теории;
- выбрать научный метод, который может быть использован как основной инструмент системного моделирования структурной организации технологии УРР;
- сформировать структурную организацию технологии УРР.

Состояние региональной асимметрии и основные тенденции развития российских регионов.

Рост регионального неравенства – основная проблема развития территорий

Переход отечественной экономики на рыночные рельсы по-разному сказался на российских регионах. Одни смогли освоиться в новой ситуации и достигли экономического роста, другие оказались в глубоком кризисе и до сих пор не вышли из него. Как следствие, различия экономического и социального характера между регионами за последние десятилетия являются весьма значительными. К примеру, по состоянию на 2022 г. уровень ВРП на душу населения в Ингушетии (159,6 тыс. руб.) в десятки раз ниже, нежели в Ненецком автономном округе (11 786,4 тыс. руб.). Лидирующие позиции по этому показателю занимают преимущественно северные, специализирующиеся на нефтедобыче, регионы (Ямало-Ненецкий автономный округ – 10 453,5 тыс. руб., Сахалин – 3303,4 тыс. руб., Магаданская область – 2338,2 тыс. руб., Чукотский автономный округ – 2946,2 тыс. руб., Ханты-Мансийский автономный округ – 4003,5 тыс. руб., Тюменская область – 3637,1 тыс. руб.), а также Москва – 2182,8 тыс. руб., где сконцентрированы штаб-квартиры большинства сырьевых компаний. В числе отстающих находятся преимущественно аграрные регионы юга России – Ингушская (159 600 тыс. руб.), Чеченская (206 800 тыс. руб.), Кабардино-Балкарская (286 400 руб.), Карачаево-Черкесская республики (268 500 тыс. руб.) и др. В среднем по России этот показатель составляет 960,6 тыс. руб.

Аналогичная картина, отражающая высокий уровень региональной асимметрии, складывается в разрезе вклада регионов в ВВП России. Так, по данным за 2022 г. наибольший вклад в ВВП России вносит Москва (28 507, 4 тыс. руб. – 20,7%), Московская область (7720,8 тыс. руб. –

5,49%), Санкт-Петербург (11 166,4 тыс. руб. – 7,94%) и Ханты-Мансийский автономный округ (6894,3 тыс. руб. – 4,9%). Минимальные показатели зафиксированы по Северной Осетии – Алании (216 тыс. руб. – 0,15%), Ингушетии (82,2 тыс. руб. – 0,06%), Карачаево-Черкессии (125,9 тыс. руб. – 0,09%), Адыгее (197,1 тыс. руб. – 0,14%), Кабардино-Балкарии (258,9 тыс. руб. – 0,18%), Республике Алтай (91,6 тыс. руб. – 0,07%). Данный показатель в большинстве регионов Российской Федерации значительно ниже среднего по России. Для отстающих регионов характерным является низкий уровень экономической активности и реальных доходов населения, что является основной причиной перетока населения (особенно из сельской местности) в индустриально развитые регионы. Наличие данной тенденции снижает и без того низкий уровень потенциала развития депрессивных территорий.

Отсутствие в отстающих регионах перспективы трудоустройства по специальности после окончания вуза с достойным уровнем заработной платы способствует выезду, как молодых специалистов, так и абитуриентов в столицу для поиска желаемого места работы и вуза. Это одна из основных причин сжатия и неравномерного расселения на всей территории Российской Федерации и, как следствие, чрезмерной концентрации финансовых ресурсов и инноваций в Москве и столичном регионе (Нефедова и др., 2022). И данная тенденция с течением времени только набирает обороты.

Экономические проблемы развития регионов обуславливают наличие социальных проблем, связанных с доходами и занятостью населения, а также жилищные условия, уровень образования, состояние здоровья людей и др. Несмотря на рост данных проблем, регионы делают ставку не на интенсивных способах решения проблем, основанных на увеличении и эффективном использовании собственного потенциала, а на использовании финансовых возможностей выравнивания бюджетной обеспеченности за счет средств государственного бюджета в виде дотаций. В результате этого за последние пять лет объем дотаций вырос почти в 1,5 раза, что, впрочем, никак не отразилось на количественном составе регионов-реципиентов. Трансферты растут из года в год, но к желаемым результатам это не приводит (Белобородов, 2020).

На протяжении последних десятилетий наблюдается рост регионального неравенства, который создает ряд проблем для государства: сдерживание экономического развития, необходимость перераспределять часть ресурсов на региональное выравнивание, социальная напряженность, опасность дезинтеграции российской экономики. Преодоление сложившейся тенденции требует, прежде всего, выявления основных проблем, препятствующих УРР.

Изучение специальной литературы по проблемам региональной асимметрии позволило выделить ряд основных проблем, которые являются

системными и требуют решения на государственном уровне, среди которых основными являются:

- отсутствие системного подхода при решении теоретических и практических задач, направленных на преодоление региональной асимметрии;
- разрыв между теорией и практикой регионального развития;
- несовершенство применяемых мер и подходов к обеспечению УРР, в основе которых положен принцип перераспределения федеральным центром финансовых ресурсов в направлении от «богатых» регионов к «бедным», что отрицательно сказывается на их состоянии, поскольку такие меры лишают стимулов к саморазвитию как первых, так и вторых.

Теория устойчивого регионального развития как инструмент решения проблемы регионального неравенства

Решение данных проблем требует комплексного и системного подхода на уровне государства, что обуславливает необходимость теоретического обоснования решений и действий государственных структур по организации УРР. При этом теория УРР имеет особую значимость для соответствующей практики по целому ряду причин.

Во-первых, она представляет собой информационную основу для анализа и понимания особенностей развития регионов. Теория помогает обеспечить сбор необходимых данных для выдвижения гипотезы УРР, которая необходима для понимания и предварительной оценки развития регионов, поскольку основывается на предположении о том, что определенные факторы и условия, существующие в регионах, могут влиять на его развитие и процессы, происходящие в них.

Во-вторых, теория УРР способствует изучению тех методов, средств и приемов, с помощью которых приобретаются и обосновываются новые знания в области регионального развития, а также изучается структура этих знаний, определяется место и роль в нем различных форм познания, методов анализа и построения различных систем соответствующего научного знания.

В-третьих, теоретическое обоснование УРР позволяет раскрыть содержание его законов и закономерностей, регламентирующих процесс развития и обеспечивающих создание условий для максимальной самореализации региона.

В-четвертых, теория УРР дает представление о структурной организации модели УРР, характеризует основные процессы и направления развития.

В-пятых, исследования, проводимые в рамках работы теории УРР, позволяют сформировать руководящие документы, которые регламен-

тируют цели развития и процесс их достижения в виде соответствующего комплексного плана и комплексной программы.

В-шестых, одним из основных результирующих этапов упорядочения структуры и содержания теории УРР является соответствующая концепция, в которой раскрываются особенности управления процессом развития на уровне регионов, дается характеристика системы управления и организационной структуры.

И, наконец, в-седьмых, теория УРР обеспечивает достижение главного результата теоретических изысканий в этом направлении – разработку технологии УРР, применение которой позволяет преобразовывать и качественно улучшать территориальное пространство с опорой на собственные возможности регионов при необходимой поддержке со стороны государства, способствуя тем самым выравниванию показателей экономического и социального развития регионов на долгосрочную перспективу.

В целом, теория УРР формирует научный и теоретический фундамент для практической работы государственных структур по развитию регионов. Она помогает определить проблемы и вызовы, противостоящие региональному развитию, а также выявляет возможности их преодоления, предлагает соответствующие инструменты и подходы для их решения. Без теории УРР практика в этой области не является обоснованной в достаточной степени, что ставит под сомнение достижение желаемых результатов развития. Кроме того (что имеет особую значимость), в ходе формирования теоретической базы регионального развития совершенствуется, систематизируется сама теория.

Алгоритм формирования технологии устойчивого регионального развития в рамках соответствующей теории

Для научного объяснения и характеристики комплексного научного подхода к формированию технологии управления ресурсами была использована соответствующая теория (Подгорный, 2022). Эта теория отражает внутренне согласованную систему представлений и раскрывает причинно-следственные связи и взаимосвязи, определяющие особенности структурной организации объекта исследования, на основе которых достигается объяснение его сущности и принципа действия. Содержание теории УРР включает в себя выдвижение гипотезы УРР, обоснование методологии УРР, основного закона УРР, модели УРР, методики УРР, концепции УРР и разработку технологии УРР. Представленная в таком виде теория УРР позволяет сформировать логическую схему поэтапного формирования технологии УРР и содержание этих этапов (табл. 1).

Логическая схема комплексного подхода к формированию технологии УРР

№ п/п	Составляющие элементы теории УРР	Содержание этапов формирования технологии УРР							Объективация УРР
		Субъективация УРР	Выделение движущей силы УРР	Выделение принципиальной основы УРР	Выделение организационно-функциональной основы УРР	Выделение методической основы УРР	Выделение регулятора УРР	Объективация УРР	
1	Гипотеза УРР	Исходные данные об УРР	Логическая обработка данных об УРР	Анализ данных	Синтез данных	Систематизация данных	Обобщение опыта УРР	Идея УРР	
2	Метология УРР	Выделение субъекта УРР	Выделение объекта УРР	Определение предмета отношений ФЦ и регионов	Формулирование цели УРР	Постановка задач УРР	Формирование обратной связи	Выбор метода моделирования УРР	
3	Основной закон УРР	Глобальные процессы	Внутренние изменения на уровне регионов	Увеличение регионального потенциала	Сохранение регионального потенциала	Использование регионального потенциала	Самоорганизация регионов	Эффективность региона	
4	Модель УРР	Динамика УРР	Управление динамикой УРР	Модернизация региона	Эволюция региона	Прогресс региона	Система УРР	Направления УРР	
5	Методика УРР	Информация о региональном развитии	Факторы и резервы регионального развития	Цели регионального развития	Задачи регионального развития	Показатели регионального развития	Комплексный план УРР	Комплексная программа УРР	
6	Концепция УРР	Государственное управление	Управление УРР	Содержательная деятельность государства	Управленческая деятельность государства	Уровни УРР	Система управления УРР	Организационная структура	
7	Технология УРР	Официальная идеология РФ	Государственное региональное управление	Государственное развитие регионов	Управленческие функции регионов	Управление изменениями в регионах	Увеличение потенциала регионов	Прогресс регионов	

Гипотеза является неопределенным знанием, предположением о структурной организации и свойствах УРР как процесса изменений, который требует доказательств в научном обосновании. Предложенная гипотеза требует научно-теоретического обоснования – методологии, которая является комплексным способом понимания сущности УРР, находящимся в постоянном движении процессов различных изменений, происходящих в его пределах. Методологическими основами научного знания об особенностях структурной организации УРР являются основной закон, модель и методика УРР. Основным законом УРР заключается в том, что развитие каждого региона, включенного в процессы на межрегиональном, межотраслевом и межмуниципальном уровнях, стремится достичь максимального суммарного потенциала путем внутренних изменений, проходящих через все этапы цикла развития. При этом важно соблюдать основной закон УРР для повышения эффективности использования потенциала регионов и обеспечения их процветания.

Причинно-следственные связи между процессами и явлениями развития, отраженные в основном законе УРР и характеризующие текущую действительность, находят свое выражение в соответствующей модели. Модель УРР является структурированным описанием комплексного процесса развития (матрицей или шаблоном), представляющим собой совокупность различных процессов развития и их логических связей, определяющих содержание отношений и их соответствие силам развития в регионах.

Реализация модели УРР требует, прежде всего, уточнения целей и определения шагов, необходимых для их достижения. Эти аспекты отражаются в соответствующей методике УРР. Методика включает в себя информацию о данных, связанных с развитием в регионе, анализ соответствующих факторов и критериев, а также цели, задачи и показатели развития. Все эти функции описаны в комплексном государственном плане и комплексной государственной программе, которые регламентируют процесс реализации модели УРР. Как и любой другой процесс, УРР не является автоматическим процессом, а требует осознанного воздействия со стороны государственных органов. Для обеспечения эффективности государственного управления в каждом регионе и устойчивого развития на долгосрочную перспективу необходимо разработать концепцию УРР, включающую в себя обоснование инструментов управления и формирование управленческой структуры. Это позволит достичь эффективности и состояния устойчивого равновесия каждого региона.

Концепция УРР – это уникальный подход к обоснованию и разработке инновационных инструментов организации развития регионов, направленных на повышение их конкурентоспособности и установление достойной позиции как внутри России, так и на международной арене.

Разработка модели, методики и концепции УРР позволяет на теоретическом уровне обосновать необходимость и возможность развития территорий в условиях сложившейся политической, экономической и социальной реальности, а также существующих ресурсных ограничений. После научно-теоретического обоснования концептуальный проект УРР переходит на стадию практической реализации, что требует разработки соответствующей технологии. В данном случае под технологией понимается особый порядок процессов, обеспечивающих УРР. Концептуализация, обоснование и формирование структурной организации УРР осуществляются в ходе системного моделирования с использованием метода системной идентификации исследуемых объектов.

Метод системной идентификации исследуемых объектов – основной инструмент системного моделирования структурной организации технологии устойчивого регионального развития

Метод системной идентификации объектов позволяет полно отобразить характеристики исследуемых явлений и процессов, обеспечивая успешное исследование. Основанный на закономерности, метод системного моделирования представляет информационный процесс как систему взаимосвязанных элементов, взаимодействующих с окружающей средой с целью получения, обработки, передачи и использования информации для достижения результата. К результатам в данном случае целесообразно отнести:

- удовлетворение потребности в том объеме информации, который необходим для управления развитием, функционированием и изменением на уровне регионов;
- обеспечение межрегионального, межотраслевого и межмуниципального взаимодействия регионов для их устойчивого, сбалансированного и равномерного развития.

Логика системной идентификации в данном исследовании сводится к декомпозиции структурной организации технологии УРР с последующей ее композицией по принципу подобия структурной организации кибернетической системы, способной воспринимать, запоминать и перерабатывать информацию (Подгорный, 2023).

Применение метода системной идентификации исследуемых объектов в качестве средства распознавания позволяет разработать этапы системного моделирования технологии УРР. Этот подход позволяет точно воссоздать все элементы данной технологии и выявить логику связей между ними. Результатом пошаговой идентификации и установления каналов прямой и обратной связи является создание структурной организации технологии УРР.

Формирование структурной организации технологии устойчивого регионального развития

Технология УРР как относительно самостоятельная разновидность технологий территориальной трансформации обеспечивает системную реализацию планомерных изменений социальной, институциональной, финансовой сфер жизнедеятельности, а также сферы общественной безопасности и экономической сферы регионов (рис. 1).

УРР представляет собой процесс целенаправленных изменений, проводимых совместными усилиями федерального центра и регионов для увеличения их потенциалов и достижения на этой основе прогресса – видимых положительных изменений во всех сферах жизнедеятельности регионального сообщества. Последнее характеризуется устойчивым ростом благополучия и благосостояния регионов.

УРР – это, прежде всего, процесс реализации соответствующей общегосударственной идеи, которая должна лежать в основе официальной идеологии РФ – системообразующего элемента технологии УРР. Общегосударственная идея УРР обуславливает наличие в структурной организации официальной идеологии комплекса целей и соответствующих задач, охватывающих все сферы жизнедеятельности регионов.

Реализация задач УРР и достижение желаемых результатов невозможно без следования идеалам, нормам и ценностям, выступающих в качестве ключевых элементов механизма официальной идеологии, действие которого направлено на формирование убеждений людей в необходимости реализации выбранного курса развития регионов и формирования соответствующего поведения регионального сообщества. Идеологическое воздействие государства на региональное сообщество способствует общественной консолидации, формированию мировоззренческих установок и менталитета, ориентированных на устойчивое развитие. Тем самым обеспечивается формирование благоприятной среды для государственного управления на региональном уровне.

Государственное региональное управление направлено на нейтрализацию дестабилизирующего влияния внешних и внутренних факторов. Под государственным региональным управлением понимается система мер и действий государства на межрегиональном, межотраслевом и межмуниципальном уровнях, реализация которых обеспечивает формирование региональных институтов и региональной политики, направленной на обеспечение УРР, роста качества и уровня жизни населения. При этом в качестве основных инструментов государственного регионального управления используется государственное управление развитием регионов, государственное управление функционированием регионов и государственное управление изменениями в регионах.

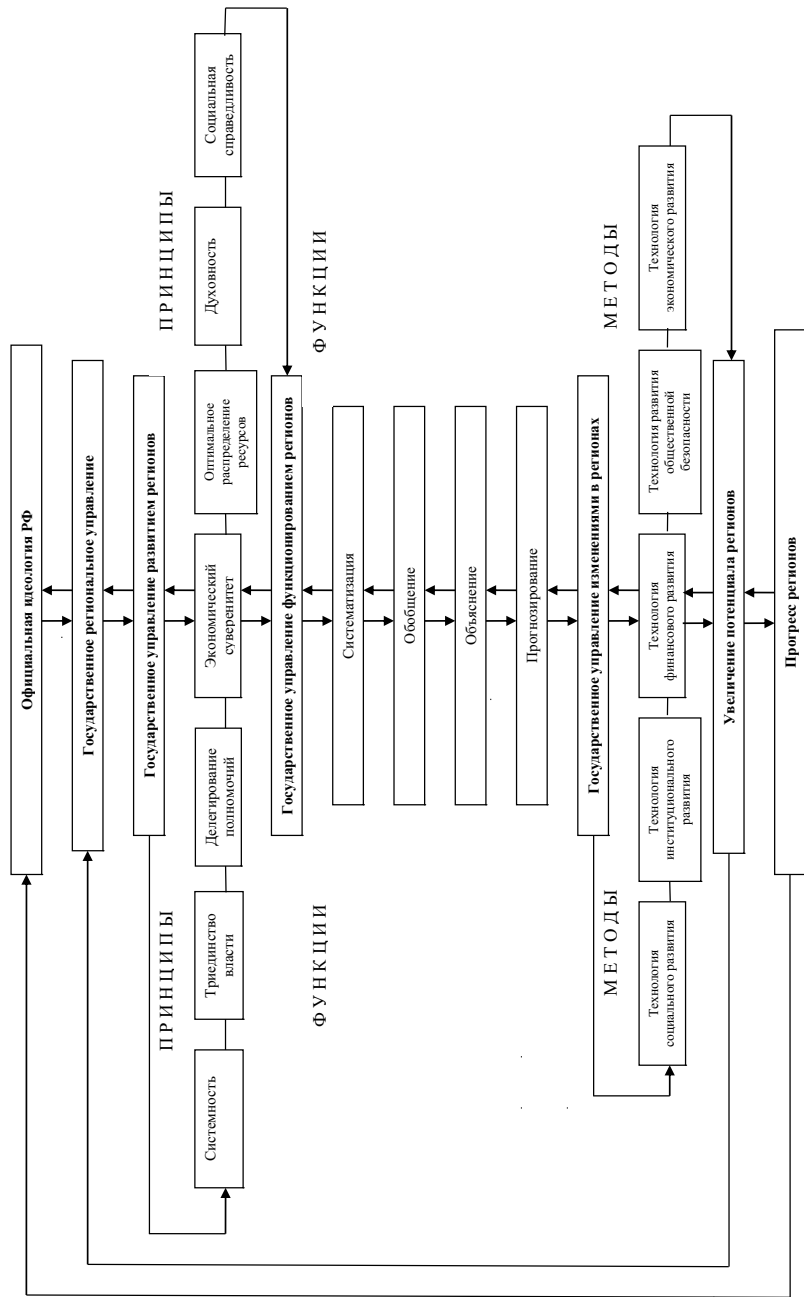

Рис. 1. Логическая схема структурной организации технологии УРР

*Государственное управление развитием регионов
как принципиальная основа
механизма устойчивого регионального развития*

Государственное управление развитием регионов направлено на разработку стратегических планов и программ, определение стратегических направлений, реализация которых обеспечит достижение долгосрочных целей в соответствии с взаимосогласованными интересами федерального центра и регионов (рис. 2).

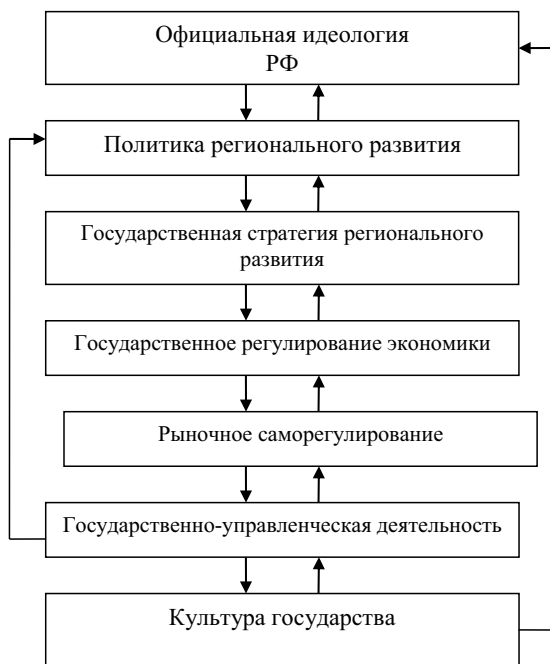

Рис. 2. Структурная организация государственного управления развитием регионов

Государственное Правление развитием регионов представляет собой программирующий блок в структурной организации технологии УРР, который формирует стратегические установки, правила, определяющие способ совместных действий федерального центра и регионов и служат руководством при принятии решений (Хачев и др., 2022). Сущность государственного управления развитием регионов раскрывается в совокупности взаимосвязанных принципов:

- системность — предполагает подход к УРР как целостному комплексному процессу, который представляет собой совокупность

взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, функционирование которых подчиняется общим законам и закономерностям эволюции сложных систем;

- триединство власти – отражает внутренние отношения и общность трех равных по своей значимости и взаимосвязанных ветвей власти, находящих свое выражение в согласованном действии всех ветвей власти на региональном уровне;
- делегирование полномочий – обоснованная и целесообразная передача части функций по организации УРР от федерального центра к регионам;
- экономический суверенитет – уровень обоснованной и целесообразной автономности воспроизводства регионов, регламентируемый рамками делегированных из федерального центра полномочий и определяющий границы свободы принятия управленческих решений и присвоения результатов регионального развития;
- оптимальное распределение ресурсов – способ планирования регионального развития, предполагающий использование труда, материалов, бюджетных средств с максимально возможной выгодой для региона;
- духовность – инструмент мобилизации регионов, применение которого способствует активизации их стремления к развитию;
- социальная справедливость – требование поддержания устойчивого баланса между вкладом регионов в развитие страны и отдачей от федерального центра, измеряемой критериями распределения благосостояния, наличием равных возможностей (прежде всего, финансовых и социальных привилегий).

Мониторинг и контроль результатов осуществляется в рамках государственно-управленческой деятельности, которая, в свою очередь, определяет формирование и развитие культуры государства, поскольку выступает в роли регулятора общественных отношений и способствует росту общественного сознания, применению новых знаний и формированию творческого мышления, что является одной из основных характеристик общества созидания.

Государственное управление функционированием регионов – организационно-функциональная основа механизма устойчивого регионального развития

Реализация стратегических целей совместной деятельности федерального центра и регионов невозможна без управления текущими процессами – государственного управления функционированием регионов, отражающего тактический аспект государственного регионального управления (рис. 3).

Рис. 3. Структурная организация государственного управления функционированием регионов

Государственное управление функционированием регионов направлено на оптимизацию использования ресурсов и достижение тактических целей, что обеспечивается посредством планирования, контроля, мониторинга текущих процессов и принятия оперативных решений (Мясникина, 2022). Государственное управление функционированием регионов выступает в качестве организационно-функционального центра УРР, выполняющего ряд функций:

1. Систематизация результатов регионального развития. Представляет собой процесс организации, анализа и классификации данных о развитии регионов.
2. Обобщение результатов регионального развития. Это процесс анализа и суммирования полученной информации о состоянии сфер жизнедеятельности регионов, позволяющий выявлять положительные и отрицательные тенденции развития, сильные и слабые стороны регионов.
3. Объяснение результатов регионального развития. Позволяет выявлять возможные причины, которые способствуют или тормозят развитие регионов для разработки рекомендаций по улучшению ситуации.

4. Прогнозирование результатов регионального развития. Представляет собой процесс оценки и предсказания изменений и тенденций в развитии регионов.

Реализация данных функций обеспечивает создание упорядоченной и структурированной информационной базы, позволяющей легко отслеживать и изучать прогрессивные изменения и степень достижения целей регионального развития во времени. Это дает исчерпывающее понимание состояния динамики регионального развития и способствует принятию обоснованных и целесообразных решений для поддержания УРР.

*Государственное управление изменениями в регионах —
методическая основа механизма
устойчивого регионального развития*

Государственное управление развитием регионов и государственное управление функционированием регионов обуславливают необходимость пересмотра устоявшихся алгоритмов взаимодействия федерального центра и регионов по организации УРР и перехода к государственному управлению изменениями, направленному на адаптацию регионов к изменяющимся требованиям внешней и внутренней среды (рис. 4).

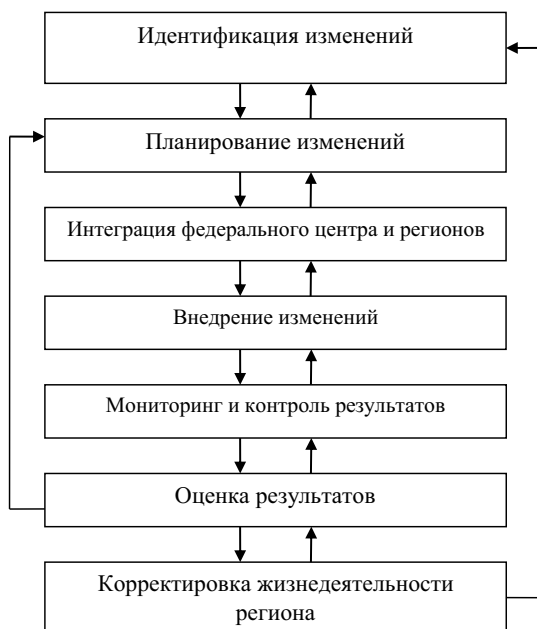

Рис. 4. Структурная организация государственного управления изменениями в регионах

Ключевыми факторами эффективности государственного управления изменениями в регионах являются, прежде всего, совершенствование коммуникации между федеральным центром и регионами, их заинтересованное, активное участие в нововведениях (Милотин, Николаева, 2018). Учет этих факторов способствует повышению гибкости и адаптивности к изменениям, что позволяет минимизировать время адаптационного периода и количество сопутствующих затрат. Изменения носят масштабный характер и затрагивают все сферы жизнедеятельности регионов (рис. 5).

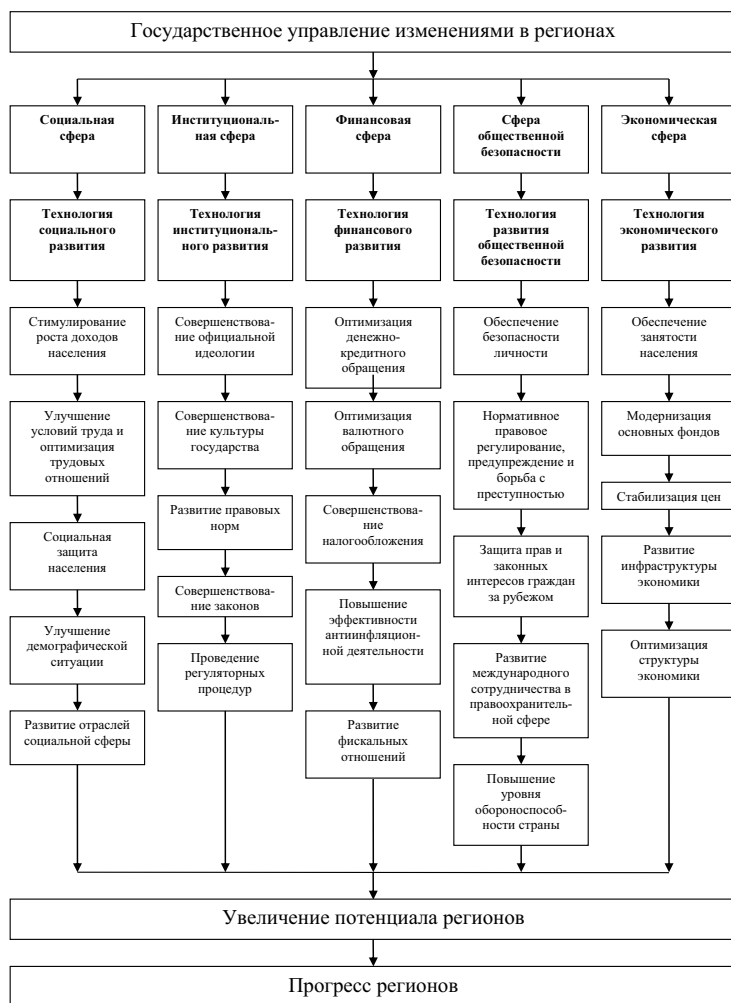

Рис. 5. Логическая схема развития сфер жизнедеятельности регионов

Синергия государственного управления развитием регионов, государственного управления функционированием регионов и государственного управления изменениями в регионах обеспечивает поддержание устойчивости регионального развития и обуславливает способность регионов продолжать свое развитие в долгосрочной перспективе, сохраняя и увеличивая уровень своего благосостояния и благополучия за счет роста потенциала регионов и их прогресса (Антохина, 2022).

О способе формирования устойчивости регионального развития

Логика формирования УРР представлена на рис. 6.

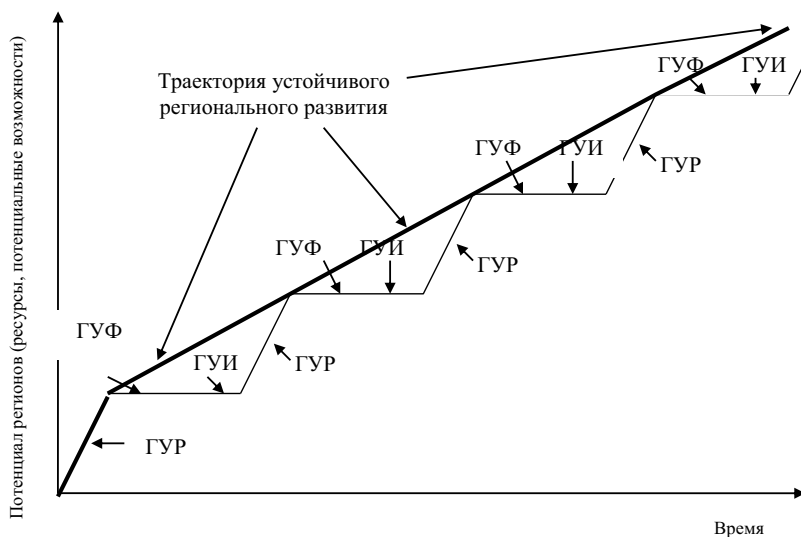

Рис. 6. Логическая схема формирования устойчивого регионального развития: ГУР – государственное управление развитием, ГУФ – государственное управление функционированием, ГУИ – государственное управление изменениями

Государственное управление развитием регионов преследует долгосрочные цели, направленные на активное использование инноваций и максимальное раскрытие потенциала. Однако определенный предел возможностей ограничивает рост потенциала регионов. По достижении этого предела наступает необходимость закрепить достигнутый уровень и обеспечить стабильное функционирование регионов на основе достигнутых результатов. В связи с этим фокус государственного регионального управления смещается с развития на поддержку функционирования регионов.

Государственное управление функционированием регионов осуществляется с целью эффективного использования их потенциала, который

уже достигнуто на определенном уровне. Оно нацелено на настоящее время, которое всегда сопряжено со степенью неопределенности, возникающей из-за постоянных изменений в глобальной, внешней и внутренней среде. Для сохранения достигнутых возможностей необходимо предпринимать адаптационные меры, осуществлять государственное управление изменениями в регионах и обеспечивать переход к новому уровню государственного регионального управления.

Процесс государственного управления изменениями в регионах заключается в постоянной корректировке процесса развития региона, обновлении структуры его жизнедеятельности и поиске новых возможностей. Основная задача федерального центра и регионов на данном этапе заключается в сокращении времени изменений и минимизации деструктивного влияния факторов на жизнедеятельность регионов.

Реализация совместных действий федерального центра и регионов в рамках государственного управления развитием регионов, государственного управления функционированием регионов и государственного управления изменениями в регионах обеспечивают целенаправленность и организованность действий регионов по наращиванию их потенциала, повышению уровня его использования и, как следствие, прогрессу регионов – видимым положительным изменениям его жизнедеятельности.

Потенциал регионов представляет собой совокупность ресурсов, преимуществ и возможностей, которыми обладают территории. Увеличение потенциала отражает способность регионов развиваться в устойчивом режиме на долгосрочную перспективу и обеспечивать их прогресс.

Прогресс регионов – это видимые положительные изменения в их жизнедеятельности, обусловленные движением от состояния с одним уровнем развития к состоянию с более высоким уровнем.

Увеличение потенциала регионов и их прогресс свидетельствуют о достижении целей регионального развития – рост благополучия и благосостояния регионов. Благополучие регионов определяется как совокупность условий и факторов, обеспечивающих достойную жизнь населения на территории страны. Оно напрямую определяет уровень благосостояния регионов, отражающий общее состояние качества и уровня жизни и характеризующий степень комфортности проживания на той или иной территории (Невеличко, 2022; Мордасов, 2016).

Для контроля уровня региональной асимметрии в результате применения предложенной технологии УРР целесообразно использовать модифицированный коэффициент вариации:

$$V = \sqrt{\frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \left(\frac{x_i}{\bar{x}} - 1 \right)^2} \cdot 100\%,$$

где x_i – значение показателя для региона i ; \tilde{x} – среднее значение показателя для системы регионов (страны): в случае объемного показателя это среднее арифметическое по регионам, а в случае удельного показателя – средневзвешенное по численности населения регионов; N – число регионов в системе.

Чем выше коэффициент вариации, тем больше значение региональной асимметрии. Результаты исследований и мировая практика указывают на то, что уровень региональной асимметрии следует считать естественным, если он не превышает 10% (Базылева, 2024).

Таким образом, в результате применения предложенной технологии УРР обеспечивается возможность достижения двуединой цели – рост благополучия и благосостояния регионов. Это обуславливает уменьшение разрыва между регионами-донорами и регионами-реципиентами, что проявляется, прежде всего, в выравнивании уровня ВРП на душу населения, уменьшении разницы в доходах населения, доступности социальных и коммунальных услуг, уровне безработицы и т.д. Тем самым, УРР способствует преодолению региональной асимметрии, закрепляя и поддерживая соответствующие тенденции на долгосрочную перспективу.

Заключение

Основные результаты и выводы исследования состоят в следующем:

1. Проанализированы результаты развития российских регионов с точки зрения их способности поддерживать состояние устойчивого развития, что дало основания сделать вывод о наличии стойкой тенденции к росту региональной асимметрии.
2. Предложен комплексный подход к решению проблемы региональной асимметрии на основе теории УРР, позволяющей объединить достижения науки и практики, и на этой основе сформировать технологию УРР.
3. Структурирован понятийный аппарат для единообразного толкования и понимания логики и особенностей формирования технологии УРР, трактующей решение данной проблемы на основе выдвижения соответствующей гипотезы, разработки методологии, формулирования основного закона УРР, обоснования модели, методики, концепции и технологии УРР.
4. Обоснована целесообразность применения метода системной идентификации исследуемых объектов для проведения системного моделирования структурной организации технологии УРР.
5. Предложена логическая схема технологии УРР, в которой устойчивость регионального развития обеспечивается на основе государственного управления, основными инструментами которой являются государственное управление развитием регионов, государствен-

ное управление функционированием регионов и государственное управление изменениями в регионах.

В работе осуществлено методологическое обоснование решения комплексной научно-прикладной проблемы формирования структурной организации технологии УРР при помощи обобщения теоретических и практических положений системной теории УРР, раскрывающих содержание научно-методических подходов и достижений отечественного опыта этого научного направления.

Практическое значение полученных результатов заключается в разработанных методических подходах и обоснованных теоретических положениях, изложенных в исследовании и доведенных до уровня практических рекомендаций. Они представляют собой методическую базу для разработки структурной организации УРР и могут быть использованы при формировании государственной региональной политики и стратегии регионального развития России, разработке и совершенствовании законодательных актов.

Список литературы

Антохина, В. А. (2022). Стратегия и механизмы устойчивого развития регионов: эволюция и результаты. *Вестник Поволжского института управления*, 6 (22), 83-93, <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-i-mehanizmy-ustoychivogo-razvitiya-regionov-evolyutsiya-i-rezultaty/viewer> DOI 10.22394/1682-2022-6-83-93

Афанасьева, Е. Е., Корева, О. В., Тихий, В. И. (2019). Политика внутрирегионального выравнивания как составная часть региональной политики и инструмент снижения социально-экономической асимметрии внутри субъектов Федерации. *Вестник Евразийской науки : электронный журнал*, 5(11), 1-8, <https://esj.today/PDF/07ECVN519>

Базылева, М. А. (2024). Дифференциация регионов и политика выравнивания социально-экономического развития Российской Федерации. *Экономика и парадигма нового времени. Выпуск №1*, 5-18, <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-regionov-i-politika-vyravnivaniya-sotsialno-economiceskogo-razvitiya-rossiyskoy-federatsii/viewer>

Белобородов, В. М. (2020). Проблема регионального неравенства в России: причины и пути решения. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. Реферативный журнал*, 2, 113-123, <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-regionalnogo-neravenstva-v-rossii-prichiny-i-putiresheniya> DOI 10.31249/rsoc/2020.04.09

Валеев, Э. Р., Киршин, И. А., & Кузнецова, А. М. (2023). Анализ неравномерности регионального развития на основе асимметрии эмпирического распределения ВРП на душу населения субъектов Российской Федерации. *Статистика и Экономика*, 20(5), 54-64. DOI 10.21686/2500-3925-2923-5-54-64

Денисенко, В. А., & Гаврилова, К. Г. (2022). Асимметрия регионального пространства ЕС: опыт измерения. *Общество: политика, экономика, право*, 3, 20-24. DOI 10.24158/per.2022.3.2

Давыдов, Д. В. (2022). Асимметрия территориальной системы как предпосылка объединения регионов в процессе развития российского федерализма. *Теории*

и проблемы политических исследований, 4А (11), 71–76, <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2022-4/a9-davydov.pdf> DOI 10.34670/AR..2022_35.43.009

Ли, М. (2023). Региональная дифференциация и ее связь с экономической безопасностью. *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, психология*, 3(57), 9–13, <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-differentsiatsiya-i-ee-svyaz-s-ekonomicheskoy-bezopasnostyu/viewer>

Милютин, А. С., & Николаева, Е. С. (2018). Управление изменениями в региональных организациях. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*, 1 (53), 1–18, <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-izmeneniyami-v-regionalnyh-organizatsiyah>

Мордасов, А. О. (2016). Самоорганизация современного российского гражданского общества: теоретико-методологические основы исследования. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4 (49), 140–148, [https://kaspys.asu.edu.ru/storage/archive/4\(49\)/140-148.pdf](https://kaspys.asu.edu.ru/storage/archive/4(49)/140-148.pdf) DOI 10.22394/1818.4049..2022_101.4.202.210

Мухаметова, А. (2023). Оценка межрегиональной дифференциации Российской Федерации. *Экономика и управление: научно-практический журнал*, 2 (170), 54–58, <https://ekam-journal.com/images/2023/2-2023/Mukhametova.pdf> DOI 10.34773/EU.2023.2.10

Мясникина, О. В. (2022). Функционирование и развитие региональных социально-экономических систем. *Регион: системы, экономика, управление*, 2 (57), 208–212, <http://rseu.vrn.ranepa.ru/jfiles/01112022/11.pdf> DOI 10.14451/1.208.208

Невеличко, Л. Г. (2022). Самоорганизация населения: концептуальные основы формирования и социальная практика. *Власть и управление на Востоке России*, 4 (101), 17–28, <http://vladviv.ru/download/rio/j2022-4/18%20Nevelichko%20L.G.pdf> (дата обращения: 22.01.2024). DOI 10.22394/1818.4049..2022_101.4.202.210

Нефедова, Т. Г., Трейвиш, А. И., Шелудков, А. В. (2022). Полномасштабный подход к выявлению пространственного неравенства в России как стимула и тормоза развития. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 3 (86), 289–309, <https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/1576> DOI 10.31857/52587556622030128

Подгорный В. В. (2022). Модернизация экономической теории как объективная необходимость. Материалы VII Международной научной конференции «*Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности*». Секция «Экономическая теория», г. Донецк, 27–28 октября 2022 года: тез. докл., 295–297.

Подгорный, В. В. (2023). Формирование устойчивой экономики России в контексте экономической теории. Часть 1. *Экономика и управление*, 29 (9), 1063–1076. DOI 10.35854/1998-1627-7-794-806

Усманов, Д. И., Урунов, А. А., & Зоидов, З. К. (2022). Укрупнение регионов как инструмент эффективного управления единым экономическим пространством России. *Проблемы рыночной экономики*, 2, 17–28, <http://www.ipr-ras.ru/wp-content/uploads/2022/08/2022-02-17-028-usmanov.pdf> DOI 10.33051/2500.2375..2022_2.17.28

Федосеева, Т. А. (2023). Проблемы дифференциации территорий. *Экономика и управление: научно-практический журнал*, 4, 100–114, <https://ds.nntu.ru/frontend/web/ngtu/files/nomera/2023/04/100.pdf> DOI 10.46960/2713-2633..2023_4_100

Хубаев, Т. А. Бетанов, В. Т., & Дзилихова, Л. Ф. (2022). Опыт преодоления социально-экономической асимметрии и сокращения экономико-территориальных диспропорций в зарубежных странах. *Экономические науки*, 3 (208), 208–212, https://ecsn.ru/wp-content/uploads/202203_208.pdf DOI 10.14451/1.208.208

Хачев, М. М., Коков, Н. С., Кокова, С. Ф., Канчуков, В. О., & Карданов, А. А. (2022). Управление развитием региона в условиях межрегиональной конкуренции. *Журнал прикладных исследований*, 3, 530-538, <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-razvitiem-regionov-v-usloviyah-mezhregionalnoy-konkurentsii> DOI 10.47576/2712-7516_2022_6_6_530

Юсупова, Р. А. (2022). Современные проблемы региональной (пространственной) экономики. *Экономика и управление: научно-практический журнал*, 6 (168), 143-148, <https://ekam-journal.com/images/2022/6-2022/Yusupova.pdf> DOI 10.34773/EU..2022_6.25

References

Antokhina, V. A. (2022). Strategy and Mechanisms of Sustainable Development of Regions: Evolution and Results. *Bulletin of the Volga Region Institute of Management*, 6 (22), 83-93, <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-i-mehanizmy-ustoychivogo-razvitiya-regionov-evolyutsiya-i-rezultaty/viewer> DOI 10.22394/1682-2022-6-83-93

Afanasyeva, E. E., Koreva, O. V., & Tikhyy, V. I. (2019). The policy of intra-regional equalization as an integral part of regional policy and a tool for reducing socio-economic asymmetry within the constituent entities of the Federation. *Bulletin of Eurasian Science: Electronic Journal*, 5(11), 1-8, <https://esj.today/PDF/07ECVN519>

Bazyleva, M. A. (2024). Differentiation of Regions and the Policy of Equalization of the Socio-Economic Development of the Russian Federation. *Economics and the paradigm of the new time. №1*, 5-18, <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-regionyv-i-politika-vyravnivaniya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rossiyskoy-federatsii/viewer>

Beloborodov, V. M. (2020). The Problem of Regional Inequality in Russia: Causes and Solutions. *Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 11. Sociology. Abstract Journal*, 2, 113-123, <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-regionalnogo-neravenstva-v-rossii-prichiny-i-puti-resheniya> DOI 10.31249/rsoc/2020.04.09

Valeev, E. R., Kirshin, I. A., & Kuznetsova, A. M. (2023). Analysis of the unevenness of regional development based on the asymmetry of the empirical distribution of GRP per capita of the constituent entities of the Russian Federation. *Statistics & Economics*, 20(5), 54-64. DOI 10.21686/2500-3925-2923-5-54-64

Denisenko, V. A., & Gavrilova, K. G. (2022). Asymmetry of the EU Regional Space: Measurement Experience. *Society: Politics, Economics, Law*, 3, 20-24. DOI 10.24158/pep.2022.3.2

Davydov, D. V. (2022). Asymmetry of the Territorial System as a Prerequisite for the Unification of Regions in the Process of Development of Russian Federalism. *Theories and Problems of Political Studies*, 4A (11), 71-76, <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2022-4/a9-davydov.pdf> DOI 10.34670/AR..2022_35.43.009

Lee, M. (2023). Regional differentiation and its relation to economic security. *Theory and practice of the service: economics, social sphere, psychology*, 3(57), 9-13, <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-differentsiatsiya-i-ee-svyaz-s-ekonomicheskoy-bezopasnostyu/viewer>

Milyutin, A. S., & Nikolaeva, E. S. (2018). Managing changes in regional organizations. *Regional economics and Management: an electronic scientific journal*, 1 (53), 1-18. <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-izmeneniyami-v-regionalnyh-organizatsiyah>

Mordasov, A. O. (2016). Self-organization of modern Russian civil society: theoretical and methodological foundations of the study. *The Caspian region: politics, economy, culture*,

4 (49), 140-148, [https://kaspy.asu.edu.ru/storage/archive/4\(49\)/140-148.pdf](https://kaspy.asu.edu.ru/storage/archive/4(49)/140-148.pdf) DOI 10.22394/1818.4049..2022_101.4.202.210

Mukhametova, A. (2023). Assessment of the interregional differentiation of the Russian Federation. *Economics and Management: a scientific and practical journal*, 2 (170), 54-58, <https://ekam-journal.com/images/2023/2-2023/Mukhametova.pdf> DOI 10.34773/EU.2023.2.10

Myasnikina, O. V. (2022). Functioning and development of regional socio-economic systems. *Region: systems, economics, management*, 2 (57), 208-212, <http://rseu.vrn.ranepa.ru/jfiles/01112022/11.pdf> DOI 10.14451/1.208.208

Nevelichko, L. G. (2022). Self-organization of the population: conceptual foundations of formation and social practice. *Power and governance in the East of Russia*, 4 (101), 17-28, <http://vlastdviu.ru/download/rio/j2022-4/18%20Nevelichko%20L.G.pdf> DOI 10.22394/1818.4049..2022_101.4.202.210

Nefedova, T. G., Trevis, A. I., & Sheludkov, A. V. (2022). A full-scale approach to identifying spatial inequality in Russia as an incentive and brake on development. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. The series is geographical*, 3 (86), 289-309, <https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/1576> DOI 10.31857/52587556622030128

Podgorny, V. V. (2022). Modernization of economic theory as an objective necessity. *Materials of the VII International Scientific Conference «Donetsk Readings 2022: education, science, innovation, culture and modern challenges»*. Section «Economic theory», Donetsk, October 27-28, 2022: tez. dokl., 295-297.

Podgorny, V. V. (2023). The formation of a sustainable Russian economy in the context of economic theory. Part 2. *Economics and Management*, 29 (9), 1063-1076. DOI 10.35854/1998-1627-7-794-806

Usmanov, D. I., Urunov, A. A., & Zoidov, Z. K. (2022). Consolidation of regions as a tool for effective management of the single economic space of Russia. *Problems of the market economy*, 2, 17-28, <http://www.ipr-ras.ru/wp-content/uploads/2022/08/2022-02-17-028-usmanov.pdf> DOI 10.33051/2500.2375..2022_2.17.28

Fedoseeva, T. A. (2023). Problems of differentiation of territories. *Economics and Management: a scientific and practical journal*, 4, 100-114, <https://ds.nntu.ru/frontend/web/ngtu/files/nomera/2023/04/100.pdf> DOI 10.46960/2713-2633_2023_4_100

Khubaev, T. A., Betanov, V. T., & Dzilikhova, L. F. (2022). The experience of overcoming socio-economic asymmetry and reducing economic and territorial imbalances in foreign countries. *Economic sciences*, 3 (208), 208-212, https://ecsn.ru/wp-content/uploads/202203_208.pdf DOI 10.14451/1.208.208

Khachev, M. M., Khachev, M. M., Kokov, N. S., Kokova, S. F., Kanchukov, V. O., & Kardanov, A. A. (2022). Managing the development of the region in the context of interregional competition. *Journal of Applied Research*, 3, 530-538, <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-razvitiem-regionov-v-usloviyah-mezhregionalnoy-konkurentsii> DOI 10.47576/2712-7516_2022_6_6_530

Yusupova, R. A. (2022). Modern problems of regional (spatial) economics. *Economics and Management: a scientific and practical journal*, 6 (168), 143-148, <https://ekam-journal.com/images/2022/6-2022/Yusupova.pdf> DOI 10.34773/EU..2022_6.25

ВОПРОСЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В. В. Лежнин¹

Поволжский государственный технологический университет
(Йошкар-Ола, Россия)

А. Н. Полухина²

Поволжский государственный технологический университет
(Йошкар-Ола, Россия)

УДК: 338.48

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-12

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЛОКАЛЬНЫХ СИСТЕМ В ТУРИСТСКОЙ СФЕРЕ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ³

Одной из основных проблем, которая влияет на устойчивое развитие туристской отрасли в регионах Приволжского федерального округа, является необходимость согласования социокультурных способностей с экономическими интересами региона. Необходимо ставить перед собой цель в создании и дальнейшем продвижении туристских продуктов и услуг, цель которых будет включать в себя рост доходов у хозяйствующих субъектов, а также реализацию мероприятий по сохранению историко-культурного наследия в регионах. Важным критерием местных туристских систем выступает учет большого числа туристских потоков, обусловленными не только географическими особенностями, но и спецификой спроса туристов различных категорий. Разработка инновационных подходов к туристическому продукту, внедрение новых технологий и учет мировых тенденций в сфере туризма могут способствовать развитию конкурентоспособности региона на рынке туристических услуг. Изучение перспектив развития туристской сферы в Поволжском федеральном округе позволяет выявить потенциал для формирования и дальнейшей реализации туристских продуктов, улучшения туристской инфраструктуры в регионах, разработку мероприятий, направленных на повышение качества обслуживания. В результате проведенного исследования

¹ Лежнин Владимир Владимирович — к.э.н., доцент, Поволжский государственный технологический университет; e-mail: lezhninv@volgatech.net, ORCID: 0000-0002-4923-8648.

² Полухина Анна Николаевна — д.э.н., профессор, Поволжский государственный технологический университет; e-mail: poluhinaan@volgatech.net, ORCID: 0000-0002-8978-5419.

³ Статья подготовлена в рамках научных исследований, выполняемых при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-78-10042 «Методология многоуровневой интеграции экономического пространства и синхронизации инновационных процессов как основа устойчивого развития российских регионов (на основе концепции инновационного гиперкластера)».

© Лежнин Владимир Владимирович, 2025

© Полухина Анна Николаевна, 2025

с использованием данных по формированию и дальнейшему совершенствованию местных систем в регионах ПФО были выявлены и рассмотрены показатели, с помощью которых осуществляется устойчивое развитие регионов, проведен анализ применяемой в исследовании методологии, были определены регионы с высоким уровнем развития локальных систем и регионы со слабым развитием локальных систем в туризме, определены методы, применяемые в исследовании. Внедрение современных подходов и технологий, включая цифровизацию, помогут оптимизировать процессы в туристской сфере и снизить негативное воздействие на окружающую среду. Для успешного устойчивого развития туризма в Поволжском федеральном округе необходимо проводить дополнительные исследования, оценивать текущие практики и разрабатывать конкретные стратегии с учетом специфики региона.

Ключевые слова: региональная экономика, устойчивое развитие в туризме, туристский продукт и услуги, экономика туризма, локальные системы.

Цитировать статью: Лежнин, В. В., & Полухина, А. Н. (2025). Устойчивое развитие локальных систем в туристской сфере Приволжского федерального округа: вызовы и перспективы. *Вестник Московского университета. Серия б. Экономика*, 60(1), 257–288. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-12>.

V. V. Lezhnin

Volgatch University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia)

A. N. Polukhina

Volgatch University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia)

JEL: Z31, Z 32

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF LOCAL SYSTEMS IN THE TOURIST SECTOR OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT: CHALLENGES AND PROSPECTS⁴

One of the challenges for the sustainable development of the tourism and recreational sector in the regions is the need to balance economic interests with sociocultural needs. It is important to strive for the production and further sale of tourism services and tourism products, the main goal of which will be to increase income for business entities, as well as to implement measures to preserve historical and cultural heritage in the regions. An important criterion for local systems of the tourism and recreational sphere is taking into account the large number of tourist flows, determined not only by geographical features, but also by the specific demand of tourists of various categories. The development of innovative approaches to the tourism product, the introduction of new technologies and taking into account global trends in the field

⁴ This research is supported by Russian Science Foundation (grant № 23-78-10042) «Methodology of multi-level integration of economic space and synchronization of innovation processes as the basis for sustainable development of Russian regions (based on the concept of an innovative hypercluster)».

of tourism can contribute to the development of the region's competitiveness in the tourism services market. Studying the prospects for the development of the tourism sector in the Volga Federal District allows us to identify the potential for creating new tourist routes, developing infrastructure, improving the quality of services and attracting investments. It is important to take into account the interests of all stakeholders - both the local population and tourists, in order to ensure the sustainable development of this industry. Based on research conducted using data on the formation and further improvement of local systems in the regions of the Volga Federal District, indicators with the help of which sustainable development of regions is carried out were identified and considered, the analysis of the methodology used in the study has been conducted, regions with a high level of development of local systems and regions with weak development of local systems in tourism were identified, the methods used in the research have been identified. The introduction of modern approaches and technologies, including digitalization, will help optimize processes in the tourism sector and reduce the negative impact on the environment. For successful sustainable development of tourism in the Volga Federal District, it is necessary to conduct additional research, evaluate current practices and develop specific strategies taking into account the specifics of the region.

Keywords: local systems of the tourism and recreational sphere, regional economy, sustainable development in tourism, tourism product and services, tourism economy.

To cite this document: Lezhnin, V. V., & Polukhina, A. N. (2025). Sustainable development of local systems in the tourist sector of the Volga federal district: challenges and prospects. *Lomonosov Economics Journal*, 60(1), 257–288. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-12>

Введение

В современном дискурсе экономического развития устойчивое развитие выступает как приоритетное направление, особенно в индустрии туризма. Этот акцент обусловлен растущим признанием потенциала туризма для стимулирования экономического роста в сочетании с его глубоким воздействием на социальные структуры и окружающую среду. Приволжский федеральный округ России с его богатым культурным наследием и разнообразными природными ландшафтами стоит на перепутье, когда необходимо использовать туризм для экономического развития и одновременно решать задачу устойчивого развития. Задачи исследования — изучить проблемы и перспективы устойчивого развития туристской отрасли. Устойчивое развитие туризма интегрирует в себя показатели стабильности экономики региона, уровень и условия людей, проживающих в регионах, природоохранные мероприятия и др. В Приволжском федеральном округе, где туризм является краеугольным камнем местной экономики, стремление к устойчивому развитию — это не просто этический выбор, а стратегическая необходимость. Уникальное географическое положение округа, а также его исторические и культурные ценности создают как возможности, так и проблемы в этом отношении (Богданов, 2021). Разработка и внедрение практик устойчивого туризма обещают сохранить культурное и природное наследие округа, одновременно способствуя экономическому

росту и благосостоянию сообщества. Однако путь к устойчивому туризму сопряжен со сложностями. Экологические проблемы, такие как загрязнение и деградация среды обитания, экономическая зависимость и социально-культурное воздействие на местные сообщества создают значительные трудности. Кроме того, быстрые темпы глобальных изменений требуют адаптивных и дальновидных стратегий для обеспечения долгосрочной жизнеспособности туристического сектора. На этом фоне цель данного научного исследования заключается в изучении современного состояния в туристско-рекреационной сфере места и развития локальных систем в ПФО. В проекте предполагается рассмотреть проблемы, которые препятствуют устойчивому развитию туризма в регионах и выявить основные показатели устойчивого развития в анализируемых регионах ПФО. В рамках данного исследования приводится анализ методик, мнений и существующих практических примеров отечественных и зарубежных экономических деятелей, ученых, занимающихся развитием локальных систем в регионах, а также авторами исследования анализируются пути и дальнейшие перспективы совершенствования развития туристской отрасли. Статья старается вести более широкий диалог о совершенствовании сферы туризма и гостеприимства в анализируемых регионах, применяя ряд мероприятий и предложений, направленных на решение проблем в туристской сфере. Анализируя ключевые особенности и возможности Приволжского федерального округа, необходимо отметить, что его ключевой формулой успеха является совокупность сельского хозяйства, промышленности и туристской отрасли, которая использует уникальные культурные и природные богатства таких регионов, как Марий Эл и Чувашия.

Туризм, в частности, демонстрирует потенциал для роста, используя растущий спрос на аутентичные культурные впечатления и природные красоты. Этот сектор не только способствует экономической устойчивости округа, но и играет важнейшую роль в сохранении культурного наследия и продвижении уникальной самобытности его разнообразного населения (Орловская, 2021). Современное состояние туризма в Приволжском федеральном округе характеризуется обнадеживающей тенденцией к росту. Последние данные свидетельствуют о растущем интересе к изучению культурного богатства и природных ландшафтов округа, причем особое внимание уделяется экологическому и культурному туризму. Марий Эл и Чувашия с их самобытной культурой и традициями стали центрами притяжения для туристов, стремящихся получить впечатления, отличающиеся от основных туристических маршрутов. Этот интерес, будучи полезным для местной экономики, определяет важность устойчивого развития туризма, для того чтобы показатели роста не осуществлялись за счет нарушения культурной целостности региона Приволжского федерального округа или ущерба его природной среде. Усилия по совершенствованию устойчивого туризма в округе определяются в различных инициа-

тивах, ориентированных на защиту объектов культурного наследия и охрану существующих природных ресурсов в регионе, а также поощрение ответственного подхода к туризму. Однако проблема заключается в том, чтобы сбалансировать экономические выгоды от туризма с необходимостью сохранения уникальных культурных и экологических ландшафтов таких районов, как Марий Эл и Чувашия.

Таким образом, современные вызовы и перспективы устойчивого развития локальных туристических систем предполагают необходимость использования комплексного подхода, который предполагает сотрудничество всех вовлеченных сторон — государственных учреждений, региональных бизнес-сообществ, гражданских организаций и участия местного населения региона. Решение данных задач может обеспечить не только развитие туристической отрасли в данном регионе и даст возможность создать более устойчивую и гармоничную туристическую инфраструктуру, но и общее развитие экономики и социокультурной сферы Приволжского федерального округа.

Методология исследования

В настоящее время устойчивое развитие является определяющим фактором, который способствует поступательному развитию туристической сферы в любом регионе и является базовым элементом для формирования конкурентоспособности дестинаций в туристической сфере. Устойчивое развитие туризма, его методика и основные подходы к изучению путей решения данного вопроса на международном уровне рассматриваются в главных работах Арчера, Трайба, Бентли, Гарнера, Оуэнса, Брэймера, Стэнли и других исследователей в этой области. Рынок туристической отрасли изучается в научных исследованиях В. И. Азара, Д. И. Асланова, М. А. Морозова, Т. П. Левченко, И. Т. Балабанова и др. Значительный интерес представляют работы В. И. Винокурова, В. А. Леонова, А. В. Теренина, Ю. А. Дорошенко, Р. Б. Токаева, Л. А. Богатырева, посвященные устойчивому развитию туризма в регионах Российской Федерации. Вопросам развития туристических локальных систем российских регионов уделяется большое внимание таких отечественных исследователей как: В. В. Глухова, Д. М. Журавлева, А. А. Никонова, И. Е. Рисина, А. И. Добрынина, В. В. Тарасова и др.

Разработкой современных концепций устойчивого развития туризма занимаются такие ученые как Г. Д. Гутман, В. Н. Лексин, А. С. Швецов, Г. А. Яковлев, С. С. Скобкин и др. Среди отечественных ученых, изучающих вопрос устойчивого развития туризма, можно выделить несколько известных исследователей. Например, профессор С. В. Приходько, занимающийся проблемами туризма и устойчивого развития регионов. Его работы касаются вопросов сохранения природной среды, местного сообще-

ства и культурного наследия. Также стоит отметить деятельность профессора Е. А. Лисовской, специализирующейся на исследованиях устойчивого туризма в контексте социокультурного развития. Ее работы направлены на изучение взаимодействия между туристами и местным населением, а также на разработку механизмов повышения качества туристических услуг с учетом сохранения региональной идентичности. Еще одним известным ученым на эту тему является академик О. В. Баранов. Он занимается исследованиями в области экологического и социально-экономического взаимодействия в туризме, выявляя способы обеспечения устойчивого развития туристических регионов.

Также стоит упомянуть ученых из различных регионов России, которые активно изучают вопросы устойчивого туризма в своих регионах. Например, профессор О. П. Иванова из Сибирского федерального университета исследует влияние туризма на северные местности и разрабатывает способы его развития с учетом сохранения экосистем. Вопросами изучения программ развития в туристской сфере занимаются такие ученые как: А. М. Авдейцев, В. А. Красавин, Л. А. Бруханова, О. С. Медьянцева, А. П. Крутиков и многие другие. Они работают над различными аспектами устойчивого туризма, такими как сохранение природы, культурное наследие, развитие социальной сферы и экономическая устойчивость местных сообществ. Их исследования помогают разрабатывать стратегии развития туризма, которые способствуют сохранению окружающей среды, улучшению качества жизни местных жителей и содействуют экономическому процветанию регионов.

Исследования ученых в области устойчивого развития туристской отрасли имеют фундаментальное значение для разработки стратегий развития этой сферы, так как они способствуют гармоничному сочетанию экологических, социокультурных и экономических факторов. Результаты данных исследований помогают формировать более ответственный и устойчивый сектор туристской сферы, который может длительно приносить пользу регионам. Не менее важным и востребованным инструментом устойчивого развития туризма и локальных систем выступает формирование ключевых методик и концепций, целью которых является расширение биологического разнообразия и сохранения ресурсов природы, сохранение наследия регионов в плане истории и культуры, традиций, а также улучшение жизни местных сообществ (Агешкина, 2021). Исследователи в области устойчивого туризма также занимаются изучением вопросов социальной справедливости, вовлечения местных жителей в процессы принятия решений и устойчивого развития туристических систем. Благодаря их исследованиям и рекомендациям бизнес-структуры и власти регионов стремятся создавать стратегии и программы по развитию туризма в своем хозяйствующем субъекте с целью сохранения культурных, исторических и природных ресурсов, вовлечения местных жителей в ме-

роприятия по развитию туристской сферы региона, а также совершенствования туристского продукта и его качества. Устойчивый туризм становится ключевым направлением развития в современном мире, и именно ученые способствуют его продвижению и внедрению на практике.

Результаты исследования

Для определения устойчивого развития региональных систем в туристской сфере, в исследовании был проведен анализ определенных показателей. Первым показателем в исследовании выступило количество номеров в гостиницах и иных средствах размещения постояльцев, пребывающих в анализируемые регионы. К основной характеристике этого показателя можно отнести общее количество номеров в предприятиях Приволжского федерального округа, оказывающих услуги размещения индивидуальным и коллективным туристам, а также в этот показатель входит процент максимальной загрузки номеров, имеющихся у средств размещения в регионах. Статистические данные были получены в рамках проходившего исследования в период 2023 г. Для полной интерпретации полученных результатов авторами было определено суммарное количество гостиничных номеров в регионах Приволжского федерального округа (табл. 1).

Таблица 1

Показатель общего количества номеров в гостиницах регионов ПФО

Наименование региона	Показатель за 2023 г.
Кировская область	231
Нижегородская область	539
Оренбургская область	268
Пензенская область	184
Пермский край	492
Республика Башкортостан	578
Республика Марий Эл	91
Республика Мордовия	85
Республика Татарстан	593
Самарская область	511
Саратовская область	364
Удмуртская Республика	205
Ульяновская область	171
Чувашская Республика	152

Источник: составлено авторами.

По результатам, представленным в табл. 1, необходимо отметить увеличение числа номеров в коллективных средствах размещения в ряде регионов в сравнении с прошедшими годами, в частности с 2022 г. Наиболее высокие и стабильные показатели роста общего числа номеров в средствах размещения были зафиксированы в таких регионах, как Республика Башкортостан, Пермский край, Татарстан, Самарская область. В Татарстане более 80% общего числа номеров в отелях сосредоточено в этом регионе, что демонстрирует его привлекательность для туристов и развитие гостиничной инфраструктуры, в городе Казань (Боголюбов, 2021). В столице Татарстана наблюдается позитивная тенденция не только в увеличении общего количества гостиниц, но и в росте числа хостелов, отелей эконом-класса, а также гостиниц известных международных брендов, таких как Marriott, Ibis, Park Inn и др.

Анализируя показатель общего числа номеров в гостиницах рассматриваемых регионов, можно сделать вывод о том, что в ряде регионов (например, в Республике Башкортостан) отмечается положительная динамика развития гостиничного бизнеса в целом и индустрии гостеприимства в частности. Спрос на гостиничные услуги в Башкортостане по сравнению с 2022 г. значительно вырос и в регионе прослеживаются позитивные тенденции в развитии туристической инфраструктуры. Ярким примером служит появление глэмпингов, юртовых кемпингов и новых экологических отелей в Республике Башкортостан, что подтверждает эффективность развития туризма в данной местности (Пахомова, 2021). Статистика по общему количеству номеров в гостиницах представлена на рис. 1.

Число номеров в коллективных средствах размещения, 2023 г.

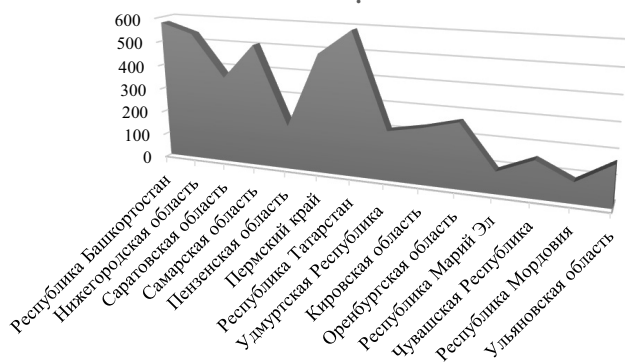

Рис. 1. Статистические показатели общего числа номеров в гостиницах

Источник: составлено авторами.

Проведенное ранжирование регионов позволило изучить все хозяйствующие субъекты, выявить их сильные и слабые стороны, проследить

динамику развития гостиничных предприятий и общего числа номерного фонда в них, а также определить, в какой группе окажется регион, согласно исследованиям (рис. 2). В результате исследования определились регионы, где показатели общего числа номеров в гостиницах обладают высоким ростом и значение данного показателя существенно превышало статистику других рассматриваемых регионов; регионы, которые были отнесены в группу со средним значением, чьи показатели не претерпели особых изменений по сравнению с результатами прошлых лет; регионы-аутсайдеры, значения анализируемого показателя которого были крайне низкие и в регионе присутствуют проблемы в данной отрасли.

Регионы-лидеры по данному показателю	Регионы со средним значением показателя	Отстающие регионы по показателю
<ul style="list-style-type: none"> • Республика Башкортостан • Самарская область • Нижегородская область • Республика Татарстан 	<ul style="list-style-type: none"> • Удмуртская Республика • Пермский край • Оренбургская область • Кировская область • Саратовская область 	<ul style="list-style-type: none"> • Чувашская Республика • Ульяновская область • Республика Марий Эл • Пензенская область • Республика Мордовия

Рис.2. Проведение ранжирования регионов по общему количеству номеров в средствах размещения
Источник: составлено авторами.

Ранжирование определило регионы, в которых объекты номерного фонда гостиничных предприятий достигли значительного роста. Этот рост был связан с совершенствованием гостиничной базы, финансовым вливанием средств в гостиничные предприятия, разработку программ для управленческого и производственного персонала. К таким регионам с уверенным ростом показателя была отнесена Республика Татарстан – регион, который отличается стабильными результатами в развитии туристской отрасли в целом и индустрии гостеприимства в частности. Республика Башкортостан стала еще одним регионом, кто попал в группу регионов с лидирующими показателями развития объектов номерного фонда, так же, как и Нижегородская область, которая несколько лет, согласно ежегодным аналитическим источникам находится в пятерке регионов, лидирующих по развитию гостиничной индустрии в Приволжском округе. Возвращаясь к Татарстану, следует отметить, что в проведенном ранжировании регион занимает первое место по данному показателю и предприятия данного региона обладают сильными сторонами: высокий класс гостиничных предприятий, качество обслуживания по европейским стандартам, уровень обслуживания персонала, строительство в городах региона новых гостиничных комплексов, отелей, хостелов, гостевых домов

и других предприятий размещения, а также грамотную работу в области гостиничной сферы. Отмечая успешные регионы по данному показателю в 2023 г., необходимо выделить Нижегородскую область, показатели туристского потока которой отличались значительным ростом. Туристы Нижегородской области в качестве средства размещения в основном выбирали недорогие средства размещения — хостелы, мотели и гостевые дома — более 75%, а оставшиеся туристские группы и индивидуальные путешественники выбирали отели и гостиницы. Наиболее крупным центром, на который приходится большее число туристов, является Нижний Новгород (более 85% посетителей). Данный регион обладает стабильностью, так как за ближайшие пять лет данный регион не опустился ниже третьего места за анализируемый период.

К регионам, отнесенным во вторую группу согласно проведенному ранжированию, попали Пермский край, потенциал развития гостиничных проектов которого отличается значительными показателями, Саратовская область, где по данным значениям есть рост и потенциал к строительству новых гостиниц и средств размещения, Кировская область, а также Оренбургская область и Удмуртская Республика. Среди вышеперечисленных субъектов лидирующие позиции занимают Самарская область и Пермский край, в которых работа в гостиничном бизнесе ведется быстрыми темпами. Чуть хуже показатели общего числа номеров в предприятиях гостиничной сферы у Оренбургской области, Кировской и Саратовской области вследствие недостаточных цифр по размещению туристов за период 2023 г.

К третьей группе хозяйствующих субъектов были отнесены регионы, которые за анализируемый период продемонстрировали низкие показатели загрузки номерного фонда. К таким регионам были отнесены Чувашская Республика, в которой показатели развития объектов номерного фонда остаются низкими на протяжении пяти лет и регион находится внизу рейтинга; Ульяновская область, а также Марий Эл, отрицательные показатели развития которой заключаются в малом числе гостиничных предприятий, а также Пензенская область и Республика Мордовия. По численности гостиничных предприятий проблемы по общему количеству средств размещения выявлены у вышеперечисленной Республики Марий Эл и Республики Мордовии. Данные регионы серьезно уступают по общему количеству номерного фонда остальным субъектам округа.

Ключевые проблемы регионов включают в себя снижение загрузки предприятий гостиничной индустрии, устаревшую туристскую инфраструктуру в гостиницах, устаревшие стандарты обслуживания гостей, уровень предоставляемых услуг в гостиничных предприятиях региона.

Следующим анализируемым показателем стало общее число туристских ночевков в средствах размещения хозяйствующих субъектов округа. В данный показатель были отнесены групповые и индивидуальные поездки в выбранный ими регион и числа ночевков в средствах размещения. Данные, полученные в рамках анализа, представлены в табл. 2.

**Данные по числу ночевок посетителей гостиниц
и иных средств размещения в регионах**

Регион	Значение статистического показателя по количеству ночевок в гостиницах (2023 г.)
Кировская область	1 655 253
Нижегородская область	4 874 364
Оренбургская область	156 3589
Пензенская область	2 067 699
Пермский край	3 315 057
Республика Башкортостан	556 087
Республика Марий Эл	882 471
Республика Мордовия	552 129
Республика Татарстан	8 399 224
Самарская область	4 770 159
Саратовская область	2 525 442
Удмуртская Республика	1 753 498
Ульяновская область	1 212 581
Чувашская Республика	1 281 595

Источник: составлено авторами.

В рамках исследования был проведен анализ общего числа прибытий потребителей туристского продукта в ПФО и использования гостиничных предприятий с целью дальнейшего проживания. В рамках данного анализа выяснилось, что Республика Татарстан является лидером по числу ночевок туристов, так как республика обладает колоссальным потенциалом по развитию гостиничной деятельности и она не стоит на месте, а постоянно совершенствуется. Показатель ночевок туристов в Татарстане составил 8 399 224. Самым крупным центром Республики Татарстан по числу ночевок туристов в гостиницах и иных средствах размещения стал город Казань, на который пришлось более 90% заселения в гостиничные предприятия республики. Республика является самым успешным регионом Приволжского федерального округа по числу прибытия туристов и заселения их в средства размещения (Романова, 2019). Не только индивидуальные туристы выбирают Республику Татарстан, согласно исследованиям, групповые туры широко распространены в данном регионе и поток туристов каждый год активно растет.

Кроме Татарстана, также значительные показатели наблюдаются в Пермском крае, а также в Нижегородской и Самарской областях. Данные регионы сохраняют лидерство по анализируемому показателю на протяжении 5 лет, но единственным исключением был 2019 г., что связано с ограничениями туристских мероприятий в ходе распространения инфекции COVID. В регионах проходят мероприятия с целью привлечения большого количества туристов, как внутренних, так и международных.

Статистические показатели Татарстана за 2023 г. значительно выросли по сравнению с 2022 г., так как в 2023 г. республику посетили большое количество туристов, в том числе и иностранных. К основным видам туризма в Татарстане относят историко-культурный, гастрономический, экологический и этнокультурный виды. В результате анализа следует отметить, что большое количество регионов имеет относительно схожие показатели ночевков с другими регионами в гостиничных предприятиях. Помимо схожести в статистических показателях развития локальных систем регионов, анализ показал, что существуют регионы, где динамика прибытия туристов обладает слабыми показателями. Этому способствует ряд проблем, существующих в регионах Приволжского федерального округа: устаревшая инфраструктура региона, недостаточное финансирование государственных структур, низкое соотношение цены и качества, неквалифицированный персонал коллективных средств размещения и туристских предприятий и др. Схематичное представление количества ночевков в гостиничных предприятиях анализируемых регионов показано на рис. 3.

Количество ночевков в гостиничных предприятиях Приволжского федерального округа

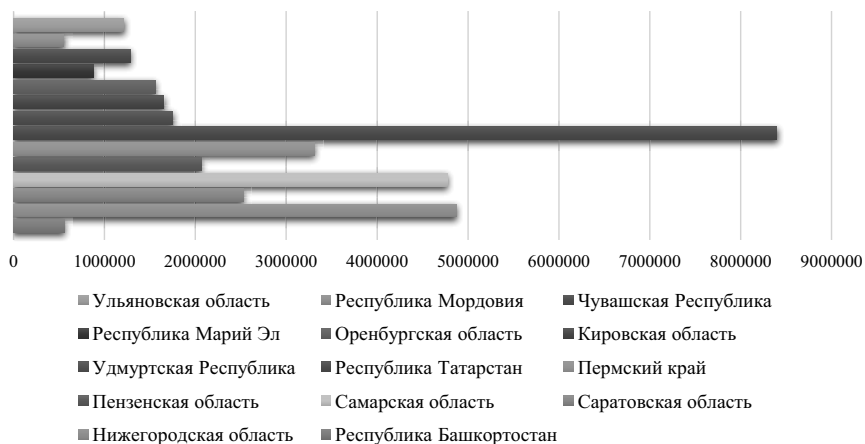

Рис. 3. Показатели общего количества ночевков в гостиничных предприятиях Приволжского федерального округа

Источник: составлено авторами.

В рамках проведенного анализа числа ночевков в гостиничных предприятиях был применен метод ранжирования по показателю анализа количества ночевков в гостиницах. Схематичное отображение регионов представлено на рис. 4.

Регионы-лидеры по данному показателю	Регионы со средним значением показателя	Отстающие регионы по показателю
<ul style="list-style-type: none"> • Республика Татарстан • Самарская область • Нижегородская область • Пермский край 	<ul style="list-style-type: none"> • Удмуртская Республика • Саратовская область • Кировская область • Пензенская область • Оренбургская область 	<ul style="list-style-type: none"> • Республика Мордовия • Республика Марий Эл • Республика Башкортостан • Ульяновская область • Чувашская Республика

Рис.4. Проведение ранжирования регионов по показателю ночевков в гостиничных предприятиях
 Источник: составлено авторами.

Регионами-лидерами по числу ночевков в средствах размещения по результатам проведенного исследования являются Нижегородская область, Пермский край, а также Республика Татарстан и Самарская область. Таким образом, стал первым и единственным регионом, где общее число туристских прибытий и ночевков в коллективных средствах размещения может соперничать с центральными регионами – Москвой и Санкт-Петербургом. Помимо них в пятерке российских регионов с высоким значением показателя ночевков находится и Сочи, но здесь стоит учитывать фактор курортного региона.

В 2023 г. была проведена статистическая оценка количества иностранных туристов, которые посетили регионы ПФО и остановились в гостиницах, хостелах, гостевых домах и прочих средствах размещения. В данном показателе сосредоточено общее число иностранных постояльцев гостиниц, которые останавливались в регионах за анализируемый период времени.

Таблица 3

Статистические данные прибытия иностранных туристов в гостиницы регионов ПФО

Регион	Значение статистического показателя по количеству прибытия иностранных туристов (2023 г.)
Кировская область	2235
Нижегородская область	22 676

Регион	Значение статистического показателя по количеству прибытия иностранных туристов (2023 г.)
Оренбургская область	5688
Пензенская область	13 094
Пермский край	5686
Республика Башкортостан	17 259
Республика Марий Эл	2147
Республика Мордовия	870
Республика Татарстан	57743
Самарская область	13 338
Саратовская область	3083
Удмуртская Республика	2275
Ульяновская область	3743
Чувашская Республика	2311

Источник: составлено авторами.

Республика Татарстан стала единственным регионом, который продемонстрировал уверенное лидерство среди остальных регионов Приволжского округа по числу прибытия иностранных туристов в рамках проведенного исследования. Иностранцев привлекает история городов Республики Татарстан – в частности город Казань привлекает более 95% всех иностранных туристов, этнокультурная составляющая, быт и традиции жизни народов республики, а также туристская инфраструктура, привлекающая своей простотой, удобством и обслуживанием в рамках работы. Главной целью данного пункта исследования было изучение статистических показателей прибытия групп иностранных отдыхающих в гостиничные предприятия регионов Приволжского округа с туристскими целями. Необходимо отметить, что в результате анализа определенных аспектов данные Татарстана находятся на стабильном уровне, это говорит о систематической и грамотной работе с туристскими ресурсами и быстрому решению возникающих в регионе проблем.

Татарстан является очень конкурентоспособным регионом не только в Приволжском федеральном округе, но и в сравнении с другими округами, например, Казань по работе в гостиничной отрасли может соперничать с такими крупнейшими российскими центрами, как Краснодар, Москва, Санкт-Петербург и Сочи, принимая во внимание особенности

туристской инфраструктуры, построение работы с постояльцами гостиниц и качества обслуживания в средствах размещения. Изучая регионы Приволжского федерального округа можно сделать вывод, что найти соперников для Татарстана по этому показателю весьма сложно, так как по итогам 2023 г. республика приняла 57 735 иностранных туристов. На 2-м месте в регионе находится Нижегородская область с 22 664 иностранными туристами. В то же время Республика Мордовия показывает значительно более низкие результаты, чем остальные регионы, приняв лишь 857 иностранных туристов. Иностранных туристов в российских регионах привлекает: история места прибытия, культура, наличие новых туристско-рекреационных маршрутов на территории региона, этнологические аспекты развития места прибытия, гастрономия региона, особенности быта и уклада народа. Численность иностранных туристов, посетивших гостиницы регионов ПФО, отображена на рис. 5.

**ОБЩЕЕ ЧИСЛО ИНОСТРАННЫХ ТУРИСТОВ,
РАЗМЕЩЕННЫХ В ГОСТИНИЦАХ ПРИВОЛЖСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ЗА 2023 Г.**

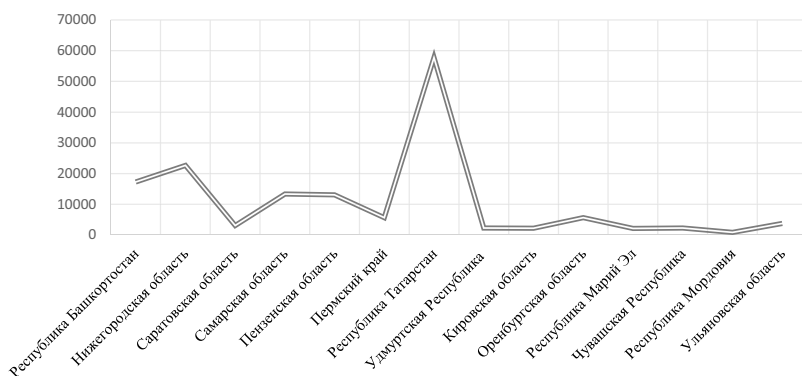

Рис. 5. Иностранные туристы, посетившие средства размещения в 2023 г.

Источник: составлено авторами.

Главной целью проведенного анализа данных о численности иностранных туристов, пребывающих в регионы Приволжского округа и заселившихся в гостиницы и иные средства размещения, было составление рейтинга данных регионов путем проведенного ранжирования.

Республика Татарстан является единственным регионом, который продемонстрировал уверенный рост показателей прибытия иностранных туристов в регионы Приволжского округа. За период 2023 г. в республике остановилось большое количество иностранных гостей, что больше, чем в 2022 г. — 50 349 иностранных граждан, посетивших столицу Татарстана — город Казань и остальные города республики.

Регионы-лидеры по данному показателю	Регионы со средним значением анализируемого показателя	Отстающие регионы по показателю
<ul style="list-style-type: none"> • Республика Татарстан 	<ul style="list-style-type: none"> • Пермский край • Нижегородская область • Республика Башкортостан • Самарская область • Оренбургская область • Пензенская область 	<ul style="list-style-type: none"> • Кировская область • Ульяновская область • Саратовская область • Чувашская Республика • Республика Мордовия • Удмуртская Республика • Республика Марий Эл

Рис. 6. Группы регионов по прибытию иностранных туристов, размещенных в гостиничных средствах Приволжского федерального округа
 Источник: составлено авторами.

На первом месте среди городов республики ожидаемо находится туристический центр Татарстана и его столица — город Казань, далее следуют Набережные Челны и Нижнекамск. Среди наиболее популярных у иностранных туристов достопримечательностей Республики Татарстан необходимо выделить следующие: Казанский Кремль, улица Баумана, мечеть Кул Шариф, башня Сююмбике и др. Высокий туристический потенциал Республики Татарстан способствует разработке новых туристических программ и экскурсионных маршрутов, в том числе для иностранных гостей.

Во второй группе регионов со средними значениями посещения иностранными туристами регионов Приволжского округа вновь оказалась Нижегородская область, которая показывает уверенные показатели и отличается стабильностью и потенциалом к дальнейшему росту, Пензенская область, которая в 2023 г. преуспела по данному показателю больше чем в 2022 г., Пермский край, который продемонстрировал уверенные статистические данные прибытия иностранных туристов, а также Самарская область и Республика Башкортостан — регионы, которые славятся своими достопримечательностями.

Анализируя регионы с высокими показателями совершенствования туристской инфраструктуры, появления новых туристских маршрутов, работы с туристскими группами, необходимо отметить Нижегородскую область. В данном регионе за 2023 г. было размещено 22 664 иностранных туриста. Среди иностранных туристов было большое количество посетителей из стран Центральной Азии, Белоруссии, туристов из Китая. Среди крупнейших туристических фестивалей, прошедших в Нижегородской области, также проводятся различные мероприятия, такие как фестиваль закатов «Столица закатов», «Гастрономический фестиваль» в Нижнем Новгороде, фестиваль воздушных шаров «Приволжская фиеста», фе-

стиваль исторической реконструкции «Приволжский штандарт», а также международный фестиваль народных художественных промыслов «Золотая Хохлома» в Семенове.

В состав группы регионов, обладающих низким процентом прибытия иностранных туристов, вошли Ульяновская область, проблемой которой является недостаточная информированность в регионе о мероприятиях туристской отрасли, слабое использование культурного потенциала в регионе несет отрицательный эффект для туристов и туристских групп; Республика Марий Эл, к проблемам которой можно отнести малое число предприятий туристской сферы и индустрии гостеприимства; Кировская область, проблемами которой являются недостаточное продвижение региона на туристском рынке, в том числе и среди иностранных туристов. Марий Эл, Мордовия и Кировская область имеет крайне низкие показатели прибытия в регион иностранных туристов. Данные регионы имеют приблизительно схожее число прибытий иностранных туристов.

Таблица 4

Общее число туристских предприятий и фирм в регионах ПФО

Регион	Количество туристских предприятий в регионе
Кировская область	133
Нижегородская область	377
Оренбургская область	154
Пензенская область	115
Пермский край	439
Республика Башкортостан	324
Республика Марий Эл	51
Республика Мордовия	35
Республика Татарстан	484
Самарская область	369
Саратовская область	131
Удмуртская Республика	198
Ульяновская область	84
Чувашская Республика	90

Источник: составлено авторами.

Анализируя результаты общего числа туристских предприятий и фирм в регионах, были определены результаты: лидером по числу предприятий, реализуемых туристские услуги населению является Республика Татарстан (484 туристских фирмы на территории региона) (табл. 4). По сравнению с 2022 г. в республике отмечается увеличение туристских предприятий с 424 предприятий до 438. Реализация туристских услуг населению в Татарстане выступает как одна из сильных сторон региона, так как используются новые технологии работы предприятий туристского профиля, методики обслуживания гостей, модернизационные инструменты систем бронирования и резервирования. Помимо лидера Приволжского федерального округа по общему числу специализированных предприятий туристской сферы – Республики Татарстан, в Приволжском округе имеются субъекты, где политика в области числа туристских предприятий и фирм заслуживает оценки. Например, Пермский край является таким регионом, который сочетает в себе развитую туристскую инфраструктуру и большое количество туристских маршрутов, в частности экологических. Если сравнивать Пермский край с лидером ПФО — с Татарстаном, то существующая разница в количестве туристских предприятий между ними не такая уж и большая, она является минимальной. Власти Пермского края ведут успешную политику по организации большого количества предприятий, оказываемых туристские услуги потребителям, в регионе достаточно большое число индивидуальных предпринимателей в туристской сфере и т.д. Рассматривая успешные регионы в области общего числа туристских фирм, необходимо отметить и регионы с низким количеством туристских предприятий.

К ним можно отнести Марий Эл, где в одно время общее количество туристских организаций достигало достаточно высокой отметки для такого региона, но после COVID-19 достаточно большое количество предприятий, осуществляемых туристский спектр услуг, были закрыты, и в регионе на данный момент осуществляет свою деятельность не так много предприятий туристской сферы. В Ульяновской области стоит отметить, что несмотря на положительную динамику в туристской сфере региона, сама ситуация оставляет желать лучшего по сравнению с Башкортостаном или с Самарской областью, где развитие туристской сферы значительно сильнее проявляется. На рис. 7 отобрано общее количество туристских предприятий в анализируемых регионах.

На рис. 8 представлено ранжирование анализируемых регионов, которое позволило соотнести регионы, расположенные в Приволжском федеральном округе с группами по активности в показателе развития туристских предприятий и фирм.

Количество туристских фирм в регионах Приволжского федерального округа, 2023 г.

Рис. 7. Общее число предприятий туристской сферы в регионах ПФО

Источник: составлено авторами.

Регионы-лидеры по анализируемому показателю	Регионы со средним значением анализируемого показателя	Отстающие регионы по анализируемому показателю
<ul style="list-style-type: none"> • Пермский край • Республика Татарстан 	<ul style="list-style-type: none"> • Самарская область • Нижегородская область • Оренбургская область • Республика Башкортостан • Удмуртская Республика 	<ul style="list-style-type: none"> • Кировская область • Саратовская область • Чувашская Республика • Пензенская область • Республика Мордовия • Ульяновская область • Республика Марий Эл

Рис. 8. Анализ числа туристских фирм

Приволжского федерального округа путем ранжирования

Источник: составлено авторами.

В результате проведенного анализа числа туристских фирм в регионах, лидирующие позиции заняли Пермский край и Республика Татарстан. В этих регионах наблюдается значительный рост туристских фирм по сравнению с 2022 г. Это связано с политикой регионов в области туризма и гостеприимства, повышенному вниманию со стороны государ-

ства и грамотно реализуемой политикой в области предпринимательской деятельности. Помимо показателей роста числа туристских предприятий, в Республике Татарстан увеличивается туристский поток, а также в регионе зафиксированы высокие показатели внутреннего туризма. Это говорит о том, что жители региона активно используют внутренние ресурсы республики и путешествуют внутри региона. В Пермском крае число туристов, пользующихся услугами туристских агентств и выбирающих внутренний туризм выездному за последние 6 лет, увеличилось на 52%. Пермский край демонстрирует положительные изменения благодаря увеличению числа новых предприятий в туристско-рекреационной сфере, что указывает на его успешное развитие и эффективное использование туристических ресурсов.

В группу регионов с средними показателями по количеству туристических компаний отнесены Самарская область, которая отличается высоким процентом реализации туристских продуктов и созданию новых туристских маршрутов для потребителей туристских услуг, Республика Башкортостан, количество туристских предприятий в которой довольно высокое и работа с туристскими группами хорошо организована, Нижегородская область, в которой существует большое количество методик по работе с потребителем туристских услуг, а также Удмуртская Республика и Оренбургская область. Сравнивая эти два региона, выделим, что в данной группе ранжирования показателя лучшими регионами являются Нижегородская и Самарская области.

Анализируя то, как в современном мире развивается туристская отрасль, следует заметить, что среди успевающих регионов по числу туристских прибытий, развитию туристской инфраструктуры, а также разработки новых туристских продуктов после Татарстана можно считать Нижегородскую область, которая успешно развивается и продолжает успешно работать в туристской отрасли. Но несмотря на качественную работу туристских предприятий, в регионе существует ряд проблем, к которым следует отнести низкое качество предоставления услуг потребителям в некоторых туристских предприятиях области; недостаточно высокий интерес у определенного числа туристов ко внутреннему туризму и др. С каждым годом число предприятий на туристском рынке Самарской области растет в геометрической прогрессии. Но в этом тоже может заключаться проблема региона, так как с большим количеством туристских предприятий, могут появляться организации с низким качеством предоставления услуг потребителям. Третьим регионом с высоким потенциалом развития туризм в целом и числа туристских предприятий в частности является Республика Башкортостан. Показатели региона лишь незначительно уступают показателям общего числа туристских фирм Самарской и Нижегородской области, что говорит о высоком потенциале республики.

Помимо регионов-лидеров и регионов со средними показателями существуют и регионы, где уровень предоставления туристских услуг довольно низкий. К таким регионам относят Республику Мордовию, Кировскую область, Ульяновскую область, Марий Эл, а также Пензенскую область. Особо стоит отметить Республику Мордовия, которая выделяется в этой группе благодаря наименьшему количеству туристических агентств — всего 34. К негативным показателям развития туристской сферы в регионе относится несовершенство нормативно-правовой базы, малое число инвестиционных проектов в республике, низкий рост числа новых туристских продуктов и др.

Пятым показателем анализа локальных систем в рамках исследования стали статистические показатели объектов культурного наследия в Приволжском федеральном округе за временной период 2023 г. Состав данных объектов культурного наследия включает памятники архитектуры, истории и культуры, которые представляют собой недвижимое имущество.

Таблица 5

Изучение количественного показателя объектов культурного наследия в регионах

Регион	Количественный показатель объектов культурного наследия в ПФО за 2023 г.
Кировская область	499
Нижегородская область	2694
Оренбургская область	719
Пензенская область	396
Пермский край	1308
Республика Башкортостан	677
Республика Марий Эл	565
Республика Мордовия	797
Республика Татарстан	1359
Самарская область	1337
Саратовская область	1297
Удмуртская Республика	282
Ульяновская область	924
Чувашская Республика	524

Источник: составлено авторами.

Исследуемый округ — это большая территория, на которой расположено большое количество исторических объектов, памятников природы, архитектурного и культурного наследия, которые олицетворяют быт, историю и культуру народов, проживающих здесь. Например, в Республике Татарстан можно встретить такие уникальные памятники, как Казанский Кремль, включенный в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, представляет собой исторический комплекс, в котором сосредоточены многочисленные архитектурные памятники. Среди них выделяются Казанский собор и башня Сююмбике, что делает этот объект особенно значимым культурным наследием. В Удмуртской Республике также можно посетить Шаргородскую старину — уникальный архитектурный ансамбль, который включает в себя и старинные удмуртские постройки XVIII — начала XX в. Чувашская Республика славится своими деревянными храмами, такими как Свято-Троицкий храм в поселке Дуван. Этот храм был построен в XIX в. и является выдающимся образцом деревянного зодчества (Овчаров, 2021). Республика Мордовия также известна своими национальными культурными памятниками, включая старинные дома и церкви, отражающие традиции мордовского народа. Здесь можно посетить уникальные национальные музеи, где хранятся коллекции предметов быта, традиций и искусства мордовского народа. Кроме того, в Мордовии часто проводятся фольклорные и этнографические фестивали, показывающие богатое культурное наследие этого региона. В Самарской области также есть много интересных объектов культурного наследия, например, Самарский академический театр оперы и балета, основанный в конце XIX в. Этот театр является одним из старейших в России и представляет высокий уровень художественного исполнения. В Пермском крае можно найти множество объектов культурного наследия, включая древние храмы, монастыри, усадьбы и краеведческие музеи.

Например, в Перми расположен один из старейших монастырей России — Троице-Сергиев монастырь, основанный в XIII в. Этот монастырь имеет богатую историю и уникальную архитектуру, которая привлекает туристов и паломников. Важным аспектом культурного наследия ПФО выступает курс на сохранение традиционных ремесел.

Многие регионы округа славятся своими мастерами, которые передают уникальные техники и рецепты из поколения в поколение. Например, в Татарстане известны мастера по изготовлению кожаных изделий, в Чувашии великолепно соблюдаются традиции народного текстиля, а в Пермском крае мастера по деревообработке создают удивительные изделия из дерева. Таким образом, на территории Приволжского федерального округа присутствует большое количество достопримечательностей, и сам регион обладает разнообразием объектов культурного наследия, с помощью которых возможно сохранить и передать богатый опыт и традиции регионов.

Согласно данным, представленным в табл. 5, Республика Татарстан обладает лидирующими данными в рамках анализа показателей объектов культурного наследия Приволжского федерального округа. Помимо Татарстана ведущую роль по данному показателю сохраняет Самарская область, которая незначительно, но все же отстает от первого места в рейтинге регионов по числу культурного наследия. Тройку лидеров регионов по показателю объектов культурного наследия замыкает Пермский край.

Следует отметить Саратовскую область, которая обладает большими ресурсами для развития историко-культурного туризма в регионе. Остальные субъекты Приволжского федерального округа, согласно статистическому анализу отстают от лидирующих регионов.

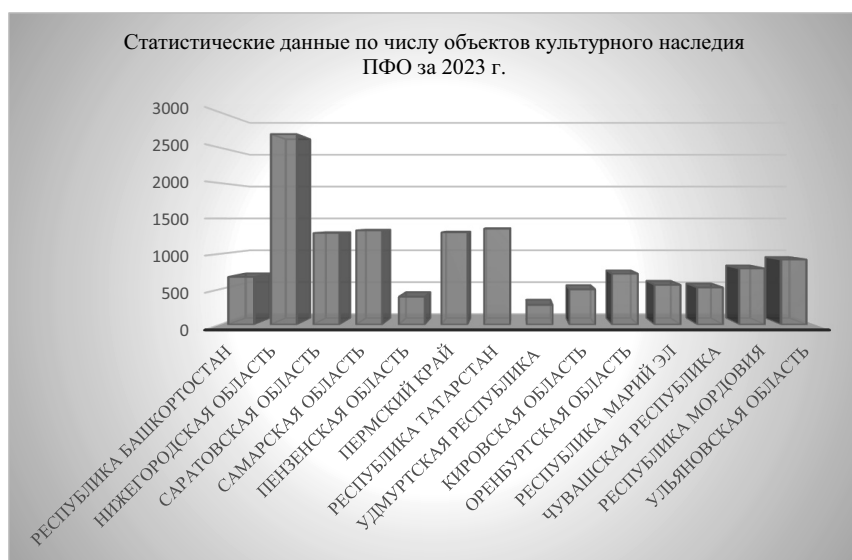

Рис. 9. Рассмотрение объектов культурного наследия, находящихся в регионах
 Источник: составлено авторами.

Анализ показал, в каком регионе находится большая концентрация объектов культурного наследия, и предоставил возможности для проведения сравнительного анализа. Благодаря проведенным мероприятиям по выявлению количества объектов культурного наследия в изучаемых регионах авторами был применен метод ранжирования, который позволил применить метод ранжирования по выбранным показателям, в рамках которого были выделены три группы регионов: лидирующие регионы, регионы со средним значением показателей культурного наследия, а также регионы-аутсайдеры (рис. 10).

Регионы-лидеры по анализируемому показателю	Регионы со средним значением анализируемого показателя	Отстающие регионы по анализируемому показателю
<ul style="list-style-type: none"> • Нижегородская область 	<ul style="list-style-type: none"> • Ульяновская область • Саратовская область • Пермский край • Республика Татарстан • Самарская область 	<ul style="list-style-type: none"> • Удмуртская Республика • Оренбургская область • Республика Мордовия • Чувашская Республика • Пензенская область • Республика Марий Эл • Республика Башкортостан • Кировская область

Рис. 10. Определение регионов методом ранжирования по показателю наличия объектов культурного наследия
Источник: составлено авторами.

Лидирующим регионом в области развития объектов культурного наследия стала Нижегородская область (2691 объект). Ей удалось обойти большое количество регионов, в том числе абсолютного лидера по развитию туристской индустрии — Татарстан. В Нижегородской области присутствует большое количество объектов культурного и исторического наследия, которые включают в себя архитектурные сооружения, исторические объекты: памятники, древние сооружения, музейные организации и т.д. К наиболее узнаваемым достопримечательным местам Нижегородской области относятся: 1) Кремль — наиболее крупный и один из наиболее значимых исторических комплексов в Российской Федерации, который включает в себя древние сооружения, а также архитектурные памятники более позднего периода; 2) архитектурный ансамбль Дивеево — монастырский комплекс, включающий Дивеевский и Печерский монастыри, являющиеся духовными центрами региона и популярным паломническим местом (Андреев, 2021); 3) музей-заповедник «Богородское» — уникальный музей под открытым небом, представляющий архитектурные памятники деревянного зодчества XVIII–XIX вв.; 4) музей-усадьба Ростроповых-Рындиных в Выксе — архитектурный комплекс, отражающий историю и быт знатного рода XVIII–XIX вв.; 5) город Городец — исторический город с богатой историей и традициями ремесленного дела, известный своими кружевными изделиями и деревянной архитектурой. Нижегородская область имеет множество интересных исторических и культурных достопримечательностей, которые позволяют гостям и жителям региона заглянуть в прошлое и познакомиться с его уникальным наследием (Карпова, Водова, 2019).

Республика Татарстан, Самарская область, Пермский край, а также Ульяновская область по числу объектов культурного наследия были от-

несены в группу со средним значением показателя. Татарстан ненамного отстал по анализируемым статистическим данным, но в авторской модели он занимает место во второй группе. Но это не меняет тот факт, что в республике достаточное количество объектов культурного и исторического значения. Количество данных объектов в регионе составляет 1355, в то время как Самарская область имеет в своем наличии 1332 объекта. Третье же место отводится Саратовской области где общее количество памятников истории и культуры насчитывает 1294 объекта.

Самарская область богата на объекты культурного наследия, которые отражают ее историю и культурное разнообразие. Развитие и сохранение таких объектов играют важную роль в формировании культурного пространства региона и его привлекательности для туристов и местных жителей. К наиболее известным объектам культурного наследия Самарской области относятся: 1) архитектурно-парковый ансамбль «Синегорье» — усадьба с архитектурными памятниками XIX в. и прекрасным парком, где можно насладиться природой и историей; 2) Старая Самара — исторический центр города Самары, где можно увидеть архитектурные памятники XIX — начала XX в., такие как здания в стиле модерн и неоклассицизм (Бугорский, 2021); 3) Остров Старый Городок на Волге — историческое место с крепостными сооружениями и археологическими находками, связанными с древними временами и др.

К регионам, которые можно назвать аутсайдерами, следует отнести все оставшиеся регионы, так как на их территории недостаточное количество такого рода объектов. Это и Республика Башкортостан, Кировская область, Республика Мордовия, Пензенская область, а также Республика Марий Эл. Среди данного списка регионов особняком стоит Удмуртская Республика, у которой по результатам анализа получается самое низкое значение — 278 объектов культурного наследия, которые занесены в реестр РФ.

Шестым критерием, рассматриваемым в исследовании местных систем, стали данные о развитии санаторно-курортной сфере и учреждениях данного профиля в регионах за период 2023 г. Сюда были отнесены предприятия, оказывающие лечебно-оздоровительные услуги, как для детей, так и для взрослых. Данные были проанализированы за период 2023 г. Санаторно-курортная сфера занимает одно из важных мест в изучении локальных систем региона, так как лечебно-оздоровительный профиль всегда играл важную роль в жизни человека. Статистические данные по обороту общественного питания представлены в табл. 6.

Анализируя статистические показатели общего количества санаторно-курортных организаций, необходимо отметить Республику Башкортостан как регион с лидирующими значениями в данной сфере. В Башкортостане существует множество санаториев, пансионатов, гостиниц с лечебными процедурами, которые специализируются на лечении различных забо-

лваний и восстановлении организма. Санатории и курорты Башкортостана предлагают разнообразные программы лечения и отдыха, включающие в себя лечебные процедуры, диетическое питание, физкультурные занятия, а также различные развлекательные мероприятия. Такие учреждения помогают людям улучшить свое физическое и психическое состояние, насладиться природой и полноценным отдыхом. В регионе также расположены санатории на берегу озера Банное, где можно не только получить качественное лечение, но и насладиться уникальной природой, чистым воздухом и спокойствием. Санаторий «Аллат» в Уфе предлагает разнообразные программы по коррекции веса, омоложению и релаксации, а также специализируется на лечении заболеваний опорно-двигательной системы.

Таблица 6

Общее количество предприятий санаторно-курортной сферы в ПФО

Регион	Количественный показатель санаторно-курортных объектов
Кировская область	19
Нижегородская область	41
Оренбургская область	27
Пензенская область	10
Пермский край	38
Республика Башкортостан	62
Республика Марий Эл	10
Республика Мордовия	8
Республика Татарстан	58
Самарская область	44
Саратовская область	24
Удмуртская Республика	29
Ульяновская область	26
Чувашская Республика	18

Источник: составлено авторами.

Еще одним регионом с устойчивыми показателями развития санаторно-курортных объектов является Республика Татарстан. Здесь можно найти санатории и курорты различных профилей — от лечебных и оз-

доровительных профилей до оздоровительных и спортивно-оздоровительных комплексов. Одним из самых известных курортов Татарстана является курортный населенный пункт Зеленодольск, где расположены санатории с минеральными водами и лечебными грязями, специализирующиеся на лечении заболеваний опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой системы и дыхательных путей (Карпова, Водовода, 2019). В Татарстане популярны курорты на берегу Волжского водохранилища, где можно сочетать лечение с активным отдыхом на природе. Санаторий «Мечта» в районе Средней Камы предлагает широкий спектр медицинских услуг, программ оздоровления и отдыха, а также возможности для активного времяпрепровождения, таких как спортивные мероприятия и экскурсии. Таким образом, санаторно-курортные организации Республики Татарстан представляют собой прекрасные места для восстановления здоровья, отдыха и релаксации как в лечебных учреждениях, так и на природе. Объекты культурного наследия, занесенные в реестр ПФО, представлены на рис. 11.

Рис. 11. Количественные показатели объектов санаторно-курортной отрасли
Источник: составлено авторами.

Проведенное в результате анализа показателей объектов санаторно-курортной отрасли ранжирование позволило выявить количество регионов, где существуют проблемы с оснащением объектов санаторно-курортной сферы, а также определило регионы, где уровень содержания данных объектов очень высокий. Результаты ранжирования представлены на рис. 12.

Регионы-лидеры по анализируемому показателю	Регионы со средним значением анализируемого показателя	Отстающие регионы по анализируемому показателю
<ul style="list-style-type: none"> • Республика Башкортостан • Республика Татарстан 	<ul style="list-style-type: none"> • Ульяновская область • Саратовская область • Удмуртская Республика • Самарская область • Пермский край • Оренбургская область • Нижегородская область 	<ul style="list-style-type: none"> • Чувашская Республика • Пензенская область • Республика Мордовия • Кировская область • Республика Марий Эл

Рис. 12. Ранжирование санаторно-курортных объектов туристского профиля в регионах
 Источник: составлено авторами.

В результате проведенного ранжирования образовалась группа регионов, которые являются лидерами в наличии на своей территории санаторно-курортных объектов. К таким регионам были отнесены Республика Башкортостан, которая имеет 62 санаторно-курортных объекта, и Татарстан (55 объекта). Оба региона обладают высоким потенциалом развития санаторно-курортной сферой и осуществляют мероприятия по ее улучшению. В Республике Татарстан важным является развитие курортов на базе лечебных минеральных источников, таких как Бугульма, Зеленодольск и Арск. Здесь также активно развиваются спа-центры и отели с лечебными процедурами. В Республике Башкортостан особое внимание уделяется развитию горноклиматических курортов, таких как Мраково, где туризм развивается высокими темпами, Абзаково и Банное. Здесь туристы могут не только восстанавливать здоровье, но и заниматься зимними видами спорта. Также популярны курорты на базе лечебных источников и лечебных грязей. Обе республики активно работают над созданием современной инфраструктуры, развитием туристических маршрутов и привлечением инвестиций для совершенствования услуг. Развитие сферы санаторно-курортного отдыха способствует улучшению здоровья населения, созданию новых рабочих мест и привлечению туристов со всего мира.

В группу регионов со средними значениями показателя санаторных объектов и курортной сферы были отнесены семь регионов, которые обладают высоким потенциалом по реализации мероприятий, связанных с продвижением объектов, осуществлением грамотной и выверенной работы в данной области, а также грамотной работы по сохранению памятников истории архитектуры. Стоит отметить тот факт, что, например, в Самарской области дальнейшее развитие санаторно-курортной отрасли также играет важную роль в развитии туризма и улучшении здоровья населения. В Самарской области особую популярность имеет курортный поселок Жигулевск, расположенный на берегу Волги (Карпова, Водовода,

2019). Здесь обустроены санатории и гостиницы, предлагающие широкий спектр лечебных процедур на основе минеральных источников и климатотерапии. Также в области развивается агротуризм, предлагающий возможность отдыха на природе и участия в сельскохозяйственных работах. Нижегородская область богата природными ресурсами и уникальными лечебными факторами. Особенно известен курортный поселок Боровое, где расположены санатории, замечательные лечебные источники и спа-центры. Также популярными являются курорты на озере Светлое и Саровское озеро. Обе области активно развивают санаторно-курортную инфраструктуру, улучшая качество предоставляемых услуг и реализуя все новые перспективы и возможности для оздоровления и рекреации. Не менее ответственным направлением является улучшение возможностей, создание инфраструктуры для занятия спортивным видом туризма, экотуризма и культурного туризма для привлечения путешественников различных интересов.

К регионам-аутсайдерам по показателю количества объектов курортной и санаторной сфер деятельности были сразу пять регионов, у которых существуют определенные проблемы в области содержания и работы предприятий санаторно-курортной отрасли. Одной из проблем является крайне малое количество санаторно-курортных организаций, составляющих базу в регионе. При наличии такого рода предприятий уровень обслуживания и предоставления услуг в них может быть крайне низкий и требующий улучшенных условий. Проблематика данных регионов заключается как в управленческой, так и в производственной сферах деятельности.

Заключение

В ходе выполнения основных задач проведенного исследования по анализу локальных систем в туристской сфере экономики регионов Приволжского округа были определены вызовы, которые существуют в туристской отрасли и в индустрии гостеприимства: необходимость модернизировать гостиничную сферу регионов, улучшать пути взаимодействия с партнерами и поставщиками услуг, создавать возможности для обучения персонала и качественного предоставления услуг потребителю в дальнейшем, улучшение механизмов работы с туристской инфраструктурой и формирование качественного регионального туристского продукта. Не менее важной задачей является и работа с местным населением в туристско-рекреационной сфере с целью появления новых анимационных программ в сфере туризма, создания уникальных туристских продуктов и экскурсионных программ.

В результате анализа были выделены возможности и перспективы туристской сферы в регионах: усиление программы развития видов ту-

ризма в регионах – экологического, спортивного, историко-культурного, познавательного и др., разработку маршрутов, создание необходимой туристской инфраструктуры, использование цифровых технологий для повышения качества обслуживания и привлечения новых посетителей. Таким образом, для достижения всех условий устойчивого развития туризма и локальных систем в анализируемых регионах важно принимать во внимание всю существующую проблематику, взаимодействие со всеми сторонами, заинтересованными в туристской работе, а также принятие таких решений, которые будут включать комплексный анализ всех существующих данных. С целью обеспечения устойчивого развития туризма во всех регионах ПФО прежде всего важно принимать во внимание образовательный аспект развития туристской отрасли, повышению квалификации туристских рабочих групп в регионах, увеличению партнерской сети и сети поставщиков туристских услуг, а также созданию совместных туристских проектов с близлежащими регионами для привлечения туристов. Необходимо также осуществлять мониторинг и оценку влияния туристской деятельности на окружающую среду и местное население, чтобы принимать своевременные меры по улучшению ситуации. Важно также содействовать социально-экономическому развитию региона через развитие туризма, появление рабочих мест на предприятиях туристской сферы и увеличение показателей благосостояния местного населения. Учитывая все эти аспекты и рекомендации, можно сделать вывод, что сам фактор устойчивого развития локальных систем в сфере туризма является сложным, но вполне осуществимым процессом при грамотном управлении, сотрудничестве всех заинтересованных сторон и принятии сбалансированных решений.

Список литературы

- Агешкина, Н. А. (2021). *Основы турагентской и туроператорской деятельности*. ИНФРА-М.
- Андреев, В. Д. (2021). *Организация и методика риск-ориентированного аудита в туризме*. ИНФРА-М.
- Арсланова Г. Х., & Хисматуллин М. М. (2017). Проблемы развития предпринимательской деятельности в индустрии туризма и гостеприимства. *Экономика и предпринимательство*, 5 (2), 942–945
- Богданов, Е. И. (2021). *Экономика отрасли туризма*. ИНФРА-М.
- Боголюбов, В. С. (2021). *Туристско-рекреационное проектирование*. Юрайт.
- Боголюбов, В. С. (2021). *Финансовый менеджмент в туризме и гостиничном хозяйстве*. Юрайт.
- Бугорский, В. П. (2021). *Организация туристской индустрии. Правовые основы*. Юрайт.
- Бушуева, И. В. (2020). Трансформация системы государственного регулирования сферы туризма. *Сервис в России и за рубежом*, 5(92), 61–71. <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2020-10505>

Валеева, Е. О. (2018). *Туризм как стратегический приоритет территории*. ИНФРА-М.

Дуздибаева, А. С. (2018). Современное состояние российского туризма. *Молодой ученый*, 7, 390–393.

Дурович, А. П., Кабушкин, Н. И., & Сергеева, Т. М. (2019). *Организация туризма*. Новое знание.

Карпова, Г. А., & Водовода, А. В. (2019). *Концепция устойчивого развития туризма и рекреационная деятельность на охраняемых природных территориях*. (2-е изд.). Юрайт.

Котанс, А. Я. (2019). *Технология социально-культурного сервиса и туризма*. (3-е изд.). ФЛИНТА.

Маргиева, Н. Т. (2020). Сфера туризма в России: состояние и перспективы развития. *Экономика и предпринимательство*, 10(1), 141–145

Морозов, М. А. (2021). *Экономика организации туризма*. (5-е изд.). Юрайт.

Мотышина, М. С. (2021). *Менеджмент туризма*. (2-е изд.). Юрайт.

Овчаров, А. О. (2021). *Экономика туризма*. (3-е изд.). ИНФРА-М.

Орловская, В. П. (2021). *Технология и организация предприятия туризма*. ИНФРА-М.

Остроумов, О. В. (2022). *Туризм. Продвижение российского турпродукта: возможности и реальность*. Финансы и Статистика.

Панова, А. В. (2021). *Статистика туризма*. ИНФРА-М.

Пахомова, О. М. (2021). *Стандартизация и контроль качества туристских услуг*. ИНФРА-М.

Пирогова, О. В. (2017). Роль устойчивого туризма в мире. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, 7(2), 305–209.

Романова, М. М. (2019). Характеристика особенностей индустрии гостеприимства как объекта управления. *Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО*, 5, 88–90.

Швец, И. Ю. (2018). *Региональное управление конкурентоспособностью туристических услуг: методология и практика*. Феникс.

Bergman, M., & Charles, D. (2018). Innovative Clusters: Drivers of National Innovation Systems. *Organization for Economic Cooperation and Development*, 5(2), 189–201. <https://doi.org/10.1787/9789264193383>

Bianchi, R. V., & de Man, F. (2020). Tourism, inclusive growth and decent work: a political economy critique. *Journal of Sustainable Tourism*, 1–19. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1730862>

Chang, H. J., & Lin, J. (2019). Should Industrial Policy in Developing Countries conform Comparative Advantage or Defy it? *Development Policy Review*, 27(5). <https://doi.org/10.1111/j.1467-7679.2009.00456.x>

Groonroos, C. (1989). Strategic Marketing in the Service Sector. *Journal of Marketing*, 8, 72–81.

Krugman, P. R., & Obstfeld, M. (2006). *International economics: Trade and policy*. (7th ed.). Boston: Pearson eddison Wesley.

References

Ageshkina, N. A. (2021). *Fundamentals of travel agency and tour operator activities*. INFRA-M.

Andreev, V. D. (2021). *Organization and methodology of risk-based audit in tourism*. INFRA-M.

- Arslanova, G. K., & Khismatullin M. M. (2017). Problems of business development in the tourism and hospitality industry. *Economics and Entrepreneurship*, 5(2), 942–945
- Bogdanov, E. I. (2021). *Economics of the tourism industry*. INFRA-M.
- Bogolyubov, V. S. (2021). *Financial management in tourism and hotel industry*. Juright.
- Bogolyubov, V. S. (2021). *Tourist and recreational design*. Juright.
- Bugorsky, V. P. (2021). *Organization of the tourism industry. Legal basis*. Juright.
- Bushueva, I. V. (2020). Transformation of the system of state regulation of the tourism sector. *Service in Russia and abroad*, 5(92), 61–71. <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2020-10505>
- Durovich, A. P., Kabushkin N. I., & Sergeeva T. M. (2019). *Organization of tourism*. New knowledge.
- Duzdibaeva, A. S. (2018). The current state of Russian tourism. *Young Scientist*, 7, 390–393.
- Karpova, G. A., & Vodovoda A. V. (2019). *The concept of sustainable development of tourism and recreational activities in protected natural areas*. (2nd ed.). Juright.
- Kotens, A. Y. (2019). *Technology of social and cultural service and tourism*. (3rd ed.). FLINT.
- Margieva, N. T. (2020). The tourism sector in Russia: state and development prospects. *Economics and Entrepreneurship*, 10(1), 141–145
- Morozov, M. A. (2021). *Economics of tourism organization*. (5th ed.). Juright.
- Motyshina, M. S. (2021). *Tourism management*. (2nd ed.). Juright.
- Orlovskaya, V. P. (2021). *Technology and organization of tourism enterprises*. INFRA-M.
- Ostroumov, O. V. (2022). *Tourism. Promotion of Russian tourism products: possibilities and reality*. Finance and Statistics.
- Ovcharov, A. O. (2021). *Economics of tourism*. (3rd ed.). INFRA-M.
- Pakhomova, O. M. (2021). *Standardization and quality control of tourism services*. INFRA-M.
- Panova, A. V. (2021). *Tourism statistics*. INFRA-M.
- Pirogova, O. V. (2017). The role of sustainable tourism in the world. *International Journal of Applied and Basic Research*, 7(2), 305–209.
- Romanova, M. M. (2019). Characteristics of the characteristics of the hospitality industry as an object of management. *Economics, statistics and computer science. Bulletin of UMO*, 5, 88–90.
- Shvets, I. Y. (2018). *Regional management of competitiveness of tourism services: methodology and practice*. Phoenix.
- Valeeva, E. O. (2018). *Tourism as a strategic priority of the territory*. INFRA-M.

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

И. И. Дерен¹

Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний /
Владимирский филиал РАНХиГС (Владимир, Россия)

А. Д. Земляникина²

Министерство экономического развития
и промышленности Владимирской области (Владимир, Россия)

УДК: 338.48

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-13

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИСТСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕРЕЗ КЛАСТЕРИЗАЦИЮ В РАМКАХ ПРОГРАММНО-ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья посвящена разработке модели развития регионального туристского потенциала через кластеризацию в рамках программно-проектного подхода (на примере Владимирской области). Методологическую основу работы составляет анализ основных показателей деятельности туристских фирм и коллективных средств размещения с 2015 по 2022 г., а также актуальных научных публикаций. В статье дана оценка общего состояния и динамики развития туристского рынка во Владимирской области. Оценка осуществлена на основании данных по численности туристов (граждан Российской Федерации и иностранных граждан), находившихся в коллективных средствах размещения (в том числе и по целям поездок), численности российских туристов, отправленных туристскими фирмами в туры и численности иностранных туристов, принятых туристскими фирмами. Установлено, что региональные меры поддержки туристской отрасли нарастают ежегодно, что положительно сказывается на расширении туристской инфраструктуры и турпотока в целом. Определены недооцененные на сегодняшний день муниципальные образования Владимирской области, форматы, а также сформирован пул проблем, сдерживающих

¹ Дерен Иванна Ивановна — д.э.н., профессор, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний; Владимирский филиал РАНХиГС; e-mail: deren-ivanna@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9652-4092.

² Земляникина Анастасия Дмитриевна — начальник отдела мониторинга и контроля реализации программ и проектов управления программ и проектов, Министерство экономического развития и промышленности Владимирской области; e-mail: n.zemlanikina@mail.ru, ORCID: 0009-0007-5494-3329.

© Дерен Иванна Ивановна, 2025

© Земляникина Анастасия Дмитриевна, 2025

развитие туристского потенциала Владимирской области. Раскрыты современные подходы к решению пула проблем. Разработана модель развития регионального туристского потенциала через кластеризацию в рамках программно-проектного подхода (на примере Владимирской области). Данная модель позволяет учитывать просторственные аспекты развития туризма на уровне конкретных муниципалитетов Владимирской области, в то же время все проекты, объединенные в общий портфель проектов, обеспечат сбалансированное развитие всех муниципалитетов без сосредоточения на территориях — «лидерах» по посещаемости туристами. Результаты работы вносят вклад в развитие новых региональных решений в рамках разработки и реализации региональной политики в сфере туризма.

Ключевые слова: модель развития регионального туристского потенциала, кластеризация, программно-проектный подход.

Цитировать статью: Дерен, И. И., & Земляникина, А. Д. (2025). Разработка модели развития регионального туристского потенциала через кластеризацию в рамках программно-проектного подхода (на примере Владимирской области). *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 289–303. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-13>.

I. I. Deren

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service /
Vladimir Branch of the RANEPА (Vladimir, Russia)

A. D. Zemlyanikina

Ministry of Economic Development and Industry
of the Vladimir Region (Vladimir, Russia)

JEL: 338.48

**DEVELOPMENT OF A MODEL FOR THE
DEVELOPMENT OF REGIONAL
TOURIST POTENTIAL THROUGH CLUSTERIZATION
WITHIN THE FRAMEWORK OF A PROGRAM
AND PROJECT APPROACH
(EXAMPLE OF THE VLADIMIR REGION)**

The article is devoted to the development of a model for the development of regional tourism potential through clustering within the framework of a program-project approach (using the example of the Vladimir region). The methodological basis of the work is an analysis of the main performance indicators of tourism firms and collective accommodation facilities from 2015 to 2022, as well as current scientific publications. The article provides an assessment of the general condition and dynamics of development of the tourism market in the Vladimir region. The assessment was carried out based on data on the number of tourists (citizens of the Russian Federation and foreign citizens) accommodated in collective accommodation facilities (including by purpose of travel), the number of Russian tourists sent by travel companies on tours and the number of foreign tourists accepted by travel firms. It has been established that regional measures to support the tourism industry are increasing

annually, which has a positive effect on the expansion of tourism infrastructure and tourist flow in general. The currently underestimated municipalities of the Vladimir region and formats have been identified, and a pool of problems has been formed that hinder the development of the tourism potential of the Vladimir region. Modern approaches to solving a pool of problems are revealed. A model for the development of regional tourism potential through clustering within the framework of a program-project approach has been developed (using the example of the Vladimir region). This model makes it possible to take into account the spatial aspects of tourism development at the level of specific municipalities of the Vladimir region, at the same time, all projects combined into a common portfolio of projects will ensure the balanced development of all municipalities without focusing on the “leading” territories in terms of tourist attendance. The results of the work contribute to the development of new regional solutions within the framework of the development and implementation of regional tourism policy.

Keywords: model for the development of regional tourism potential, clustering, program-project approach.

To cite this document: Deren, I. I., & Zemlyanikina, A. D. (2025). Development of a model for the development of regional tourist potential through clusterization within the framework of a program and project approach (example of the Vladimir Region). *Lomonosov Economics Journal*, 60(1), 289–303. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-13>

Введение

В настоящее время спрос на внутренние направления демонстрирует поступательный рост. В 2023 г. фиксируется увеличение числа отправленных туристов по России в четыре раза в сравнении с 2022 г. (Интерфакс. Куда поедут российские туристы на новогодние праздники в России и за рубежом, 2023).

Владимирская область с учетом ее особенностей географического положения, богатым историко-культурным наследием, значительным природным потенциалом обладает всеми возможностями расширения рынка туристских услуг, создания новых туристских продуктов с целью повышения туристской привлекательности региона и создания благоприятных условий для привлечения инвестиций в отрасль туризма региона. Владимирская область имеет стратегическое положение на карте России, соседствуя с Московской (на западе и юго-западе), Нижегородской (на востоке), Ярославской, Ивановской (на севере) и Рязанской (на юге) областями. Это обеспечивает туристскую и инвестиционную привлекательность региона (АНО «ТИЦ», 2023).

Пространственные аспекты развития туризма на уровне конкретных территориальных образований в настоящее время являются областью активного научного интереса, в том числе таких исследователей как В. А. Минаев, А. О. Фаддеев (Минаев, Фаддеев, 2009), Н. А. Платонова, О. И. Вапнярская. В то же время проблема устойчивого развития туризма является наиболее обсуждаемой и дискуссионной в рамках исследований М. А. Мо-

розова, Н. В. Рубцовой (Морозов, Рубцова, 2019). Однако при растущем числе научных работ по тематике развития туристской отрасли в рамках конкретных территорий наблюдается малое количество публикаций по вопросам государственного регулирования и поддержки туристской отрасли. В научном сообществе данную тематику рассматривали Д. А. Бабушкина (Бабушкина, 2020), А. С. Тавицкая, Д. К. Широкова (Тавицкая, Широкова, 2018), И. А. Чеботарева (Чеботарева, 2020), С. А. Чернякова (Чернякова, 2019) и др.

Методология исследования

С целью изучения текущего состояния туризма во Владимирской области были проанализированы данные официального статистического учета, размещаемые на портале Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области, по категории «Туризм» за период с 2015 по 2022 г. и результаты Национального туристического рейтинга 2022 г.

Авторами ставились задачи по определению ключевых успехов развития туризма во Владимирской области за указанный период, а также определению недооцененных в части турпотоков территорий, форматов и локаций.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в области регионального управления в сфере организации туристской индустрии Владимирской области.

Предметом исследования являются социально-экономические и организационно-правовые отношения, формирующиеся в процессе реализации региональной политики в сфере организации туристской индустрии Владимирской области.

На основании полученных результатов исследования авторами выработаны предложения по актуальным направлениям государственной поддержки туристской отрасли Владимирской области, а также предложена модель развития регионального туристского потенциала через кластеризацию в рамках программно-проектного подхода.

Тенденции туризма во Владимирской области

Динамично развивающимся сектором экономики Владимирской области является туризм (7% в ВРП области) (Кузнецов, Дерен, 2019). По итогам национального туристического рейтинга 2022 г. Владимирская область вошла в первую, «золотую», группу рейтинга под названием «Лидеры», заняв 24-е место с количеством баллов 84,8 (Национальный туристический рейтинг — 2022). Владимирская область вошла в топ-10 направлений для туризма в России. В области побывали 8,8% туристов, что позволило занять региону 5-е место.

Ключевыми конкурентными преимуществами развития туризма во Владимирской области являются наличие потенциала для развития разнообразных видов туризма и создание множества точек притяжения, ориентированных на любые группы потребителей (Дерен, Земляникина, 2023, с. 16). Так, на территории региона насчитывается более 3,5 тыс. объектов культурного наследия, 8 памятников, включенных в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, два федеральных музея — Владимиро-Суздальский музей-заповедник, музей-заповедник «Александровская Слобода», 3 областных и 17 муниципальных музеев, 22 частных музея (Соломина, Шудина, 2023, с. 123). На территории Владимирской области сохранились 27 усадебных ансамблей.

В последние годы туристская отрасль Владимирской области переживает перестройку направлений туристских интересов россиян (Фадеева, Авдонина, 2021, с. 77). В настоящее время ключевыми конкурентными преимуществами развития туризма во Владимирской области являются наличие потенциала для развития разнообразных видов туризма и создание множества точек притяжения, ориентированных на любые группы потребителей (Дерен, 2020, с. 34). Актуальными для региона видами туризма выступают деловой, событийный, культурно-познавательный, детский, паломнический, экологический туризм; перспективными — оздоровительный, деловой, спортивный, сельский туризм, автотуризм, отдыха выходного дня.

Важнейшим показателем развития туристской отрасли Владимирской области является количество въезжающих в регион туристов. Объем туристского потока служит барометром выполнения поставленных задач по повышению качества туристских услуг, созданию и продвижению новых туристских продуктов (Aglou, 2020), совершенствованию туристской и информационной инфраструктур (Чхотуа, Мурадов, 2023, с. 209).

Так, численность иностранных туристов, принятых туристскими фирмами, составляла в 2015 г. 14 457 человек, в 2016 г. — 15 508 человек, в 2017 г. — 14 096 человек, в 2018 г. — 4342 человека, в 2019 г. — 11 570 человек, в 2020 г. — 131 человек, в 2021 г. — 21 человек, в 2022 г. — 40 человек. Рассматривая туристский поток иностранных граждан во Владимирскую область, отметим, что в 2015–2017 гг. основной поток наблюдался из таких стран, как Китай (9094 человек), Италия (7966 человек), Тайвань (Китай) (5995 человек), Япония (3688 человек), Испания (2718 человек). В период 2018–2019 гг. структура основного потока туристов изменяется, первую позицию занимают иностранные туристы из Италии (4112 человек), вторая позиция у туристов из Тайваня (Китая) (2367 человек), третья у Франции (2270 человек) и четвертая у Германии (1011 человек). В 2020–2022 гг. туристские фирмы Владимирской области приняли 57 человек из Тайваня (Китай), 35 из Гонконга, 33 из Республики Беларусь, 16

из Франции, 12 из Италии, 10 из Мексики, 6 из Украины, США и Великобритании, 5 из Индонезии, 4 из Австралии, по 1 туристу из Казахстана и Швейцарии (Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области. Розничная торговля, услуги населению, туризм, 2023).

Современный уровень развития специализированной инфраструктуры Владимирской области, по мнению авторов, можно оценить как достаточно высокий.

Наблюдается тенденция роста числа объектов специализированной инфраструктуры (рис. 1).

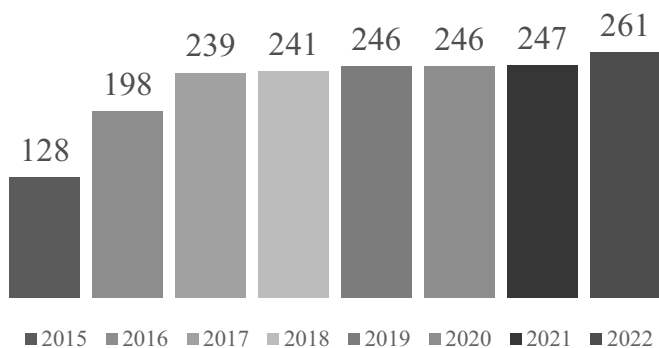

Рис. 1. Число коллективных средств размещения (всего, ед.)

Источник: расчеты авторов по данным (Владимирстат, 2023).

В функциональной структуре размещения туристов традиционно доминируют гостиницы и аналогичные средства размещения, число которых увеличилось на 45% с 2015 г. (110 единиц функционировало в 2015 г., в 2022 г. их число составило 200 единиц). Касательно специализированных средств размещения (включая загородные оздоровительные лагеря) аналогично наблюдается рост на 70% с 2015 г. (с 18 единиц в 2015 г. до 61 единицы в 2022 г.) (Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области. Розничная торговля, услуги населению, туризм, 2023).

Номерной фонд коллективных средств размещения с 2015 г. увеличился на 43% и достиг 8065 номеров, единовременная вместимость с 2015 г. увеличилась на 52% и достигла 21 663 мест.

В 2022 г. туристы оставались с ночевками в гостиницах и в других средствах размещения в целом на 1,91 млн ночей (рис. 2). Однако динамика числа размещенных лиц более выраженная, чем общая численность ночевок: всего с 2015 г. показатель по численности размещенных лиц увеличился на 39%, в то время как показатель по общей численности ночевок увеличился на 45%.

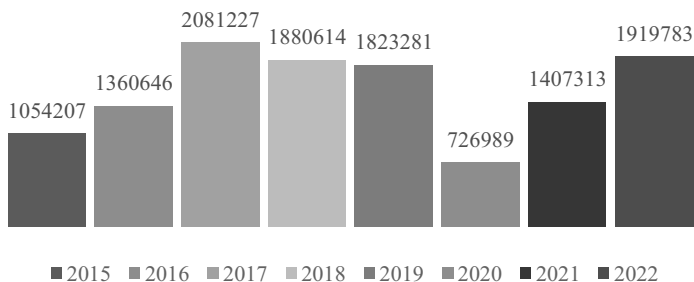

Рис. 2. Количество предоставленных ночевочек за год (всего, ед.)
 Источник: расчеты авторов по данным (Владимирстат, 2023).

Всего по итогам 2022 г. в гостиницах и других средствах размещения с ночевками оставалось более 672 тыс. постояльцев, что больше, чем в 2021 г. на 11%, и больше, чем в 2018 г. на 4%, а также больше, чем в 2015 г. на 39% (рис. 3).

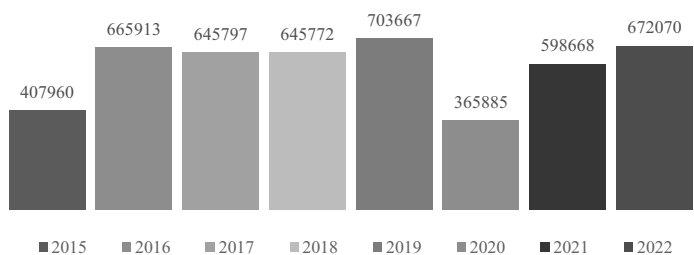

Рис. 3. Численность размещенных лиц (всего, человек)
 Источник: расчеты авторов по данным (Владимирстат, 2023).

Основные цели туризма согласно приложению 1 в период с 2018 по 2022 г. среди граждан, размещенных в коллективных средствах размещения, — личные: отпуск, досуг и отдых. Вторую позицию в рамках личной цели в 2018 и 2019 гг. занимали лечебные и оздоровительные процедуры, однако уже с 2020 г. указанную позицию со стабильным ростом занимает категория «Прочие». Только в части численности лиц, размещенных в специализированных средствах размещения, с 2018 г. сохраняется устойчивая вторая позиция по лечебным и оздоровительным процедурам. Малая доля — в образовательных целях. Самый малый поток туристов приезжает в религиозных/паломнических целях (Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области. Розничная торговля, услуги населению, туризм, 2023). В период с 2015 по 2017 г. лидирующие позиции по целевым составляющим занимают «Отпуск, досуг и отдых» и «Лечебные и оздоровительные процедуры», однако в 2017 г. вторую позицию заняла цель «Образование

и профессиональная подготовка». Стабильный рост наблюдается в части деловых и профессиональных целей.

Характеризуя особенности развития коллективных средств размещения по целям поездок, следует отметить неравномерное развитие: устойчивый рост количества поездок в целях отпуска, отдыха, и досуга, а также снижение количества поездок в деловых и профессиональных целях (по сравнению с 2018 г.), за исключением показателя по численности лиц, размещенных в специализированных средствах размещения.

На протяжении 2021–2022 гг. во Владимирской области наблюдается позитивный тренд роста численности размещенных в коллективных средствах размещения лиц, его величина уже достигла докризисных показателей 2018–2019 гг. несмотря на резкое сокращение численности иностранных граждан, находившихся в коллективных средствах размещения. Если в 2015 г. их число составляло более 57 тыс. человек, то уже в 2016 г. произошел рост в 1,5 раза до 93 тыс. человек. Порог в 100 тыс. человек был преодолен в 2017 г.: численность иностранных граждан составила 124,6 тыс. человек. В 2018 г. их число составило более 102 тыс. человек, то в 2020 г. — 933 человека, в 2021 г. — 7,6 тыс. человек, а в 2022 г. — 13,8 тыс. человек. При этом наблюдается значительный рост туристов, находившихся в коллективных средствах размещения: в 2015 г. их число составляло более 350 тыс. человек, в 2017 г. — более 521 тыс. человек, в 2018 г. — более 543 тыс. человек, в 2020 г. — 361,6 тыс. человек, в 2021 г. — 591,1 тыс. человек, а в 2022 г. — 658,3 тыс. человек (на 46% больше, чем в 2015 г.) (Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области. Розничная торговля, услуги населению, туризм, 2023).

Кризисные явления изменили сложившиеся привычки туристов, сильно поменяв географию поездок и предпочтения. Владимирская область имеет большой потенциал в рамках развития культурно-познавательного туризма. Самыми распространенными и востребованными являются классические двух-, трехдневные туры в рамках туров по «Золотому кольцу России», «От Оки до Волги» и иных. Самый большой поток гостей едет из Московской области (60%), на втором месте — туристы из Нижегородской области (10%), по 3–4% приходится на жителей Ярославской, Костромской, Рязанской областей (Комсомольская правда, 2023). Особый интерес у туристов вызывают событийные мероприятия — фестивали и музыкальные конкурсы (во Владимире, Суздале — в частности, «Всероссийский Танеевский музыкальный фестиваль», «День семьи, любви и верности», Историко-культурный фестиваль «Александровская слобода» и иные).

В случае выбора жителями Владимирской области зарубежных стран в качестве туристской дестинации странами — лидерами по приему туристов из Владимирской области в период с 2015 по 2017 г. были Тур-

ция (18 526 человек) и Египет (7338 человек), Тунис (4112 человек), Кипр (3589 человек) и Таиланд (3552 человек). С 2018 по 2022 г. первые три страны-лидера сохраняются: Турция (51 380 человек), Египет (684 человек), Тунис (5243 человек). Однако на четвертую позицию вышли Объединенные Арабские Эмираты (4579 человек), сохранил пятую позицию Таиланд (3349 человек) согласно приложению 2. Среди указанных стран прослеживается рост туристского потока с 2021 г. только в Абхазии (+9%), Египте (+31%), Объединенных Арабских Эмиратах (+106%), Таиланде (+1766%).

Как и в других регионах России, большим спросом у жителей Владимирской области пользуется Турция ввиду того, что сети отелей этой страны предоставляют огромное число услуг, а качество обслуживания улучшается с каждым годом (Замятина, 2023, с. 64). Несмотря на кризис, популярным местом отдыха для жителей региона остается Египет. Также растет поток туристов в Таиланд, особенно в зимний период. К зимним вариантам отдыха относится ОАЭ.

С 2021 г. растет поток туристов из Владимирской области более чем в 3 раза в Беларусь, Вьетнам, Грузию, Индию, Казахстан, Шри-Ланку. За последний год увеличилось число туристов Владимирской области, выбирающих в качестве туристской дестинации Мальдивы (Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области. Розничная торговля, услуги населению, туризм, 2023).

Ключевым элементом развития туристской отрасли региона являются особенности ее финансирования (Перевозчикова, 2023, с. 22). За последние 3 года объемы финансирования значительно возросли ввиду расширения мер и объемов поддержки туристской отрасли Владимирской области: если в 2021 г. финансирование отраслевой государственной программы составляло 63,7 млн руб., в 2022 г. — 221,4 млн руб. (в 3,5 раза больше 2021 г.), то в 2023 г. уже 738,2 (в 3,3 раза больше 2022 г.). Ключевыми направлениями финансирования стали финансовая поддержка реализации общественных инициатив, направленных на развитие туристской инфраструктуры (обустройство пляжей на берегах рек, озер, приобретение оборудования (снаряжения, инвентаря, экипировки и прочего) для обеспечения туристской деятельности и расширения доступности для лиц с ограниченными возможностями здоровья, создание пунктов общественного питания) и обеспечение господдержкой развития инфраструктуры туризма (приобретение туристского оборудования, организацию круглогодичного функционирования плавательных бассейнов (приобретение систем подогрева, мобильных погружных устройств для лиц с ограниченными возможностями здоровья), создание электронных путеводителей по туристским маршрутам) (Министерство финансов Владимирской области, 2023).

Значимой является поддержка инициативных и управленческих решений на уровне региона и муниципальных образований Владимирской области с последующей упаковкой в проектные решения как с государственной поддержкой, так и с привлечением внебюджетных источников. Актуальной выступает практика создания координационных (ситуационных) центров для принятия оперативных решений на межведомственном уровне (особенно в рамках масштабных мероприятий — в частности, празднования 1000-летия Суздаля). Активизация научного сопровождения и кадрового обеспечения (в том числе аккредитованными экскурсоводами) территорий приоритетного туристско-рекреационного развития Владимирской области (в частности Александрова, Гороховца, Гусь-Хрустального и Мурома) станет основой для проведения туристско-рекреационной экспертизы территорий и создания локальных туристских проектов.

В настоящее время для полноценной переориентации туристского потока на внутрироссийский рынок, в том числе и на Владимирскую область, требуется системный подход, основу которого должно составлять взаимодействие между отраслевым исполнительным органом области в сфере туризма и федеральными ведомствами как по созданию туристской инфраструктуры, так и по информационному сопровождению точек притяжения. Ядром данного взаимодействия предлагается использование кластерного подхода, который объединит соответствующие проекты по развитию территорий в составе Владимирской области в единый портфель проектов (рис. 4).

В тесной синхронизации с национальными целями развития Российской Федерации проекты по развитию кластеров будут «насыщены» содержанием только по конкретным территориям («точкам роста») Владимирской области, позволяя выстраивать планы их развития и отслеживать их выполнение. Это позволит обеспечивать сбалансированное развитие туристского потенциала территорий Владимирской области, исключив концентрацию материальных и нематериальных активов только на уже известных туристских дестинациях (таких как Суздаль, Гороховец, Муром).

Практические способы перехода к развитию в рамках кластерного подхода позволят сформировать несколько кластеров на территории Владимирской области, в частности (в укрупненном виде):

- 1) в Кластер № 1 могут быть объединены Вязниковский, Гороховецкий, Селивановский и Меленковский районы, округ Муром, Муромский район;
- 2) в Кластер № 2 могут быть объединены Камешковский, Ковровский, Судогодский, Гусь-Хрустальный районы, город Гусь-Хрустальный;
- 3) Кластер № 3 составят Юрьев-Польский, Суздальский, Собинский, Петушинский районы;
- 4) в Кластер № 4 войдут Александровский, Киржачский, Кольчугинский районы.

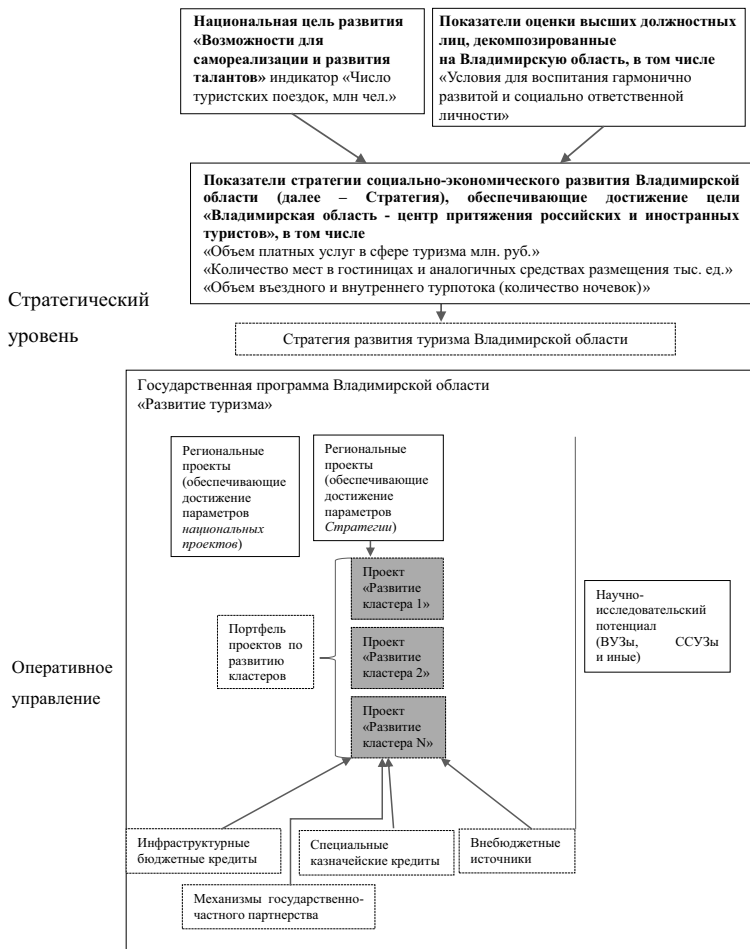

Рис. 4. Модель развития регионального туристского потенциала через кластеризацию в рамках программно-проектного подхода (на примере Владимирской области)

Источник: составлено авторами.

Подход с позиций объединения муниципальных образований в туристские кластеры и последующей «упаковки» в проекты станет стимулом для привлечения и использования таких механизмов финансового обеспечения как инфраструктурные бюджетные кредиты и специальные казначейские кредиты, входящие в «инфраструктурное меню» (рис. 4). Привлечение внебюджетных источников финансирования позволит обеспечить развитие инновационной составляющей проектов по развитию кластеров, а также региональных цифровых технологических решений.

Использование указанных цифровых решений не только будет «базой данных» для отслеживания динамики развития туристских потоков в регионе, но и позволит представлять новые туристские продукты на основе складывающихся тенденций, обеспечивать их продвижение через новые цифровые каналы коммуникации, а также выстраивать сотрудничество, необходимое для кластеризации.

Важным элементом при практической реализации проектов по развитию туристских кластеров является наращивание собственного научно-исследовательского потенциала, а также кооперация и сотрудничество с ведущими «провайдерами знаний» в туристской отрасли в России как на этапе разработки региональной государственной политики (целеполагание и формирование планов реализации), так и на последующих этапах ее реализации (рис. 4).

Результаты и рекомендации

Однако в ходе анализа динамики туристских потоков во Владимирской области были выделены основные факторы, сдерживающие развитие туризма в Владимирской области:

- отсутствие системных исследований туристского рынка во Владимирской области;
- отсутствие единой стратегии развития туризма во Владимирской области;
- недостаточный уровень логистических решений и инфраструктуры туризма;
- отсутствие единого туристского фирменного стиля Владимирской области и комплексной системы брендинга территории (существуют только единичные стили под конкретную туристскую территорию (мероприятие), влияющих на эффективность продвижения туристских продуктов Владимирской области);
- недостаточное количество объектов размещения для приема больших групп туристов;
- высокая ценовая политика коллективных средств размещения;
- большее количество поездок во Владимирскую область – поездки выходного дня;
- недостаточный уровень продвижения туристских маршрутов для различных групп туристов (например, автотуристов);
- потребность в персонале туристской отрасли как со средним профильным, так и высшим профильным образованием.

Исследование состояния и тенденций развития туристской отрасли Владимирской области позволяет выделить основные преимущества региона: уникальность географического положения области, открывающую большие возможности для привлечения туристов из приграничных реги-

онов при условии повышения качества туристских услуг и расширении спектра туристских продуктов.

Можно сформулировать рекомендации по дальнейшему развитию отрасли туризма на региональном уровне: использовать разработанную модель развития регионального туристского потенциала через кластеризацию в рамках программно-проектного подхода как во Владимирской области, так и в других регионах Российской Федерации, создать туристские маршруты для конкретных целевых групп от потребностей и интересов туристов, формирование и интенсивное продвижение туристского бренда Владимирской области со стороны региональных органов власти, стимулировать собственников коллективных средств размещения для участия в системе лояльности для туроператоров; масштабировать информационные кампании о мероприятиях (событиях) во Владимирской области; развивать региональную художественную промышленность и художественные промыслы исследуемого региона; инициировать инвестиционные проекты по возрождению усадеб и иных исторических объектов Владимирской области со стороны региональных и муниципальных органов власти.

В новых условиях важно сохранить преемственность в сложившейся на протяжении последних лет системе стратегического и оперативного управления развитием туризма в тесной взаимосвязи федеральных, региональных, муниципальных органов управления, а также бизнес-сообществ.

Список литературы

АНО «ТИЦ». (2023). *Общая информация о Владимирской области*. <https://vizitvladimir.ru/region/obshchaya-informatsiya/>

Бабушкина, Д. А. (2020). История гражданско-правового регулирования отношений в сфере туризма в Российской Федерации. *Сервис в России и за рубежом*, 14(5), 27–30.

ГТРК Владимир. (2022). *Владимирская область вошла в топ-10 направлений для туризма в России* (18.12). <https://vladtv.ru/society/139991/>

Замятина, Н. А. (2023). Анализ больших данных и изменение потребительских предпочтений в мировом туризме в постпандемийный период. *Вестник университета*, 1(6), 58–66. DOI: 10/26425/1816-4277-2023-6-58-66

Дерен, И. И., & Земляникина, А. Д. (2023). Актуализация классификации видов туризма в условиях новой экономической реальности. *Научно-практический журнал «Ученые записки»*, 3(47), 14–21.

Дерен, И. И. (2020). Экономические тенденции в сфере услуг в Российской Федерации с учетом глобальных факторов. *Вестник Национальной академии туризма*, 3(55), 34–37.

Интерфакс. (2023). *Куда поедут российские туристы на новогодние праздники в России и за рубежом* (15.12). https://tourism.interfax.ru/ru/analytics/market_overview/104608/

Комсомольская правда. (2023). *Владимирская область будет создавать туристические маршруты с другими регионами*. (04.12). <https://www.vladimir.kp.ru/daily/27589.5/4860113/>

Кузнецов, Ю. В., & Дерен, И. И. (2019). Исследование внутреннего финансового контроля на региональном уровне: проблемы и перспективы решения. *Проблемы современной экономики*, 2(70), 146–148.

Минаев, В. А., & Фаддеев, А. О. (2009). *Оценки геоэкологических рисков. Моделирование безопасности туристско-рекреационных территорий*. ИНФРА-М. 370 с.

Министерство финансов Владимирской области. (2023). *Исполнение бюджета области*. <https://mf.avо.ru/ispolnenie-budzeta-oblasti>

Морозов, М. А., & Рубцова, Н. В. (2019). Роль туризма в устойчивом социально-экономическом развитии регионов Сибирского федерального округа. *Региональная экономика: теория и практика*, 8, 187–198.

Национальный туристический рейтинг — 2022. (2022). <https://russia-rating.ru/info/21283.html>

Перевозчикова, А. К. (2023). Инструменты развития территорий в России: аналитический обзор. *Вестник университета*, 2, 21–32. DOI: 10/26425/1816-4277-2023-2-21-32

Соломина, И. Ю., & Шудина, В. С. (2023). Развитие экологического туризма на территориях региональных систем: опыт Владимирской области. *Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса*, 17(1), 119–130.

Тавицкая А. С., & Широкова, Д. К. (2018). Правовое регулирование туристской деятельности. *Вопросы науки и образования*, 3(15), 148–151.

Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области. Розничная торговля, услуги населению, туризм. (2023). <https://33.rosstat.gov.ru/trade>

Фадеева, С. А., & Авдоница, А. М. (2021). Развитие устойчивого туризма во Владимирской области: возможности и ограничения. *Ученые записки*, 4(40), 76–81.

Чеботарева, И. А. (2020). Компетенция субъектов РФ в сфере туризма: состояние правового регулирования и перспективы развития в свете новой Стратегии. *Административное и муниципальное право*, 1, 22–36. DOI: 10.7256/2454-0595.2020.1.31822

Чернякова, С. А. (2019). Отдельные аспекты правового регулирования туризма в России. *Сервис в России и за рубежом*, 3(85), 87–98. DOI: 10.24411/1995-042X-2019-10308

Чхотуа, И. З., & Мурадов, А. А. (2023). Глобальные и национальные тренды развития туризма в современных условиях. *Стратегирование: теория и практика*, 2(3), 207–217. DOI: 10.21603/2782-2435-2023-3-2-207-217.

Arlou, S. (2022). International Tourism And Recreation Development Trends In 2022: New Tourism Trends. *Journal of Pharmaceutical Negative Results*. DOI:10.47750/pnr.2022.13.S09.425

References

ANO “TIC”. (2023). *General information about the Vladimir region*. <https://vizitvladimir.ru/region/obshchaya-informatsiya/>

Babushkina, D. A. (2020). History of civil regulation of relations in the field of tourism in the Russian Federation. *Service in Russia and abroad*, 14(5), 27–30.

Chebotareva, I. A. (2020). Competence of the constituent entities of the Russian Federation in the field of tourism: the state of legal regulation and development prospects in the light of the new strategy. *Administrative and municipal law*, 1, 22–36. DOI: 10.7256/2454-0595.2020.1.31822

Chernyakova, S. A. (2019). Selected aspects of legal regulation of tourism in Russia. *Service in Russia and abroad*, 3(85), 87–98. DOI: 10.24411/1995-042X-2019-10308

Chkhotua, I. Z., & Muradov, A. A. (2023). Global and national trends in tourism development in modern conditions. *Strategy: theory and practice*, 2(3).

Deren, I. I. (2020). Economic trends in the service sector in the Russian Federation taking into account global factors. *Bulletin of the National Academy of Tourism*, 3(55), 34–37.

Deren, I. I., & Zemlyanikina, A. D. (2023). Updating the classification of types of tourism in the new economic reality. *Scientific and practical journal «Scientific Notes»*. 3(47), 14–21.

Fadeeva, S. A., & Avdonina, A. M. (2021). Development of sustainable tourism in the Vladimir region: opportunities and limitations. *Scientific notes*, 4(40), 76–81.

GTRK Vladimir. (2022). *The Vladimir region entered the top 10 destinations for tourism in Russia* (18.12). <https://vladtv.ru/society/139991/>

Interfax. (2023). *Where will Russian tourists go for the New Year holidays in Russia and abroad*. (15.12). https://tourism.interfax.ru/ru/analytics/market_overview/104608/

Komsomolskaya Pravda. (2023). The Vladimir region will create tourist routes with other regions. (04.12). <https://www.vladimir.kp.ru/daily/27589.5/4860113/>

Kuznetsov, Yu. V., & Deren, I. I. (2019). Study of internal financial control at the regional level: problems and prospects for solutions. *Problems of modern economics*, 2(70), 146–148.

Minaev, V. A., & Faddeev, A. O. (2009). *Geoeological risk assessments. Modeling the safety of tourist and recreational areas*. INFRA-M. 370 p.

Ministry of Finance of the Vladimir Region. (2023). *Execution of the regional budget*. <https://mf.avо.ru/ispolnenie-budzeta-oblasti>.

Morozov, M. A., & Rubtsova, N. V. (2019). The role of tourism in the sustainable socio-economic development of the regions of the Siberian Federal District. *Regional economics: theory and practice*, 8, 187–198.

National tourist rating – 2022. (2022). <https://russia-rating.ru/info/21283.html>

Perevozchikova, A. K. (2023). Instruments for the development of territories in Russia: an analytical review. *University Bulletin*, 2, 21–32. DOI: 10/26425/1816-4277-2023-2-21-32

Solomina, I. Yu., & Shudina, V. S. (2023). Development of ecological tourism in the territories of regional systems: experience of the Vladimir region. *Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service*, 17(1), 119–130.

Tavitskaya, A. S., & Shirokova, D. K. (2018). Legal regulation of tourism activities. *Issues of science and education*, 3(15), 148–151.

Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Vladimir Region. Retail trade, services to the population, tourism. (2023). <https://33.rosstat.gov.ru/trade> 207–217. DOI: 10.21603/2782-2435-2023-3-2-207-217.

Zamyatina, N. A. (2023). Big data analysis and changes in consumer preferences in global tourism in the post-pandemic period. *University Bulletin*, 1(6), 58–66. DOI: 10/26425/1816-4277-2023-6-58-66

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

А. А. Кисленок¹

Восточный центр государственного планирования
(Хабаровск, Россия)

Е. А. Сухарева²

Восточный центр государственного планирования
(Хабаровск, Россия)

УДК: 332.12, 338.2

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-14

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Определение основных направлений и приоритетов пространственного развития региона во многом обусловлено имеющимися ресурсами и возможностями входящих в его состав муниципальных образований. Именно на муниципальном уровне формируется основной потенциал развития региона, поскольку распределение природных ресурсов, деятельность хозяйствующих субъектов и сложившаяся система расселения имеют конкретную территориальную привязку. Следовательно, стратегический вектор пространственного развития региона должен формироваться с учетом возможностей муниципальных образований – выявления «локомотивов» регионального развития и муниципалитетов, требующих селективной поддержки. В связи с этим возникает необходимость проведения оценки потенциала развития локальных территорий (муниципалитетов). Основной задачей исследования является разработка методического подхода к оценке потенциала развития локальных территорий в контексте пространственного развития региона. Методологической основой исследования являются научные труды в области региональной экономики и пространственного развития, формирования и наращивания потенциала развития территориальных систем. В работе использованы методы статистического, факторного, системного, кластерного анализа. Основываясь на обобщении научных публикаций по вопросам выявления потенциала развития территорий, предложена авторская методика оценки потенциала развития муниципальных образований, которая учитывает факторы развития «первой и второй природы». В качестве структурных элементов потенциала развития муниципального образования выделены: природно-ресурсный, человеческий, транспортный и финансовый потенциалы. Оценка этих компонентов осуществля-

¹ Кисленок Александра Анатольевна — к.э.н., руководитель научных проектов, Восточный центр государственного планирования; e-mail: a.kislenok@vostokgosplan.ru, ORCID: 0000-0001-8324-7233.

² Сухарева Елена Алексеевна — старший экономист, Восточный центр государственного планирования; e-mail: e.suhareva@vostokgosplan.ru, ORCID: 0000-0002-1289-7797.

© Кисленок Александра Анатольевна, 2025

© Сухарева Елена Алексеевна, 2025

ется на основе системы показателей с использованием индексного метода. Апробация предложенного методического подхода проведена на примере муниципальных образований Камчатского края. Расчет интегральных показателей продемонстрировал существенную дифференциацию потенциалов муниципалитетов. На основе полученных оценок, с применением инструментов кластерного анализа, осуществлена группировка муниципалитетов и территориальное зонирование региона (выделено 5 экономических зон), что может быть использовано для разработки комплексных решений и приоритетов развития при разработке документов стратегического планирования.

Ключевые слова: потенциал, пространственное развитие, методика оценки, муниципальные образования, государственное управление.

Цитировать статью: Кисленок, А. А., & Сухарева, Е. А. (2025). Формирование методического подхода к оценке потенциала развития муниципальных образований. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 304–331. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-14>.

A. A. Kislenok

Eastern State Planning Center (Khabarovsk, Russia)

E. A. Sukhareva

Eastern State Planning Center (Khabarovsk, Russia)

JEL: C38, C43, O29, P25, R58

FORMING A METHODOLOGICAL APPROACH FOR THE MUNICIPALITIES POTENTIAL DEVELOPMENT EVALUATION

The determination of the main directions and priorities of the region's spatial development is largely determined by the resources and capabilities of its municipalities. The main development potential of the region is formed at the municipal level as the distribution of natural resources, activities of economic entities and the existing resettlement system have a specific territorial reference. Therefore, the strategic vector of the spatial development of the region should be formed taking into account the capabilities of municipalities, identifying the "locomotives" of regional development and municipalities that require selective support. Consequently, there is a need to assess development capacity of local territories (municipalities). The main objective of the study is to work out a methodical approach to assessing development potential of the local territories in the context of the region's spatial development. Scientific works in the field of regional economics and spatial development, establish and build the capacities for the development of territorial systems are methodological basis of the research. The methods of statistical, factorial system and cluster analysis were used in the work. Based on the synthesis of scientific publications on issues of growth potential territories, the authors offer their methodical approach of assessing the potential for the development of municipalities. It takes into account the factors of development of the "first and second nature". As the structural elements of the development potential of a municipality are identified: natural resource, human, transport and financial capacity. The evaluation of these components

is based on a system of indicators using the index method. the index method. The methodology has been tested for the evaluation of Kamchatka Krai municipalities potential development. The calculation of integral indicators demonstrated a significant differentiation of municipal potential. Based on the obtained evaluation, using the tools of cluster analysis, municipalities grouping and territorial zoning of the region were carried out (5 economic zones were identified). It can be used to develop integrated solutions, prioritization in development of strategic planning documents.

Keywords: potential, spatial development, methodology for evaluating, municipalities, public administration.

To cite this document: Kislénok, A. A., & Sukhareva, E. A. (2025). Forming a methodological approach for the municipalities potential development evaluation. *Lomonosov Economics Journal*, 60(1), 304–331. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-14>

Введение

Определение приоритетов, постановка стратегических целей и задач социально-экономического развития региона могут считаться обоснованными и реализуемыми только в том случае, когда они учитывают текущее состояние, возможности и ограничения муниципальных районов и городских округов. Территории муниципалитетов являются пространственным базисом для размещения новых производств, строительства транспортной и инженерной инфраструктуры, жилья и социальных объектов. Именно поэтому особую значимость для государственного управления на региональном уровне в контексте пространственного развития имеет оценка потенциала развития локальных территорий.

В основе территориального развития лежит экономическая составляющая. Обеспечение экономического роста является основой для реализации мер, направленных на позитивные преобразования в социальной сфере, повышение качества жизни населения и обеспечение развития территории в целом. При этом необходимо отметить, что экономический рост не всегда влечет за собой благоприятные изменения в других сферах жизнедеятельности, но без экономического развития обеспечить территориальное развитие невозможно. Поэтому в рамках данного исследования под потенциалом развития нами понимается, прежде всего, экономический потенциал.

Целью исследования является разработка методики оценки потенциала развития локальных территорий. Для ее достижения необходимо решение следующих задач:

- обобщить существующие подходы к оценке экономического потенциала территорий;
- сформировать перечень параметров, включенных в оценку и определить способы агрегации данных;
- провести апробацию методики.

Теоретическая значимость заключается в дальнейшем развитии подходов к оценке потенциала развития территорий в контексте пространственного развития регионов.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования предлагаемой методики для оценки потенциала развития муниципальных образований при подготовке пространственных разделов стратегических планов развития регионов.

Анализ подходов к оценке потенциала развития территорий

Оценка экономического потенциала в исследованиях отечественных и зарубежных ученых приобрела популярность в 60–70-х гг. XX в. При определении сущности потенциала, как правило, исследователи опираются на один из следующих подходов:

- 1) экономический потенциал рассматривается как совокупная способность отраслей народного хозяйства, т. е. способность выполнять производственную функцию (производственный подход);
- 2) под экономическим потенциалом понимается совокупность имеющихся в наличии ресурсов (ресурсный подход);
- 3) экономический потенциал представляет собой результат отношений между субъектами хозяйственной деятельности (результативный подход) (Кодолова, 2014, с. 4).

Независимо от используемого подхода к сущности потенциала, все исследователи выделяют отдельные его характеристики или структурные элементы. При этом, в работах зарубежных ученых нет единого подхода к их определению, отсутствует также градация потенциала по иерархическим уровням. В научных трудах отечественных авторов точки зрения относительно составных элементов потенциала также значительно разнятся, но выделяются уровни потенциала (страны, региона, территории, предприятия).

Существенный вклад в разработку методологических подходов к формированию и наращиванию экономического потенциала страны, обеспечению эффективности его использования на уровне субъектов РФ внесли ученые-регионалисты, которые отмечают, что развитие экономики любого государства во многом определяется рациональным отношением к использованию имеющихся ресурсов. Причем решение данного вопроса зависит от рациональности использования потенциалов отдельных регионов (Леонов и др., 2014). В трудах других отмечается роль пространственного базиса как дополнительного фактора активизации национальной макроэкономической динамики (Минакир, 2017; Пчелинцев, 2004; Гранберг, 2006) Регион представляется как «звено пространственной структуры экономики, т. е. особый тип экономических систем, возникающих на основе развития производства, населения и ресурсной сферы» (Пчелинцев,

2004). Следовательно, выработка стратегического вектора развития страны должна осуществляться с учетом особенностей регионов. Для этих целей необходимо проведение их диагностики (Лексин, Швецов, 2011). Анализ ресурсов, имеющихся ограничений, достигнутого уровня социально-экономического развития является основой для типологизации регионов и реализации дифференцированного подхода к управлению территориями (Гранберг, 2003). Вопросы использования возможностей регионов с учетом имеющихся ресурсов (потенциала) в пространственном развитии страны рассмотрены в трудах А. Г. Аганбегяна, А. Г. Гранберга, С. А. Суспицина. При этом А. Г. Аганбегян делает акцент на мобилизации собственных ресурсов региона для привлечения инвестиций (Аганбегян, 2019), А. Г. Гранбергом обоснован подход к модернизации экономического пространства с учетом формирования «точек роста» на основе имеющегося научно-инновационного потенциала территорий (Гранберг, 2006), С. А. Суспин предложил подход к прогнозированию экономического роста на основе оценки потенциалов регионов с учетом их фенотипов (Суспин, 2010).

В отдельных трудах ученых-регионалистов приводятся методические подходы к оценке потенциалов регионов, которые существенно различаются как по составу частных потенциалов и используемых параметров для оценки, так и по способу их агрегации. Например, С. А. Суспин определяет сводные интегральные индексы регионов на основе 6 показателей (Суспин, 2010), П. А. Минакир и О. М. Прокопало (Минакир, Прокопало, 2010) в составе интегрального социально-экономического потенциала учитываются частные потенциалы (природно-ресурсный, территориально-географический, демографический, трудовой, производственный, социально-инфраструктурный, финансовый и научно-инновационный), а их расчет осуществляется на основе «позитивных» и «негативных» индикаторов. В. Г. Беломестнов оценку потенциала осуществляет с позиции ресурсной и процессной частей потенциала без агрегации значений отдельных показателей (Беломестнов, 2005).

Независимо от используемых методик оценка потенциала развития регионов определяется его территориальной составляющей. Поэтому высокую значимость имеют исследования экономического потенциала на муниципальном уровне. При этом подходы к определению и оценке потенциала муниципальных образований также существенно различаются. Трактовка экономического потенциала муниципальных образований большинством авторов осуществляется с точки зрения ресурсного или результатного подходов (Будажанаева, 2012; Антонюк, Кремер, 2020). Одни авторы считают, что это набор имеющихся ресурсов, а другие определяют экономический потенциал не только как набор ресурсов (Краснова, Балабанова, 2010; Будажанаева, 2012), но и их эффективное использование, появление результата экономических отношений между субъектами хозяйственной деятельности (Романишина, 2017). Исходя из этого оценка потенциала произво-

дится исходя из ресурсной обеспеченности муниципального образования и/или учета возможностей их использования. Например, С. Н. Леонов отмечает, что «оценка экономического потенциала муниципального образования должна начинаться с выбора методики и состава показателей, характеризующих текущую и потенциальную экономическую активность» (Леонов и др., 2014).

Существенное внимание в научных трудах уделяется вопросам определения экономического потенциала и его элементов. Как правило, потенциал региона представляется в виде системы частных потенциалов. При этом, у каждого из авторов представлена своя аргументация выбора тех или иных элементов. Наиболее часто в научных публикациях выделяют природно-ресурсный, трудовой, финансовый, производственный, инвестиционный, инновационный потенциалы (Бураков, Рубинштейн, 2020 с. 32; Кулагина, Благодер, 2018, с. 78; Руденко, 2017, с. 2218 и др.).

Существенно разнятся мнения ученых относительно состава показателей, используемых для количественной оценки частных потенциалов. В основном авторами предлагается использовать от трех до семи параметров. Отдельные индикаторы довольно часто встречаются в предлагаемых методиках оценки экономического потенциала разных авторов. Наиболее распространенными из них являются:

- для оценки природно-ресурсного потенциала: площадь лесов, сельскохозяйственных угодий, а также размер налогов, сборов и регулярных платежей за пользование природными ресурсами (Глушак и др., 2015; Сыров, 2008; Любимова и др., 2007 и др.);
- для оценки производственного потенциала: стоимость основных производственных фондов, фондоотдача, ВРП на душу населения, индекс физического объема ВРП (Андреев, Лискина, 2019; Глушак и др., 2015 и др.);
- для оценки инфраструктурного потенциала: плотность транспортной инфраструктуры (автодороги и железнодорожные пути), обеспеченность объектами социальной инфраструктуры (Ларионов, 2015; Чикинова, 2009; Сыров, 2008 и др.);
- для оценки инвестиционного потенциала: удельный вес инвестиций в основной капитал в объеме ВРП, индекс физического объема инвестиций в основной капитал, удельная величина инвестиций в основной капитал, объем иностранных инвестиций (Глушак и др., 2015; Ларионов, 2015; Будажданаева, 2012 и др.);
- для оценки трудового потенциала: численность экономически активного населения, уровень занятости и производительности труда (Глушак и др., 2015; Будажданаева, 2012; Сыров, 2008 и др.).

Для оценки частных потенциалов используются и более сложные системы показателей, которые включают до 20 и более индикаторов. Как правило, это характерно для отдельных исследований, посвященных оценке

конкретного вида потенциала (Лебедева, 2019; Галынис, 2013; Кочева, 2011; Ковшов, Носонов, 2005 и др.).

При определении потенциала муниципальных образований исследователи также выделяют частные потенциалы и формируют систему показателей для их оценки. Однако выбор тех или иных индикаторов зачастую является достаточно спорным, что в значительной степени обусловлено ограниченными статистическими данными муниципального уровня (особенности статистического учёта) и спецификой решаемых задач.

Например, М. Ц. Будажданаева предлагает в качестве структурных составляющих экономического потенциала рассматривать природно-ресурсный, производственный, трудовой и финансовый потенциалы. При этом оценка частных потенциалов оценивается по 1–3 показателям. Производственный потенциал отождествляется с наличием основных производственных фондов, трудовой – измеряется численностью трудоспособного населения, природно-ресурсный – оценивается площадью пашен и объемом расчетной лесосеки, финансовый – измеряется доходами бюджета, НДСФЛ, инвестициями в основной капитал (Будажданаева, 2012, с. 29).

Встречаются в научных публикациях и нестандартные подходы для оценки потенциала социально-экономического развития муниципального образования. Например, когда потенциал развития рассматривается через призму факторов экономического роста территории (ресурсов развития) и условий развития, которые характеризуются состоянием социальной, социально-трудовой, управленческой сфер, предпринимательской активностью и состоянием инфраструктуры жизнеобеспечения. В тоже время, используемая система показателей для характеристики ресурсного потенциала и условий развития территории иногда дает лишь усеченную характеристику исследуемого объекта. Например, оценка природно-ресурсного потенциала ограничивается лишь площадью сельскохозяйственных угодий, а состояние социальной сферы – наличием объектов социальной инфраструктуры (Степанова и др., 2012, с. 4).

Таким образом, подходы к определению структурных элементов экономического потенциала и формированию системы показателей для их оценки существенно разнятся, практически у каждого из авторов приводится своя аргументация. Но независимо от использованной системы показателей, характеризующей составные элементы экономического потенциала, в итоге, предполагается интеграция данных.

Для интегральной оценки экономического потенциала территории, как правило, используются несколько методов, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки: стоимостная оценка имеющихся ресурсов, индексный метод, оптимизационные модели, корреляционно-регрессионные методы (Кодолова, 2014, с. 7).

Наиболее распространенным и простым в применении считается индексный метод. Его применение требует приведения числовых значений

показателей в сопоставимый вид. Для трансформации частных индикаторов применяются рейтинговый, нормированный и максиминный подходы.

Значение интегрального индекса во многом зависит от веса того или иного показателя. Определение весов может осуществляться различными методами: экспертные оценки, методы многомерного статистического анализа, нейронные сети, числовой метод, математическое моделирование. Зачастую веса по умолчанию принимаются равными, т. е. рассчитываются по средней арифметической.

После расчета интегральных значений проводится анализ полученных результатов.

В целом, рассмотрев существующие теоретические подходы к оценке экономического потенциала на уровне региона и муниципальных образований, можно сделать вывод, что актуальность исследований в части разработки объективной, легко формализуемой методики оценки экономического потенциала локальной территории сохраняется. Основной задачей оценки экономического потенциала служит выявление основных ресурсов эндогенного развития территории, которые при вовлечении или более эффективном использовании будут выступать драйверами развития для более крупных территориальных систем.

Методика оценки потенциала развития муниципальных образований

Формирование методики оценки потенциала муниципальных образований, с нашей точки зрения, должно базироваться на:

- учете базовых факторов развития территории как «первой природы» (не зависящих от деятельности человека – природные ресурсы, географическое положение и т. д.), так и «второй природы» (являющиеся производными от человеческой деятельности – агломерационный эффект, человеческий капитал, инфраструктура, институциональная среда)³;
- использовании ресурсного подхода, в соответствии с которым под потенциалом развития муниципального образования понимается совокупность ресурсов, находящихся на его территории, которые могут быть вовлечены в хозяйственную деятельность, тем самым увеличивая ее масштабы;

³ Многие исследователи основываются на классификации факторов развития П. Кругмана (Krugman, 1993), выделившего факторы «первой природы» и «второй природы». При этом, в современных условиях наибольшее влияние на развитие территорий оказывают факторы «второй природы». Наличие только факторов «первой природы» может способствовать позитивным изменениям экономических показателей, которые, как правило, носят временный характер.

- необходимости соблюдения правила «золотой середины» на этапе определения состава частных элементов потенциала развития и формирования системы показателей (т. е. по возможности избежать множества направлений и индикаторов, но при этом обеспечить объективность оценки);
- проведении оценки методом сравнения потенциалов муниципалитетов между собой (нормировании значений) в границах региона.

Соблюдение данных критериев учтено при определении структурных элементов потенциала развития территории и формировании системы показателей для их оценки. В результате выделено четыре частных потенциала: природно-ресурсный, человеческий, транспортный и финансовый.

Природно-ресурсный потенциал учитывает факторы развития «первой природы», которые характеризуются наличием минерально-сырьевых, водно-биологических, земельных и лесных ресурсов. Человеческий, транспортный и финансовый потенциалы связаны с человеческой деятельностью и характеризуют факторы развития «второй природы». Основным драйвером развития является наличие человеческого потенциала, весомое значение имеет также транспортная доступность (транспортный потенциал) и возможности для инвестирования (финансовый потенциал). Конечно, охваченные направления не являются исчерпывающими, они не позволяют провести более подробную оценку инфраструктуры, инноваций, институциональной среды и других параметров. Но, с учетом доступности статистических данных муниципального уровня, выполнения правила «золотой середины» и некоторых допущений, вполне могут дать объективную картину возможностей развития локальных территорий. На рис. 1 приведена система показателей, характеризующих потенциал развития муниципальных образований.

Приведенная система показателей позволяет сформировать представление об эндогенных ресурсах развития муниципального образования, на основе небольшого количества оцениваемых параметров и получить объективную оценку, которая в дальнейшем может применяться для решения задач государственного управления.

Для вычисления интегральных индексов по каждому структурному элементу (человеческий, природно-ресурсный, транспортный, финансовый) потенциала развития территорий целесообразно применять максиминный подход, который заключается в использовании минимальных и максимальных значений по всем частным показателям с целью масштабирования разновеликих значений индикаторов и приведения их к единой шкале. Это позволяет исключить чрезмерное влияние данных какого-то одного частного показателя на интегральное значение (Леонов и др., 2014).

После приведения значений разнородных показателей к безразмерному виду (единый диапазон от 0 до 1), производится расчет интегральной оценки с учетом весовых коэффициентов соответствующих показателей по каждому из четырех основных направлений.

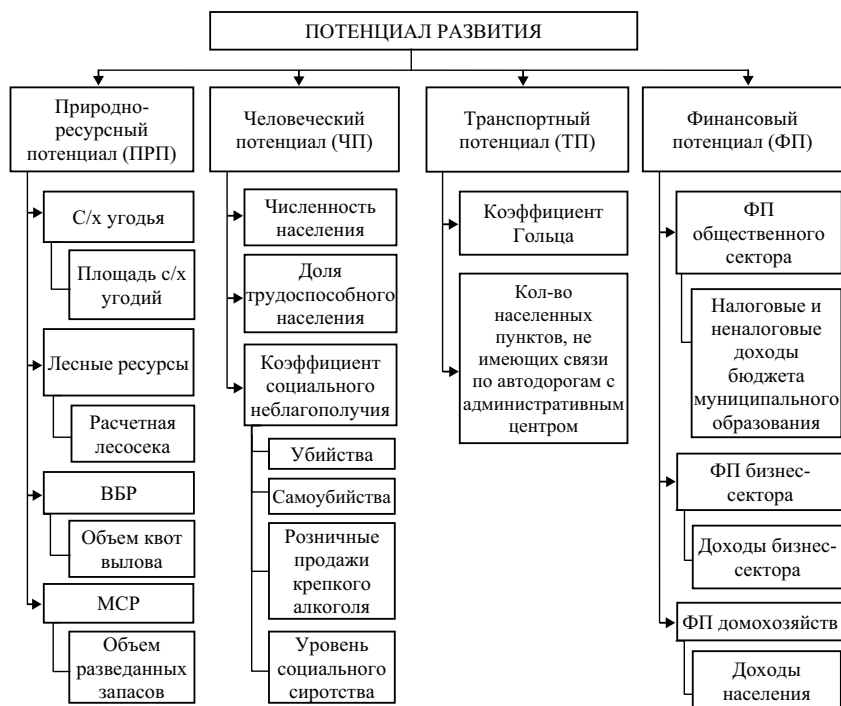

Рис. 1. Система показателей для оценки социально-экономического потенциала развития муниципальных образований

Источник: составлено авторами.

При этом, выбор способа определения весов показателей, включенных в состав интегральных индексов, является важным аспектом, от которого будут зависеть результаты оценки. По мнению авторов, в данном случае следует применять формализованные методы, учитывающие разброс значений индикаторов. Это позволит повысить значимость показателей, значения которых в большей степени дифференцированы⁴. Поэтому для определения весовых коэффициентов использован числовой метод (Макарова, 2015), в рамках которого для каждого показателя вычисляется коэффициент относительного разброса по формуле (1):

⁴ Данные показатели являются более важными для целей кластеризации территорий, так как индикаторы с минимальным разбросом сглаживают различия между ними. Кроме того, полученные значения весов могут отражать региональную специфику. Например, в Камчатском крае при оценке человеческого потенциала почти равные веса имеют численность населения (0,476) и коэффициент социального неблагополучия (0,434). В Забайкальском крае наибольший вес имеет численность населения (0,533), а вес коэффициента социального неблагополучия значительно ниже (0,348).

$$\delta_i = \frac{x_{i\max}}{x_{i\max} - x_{i\min}}, \quad (1)$$

где $x_{i\max}$, $x_{i\min}$ — соответственно максимальное и минимальное значения i -го показателя. Весовые коэффициенты получают наибольшее значение для тех критериев, относительный разброс которых наиболее значителен (2):

$$w_i = \frac{\delta_i}{\sum_{i=1}^m \delta_i}, \quad (2)$$

где m — число показателей.

Природно-ресурсный потенциал муниципальных образований определяется в денежной оценке через количественные характеристики водно-биологических, лесных, минерально-сырьевых ресурсов, сельскохозяйственных угодий и их удельной стоимости. Предполагается, что определение природно-ресурсного потенциала основывается расчете валовой стоимости извлекаемых ресурсов⁵.

Объем водно-биологических ресурсов (ВБР) муниципалитетов возможно оценить исходя из выделенных квот на вылов по промысловым зонам вблизи береговой границы муниципального образования. Так как выделенные квоты предполагают максимальный объем допустимого вылова, который возможен без ущерба для окружающей среды и обеспечивает сохранность видов, его можно учитывать с некоторыми допущениями⁶, как объемный параметр потенциала ВБР. Объемы квот и их распределение утверждаются приказами Росрыболовства. Цена за единицу ресурса принимается исходя из средних цен реализации 1 т ВБР на международном рынке⁷.

$$\text{ВБР}_{\text{МО}} = \text{Кв} \cdot \text{Ц}_{\text{ВБР}}, \quad (3)$$

где $\text{ВБР}_{\text{МО}}$ — водно-биологические ресурсы муниципального образования; Кв — объем допустимого улова водно-биологических ресурсов промыс-

⁵ Такой подход не дает полной объективности оценки, так как не учитывает затраты на их добычу. Кроме того, не учитывается фактор доступности ресурсов. Однако, ввиду ограниченности данных муниципального уровня, с некоторыми допущениями вполне может быть использован для сравнительной оценки потенциалов муниципальных образований региона.

⁶ Объемная оценка квот может меняться в зависимости от объективных условий (природные факторы). Кроме того, в квотах не учтены ВБР внутренних вод (из-за отсутствия данных). При этом, промышленные объемы вылова преимущественно связаны с морским рыболовством, поэтому для оценки экономического потенциала считаем возможным использование данного количественного параметра.

⁷ В качестве источника информации могут выступать данные Таможенных управлений РФ.

ловой зоны, прилегающей к береговой линии муниципального образования; $\Pi_{\text{ВБР}}$ — усредненная стоимость экспортируемых водно-биологических ресурсов, руб.

Аналогичный подход используется при оценке лесного потенциала, где в качестве количественной характеристики применен объем расчетной лесосеки. Она определяет допустимый ежегодный объем изъятия древесины в эксплуатационных и защитных лесах, обеспечивающий многоцелевое, рациональное, непрерывное, неистощительное их использование, исходя из установленных возрастов рубок, сохранение биологического разнообразия, водоохраных, защитных и иных полезных свойств лесов⁸. Объем расчетной лесосеки рассчитывается на основе данных формы 8-ГРЛ⁹.

$$\text{ПРП}_{\text{л}} = (V_{\text{др}} \cdot D_{\text{дел}} \cdot \Pi_{\text{об}}) + (V_{\text{др}} \cdot D_{\text{др}} \cdot \Pi_{\text{др}}), \quad (4)$$

где $V_{\text{др}}$ — объем допустимой расчетной лесосеки; $D_{\text{дел}}$ — доля деловой древесины; $\Pi_{\text{об}}$ — стоимость обезличенного кубометра древесины, руб.; $D_{\text{др}}$ — доля дровяной древесины; $\Pi_{\text{др}}$ — удельная стоимость дровяной древесины, руб.

В качестве количественного параметра оценки сельскохозяйственного потенциала используется площадь угодий¹⁰. Источником данных послужила форма № 22-2 годового отчета федерального статистического наблюдения за земельными ресурсами «О наличии земель и распределении их по формам собственности, категориям, угодьям и пользователям». Стоимостная оценка 1 га сельскохозяйственных угодий определялась по следующей формуле:

$$C_{\text{сх}} = \sum_{i=1}^n y_i \cdot \text{УВ}_i \cdot \Pi_{\text{ски}}, \quad (5)$$

где y_i — средняя урожайность i -й сельскохозяйственной культуры в регионе; УВ_i — удельный вес i -й сельскохозяйственной культуры в валовом сборе региона; $\Pi_{\text{ски}}$ — цена за единицу продукции i -й сельскохозяйственной культуры.

⁸ Приказ Рослесхоза от 27.05.2011 № 191 «Об утверждении Порядка исчисления расчетной лесосеки».

⁹ Утверждена Приказом Минприроды России от 06.10.2016 № 514 «Об утверждении форм ведения государственного лесного реестра». С 2022 г. используются формы, утвержденные Приказом Минприроды России от 24.12.2021 № 1007 «Об утверждении форм ведения государственного лесного реестра».

¹⁰ В составе которых находятся пашни, залежи и кормовые угодья (сенокосы и пастбища). При этом пашни и залежи учитывались для оценки потенциала развития растениеводства. Сенокосы и пастбища учитывались отдельно, с допущением того, что основной возможной сельхозпродукцией является сено, поэтому расчет производился исходя из урожайности в пересчете на сухое сено.

Информация по урожайности и валовом сборе сельскохозяйственных культур размещена в базе данных показателей муниципальных образований Росстата.

В свою очередь сельскохозяйственный потенциал муниципального образования определяется как произведение площади сельскохозяйственных угодий (S_{cy}) и стоимостной оценки 1 га сельскохозяйственных угодий (C_{cx}).

Минерально-сырьевые ресурсы (МСР) по каждому виду полезных ископаемых рассчитываются исходя из объема разведанных запасов и рыночной стоимости ресурсов. Источником информации для расчета послужили данные государственных балансов запасов полезных ископаемых (Роснедра). В общем виде оценку потенциала МСР можно представить следующим расчетом (формула (6)):

$$П_{МСР} = \sum_{i=1}^n V_{МСРi} \cdot Ц_{МСРi}, \quad (6)$$

где $V_{МСРi}$ — количественная оценка объема минерально-сырьевых ресурсов i -го вида (по месторождениям, находящимся на территории муниципального образования); $Ц_{МСРi}$ — цена единицы МСР i -го вида, руб.

После проведения стоимостной оценки отдельных элементов природно-ресурсного потенциала определяется его общая величина путем суммирования всех составляющих и последующим масштабированием полученных значений.

Человеческий потенциал территории характеризуется количественными и качественными параметрами, поэтому для его определения предлагается использовать численность населения, в том числе в трудоспособном возрасте, а также характеристику социальной среды, как основного фактора, оказывающего влияние на качество человеческого капитала (рис. 1).

Численность жителей муниципальных образований дает представление о местах концентрации населения и рабочей силы региона. Кроме того, высокая людность территорий создает предпосылки для проявления творческой и предпринимательской активности, что также способствует развитию территорий.

Важным качественным параметром человеческого потенциала территории является состояние социальной среды, на формирование которой оказывает влияние множество факторов. Однако муниципальная статистика позволяет получить информацию лишь о сети социальных объектов, их мощности и состоянии. Данные о результатах деятельности учреждений культуры, здравоохранения, образования в муниципальном разрезе отсутствуют. Поэтому были использованы косвенные показатели, через которые можно сравнить территории по состоянию социальной среды. В качестве параметра, характеризующего состояние социальной среды, авторами использован коэффициент, который отражает степень прояв-

ления факторов социального неблагополучия¹¹ в сравнении со средними значениями по региону (формула (7)):

$$I_{\text{CH}} = \sum_{i=1}^n \frac{Z_i^{\text{MO}}}{Z_i^{\text{PER}}} \cdot \text{УВ}_i, \quad (7)$$

где Z_i^{MO} — значение i -го показателя, характеризующего социальное неблагополучие в муниципальных образованиях; Z_i^{PER} — значение i -го показателя, характеризующего социальное неблагополучие в среднем по региону; УВ_i — удельный вес i -го фактора социального неблагополучия; m — количество учитываемых факторов социального неблагополучия.

Высокая степень проявления факторов социального неблагополучия приводит к снижению возможности территории сохранять и воспроизводить качественный человеческий капитал. Неблагоприятные условия социальной среды приводят к росту миграционных намерений у наиболее образованной, креативной и деятельной части общества, что снижает потенциал развития территории (Веприкова и др., 2022).

Вычисление интегрального показателя человеческого потенциала (ЧП) муниципальных образований проводится на основе нормированных значений показателей по следующей формуле (8):

$$\text{ЧП} = w_i^{\text{CH}} \cdot \text{ЧН}_{\text{CP}} + w_i^I \cdot I_{\text{CH}} + w_i^{\text{ДН}} \cdot \text{ДН}_{\text{TP}}, \quad (8)$$

где w_i — весовой коэффициент, рассчитанный по формуле (2) для соответствующего показателя; ЧН_{CP} — нормированное значение среднегодовой численности населения муниципального образования; I_{CH} — нормированное значение интегрального показателя социального неблагополучия муниципального образования¹²; ДН_{TP} — нормированное значение доли населения в трудоспособном возрасте в муниципальном образовании.

Оценка транспортного потенциала территорий (формула (9)) базируется на двух показателях: «доля населенных пунктов, не имеющих связи с административным центром муниципального образования по автомобильным дорогам» и «коэффициент Гольца»¹³. Выбор из множества по-

¹¹ С учетом доступности данных муниципального уровня предлагается использовать 4 фактора: «число убийств в расчете на 1 тыс. человек населения» (Росстат), «число самоубийств в расчете на 1 тыс. человек населения» (Росстат), «объем розничной продажи алкогольной продукции в расчете на душу населения» (Росалкогольрегулирование), «число детей, чьи родители лишены родительских прав, в общей численности населения в возрасте 0–17 лет» (ОГВ регионов).

¹² При нормировании учитывается, что оптимальным считается значение, стремящееся к минимуму (чем больше значение нормированного показателя, тем меньше социально-го неблагополучия в муниципальном образовании).

¹³ По сути является модификацией коэффициента Энгеля. Однако коэффициент Энгеля может несколько исказить картину уровня транспортного развития территорий, учитывая, что численность жителей разных муниципальных образований, могут значительно

казателей, характеризующих обеспеченность территории транспортной инфраструктурой, коэффициента Гольца объясняется тем, что он дает представление о связанности населенных пунктов территории (Дабиев, Дабиева, 2015).

$$d = \frac{L}{\sqrt{S \cdot \pi}}, \quad (9)$$

где L — общая длина транспортных путей в муниципальном образовании; S — площадь территории муниципального образования; π — число населенных пунктов муниципального образования.

Источником информации являются открытые данные ОАО «РЖД», информационная база «СКДФ.ру», база данных показателей муниципальных образований (Росстат).

Интегральная оценка транспортного потенциала муниципальных образований рассчитывается исходя из нормированных значений, включенных в него показателей, с учетом весов, рассчитанных по формуле (2).

Финансовый потенциал рассматривается как совокупность финансовых возможностей для развития территории — чем больше финансовых ресурсов аккумулируется в муниципальном образовании, тем выше его финансовый потенциал.

Для расчета финансового потенциала муниципальных образований предлагается использовать подход ИСЭИ УНЦ РАН¹⁴ (Климова (ред.), 2016, с. 31–36). Из-за недоступности отдельных статистических данных на муниципальном уровне предлагаемая методика была модифицирована.

В соответствии с указанным подходом финансовый потенциал муниципального образования (ФП) состоит из трех элементов:

- финансового потенциала общественного сектора экономики, источником формирования которого выступают общественные финансы (ФП_{ос});
- финансового потенциала бизнес-сектора (предприятий и организаций, расположенных в границах территории) (ФП_{бс});
- финансового потенциала домохозяйств, который выражается денежными доходами населения (ФП_{дх}).

Финансовый потенциал общественного сектора (ФП_{ос}) экономики муниципального образования принимается в объеме налоговых и неналоговых доходов местного бюджета, скорректированных на коэффициенты,

различаться, а коэффициент Гольца выводит более выверенную картину уровня транспортного развития, учитывая, что порой одни и те же транспортные пути соединяют населенные пункты с различной численностью.

¹⁴ Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук.

отражающие условия их формирования. В качестве таких коэффициентов выступают коэффициент покрытия расходов ($K_{п}$) (10) и концентрации собственных бюджетных доходов ($K_{к}$) (11):

$$K_{п} = \frac{D_{Н/Н}}{P_{МБ}}, \quad (10)$$

где $D_{Н/Н}$ — налоговые и неналоговые доходы местного бюджета; $P_{МБ}$ — расходы местного бюджета (фактически исполненные).

$$K_{к} = \frac{D_{Н/Н}}{D_{МБ}}, \quad (11)$$

где $D_{МБ}$ — доходы местного бюджета (фактически исполненные).

На их основе рассчитывается интегральный коэффициент, опосредованно характеризующий условия формирования потенциальных финансовых возможностей данного сектора экономики ($K_{БНП}$) (12):

$$K_{БНП} = K_{п} \cdot K_{к}, \quad (12)$$

Финансовый потенциал общественного сектора ($\Phi\Pi_{ОС}$) вычисляется как произведение налоговых и неналоговых доходов местного бюджета ($D_{Н/Н}$) и интегрального коэффициента $K_{БНП}$.

Финансовый потенциал домохозяйств ($\Phi\Pi_{ДХ}$) принимается равным объёму налогооблагаемых денежных доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей в муниципалитете¹⁵.

Финансовый потенциал бизнес-сектора ($\Phi\Pi_{БС}$) в абсолютном выражении представляет собой прибыль хозяйствующих субъектов, скорректированную на интегральный коэффициент ($K_{\Phi\Pi_{БС}}$), который характеризует условия формирования потенциальных финансовых возможностей бизнес-сектора (13):

$$\Phi\Pi_{БС} = \text{Пр} \cdot K_{\Phi\Pi_{БС}}, \quad (13)$$

где Пр — прибыль (убыток) до налогообложения по данным бухгалтерской отчетности.

Интегральный коэффициент рассчитывается следующим способом (14):

$$K_{\Phi\Pi_{БС}} = \sqrt[3]{K_1 \cdot K_{\text{Пр}}}, \quad (14)$$

где K_1 — коэффициент, характеризующий отношение сальдированного финансового результата предприятий муниципального образования к об-

¹⁵ Из-за отсутствия на муниципальном уровне в расчете не учитывались сведения о безрежениях и инвестировании населения.

шему объёму доходов хозяйствующих субъектов; $K_{пр}$ — коэффициент, отражающий удельный вес прибыльных предприятий и организаций.

Источниками информации являются данные ФНС России, органов местного самоуправления, Росстата.

Общая величина финансового потенциала определяется как сумма трех его составляющих с последующим масштабированием для сопоставления с другими элементами потенциала развития муниципального образования.

Предложенная методика, основанная на определении четырёх элементов потенциала развития муниципального образования, может быть положена в основу зонирования территории региона с целью выработки дифференцированных управленческих решений, обеспечивающих пространственное развитие региона.

Апробация методики оценки потенциала развития муниципальных образований региона

Апробация предложенной методики определения потенциала развития муниципальных образований региона проведена на примере Камчатского края по данным 2020 г.¹⁶

Географическое расположение региона на полуострове, транспортная изолированность, которая объясняется отсутствием сухопутных коммуникаций с другими регионами страны, увеличивают значение эндогенных факторов для обеспечения территориального развития. Камчатский край является малоосвоенным регионом, имеющим уникальный природно-ресурсный потенциал. Выгодное географическое положение региона, на полуострове Камчатка, обеспечивает доступ к водно-биологическим ресурсам Дальневосточного бассейна. Кроме того, имеются значительные запасы (по меркам Дальневосточного макрорегиона) минерально-сырьевых ресурсов.

Расчет интегральных показателей, характеризующих потенциал развития муниципальных образований региона, продемонстрировал их существенную дифференциацию (табл. 1).

¹⁶ Для достижения поставленной цели и фокусе исследования на разработке методики авторы не ставили перед собой задач по анализу динамики потенциала региона, поэтому апробация предложенной методики ограничивается одним годом. Кроме того, с 2022 г. по отдельным показателям необходимым для расчета ограничен доступ к данным (показатели смертности, в т.ч. по причинам; данные государственного баланса запасов полезных ископаемых).

**Оценка потенциала развития муниципальных образований
Камчатского края по направлениям**

Муниципальное образование	Интегральные индексы потенциала развития			
	природно-ресурсный потенциал	человеческий потенциал	транспортный потенциал	финансовый потенциал
Алеутский МО	0,011	0,58	0,00	0,00
Быстринский МР	0,041	0,05	0,63	0,01
Елизовский МР	0,038	0,58	0,58	0,29
Мильковский МР	0,000	0,19	0,69	0,01
Соболевский МР	1,000	0,38	0,12	0,22
Усть-Большерецкий МР	0,033	0,35	0,48	0,16
Усть-Камчатский МР	0,043	0,22	0,51	0,04
Петропавловск-Камчатский ГО	0,011	1,00	1,00	1,00
Карагинский МР	0,085	0,15	0,16	0,06
Олюторский МР	0,095	0,27	0,03	0,02
Пенжинский МР	0,064	0,10	0,06	0,02
Тигильский МР с ГО п. Палана	0,049	0,00	0,16	0,02

Примечание: МО — муниципальный округ, МР — муниципальный район, ГО — городской округ

Источник: составлено авторами (Росстат, 2021; Росреестр, 2021; Рослесхоз, 2021; Росрыболовство, 2021; Роснедра, 2021; Росжелдор, 2021; Росавтодор, 2021).

В группу лидеров по природно-ресурсному потенциалу вошли территории, имеющие большие запасы МСР и ВБР. Самый высокий рейтинг природно-ресурсного потенциала среди муниципальных образований края получил Соболевский район¹⁷, так как имеет максимальный результат по оценке минерально-сырьевых¹⁸ и водно-биологических ресурсов. На втором и третьем местах находятся два северных района: Олюторский и Карагинский. Аутсайдером данного направления по результатам оценки является Мильковский район, который не имеет выхода к морю и значи-

¹⁷ Также является лидером по доходам бизнес-сектора по оценке финансового потенциала.

¹⁸ В Соболевском районе около 260 млн тонн разведанных запасов угля.

мых запасов МСР. При этом, он занимает второе место по потенциалу развития сельского хозяйства, уступая роль лидера Елизовскому району.

Имеющийся природно-ресурсный потенциал муниципальных образований во многом обеспечил их экономическую специализацию. При этом, наличие на территории нескольких видов ресурсов не всегда позволяет осуществлять их освоение одновременно. Например, развитие горнорудной промышленности может привести к загрязнению водоёмов и негативно отразиться на рыбном промысле и это должно учитываться при разработке стратегических планов территориального развития.

Наибольшую значимость в расчете интегрального показателя¹⁹, характеризующего человеческий потенциал, имеют численность населения и уровень социального неблагополучия. Поэтому лидирующие позиции в рейтинге по данному направлению заняли территории с большей численностью населения и минимальными проявлениями факторов социального неблагополучия²⁰. Лидером по оценке человеческого потенциала среди муниципальных образований является административный центр — г. Петропавловск-Камчатский. В столице края проживает большая часть населения региона, здесь фиксируются одни из лучших показателей условий социальной среды и доли трудоспособного населения. Аутсайдером, по результатам оценки данного параметра, является Тигильский муниципальный район с ГО п. Палана, в котором отмечается максимальное значение интегрального показателя социального неблагополучия в крае²¹.

Одним из факторов экономического развития является состояние транспортной инфраструктуры. Дорожная сеть Камчатского края является изолированной и не имеет связи с другими регионами. Более того, лишь 5 районов края связаны автодорогой с административным центром региона. Слабо развита и сеть муниципальных дорог. До многих населенных пунктов можно добраться только воздушным транспортом. Лидирующая позиция по транспортному потенциалу принадлежит краевой столице. Высокий рейтинг у муниципальных образований центральной части полуострова: Мильковского, Быстринского, Усть-Камчатского, Елизовского и Усть-Большерецкого районов. Они имеют более развитую транспортную инфраструктуру и большую связанность населенных пунктов транспортной сетью.

В группу отстающих территорий по транспортному потенциалу вошли северные муниципалитеты. Наземное сообщение с ними затруднено

¹⁹ В соответствии с применяемой методикой.

²⁰ Исключением стал Алеутский муниципальный округ, который по результатам расчетов занял второе место после краевой столицы. При минимальной численности населения он имеет лучшее значение доли трудоспособного населения и самый низкий уровень социального неблагополучия.

²¹ Увеличение которого повлек рост показателя социального сиротства.

и в большинстве случаев является сезонным, что существенно ограничивает их экономическое развитие и негативно отражается на качестве жизни населения. Аутсайдером является Алеутский муниципальный округ, расположенный на острове Беринга.

Финансовый потенциал территории тесно связан с объемами экономической деятельности. Поэтому лидером по финансовому потенциалу со значительным превосходством над остальными территориями является г. Петропавловск-Камчатский²². Второе место принадлежит Елизовскому району, который по сути является частью Петропавловск-Камчатской агломерации. Минимальное значение интегрального показателя, характеризующего финансовый потенциал территории, отмечается в Алеутском муниципальном округе, численность населения которого составляет менее 700 человек.

По наличию факторов «второй природы» лидером является административный центр региона. Петропавловск-Камчатский имеет максимальные значения интегральных показателей по трем из четырех направлений оценки потенциала развития муниципальных образований: он характеризуется развитой транспортной сетью, концентрацией финансовых ресурсов и человеческого капитала. Значительным потенциалом развития также обладает Елизовский муниципальный район, который демонстрирует относительно высокие показатели по направлениям оценки, характеризующим наличие факторов развития «второй природы».

Потенциал развития остальных территорий оценивается существенно ниже, но при определенных условиях и реализации мер государственной политики имеющиеся ресурсы могут быть вовлечены в экономику муниципальных образований и способствовать их развитию.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что ряд муниципалитетов обладает схожими характеристиками потенциала развития. Поэтому для проработки направлений и приоритетов пространственного развития региона необходимо провести группировку муниципальных образований (с точки зрения имеющихся факторов развития).

Для этих целей можно использовать инструменты кластерного анализа, который позволяет одновременно учесть нескольких параметров. Для выполнения задач данного исследования были использованы два метода – иерархической (древовидной) кластеризации и k-средних. Расчеты произведены при помощи программного пакета статистического анализа STATISTICA 13.3 EN²³.

²² Практически в 3,5 раза финансовый потенциал (в объемном выражении) краевой столицы выше, чем в Елизовском муниципальном районе, и в 340 раз больше, чем в Алеутском муниципальном округе.

²³ Для повышения достоверности полученных результатов по методу иерархической кластеризации расчет произведен по 49 возможным комбинациям. Параметры для расчета

В результате кластеризации все муниципальные образования распределены по 6 группам. При этом, сформировались две группы, объединяющих в себе по 4 муниципальных образования. Остальные 4 кластера – по одному муниципальному образованию²⁴ (табл. 2).

Таблица 2

**Группировка муниципальных образований Камчатского края
на основе имеющегося потенциала развития
(результат кластерного анализа)**

Группа		Характеристика
I	Усть-Камчатский муниципальный район Усть-Большерецкий муниципальный район Милюковский муниципальный район Быстринский муниципальный район	Численность населения в муниципальных районах данной группы находится в пределах 7–10 тыс. человек (за исключением Быстринского района, численность которого составляет около 2,4 тыс. чел.). Уровень транспортного потенциала территорий выше среднего, что обусловлено наличием дороги регионального значения, связывающей данные районы и краевую столицу. Усть-Камчатский и Быстринский районы занимают средние позиции рейтинга по природно-ресурсному потенциалу, так как здесь имеются значимые запасы золота и серебра. Финансовый потенциал муниципальных образований ниже среднего (за исключением Усть-Большерецкого района, где достаточно успешно функционируют предприятия рыбохозяйственного комплекса)
II	Карагинский муниципальный район Тигильский муниципальный район Пенжинский муниципальный район Олюторский муниципальный район	Группа образована северными территориями края, входящими в состав Корякского округа. Численность населения муниципальных образований находится в пределах 1,9 до 3,5 тыс. человек. Показатели человеческого потенциала территорий оцениваются ниже среднего. Транспортная связанность муниципалитетов низкая, в большинстве населенных пунктов добраться можно только воздушным транспортом. Ниже средних позиций занимают районы Корякского округа (за исключением Карагинского района, который находится на 5-м месте) и по значению финансового потенциала. При этом, по природно-ресурсному потенциалу территории этой группы занимают со 2-го по 5-е места, т. е. потенциал оценивается выше среднего

методом k-средних заданы исходя из наиболее часто встречающегося распределения количества групп при использовании иерархического метода (из 49 полученных древовидных диаграмм 34 диаграммы показывают схожую группировку). По результатам расчетов методом k-средних сформировались идентичные группы.

²⁴ Поселок Палана учитывался вместе с Тигильским муниципальным районом, г. Вилючинск ввиду неполноты данных в кластерном анализе не учитывался.

Группа		Характеристика
III	Городской округ г. Петропавловск-Камчатский	В столице региона проживает около 58% населения края. Город является административным, научно-образовательным, промышленным, логистическим центром. Здесь сравнительно лучше развиты транспортная инфраструктура, сеть учреждений социальной сферы (здравоохранения, культуры, образования и др.), зарегистрирована большая часть предприятий региона. Это обусловило лидирующие позиции в рейтинге по человеческому, финансовому и транспортному потенциалам среди муниципалитетов края
IV	Елизовский муниципальный район	Район занимает второе место по численности населения после административного центра (около 64 тыс. чел.). Имеет хорошую транспортную инфраструктуру и связанность территории. Аэропорт является «точкой входа» в регион. Занимает 2-е место в крае по финансовому потенциалу. Экономика района является относительно диверсифицированной, что во многом обусловлено близостью краевой столицы и действием агломерационного эффекта. Значительное внимание уделяется развитию туриндустрии
V	Соболевский муниципальный район	Район занимает 3-е место в крае по малочисленности (после Алеутского муниципального округа и Быстринского муниципального района) – около 2,5 тыс. чел. Связь с другими муниципальными районами по автодорогам отсутствует, поэтому имеет место низкое значение оценки транспортного потенциала. Населенные пункты расположены вдоль побережья. Основу экономики района составляют предприятия рыбохозяйственного комплекса, которые находятся в каждом из населенных пунктов. На территории района добывается газ. По природно-ресурсному потенциалу муниципалитет занимает лидирующие позиции, а также замыкает тройку лидеров по финансовому потенциалу
VI	Алеутский муниципальный округ	Самый малочисленный муниципалитет Камчатского края. В его составе лишь один населенный пункт с численностью населения 682 чел. Расположен на острове в значительном удалении от других муниципалитетов региона и соответственно является аутсайдером по транспортному потенциалу. На территории работает небольшой рыбозавод. Остальные учреждения связаны с обеспечением жизнедеятельности (функционируют администрация, коммунальные службы, школа, детский сад, больница). Природно-ресурсный потенциал относительно низкий и связан с наличием доступа к ВБР

Источник: составлено авторами.

Результаты кластеризации муниципальных образований Камчатского края позволяют провести экономическое зонирование территории. Елизовский муниципальный район и г. Петропавловск-Камчатский несмотря на отнесение к разным кластерам логичнее рассматривать в одной зоне экономического развития. Близость населенных пунктов Елизовского района к административному центру, концентрация населения, расположение в г. Елизово аэропорта – все это обуславливает тесное экономическое взаимодействие и получение агломерационных эффектов. Поэтому Елизовский район и административный центр можно рассматривать как единую экономическую зону.

В результате выделено 5 экономических зон: Юго-восточная (г. Петропавловск-Камчатский, Елизовский муниципальный район), Центральная (Усть-Камчатский, Усть-Большерецкий, Мильковский, Быстринский муниципальные районы), Северная (Карагинский, Тигильский, Пенжинский, Олюторский муниципальные районы), Юго-западная (Соболевский муниципальный район), Островная (Алеутский муниципальный округ).

Заключение

Предложенная методика может быть использована для оценки потенциала развития муниципальных образований при планировании пространственного развития региона.

Используемая структура частных потенциалов и характеризующая их система показателей позволяет сформировать представление о наличии факторов развития «первой» и «второй природы». Следует отметить, что присутствие лишь факторов «первой природы» не может обеспечить экономический рост данной территории, который, как правило, является временным явлением. Развитие территорий в большей степени обеспечивается факторами «второй природы», о наличии которых свидетельствуют относительно высокие значения интегральных индексов «человеческого», «транспортного» и «финансового» потенциалов.

Кроме того, сравнительная оценка частных компонентов потенциала развития муниципальных образований с использованием инструментов кластерного анализа дает возможность группировки территорий по схожим параметрам, которая может лежать в основе выработки «пакетных» решений и приоритетов развития при разработке документов стратегического планирования.

Список литературы

Аганбегян, А. Г. (2019). Анализ и прогнозирование социально-экономического развития регионов (методические заметки). *Среднерусский вестник общественных наук*, 4, 15–28. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-4-15-28>

Аганбегян, А. Г. (2019). О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста. *Проблемы прогнозирования*, 1.

Андреев, А. С., & Лискина, Е. Ю. (2019). Исследование промышленного потенциала регионов России методом анализа панельных данных. *Математическое и компьютерное моделирование в экономике, страховании и управлении рисками*, 4, 3–7.

Антонюк, В. С., & Кремер, Д. В. (2020). Экономический потенциал крупных муниципальных образований: теоретические и методологические подходы к анализу. *Социум и власть*, 3(83), 40–55. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2020-3-40-55>

Беломестнов, В. Г. (2005). *Управление потенциалом социально-экономических систем региона*. Санкт-Петербург: РОСТ.

Будажанаева, М. Ц. (2012). Методика оценки экономического потенциала муниципального образования. *Региональная экономика: теория и практика*, 34, 26–31.

Бураков, Н. А., & Рубинштейн, А. Я. (2020). Теоретические и прикладные аспекты измерения потенциалов экономического развития регионов России. *Пространственная экономика*, 16 (1), 24–50. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.024-050>

Веприкова, Е. Б., Кисленок, А. А., & Гулидов, Р. В. (2022). Методика оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований региона на основе выявления признаков локальной депрессивности. *Власть и управление на Востоке России*, 3(100), 71–86. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-71-86>

Гальнис, К. И. (2013). Оценка трудового потенциала территории. *Вестник Байкальского государственного университета*, 7(98), 87–93.

Гранберг, А. Г. (2003). *Основы региональной экономики: учебник для вузов*. (3-е изд.) М.: ГУ ВШЭ.

Гранберг, А. Г. (2006). Экономическое пространство России. *Экономика и управление*, 2(23), 11–15.

Глушак, Н. В., Глушак, О. В., Муравьева, М. А., & Назарова, О. Г. (2015). Методика оценки экономического потенциала региона. *Вестник Брянского государственного университета*, 3, 264–269.

Дабиев, Д. Ф., & Дабиева, У. М. (2015). Оценка транспортной инфраструктуры макрорегионов России. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, 11-2, 283–284.

Климова, Н. И. (ред.). (2016). *Финансовый потенциал региона: достижение стратегических приоритетов и обеспечение национальной безопасности РФ и ее субъектов*. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН.

Ковшов, В. П., & Носонов, А. М. (2005). *Теория и методология исследования природного агропотенциала территории*. Саранск: Референт.

Кодолова, Т. А. (2014). Потенциал пространственного развития: предмет и метод исследования. *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*, 7(67), 24.

Кочева, Е. В. (2011). *Статистическое исследование развития человеческого потенциала региона (на примере Дальневосточного федерального округа)*: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Санкт-Петербург: С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов.

Краснова, Т. Г., & Балабанова, Е. А. (2010). Исследование социально-экономического потенциала муниципальных образований. *Известия Байкальского государственного университета*, 1, 56–58.

Кулагина, Н. А., & Благодар, Т. П. (2018). Перспективы развития социально-экономического потенциала региона как основа обеспечения его экономической безопасности. *Вестник ВГУ. Серия: экономика и управление*, 1, 77–84.

Ларионов, А. О. (2015). Оценка промышленного потенциала региона. *Проблемы развития территории*, 2(76), 45–61.

Лебедева, М. А. (2019). Теоретико-методологические аспекты оценки природно-ресурсного потенциала. *Журнал экономических исследований*, 3, 25–35.

Лексин, В. Н., & Швецов, А. Н. (2011). *Реформы и регионы: системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления*. Российская академия наук, Институт системного анализа. М.: URSS.

Леонов, С. Н., Барабаш, Е. С., & Примарченко, Л. С. (2014). Оценка результативности государственной региональной политики в отношении муниципальных образований. *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*, 2, 128–136.

Любимова, М. В., Нестеров, В. П., & Дмитриева, В. С. (2007). Проблемы оценки социально-экономического потенциала региона. *Региональная экономика: теория и практика*, 4(43), 13–24.

Макарова, И. Л. (2015). Анализ методов определения весовых коэффициентов в интегральном показателе общественного здоровья. *Символ науки*, 7-1, 88–89.

Минакир, П. А. (2017). *Исследования экономики Дальнего Востока. 1975–2000*. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН.

Минакир, П. А., & Прокопало, О. М. (2010). *Региональная экономическая динамика. Дальний Восток*. Хабаровск: ДВО РАН.

Приказ Минприроды России «Об утверждении форм ведения государственного лесного реестра». (2016, 06 октября) от 26.10.2016 г. Зарегистрировано в Минюсте России 26.10.2016 № 44145, недействующая редакция (№ 514).

Приказ Минприроды России «Об утверждении форм ведения государственного лесного реестра». (24.12.2021) от 24.12.2021. Зарегистрировано в Минюсте России 18.07.2022 N 69302, недействующая редакция (№ 1007).

Приказ Рослесхоза «Об утверждении Порядка исчисления расчётной лесосеки». (27.05.2011) от 27.05.2011. Зарегистрировано в Минюсте РФ 06.07.2011 № 21276, действующая редакция (№ 191).

Пчелинцев, О. С. (2004). *Региональная экономика в системе устойчивого развития*. М.: Наука.

Романишина, Т. С. (2017). Критерии и методы оценки потенциала развития социально-экономической системы муниципального образования. *Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления*, 2(65), 102–109.

Росавтодор (н.д.). *Федеральное дорожное агентство*. Дата обращения 10.09.2021, <https://rosavtdor.gov.ru/>

Росжелдор (н.д.). *Федеральное агентство железнодорожного транспорта*. Дата обращения 15.09.2021, <https://rlw.gov.ru/>

Рослесхоз (н.д.). *Федеральное агентство лесного хозяйства*. Дата обращения 15.10.2021, <https://rosleshoz.gov.ru/>

Роснедра (н.д.). *Федеральное агентство по недропользованию*. Дата обращения 10.08.2021, <https://rosnedra.gov.ru/>

Росрыболовство (н.д.). *Федеральное агентство по рыболовству*. Дата обращения 04.10.2021, <https://fish.gov.ru/>

Росстат (н.д.). *Федеральная служба государственной статистики*. Дата обращения 01.08.2021, <https://rosstat.gov.ru/>

Руденко, М. Н. (2017). Классификация факторов развития и реализации экономического потенциала регионов с позиции социокультурного подхода. *Российское предпринимательство*, 18 (15), 2215–2230. <https://doi.org/10.18334/rp.18.15.38171>

Степанова, В. В., Сивоброва, И. А., & Николаев, А. В. (2012). Методические подходы к оценке эффективности социально-экономического развития муниципальных образований. *Региональная экономика: теория и практика*, 47(278), 2–12.

Суспицын, С. А. (2017). *Методы и модели координации долгосрочных решений в системе «национальная экономика – регионы»*. ИЭОПП СО РАН.

Суспицын, С. А. (2010). Оценки потенциального экономического роста регионов России на основе региональных фенотипов. *Регион: экономика и социология*, 4, 307–315.

Сыров, А. Н. (2008). Оценка экономического потенциала территории. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*, 2(13), 98–102.

Управление Росреестра по Камчатскому краю. (2022, апрель 21). *О направлении формы № 22-2 [Личная переписка]*.

Чикинова, М. С. (2009). Оценка инфраструктурного потенциала территорий юга Западной Сибири. *Вестник Томского государственного университета*, 325, 211–212.

Krugman, P. R. (1993). First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location. *Journal of Regional Science*, 33, 129–144.

References

Aganbegyan, A. G. (2019). Analysis and forecasting of socio-economic development of regions (methodical notes). *Central Russian journal of social sciences*, 4, 15–28. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-4-15-28>

Aganbegyan, A. G. (2019). On immediate actions to reinvigorate social and economic growth. *Studies on Russian Economic Development*, 30(1).

Andreev, A. S., Liskina, E. Ju. (2019). Study of industrial potential of Russian regions by panel data analysis. Mathematical and Computer Modeling in Economics, *Insurance and Risk Management*, 4, 3–7.

Antonyuk, V. S., & Kremer, D. V. (2020). The economic potential of large municipal entities: theoretical and methodological approaches to analysis. *Scientific journal «Society and Power»*, 3(83), 40–55. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2020-3-40-55>

Belomestnov, V. G. (2005). *Managing the potential of socio-economic systems of the region*. Saint-Petersburg: LLC Publishing house «ROST».

Budazhanaeva, M. Ts. (2012). Methodology for assessing the economic potential of a municipality. *Regional Economics: theory and practice*, 34, 26–31.

Burakov, N. A., & Rubinstein, A. Ya. (2020). Theoretical and applied aspects of measuring the economic growth potential of Russian regions. *Spatial economics*, 16(1), 24–50. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.024-050>

Chikinova, M. S. (2009). Infrastructure potential evaluation of Western Siberia southern territories. *Tomsk state university journal*, 325, 211–212.

Dabiev, D. F., & Dabieva, U. M. (2015). Assessment of the infrastructure of transport of Russia. *International journal of applied and fundamental research*, 11-2, 283–284.

Galynis, K. I. (2013). Assessment of labour potential of the territory. *Transbaikalian State University Journal*, 7(98), 87–93.

Glushak, N. V., Glushak, O. V., Muraveva, M. A., & Nazarova, O. G. (2015). The methodology for assessing the economic potential of the region. *The Bryansk State University Herald*, 3, 264–269.

Granberg, A. G. (2006). Economic space of Russia. *Economics and Management*, 2(23), 11–15.

Kamchatka Territory Branch of the Federal Service for State Registration (Rosreestr). (April 21, 2022). *On sending form No. 22-2* [Personal communication].

Granberg, A. G. (2003). *Fundamentals of Regional Economy: Textbook for Higher Education Institutions*. 3rd ed. Moscow: State University higher school of Economics.

Klimova, N. I. (eds.). (2016). *Financial potential of the region: achieving strategic priorities and ensuring national security of the Russian Federation and its subjects*. Ufa: Institute of social and economic research Ufa scientific center of the Russian academy of sciences.

Kodolova, T. A. (2014). Potential of spatial development: the subject and method of research. *Management of economic systems: electronic scientific journal*, 7(67), 24.

Kocheva, E. V. (2011). *Statistical study of the region's human development (on the example of the Far Eastern Federal District)*: thesis ... Ph.D. in Economics. St. Petersburg: St. Petersburg state university of economics.

Kovshov, V. P., & Nosonov, A. M. (2005). *Theory and methodology of the study of natural agropotential of the territory*. Saransk: Publishing house «Referent».

Krasnova, T. G., & Balabanova, E. A. (2010). The research of municipal bodies' socioeconomic potential. *Bulletin of Baikal state university*, 1, 56–58.

Kulagina, N. A., & Blagoder, T. P. (2018). Prospects for the development of the socio-economic potential of the region as a basis for providing its economic safety. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 1, 77–84.

Larionov, A. O. (2015). Assessment of industrial potential of the region. *Problems of territory's development*, 2(76), 45–61.

Lebedeva, M. A. (2019). Theoretical and methodological aspects of the assessment of natural resource cooperation. *Journal of economic studies*, 3, 25–35.

Leksin, V. N., & Shvetsov, A. N. (2011). *Reforms and regions: systemic analysis of regional economy reform, development of federalism, and local self-government*. Russian Academy of Sciences, Institute for System Analysis. Moscow: URSS.

Leonov, S. N., Barabash, E. S., & Primachenko, L. S. (2014). Estimation of the effectiveness of state regional policy of municipalities. *Herald of Omsk university. Series: Economics*, 2, 128–136.

Lyubimova, M. V., Nesterov, V. P., & Dmitrieva, V. S. (2007). Problems of assessing the socio-economic potential of a region. *Regional economics: theory and practice*, 4(43), 13–24.

Makarova, I. L. (2015) Analysis of methods for determining weight coefficients in the integral indicator of public health. *Symbol of science: international scientific journal*, 7-1, 88–89.

Minakir, P. A. (2017). *Studies of the economy of the Far East. 1975–2000*. Khabarovsk: ERI FEB RAS.

Minakir, P. A., & Prokopolalo, O. M. (2010). *Regional Economic Dynamics. Far East*. Khabarovsk: FEB RAS.

Order of the Ministry of Natural Resources and Environment of Russia «*On approval of the forms of maintaining the state forest registry*». (06.10.2016) October 06, 2016. (No. 514).

Order of the Ministry of Natural Resources and Environment of Russia «*On Approval of the forms of maintaining the state forest registry*». (06.10.2016) December 24, 2021 (No. 1007).

Order of the Federal Forestry Agency «*On approval of the procedure for calculating the allowable cut*». (27.05.2011) May 27, 2011 (No. 191).

Pchelintsev, O. S. (2004). *Regional economy in the system of sustainable development*. Moscow: The Science.

Rosavtodor (n.d.). *Federal Road Agency*. Retrieved 10.09.2021, from <https://rosavtodor.gov.ru/>

Rosleshoz (n.d.). *Federal Forestry Agency*. Retrieved October 15 2021, from <https://rosleshoz.gov.ru/>

Rosnedra (n.d.). *Federal Agency for Mineral Resources Management*. Retrieved August 10 2021, from <https://rosnedra.gov.ru/>

Rosrybolovstvo (n.d.). *Federal Agency for Fisheries*. Retrieved October 04 2021, from <https://fish.gov.ru/>

Rosstat (n.d.). Federal State Statistics Service. Retrieved August 01 2021, from <https://rosstat.gov.ru/>

Roszheldor (n.d.). *Federal Agency for Railroad Transportation*. Retrieved September 15 2021, from <https://rlw.gov.ru/>

Romanishina, T. S. (2017). Criteria and methods to assess the potential for development of municipality's social and economic system. *Bulletin of East Siberian State University of Technology and Management*, 2(65), 102–109.

Rudenko, M. N. (2017). Classification of factors of development and realization of economic potential of the regions from the position of socio-cultural approach. *Russian journal of entrepreneurship*, 18 (15), 2215–2230. <https://doi.org/10.18334/rp.18.15.38171>

Stepanova, V. V., Sivobrova, I. A., & Nikolaev, A. V. (2012). Methodological approaches to assessing the effectiveness of socio-economic development of municipalities. *Regional Economics: theory and practice*, 47(278), 2–12.

Suspitsin, S. A. (2010). Assessing potential growths in Russian regions through regional phenotypes. *Region: economics and sociology*, 4, 307–315.

Suspitsin, S. A. (2017). *Methods and models of coordination of long-term decisions in the system «national economy – regions»*. IEIE SB RAS.

Syrov, A. N. (2008). Assessment of territory economic potential. Science journal of Volgograd state university. *Global economic system*, 2(13), 98–102.

Veprikova, E. B., Kisenok, A. A., & Gulidov, R. V. (2022). Methodology for evaluating socio-economic development of the territories based on revealing of the local backwardness attributes. *Power and administration in the East of Russia*, 3(100), 71–86. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-71-86>

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Ю. А. Зуенкова¹

РУДН (Москва, Россия)

М. Е. Самонкина²

РУДН (Москва, Россия)

УДК: 338; 339

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-15

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТИ НА РЫНКЕ МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ

В статье исследуются основные подходы к пониманию клиентоориентированности на рынке медицинских изделий. На основе проведенного анализа отечественных и зарубежных научных источников рассматриваются наиболее часто встречающиеся дефиниции термина «клиентоориентированность». В ходе работы использовались общелогические и эмпирические методы исследования. Проанализированы и обобщены подходы к пониманию клиентоориентированности с позиции основных субъектов рынка медицинских изделий: аптечных организаций, лечебно-профилактических учреждений, производителей и дистрибьюторов. Выявлена особенность к пониманию клиентоориентированности на рынке медицинских изделий в контексте социально-этического подхода. Определены основные составляющие клиентоориентированности организаций рынка медицинских изделий: определение своей целевой аудитории; регулярный мониторинг предпочтений и мнений клиентов; понимание и удовлетворение потребностей клиентов; выстраивание долговременных и индивидуальных отношений с клиентами; наличие клиентоориентированного и профессионального персонала; качественный сервис; клиентоориентированный продукт; наличие стандартов и правил работы; оценка уровня клиентоориентированности. Установлено, что в настоящее время нет устойчивого определения термина «клиентоориентированность», в научной и бизнес-среде часто используются равнозначные термины: клиентоцентричность, ориентация на клиента, клиентоориентированный подход, управление взаимоотношениями с клиентами (CRM), удовлетворение потребностей покупателей. Анализ публикаций по тематике показал, что клиентоориентированность на рынке медицинских изделий отождествляется еще с такими ключевыми понятиями, как забота о паци-

¹ Зуенкова Юлия Александровна — к.м.н., ДВА, преподаватель кафедры организации здравоохранения, лекарственного обеспечения, медицинских технологий и гигиены, РУДН; член Совета Гильдии маркетологов, Поволжский государственный технологический университет; e-mail: zuenkova@bk.ru, ORCID: 0000-0002-3660-0476.

² Самонкина Маргарита Евгеньевна — магистрант, кафедра общественного здоровья, здравоохранения и гигиены, РУДН; e-mail: 1132227707@rudn.ru, ORCID: 0009-0008-7415-1094.

© Зуенкова Юлия Александровна, 2025

© Самонкина Маргарита Евгеньевна, 2025

енте, высокие этические стандарты, корпоративная социальная ответственность. Предложена модель клиентоориентированности для рынка медизделий.

Ключевые слова: CRM, клиентоориентированность, клиентоориентированный подход, медицинские изделия, управление взаимоотношениями с клиентами, пациентоориентированность, маркетинг отношений.

Цитировать статью: Зуенкова, Ю. А., & Самонкина, М. Е. (2025). Подходы к пониманию клиентоориентированности на рынке медицинских изделий. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 332–358. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-15>.

Yu. A. Zuenkova

RUDN University (Moscow, Russia)

M. E. Samonkina

RUDN University (Moscow, Russia)

JEL: I12, M31, D20

APPROACHES TO UNDERSTANDING CUSTOMER ORIENTATION IN THE MEDICAL DEVICE MARKET

The article examines the basic approaches to customer orientation at the medical device market. Based on the analysis of domestic and foreign scientific sources, the most common definitions of the term “customer orientation” are considered. General logical and empirical research methods were used. The approaches to understanding customer orientation from the perspective of the main subjects of the medical products market: pharmacy organizations, medical institutions, manufacturers and distributors are analyzed and generalized. The specifics of customer orientation in the MedTech market is revealed based on a socio-ethical approach. The main components of the customer orientation of medical device market stakeholders are identified: target audience definition; regular monitoring of customer preferences and opinion; understanding and satisfying customer needs; building long-term and individual relationships with customers; availability of customer-oriented and professional staff; quality service; customer-oriented product; availability of standards and rules of work; assessment of the level of customer orientation. It has been established that currently there is no stable definition of the term “customer orientation”, in the scientific and business environment equivalent terms are often used: customer-centricity, customer orientation, customer-oriented approach, customer relationship management (CRM), customer satisfaction. An analysis of publications on the subject showed that customer orientation in the medical device market is also identified with such key concepts as patient care, high ethical standards, and corporate social responsibility. The results of this study are a tool for solving problems related to customer orientation in the scientific environment, and are of practical importance in the development and implementation of a customer-oriented approach in organizations of the medical device market. A model of customer orientation for the medical device market is proposed.

Keywords: customer orientation, customer-oriented approach, medical device market, customer relationship management, MedTech, patient centricity.

Введение

В современных экономических реалиях происходят усиление конкуренции и трансформация моделей поведения потребителей на рынке медицинских изделий. Это вынуждает отечественные и зарубежные компании изучать и максимально удовлетворять потребности клиентов в целях управления их ожиданиями и налаживания взаимовыгодных и долгосрочных отношений для обеспечения высоких результатов коммерческой деятельности и жизнеспособности бизнеса в перспективе. В этих условиях эффективным инструментом становится внедрение клиентоориентированного подхода.

Формирование теоретических аспектов клиентоориентированности в мировой науке началось с середины 50-х гг. XX в. и существенно активизировалось в начале 80-х гг. XX века. А. Коли и Б. Яворский (Kohli, Jaworski, 1990) описали клиентоориентированность в рамках рыночной сущности и ее компонентов. После 1990-х гг. в зарубежных публикациях раскрывались подходы к клиентоориентированности с точки зрения взаимодействия с разными стейкхолдерами процесса купли-продажи. Особое развитие клиентоориентированность получила в рамках концепции маркетинга взаимоотношений. Указанный термин был введен в научный обиход Л. Берри и подразумевал «завоевание клиентов, поддержание и укрепление взаимоотношений с ними». В 1993 г. американские исследователи Д. Пепперс и М. Роджерс представили общественности книгу «Будущее один на один», в которой предложили схему управления отношениями с клиентами. С того времени клиентоориентированный подход стал также известен как управление отношениями с клиентами (Customer Relationship Management (CRM)) (Ефремова, Чкалова, 2016).

XX век ознаменовался достижениями фундаментальной и клинической медицины: в частности, в области биотехнологии, фармацевтики и медицинского оборудования. Это привело к значительному увеличению продолжительности жизни, позитивными изменениями в демографии и качестве жизни населения во всем мире. Стремительный рост технологий в медицине привел к увеличению затрат на здравоохранение. Так, расходы в годовом выражении на здравоохранение в развитых странах в большинстве случаев превышают 10% ВВП. В этих реалиях фокус внимания сектора здравоохранения переносится на мероприятия по профилактике заболеваний, поскольку они требуют гораздо меньших финансовых затрат по сравнению с лечением уже наступившего заболевания и последующей реабилитацией. Эффективная профилактика заболеваний не может существовать без учета индивидуальных особенностей пациента, формирова-

ния долгосрочных коммуникаций между пациентом и медицинских персоналом. Так, сдвиг в сторону пациенто-ориентированности становится одним из ключевых векторов развития здравоохранения, с появлением в нем явных рыночных черт и получение пациентом роли клиента, за выбор которого происходит конкурентная борьба между поставщиками медицинских услуг. Пациентоориентированность в этом контексте можно трактовать как «клиентоориентированность», поскольку она является атрибутом рыночных отношений (Хальфин и др., 2019).

В настоящее время интерес ученых и специалистов-практиков к клиентоориентированности отмечается во всем мире. Превалирующее число исследований по данной тематике посвящены вопросам клиентоориентированности с позиции удовлетворенности клиентов. Недостаточно изученными остаются вопросы понимания клиентоориентированности применительно к рынку медицинских изделий, что предопределило выбор темы данного исследования. Учитывая стратегические задачи отечественной медицинской промышленности и политику импортозамещения в этой сфере, рассмотрение вопросов клиентоориентированности для данного рынка представляет интерес с позиции совершенствования коммерциализации инноваций.

Цель исследования — изучить современные подходы к пониманию клиентоориентированности и предложить модель «клиентоориентированности» применительно к рынку медицинских изделий. В рамках обозначенной цели исследования были поставлены следующие задачи: изучить наиболее часто встречающиеся дефиниции термина «клиентоориентированность», выявить особенности и составляющие клиентоориентированности на рынке медицинских изделий.

Материалы и методы. Был проведен библиографический и информационный поиск по теме клиентоориентированности вообще и на рынке медицинских изделий, в частности. Для определения текущего понимания термина «клиентоориентированность» среди компаний российского рынка медицинских изделий было проведено эмпирическое исследование методом глубинного интервью в период декабрь 2023 г. — февраль 2024 г. Опрос проводился в очной форме на отраслевых мероприятиях среди руководителей служб маркетинга и коммерческих служб российских и зарубежных компаний-производителей, дистрибьюторов. Объем выборки составил 59 компаний. Гайд (см. Приложение) содержал вопросы относительно ключевых фокусов клиентоориентированности: понимания и выражения, диагностики, основных инструментов и бизнес-процессов, сбора, хранения, распространения информации, технологизации, межфункциональной координации, корпоративных правил и стандартов. Для обработки результатов интервью применялся контент-анализ, предусматривающий расчёт частоты упоминания (%) конкретных высказываний респондентов (единиц), разбитых по фокусам (категориям).

Результаты

Общие подходы к клиентоориентированности

Анализ работ, посвященных данной тематике, показал, что в настоящее время нет единого устойчивого определения клиентоориентированности. В данном исследовании мы рассмотрим наиболее часто встречающиеся дефиниции (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее часто встречающиеся дефиниции термина «клиентоориентированность»

Автор	Дефиниция
Сакс, Вайц 1982 (Saxe, Weitz, 1982)	«Помощь клиентам в совершении покупок, которые удовлетворяют их потребности»
Коли, Яворски, 1990 (Kohli, Jaworski, 1990)	«Деятельность организации, направленная на получение информации о рынке, о текущих и потенциальных потребностях покупателей; кросс-функциональное распространение данной информации; кросс-функциональное оперативное реагирование на основе полученной информации»
Нарвер, Слейтер, 1990 (Narver, Slater, 1990)	«Понимание целевых клиентов и их процесс формирования ценности для развития в долгосрочном периоде»
Дешпанде, Фарли, Вебстер, 1993 (Deshpande et al., 1993)	«Компонент клиентоориентированной культуры, набор убеждений при котором интересы клиента ставятся на первое место и при этом учитываются интересы собственников бизнеса и персонала компании для обеспечения развития и прибыли компании в долгосрочном периоде»
Хенниг-Суро, 2004 (Hennig-Thurau, 2004)	«Наличие персонала, ориентированного на клиента, обладающего техническими и социальными навыками, мотивацией и полномочиями при принятии решений»
Гебауэр, Ковалковски, 2012 (Gebauer, Kowalkowski, 2012)	«Ориентация на клиентов организационных структур компании в соотношении с ориентацией на сервис»
Яшина, 2013 (Яшина, 2013)	«Концепция бизнеса, включающая комплекс мероприятий, направленных на удовлетворение и формирование потребностей клиентов (конечных потребителей и торговых посредников), реализуемый на всех уровнях менеджмента во всех функциональных подразделениях, ориентированная на инновационное (проактивное) развитие с целью достижения устойчивого конкурентного преимущества»

Источник: составлено автором.

Из вышеприведенных дефиниций становится очевидным, что клиентоориентированность в научной и бизнес-среде может рассматриваться: как концепция бизнеса; как стратегический подход, обеспечивающий повышение конкурентоспособности и прибыли; как инструмент взаимодействия с клиентами; как образ мышления, ставящий во главу бизнеса клиента и его интересы.

В своем научном труде М. Ефремова, О. Чкалова выделили два подхода к пониманию клиентоориентированности. Первая группа исследователей (Р. Сакс, Б. Вейтс, Т. Хенинг-Суро, Х. Гебауэр, С. Ковалковски) рассматривает «клиентоориентированность как инструмент взаимодействия с клиентами, акцентируя внимание на работу сотрудников и качество обслуживания». Авторы считают, что удовлетворенность клиентов и эффективность организации в первую очередь зависят от работы персонала. Данный научный взгляд вполне оправдан ввиду того, что компетенции сотрудников являются первостепенным компонентом клиентоориентированности. Представители второй группы исследователей определяют, что «клиентоориентированность – не просто компетентность персонала, непосредственно взаимодействующего с клиентами, а философия бизнеса, охватывающая все бизнес-процессы организации». Такой подход поддерживает ряд отечественных и зарубежных авторов, среди которых Ф. Е. Вебстер, А. Коли, Б. Яворски, О. В. Яшина (Трушкина, Рынкевич, 2019).

Согласимся с формулировкой О. В. Яшиной, трактующей клиентоориентированность как «концепцию бизнеса, включающую комплекс мероприятий, направленных на удовлетворение и формирование потребностей клиентов (конечных потребителей и торговых посредников), реализуемый на всех уровнях менеджмента во всех функциональных подразделениях, ориентированный на инновационное (проактивное) развитие с целью достижения устойчивого конкурентного преимущества» (Яшина, 2013). Для реализации клиентоориентированного подхода крайне важно формирование целой системы бизнес-процессов для реализации ключевой цели – удовлетворенности клиентов и активное сотрудничество между различными функциональными группами и участниками всей товаропроводящей цепочки, включая поставщиков, сервисных компаний, потребителей.

Освещение подходов к трактовке клиентоориентированности нашло отражение в монографии О. В. Гулаковой, О. А. Кусраевой, В. А. Ребязиной, М. М. Смирновой. Сгруппированные коллективом авторов подходы позволяют комплексно определить сущность клиентоориентированности. В научных трудах встречаются различные признаки для определения сущности клиентоориентированности, такие как: ценность, поведение, процесс, стратегия, культура. Так, одна часть подходов к клиентоориентированности квалифицируется как «определение ключевых ценностных элементов с фокусом на культурную составляющую». Вторая часть подходов рассматривается в ракурсе «процессного подхода, определяю-

шего взаимодействие компании с клиентом». Ярким примером такого подхода служит определение клиентоориентированности, данное Коли и Яворски — «деятельность организации, направленная на получение информации о рынке, о текущих и потенциальных потребностях покупателей; кросс-функциональное распространение данной информации; кросс-функциональное оперативное реагирование на основе полученной информации». Сторонники ценностного подхода определяют клиентоориентированность как «черту, присущую компании и выражающую ее ценности». Например, Дешпанде, Фарли и Вебстер трактуют клиентоориентированность как «компонент клиентоориентированной культуры, набор убеждений при котором интересы клиента ставятся на первое место и при этом учитываются интересы собственников бизнеса и персонала компании для обеспечения развития и прибыли компании в долгосрочном периоде» (Ребязина и др., 2023, с. 29).

Безусловно, все эти подходы имеют отличия, но все они сводятся к тому, что клиентоориентированность — это, в первую очередь, понимание и удовлетворение потребностей клиентов, понимание ключевой значимости клиента во всех бизнес-процессах компании.

Опираясь на полученные в ходе анализа данные, можно констатировать, что понятие «клиентоориентированность» является тождественным с различными понятиями, такими как: клиентоцентричность, ориентация на клиента, управление взаимоотношениями с клиентами (CRM), корпоративная культура, первоклассный сервис, клиентоориентированный подход, ценность, лояльность, удовлетворение потребностей, как в целом клиентов, так и индивидуальных потребностей конкретного клиента (Трушкина, Рынкевич, 2019).

Понимание клиентоориентированности в медицине

Рынок медицинских изделий тесно связан с рынком здравоохранения, поскольку медицинские технологии и медицинское оборудование являются одним из инструментов охраны здоровья. От качества медизделий, их соответствия потребностям целевого рынка здравоохранения зависят спрос и успех коммерциализации создаваемых инноваций.

Понимание клиентоориентированности на медицинском рынке имеет свои особенности. Изучению клиентоориентированности в этой отрасли посвящены работы отечественных ученых, таких как Шерешева М. Ю., Костянян А. А., Бурцева О. С., Стукен Т. Ю., Суворова А. А., Кублин И. М., Зубарева Н. Н., Воронов А. А., Ульянов Ю. А., Мингазова Э. Н., Зарипова Э. М., Мингазов Р. Н., Хальфин Р. А.

Так, Шерешева М. Ю., Костянян А. А., указывают на то, что «клиентоориентированность персонала в сфере здравоохранения является комплексным понятием и неразрывно связана с квалификацией и опытом

персонала, которые определяют удовлетворенность пациента результатами оказанного лечения» и предлагают новый подход к оценке качества медицинских услуг, основанный на воспринимаемой ценности потребителя-пациента. В качестве важных составляющих клиентоориентированности они предлагают улучшить фактическую и информационную доступность для пациентов (Шерешева, Костанан, 2015).

Бурцева О. С., Стукен Т. Ю., в качестве основополагающих принципов клиентоориентированности в медицине определяют «уважительное и внимательное отношение медицинского персонала к пациентам, благоприятный микроклимат в медицинском учреждении, наличие специальных приспособлений для перемещения маломобильных граждан, наличие достаточного количества посадочных мест в клинике, доступность медицинской помощи...» (Бурцева, Стукен, 2016).

Термин «клиентоориентированность» становится все более распространенным в медицинских организациях. Следовательно, такие понятия как медицинская услуга, клиент, прибыль, стали неотъемлемой частью деятельности в данной отрасли в настоящее время. Опираясь на многочисленные трактовки, можно сформулировать определение, что клиентоориентированность в медицинской организации – инструмент долгосрочного партнерского взаимодействия между медицинской организацией и пациентом с целью удовлетворения его потребностей и превосходства ожиданий при помощи соответствующих компетенций персонала. Клиентоориентированность в медицине основывается на идее того, что медицинские учреждения считают пациентов клиентами, а оказанную медицинскую помощь – услугой.

Обратимся к исследованию следующих авторов: Ульянов Ю. А., Мингазова Э. Н., Зарипова Э. М., Мингазов Р. Н. В своей работе они изучали клиентоориентированность в медицине в современном аспекте. Авторы исследования выделяют основные компоненты клиентоориентированности в медицинской организации: информационная составляющая, применение различных инновационных технологий, сервисная составляющая медицинской услуги, проактивная позиция персонала (Ульянов и др., 2021). Медицинский персонал для пациентов является одним из ключевых показателей качества медицинского обслуживания и ведущим критерием ценности медицинской услуги. Преимущественная доля пациентов, говоря о качественном обслуживании, подразумевает не только клиническую эффективность, означающую снятие симптомов заболевания и/или гарантию результата излечения, но и высокий уровень сервисной составляющей медицинской услуги. Под сервисной составляющей медицинской услуги пациенты обычно понимают некие атрибуты: физический комфорт (микроклимат, удобство) во время ожидания; эстетический аспект (с точки зрения комфорта): уютный и стильный дизайн помещения, цветовые решения; психологический аспект (с точки зрения ком-

форты и создания чувства безопасности): дружелюбная психологическая атмосфера, которая заключается в вежливости и доброжелательности медицинского персонала, коммуникации, проявлении эмпатии, сострадания. Высокий уровень сервиса является базисом клиентоориентированности медицинской организации и оказывает влияние на удовлетворенность пациентов медицинской помощью, вызывает доверие и способствует формированию лояльности к бренду медицинской клиники, что является ее нематериальным активом, способствующим росту экономической эффективности медицинского бизнеса (Абаев и др., 2019).

Значительная часть медицинских изделий, предназначенных для использования непосредственно пациентами, реализуется через аптеки. Аптечные организации становятся главным связующим звеном между потребителем (пациентом) и производителем медизделия. Клиентоориентированность в аптечных организациях также имеет свои особенности. Большинство исследователей сходятся во мнении о том, что клиентоориентированность в аптечных организациях сводится к качественному аптечному сервису, доброжелательному общению с клиентом и точному фармацевтическому консультированию. Информационная доступность и компетентное фармацевтическое консультирование позволяют точно удовлетворять индивидуальные потребности клиентов аптеки, и способствует правильному выбору товаров аптечного ассортимента, к которым в том числе относятся и медицинские изделия. Клиентский сервис в аптеке — комплекс мероприятий, с помощью которых аптека может удовлетворить потребности и желания покупателей. Фармацевтический работник при этом становится соучастником терапевтического процесса. Личностные и профессиональные качества фармацевта определяют стандарты сервиса в аптеке. Так, в основе клиентоориентированности лежат уважительное отношение к покупателю и его доверие к аптеке, тем самым покупатель, получая ожидаемую ценность и иные дополнительные преимущества, становится лояльным к определенной аптеке (IQ Provision: [сайт]. URL: <https://iq-provision.ru/articles/klientoorientirovannost-v-apteke-o-cem-budet-polezno-pomnit>).

Исследования влияния организационной культуры аптечных организаций на формирование лояльности потребителей показали, что клиентоориентированная корпоративная культура затрагивает не только работников и аптечную организацию в целом, но и посетителей аптечной организации. Так, посетитель ожидает со стороны сотрудников следующего: грамотное выполнение своей работы (консультацию), обеспечение товаров аптечного ассортимента всех необходимых условий, связанных с их требованиями и желаниями для осуществления покупки. Существенную роль при этом играют стандарты фармацевтического консультирования, обеспокоенность аптечной организации финансовым положением потребителя, насколько она учитывает потенциальные ресурсы потребителя.

Этот компонент находит свое отражение в программах лояльности аптечных организаций для удержания клиентов (Стрелкова, 2019).

В контексте рынка медицинских изделий потребителями могут быть разные участники этого рынка — пациенты, медицинский персонал и система здравоохранения в целом, все они имеют собственные ценности и понимание клиентоориентированности.

Медицинское изделие имеет высокую социальную значимость, так как от него зависят здоровье и жизнь пациента. При таком подходе, очевидно, что потребители становятся полноправными участниками разработки бизнес-процессов, товаров и услуг, находясь во взаимодействии с поставщиками. Яркая позиция прослеживается в трудах зарубежных исследователей. В частности, обратимся к международному опыту Управления по контролю за продуктами питания и лекарствами США (Food and Drug Administration (FDA)), обеспечивающему, в том числе безопасность, эффективность и надежность медицинских устройств. По их мнению, сложные задачи по разработке, оценке и определению надлежащего использования медицинских технологий решаются в развивающейся экосистеме различных заинтересованных сторон. Однако по мере разработки и тестирования новых методов лечения и диагностики предпочтения и взгляды пациентов и партнеров по уходу, на которых эти методы лечения оказывают наиболее непосредственное воздействие, слишком часто упускаются из виду. Отдельные пациенты часто испытывают различные последствия заболеваний и могут иметь уникальные предпочтения в отношении лечения или диагностических процедур, которые отличаются от предпочтений других пациентов, их врачей или других практикующих медицинских работников; у них также могут быть разные взгляды на то, какие виды и степени риска допустимы. Поскольку пациенты взвешивают баланс выгод и рисков, их решения основываются на их опыте, происхождении и личных обстоятельствах. Кроме того, пациенты больше не являются пассивными получателями медицинской помощи; вместо этого они выступают полноправными потребителями медицинских изделий и партнерами в процессе разработки этих продуктов. Пациенты все чаще выступают в качестве сторонников новых методов лечения, и многие из них полностью вовлечены в принятие решений о своем уходе (Hunter et al., 2015).

Говоря о клиентоориентированности на рынке медицинских изделий, необходимо рассмотреть подходы к ее пониманию с позиции ключевых субъектов данного рынка: производителей и дистрибьюторов, аптечных организаций, лечебно-профилактических учреждений.

Многочисленные исследования показывают, что существенное влияние на развитие клиентоориентированности организаций рынка медицинских изделий оказывают приверженность высоким этическим нормам и корпоративной социальной ответственности. Медицинский бизнес не ограничивается только поставками товаров или услуг, помимо этого,

он выполняет социальную функцию, в котором очень важно соблюсти баланс между интересами самого бизнеса и общественными потребностями. В бизнес-практике, имея высокую социальную значимость, соблюдение этических норм является значительным фактором для укрепления доверия покупателей. У большинства числа производителей и дистрибьюторов лекарственных препаратов и медицинских изделий разработан кодекс этики, который является неотъемлемым атрибутом корпоративной культуры и отражает приверженность компании высоким этическим принципам ведения бизнеса. Обратимся к практическому примеру международной медико-фармацевтической компании Органон, и рассмотрим понятие «клиентоориентированность» через призму ее кодекса этики, набора корпоративных принципов. Клиентоориентированность характеризуется компанией как становление интересов пациентов во главу угла бизнеса. Основной областью ответственности и приоритетом компании является служение пациентам и клиентам, а генеральной целью ежедневное завоевание доверия пациентов и клиентов (Organon: [сайт]. URL: <https://www.organon.com/policies-disclosures/>). На примере компании Audina Hearing Instruments — производителя индивидуальных слуховых аппаратов, стоит отметить, что клиентоориентированность понимается как ежедневная приверженность клиентам, забота о клиентах, уникальный опыт преданности. Данное отношение компания развивает и культивирует в каждом сотруднике. При подборе специалистов в области дизайна, производства и клиентской поддержки компания руководствуется принципом, основанным на приверженности специалистов данной корпоративной философии, при которой они работают над максимальной гибкостью и креативностью для создания продуктов, ориентированных на ценности. Другой пример компании Oticon Medical, работающей в области слуховых аппаратов костной проводимости и систем кохлеарной имплантации, показывает нам, что компания при работе с клиентами ориентируется на всеобъемлющую корпоративную этику. Высокие этические стандарты, по мнению компании, способствуют построению успешных партнерских отношений с поставщиками, клиентами и пациентами, пользующимися их продукцией (Oticon Medical: [сайт]. URL: <https://www.oticonmedical.com/about-oticon-medical/social-responsibility-csr>). Приведем еще один пример фармацевтической компании Eisai. Установлено, что клиентоориентированность отождествляется также с таким понятием, как забота о пациентах. Компания дает определение данному подходу — «human health care» и фокусируется на следующих принципах: реальная забота, информированность пациентов, доступность препаратов, улучшение качества за счет образовательных мероприятий для врачей. В основе этой философии лежат высокие этические стандарты и принцип заботы о здоровье пациентов и их близких, который компания определяет как «human health care». Философия «human health care» строится на принципе необходимости прямого контакта с па-

циентами для понимания их реальных потребностей, ввиду этого, каждый сотрудник стремится проводить 1% своего рабочего времени в общении с пациентами (Eisai: [сайт]. URL: <https://eisai.ru/philosophy/>).

Ввиду того, что специфика рынка медицинских изделий продиктована высокой социальной значимостью медицинских товаров, оказывающих влияние на здоровье и жизнь человека, клиентоориентированность может рассматриваться в контексте социально-этического подхода. Базисом такого подхода служит концепция социально-этического маркетинга, а предопределяющую роль играет корпоративная социальная ответственность. Социально-этический подход – синтез этических норм и бизнеса, где обе эти категории интегрируются в единую структуру. Организации, придерживающиеся социально-этического подхода, ориентированы не только на получение прибыли и удовлетворения потребностей клиентов, но и также берут ответственность за безопасность продукции, учитывают интересы общества, вносят свой вклад в улучшение здоровья и благосостояния как отдельно потребителя, так и общества в целом. Отличительной чертой социально-этического подхода клиентоориентированности является ориентация на социально-уязвимые слои населения, фокусирование внимания на их проблемах. Осуществляя свою деятельность, организации ориентируются на удовлетворение клиентов и собственных бизнес-целей с учетом глобальных общественных интересов (Лавриенко, Шуклина, 2017).

В контексте социально-этического подхода на рынке медицинских товаров (лекарственных препаратов, медизделий) с недавнего времени получила распространение концепция маркетинга взаимоотношений – *Beyond-the-Pill*, что означает «за пределами таблетки» (Зуенкова, Богданович, 2023). Данная концепция подразумевает ориентацию компании – производителя медицинского продукта – на предоставление дополнительных услуг и сервисов, которые выходят за рамки лишь потребления основного продукта, но обеспечивают тесное взаимодействие потребителей с компанией на протяжении всего клиентского пути. Таким образом компания стремится увеличить ценность своего предложения.

Ценность рассматривается как ключевой элемент современного здравоохранения, который определяет поведение всех стейкхолдеров данного рынка и компаний, производящих и реализующих медицинские изделия, в частности. Ориентация рынка на ценностно-ориентированный подход была впервые предложена М. Porter в 2004 г. (Porter, Teisberg, 2004). С тех пор ценностно-ориентированный подход получил распространение и в отечественной медицине (Зуенкова, 2021). Данная концепция была дополнена отечественными учеными – ими была предложена ценностно-ориентированная концепция закупок медицинских изделий (Домбровский и др., 2020). Позднее эта концепция была реализована в формате контрактов жизненного цикла.

Понимая клиентоориентированность таким образом, можно выделить ключевые ее составляющие применительно к рынку медицинских изделий. Фундаментальной целью организации рынка медицинских изделий является понимание и удовлетворение потребностей клиентов. Важно учесть, что главным потребителем медицинских изделий является пациент, и в основе стратегии клиентоориентированности лежат отношения с пациентом, его комфорт, безопасность, сохранение и улучшение здоровья. В академической среде присутствует немалое количество работ, посвященных исследованию зависимости между удовлетворенностью клиентов и показателями эффективности деятельности компаний. Предложенная Дж. Иганом модель «отдачи от отношений» демонстрирует зависимость прибыльности компании от удовлетворенности клиента. При высоком уровне удержания потребителей прибыльность повышается (Иган, 2008). Традиционные теории маркетинга в значительной степени основаны на убеждении, что удовлетворенность клиентов оказывает положительное влияние на эффективность бизнеса в долгосрочной перспективе. Удовлетворенность клиентов оказывает важное влияние на финансовые показатели, поскольку обслуживание постоянных клиентов, как правило, обходится дешевле, чем новых и, таким образом, удовлетворенность может повлиять на эффективность бизнеса за счет снижения расходов (Reichheld, 1993; Hallowell, 1996). Это также может повлиять на доход, если привлеченные клиенты менее чувствительны к цене (Anderson, 1996).

Еще одним немаловажным аспектом позволяющим достичь организации клиентоориентированного результата становится регулярный мониторинг предпочтений и мнений клиентов посредством маркетинговых исследований; сбор рыночной информации. На этот компонент указывают Коли и Яворски, которые трактуют клиентоориентированность, как «деятельность организации, направленная на получение информации о рынке, о текущих и потенциальных потребностях покупателей; кросс-функциональное распространение данной информации; кросс-функциональное оперативное реагирование на основе полученной информации» (Kohli, Jaworski, 1990).

Другим существенным компонентом клиентоориентированности становится верное определение своей целевой аудитории. Важность данного компонента усиливается тем, что рынок медицинских изделий достаточно узконаправленный. Медицинские товары представляют интерес у определенных лиц, непосредственно задействованных в сфере медицины. Узкая целевая аудитория клиентов говорит о том, что медицинское изделие не представляет интерес широкому кругу людей, и изначально только определенный процент потребителей может быть заинтересован в его покупке (Суворова и др., 2021). В связи с этим существенными становятся качественное обслуживание данной узкой целевой и выстраивание с ней долгосрочных связей. Ряд исследователей обнаружили, что «привлече-

ние нового клиента обходится дороже, чем удержание одного, и затраты, связанные с привлечением и удержанием клиентов, могут повлиять на эффективность бизнеса» (Шадрина, 2022). Как показывают исследования Ф. Райхельда, «удержание клиентов на 5% увеличивает рост прибыли от 25 до 95%». Вероятность продажи существующему клиенту составляет от 60 до 70%, а новому – от 5 до 20%, постоянные клиенты тратят на 33% больше, чем новые (Шадрина, 2022). Данные исследования являются доказательной базой важности качественного обслуживания своих постоянных клиентов и выстраивания с ними долгосрочных отношений, что в конечном итоге приводит к увеличению прибыльности и обеспечению конкурентоспособности организации на рынке.

Ключевой составляющей клиентоориентированности является выстраивание долговременных отношений с клиентами, основанных на индивидуальном подходе. Отсюда следует другой немаловажный аспект, влияющий на уровень клиентоориентированности, а именно, наличие клиентоориентированного и профессионального персонала. Клиентоориентированность персонала понимается, как совокупность личностных и профессиональных качеств, направленных на установление и поддержание эффективных и долгосрочных взаимоотношений с клиентами. Вместе с этим, клиентоориентированность персонала проявляется через соблюдение корпоративных правил и стандартов. В то же время, профессионализм персонала декларируется не только как наличие квалификации. В трудах О. Ламсковой, опирающейся на исследования Д. Майстера, профессионализм сотрудников рассматривается как ценность сильной корпоративной культуры, а результатом повышения профессионализма сотрудников является рост удовлетворенности клиентов (Ламскова, 2019). Сотрудник, работающий в медицинском сегменте для успешного осуществления деятельности, должен принимать во внимание не только профильные компетенции, но и обладать базовыми знаниями психологии, управления конфликтами, уметь сопереживать клиенту. В связи с этим для повышения уровня клиентоориентированности организациям необходимо регулярно уделять внимание обучающим мероприятиям для своих сотрудников, направленным не только на профильные компетенции, но и на новые.

Следующей важной составляющей клиентоориентированности является качественный клиентский сервис.

Для производителей и дистрибьюторов рынка медицинских изделий характерными показателями качественного обслуживания будут являться:

- оперативный отклик на запрос клиента;
- оперативные сроки поставки товара;
- компетентность персонала;
- доброжелательное и вежливое отношение персонала;
- оперативность и качество гарантийного и постгарантийного обслуживания;

- маркетинговые программы;
- соблюдение клиентской политики, честность и прозрачность взаимоотношений;
- доступность информации о продуктах/услугах;
- система сбора обратной связи от клиентов;
- онлайн-поддержка клиентов 24/7.

Клиентоориентированность компаний рынка медицинских изделий помимо вышеуказанных компонентов выстраивается вокруг медицинского продукта. Продукт, который потребитель получает, должен основываться на ценности, т.е. соответствовать ожиданиям и потребностям клиента, и включать в себя не только свойства, определяющие его качество, а также такие факторы как качественный сервис, коммуникации, степень персонализации, быть доступным для понимания, полезным, безопасным и приносить удовлетворение.

Как правило, все вышеперечисленные составляющие могут быть клиентоориентированными при условии их стандартизации. Таким образом, клиентоориентированность закладывается в разработке и соблюдении правил и стандартов работы организации. В перечень правил и стандартов включены как локальные акты, так и нормативно-правовые документы федерального уровня. Наличие правил и стандартов в организации, прежде всего, способствует выстраиванию качественного клиентского сервиса. К производителям медицинских изделий может применяться следующий перечень документов: функциональные обязанности сотрудников; правила обслуживания клиентов; правила обработки заявок от клиентов и скорость реагирования на запросы; базовый набор информации (о компании, о товаре, об условиях сотрудничества), которую сотрудник должен предоставлять клиенту; маркетинговые программы для клиентов; послепродажное сопровождение; сервисное обслуживание; межфункциональное взаимодействие; правила общения с клиентами (речевые скрипты); документы, подтверждающие внедрение системы менеджмента качества (ISO 9001, ISO 13485).

И в заключение, один из ключевых компонентов клиентоориентированности — оценка ее уровня в плоскости измерения уровня удовлетворенности клиентов. Для этих целей может применяться ряд методологических подходов. Наиболее популярным показателем клиентоориентированности является индекс лояльности клиентов (NPS), который предложил американский исследователь и специалист-практик Ф. Райхельд (Reichheld, 2006). Данная метрика позволяет оценить приверженность клиентов к товару/услуге или к самой организации, насколько клиент готов их рекомендовать. Методика заключается в оценке покупателем по 10-балльной шкале насколько он готов рекомендовать организацию или товаров/услуг знакомым, друзьям, коллегам. Также для оценки клиентоориентированности организации применяются ряд других метрик: доля повторных клиентов

(%), коэффициент удержания клиентов (CRR), индекс удовлетворенности клиента (CSAT), пожизненная ценность клиента (CLV), количество жалоб и обращений клиентов и др.

Результаты глубинного интервью

На втором этапе оценки клиентоориентированности методом глубинного интервью была рассчитана частота упоминания (%) высказываний респондентов (единиц) и разделена по категориям в соответствии с формой кодирования (табл. 2).

Таблица 2

Контент-анализ глубинного интервью оценки клиентоориентированности компаний рынка медицинских изделий

Категории и единицы	Частота упоминания, %
<i>1. Понимание клиентоориентированности</i>	
Эффективное взаимодействие с клиентом	7,28
Становление интересов клиента во главу угла	25,45
Удовлетворение потребностей клиента	29,09
Понимание потребностей клиента	10,91
Забота о клиенте	5,45
Умение определять потребности клиента	9,09
Решение проблем клиента	3,64
Наивысшее удовлетворение потребностей клиента	5,45
Доверие клиента	1,82
Максимальное понимание потребностей клиента	1,82
<i>2. Выражение ориентации на клиента</i>	
Выявление болей клиента	5,56
Высокий уровень сервиса	5,56
Действия организации в интересах клиента	22,23
Индивидуальный подход	2,78
Понимание желаний и нужд клиентов	8,33
Удовлетворение потребностей клиента	30,53
Повышение лояльности к компании	5,56

Продолжение табл. 2

Категории и единицы	Частота упоминания, %
Максимальное удовлетворение потребностей клиента	8,33
Предугадывание потребностей клиента	2,78
Забота о клиенте	2,78
Помощь клиенту в решении проблем	5,56
<i>3. Используемые метрики анализа эффективности взаимодействия с клиентами</i>	
NPS (индекс потребительской лояльности)	10,14
CSAT (показатель удовлетворенности клиента)	5,8
Темпы роста продаж	31,88
Отзывы	1,45
Обратная связь клиентов	4,35
Отсутствие рекламаций	2,9
LTV (пожизненная ценность клиентов)	1,45
CSI (индекс удовлетворенности клиентов)	2,9
Доля повторных клиентов	30,43
Не используем	8,7
<i>4. Инструменты клиентоориентированности</i>	
Регулярные рассылки (e-mail, мессенджеры)	37,93
Обучающие сценарии для клиентов	6,9
Мероприятия, направленные на удержание клиентов в виде скидок, бонусов, подарков, акций	20,69
Сбор и учет обратной связи от клиентов	31,03
Контракт жизненного цикла	3,45
<i>5. Бизнес-процессы, связанные с клиентоориентированностью</i>	
Кадровая политика в ключе клиентоориентированности	4,17
Внедрена система менеджмента качества	20,83
Создан специальный отдел заботы о клиентах	2,78
Оперативное реагирование на запросы клиентов	4,17
Выстроенный клиентский сервис	8,33

Продолжение табл. 2

Категории и единицы	Частота упоминания, %
Используется планово-предупредительное техобслуживание оборудования	26,39
Существует отдел технического контроля	33,33
<i>6. Сбор клиентских данных</i>	
Сбор информации о клиентах осуществляет персональный менеджер (менеджер по продажам)	68,09
За сбор информации о клиентах отвечает маркетолог	14,89
Каждый отдел и сотрудник на каждом этапе своей работы отвечает за сбор информации о клиенте	6,38
Сбор информации о клиентах осуществляет аналитический отдел	6,38
Сбор информации о клиентах осуществляет отдел заботы о клиентах	4,26
<i>7. Хранение клиентских данных</i>	
CRM-система	41,18
Информация хранится в свободном доступе на сервере	29,41
Базы данных (1С, разработанные под компанию)	29,41
<i>8. Распространение клиентских данных</i>	
Информация распространяется через персонального менеджера (менеджера по продажам)	52,54
Через каналы коммуникации (мессенджеры, e-mail)	20,34
Через CRM-систему	27,12
<i>9. Технологизация клиентоориентированности</i>	
Автоматизированные коммуникации с клиентами	7,84
CRM-система	27,46
В компании высокий уровень автоматизации	37,25
Многие процессы в компании находятся на ручном управлении	15,69
Для автоматизации обработки запросов клиентов используются системы helpdesk, servicedesk	11,76

Категории и единицы	Частота упоминания, %
<i>10. Межфункциональная координация</i>	
Действия отделов и сотрудников нашей компании не всегда скоординированы и присутствуют недопонимания	46,3
Действия отделов и сотрудников нашей компании слаженны	53,7
<i>11. Корпоративные правила и стандарты, направленные на клиентоориентированность</i>	
Кодекс корпоративной этики	3,7
Регламенты	59,26
Речевые скрипты при взаимодействии менеджеров с клиентами	7,41
Список запрещенных фраз и действий	1,85
Отсутствуют регламенты	25,93
Комплаенс	1,85

Глубинные интервью показали, что большинство респондентов (29,09%) под клиентоориентированностью понимают удовлетворение потребностей клиента; 25,45 % — становление интересов клиента во главу угла. Наибольшее число респондентов (30,56%) считают, что ориентация на клиента выражается в удовлетворении потребностей клиентов, 16,67 % — в действиях организации в интересах клиента.

Основными используемыми показателями оценки эффективности взаимодействия с клиентами являются: темпы роста продаж (31,88%) и доля повторных клиентов (30,43%). Обращает на себя внимание тот факт, что для анализа клиентоориентированности компании также используют метрики: NPS (10,14 %); CSAT (5,80 %); LTV (1,45 %); CSI (2,90 %), отзывы (1,45 %); обратную связь клиентов (4,35 %); отсутствие рекламаций (2,90 %), но в основном не комплексно, а какой-либо один из вышеназванных показателей. 8,70 % респондентов отмечают, что вообще не проводят расчеты, связывая это со сложностью, отсутствием необходимого специалиста в компании и непониманием необходимости в этом.

Наиболее часто упоминаемыми инструментами клиентоориентированности являются регулярные рассылки (e-mail, мессенджеры) (37,93 %); сбор и учет обратной связи от клиентов по средствам проведения опросов, осуществления звонков (31,03 %), а также мероприятия, направленные на удержание клиентов в виде скидок, бонусов, подарков, акций (20,69%). Специфичным для данного рынка выявляется инструмент — контракт

жизненного цикла, но по результатам данного опроса он демонстрирует слабый уровень внедрения (3,45%).

Самый высокий процент упоминаний в блоке основных бизнес-процессов, направленных на клиентоориентированность связан с менеджментом качества: 20,83 % у системы менеджмента качества, 26,39 % у наличия в компании планово-предупредительного техобслуживания оборудования и 33,33 % у существования отдела технического контроля. Это вполне логично ввиду того, что эффективность и безопасность продукции для пациентов — это основополагающий принцип работы компании, выпускающей и реализующей медицинские изделия. Между стандартизацией, контролем качества и клиентоориентированностью существует неразрывная связь. Клиентоориентированность компании, прежде всего, может быть достигнута в том случае, если клиенту предлагается медицинское изделие, отвечающее всем требованиям и нормам качества, от чего непосредственно зависит удовлетворенность клиента. Представляется любопытным факт упоминание существования специального отдела заботы о клиентах (4,26%). Методология Customer Success направленная на проявление заботы, улучшение клиентского опыта, предотвращения проблем и повышения удовлетворенности клиентов все больше набирает популярность в отечественном бизнесе (Madhwacharyula, 2023; Kleinaltenkamp, 2023). Согласно технологии Customer success, успех клиента — это «возможность достижения ими своих целей» (Kleinaltenkamp, 2023). Не исключением становится и медицинская промышленность. Также немаловажным аспектом становится сформированная кадровая политика в ключе клиентоориентированности (4,17%) в компаниях рынка медицинских изделий.

Контент-анализ показывает, что сбор клиентских данных преимущественно осуществляется менеджером клиента (как правило, менеджером по продажам) (68,09%), а также находится в компетенции у отдельных специалистов или отделов, и только лишь 6,68 % встречается упоминание о сборе информации отделов и сотрудников на каждом этапе своей работы с клиентом. Это говорит о том, что эффективность взаимодействия с клиентами находится в существенном зависимом положении от менеджеров по продажам и о слабой степени централизации процесса в компании. Блок «хранение клиентских данных» показывает положительную картину: преобладающее число респондентов (41,18%) хранит информацию в CRM-системе, что позволяет легко и свободно получить необходимую информацию о клиентах всем сотрудникам компании. Информация о клиентах в большинстве своем распространяется через менеджеров, ведущих клиентов (менеджеров по продажам) (52,54%), через каналы коммуникации (мессенджеры, e-mail) (20,34 %), через CRM-систему (27,12%). Здесь, как и в случае сбора информации, распространение информации практически полностью зависит от менеджеров по продажам, от их дей-

ствий в отношении своевременности, корректности и полноты занесения информации о клиентах в CRM-систему.

Результаты опроса по блоку «технологизация клиентоориентированности» свидетельствуют, что 37,25% респондентов оценивают уровень автоматизации в компании как высокий, 15,69% отмечают, что многие процессы в компании находятся на ручном управлении. Среди инструментов автоматизации компании применяют CRM-систему (27,46%), автоматизированные коммуникации (чаты боты, e-mail письма) (7,84%), системы helpdesk, servicedesk (11,76%). Безусловно, не исключается факт субъективного мнения респондентов оценки степени автоматизации в компании. Тем не менее, упоминание конкретных используемых сервисов среди респондентов, оценивших уровень автоматизации как высокий, говорит о преобладании автоматизации процессов клиентоориентированности над ручным управлением.

Оценка межфункциональной координации выглядит следующим образом: 53,7% респондентов полагают, что действия отделов и сотрудников компании слаженны, 46,3% полагают, что действия отделов и сотрудников не всегда скоординированы и присутствуют недопонимания. При этом, среди основных проблем в скоординированности и недопонимании респонденты называют: перекладывание ответственности, отстаивание собственных интересов, разная нацеленность на результат. Одним из возможных объяснений таких проблем может служить недостаточно сформированная корпоративная культура компаний, направленная на создание общих ценностей и сплоченности сотрудников.

Анализируя категорию контент-анализа «корпоративные правила и стандарты, направленные на клиентоориентированность» следует подчеркнуть, что клиентоориентированность в компаниях рынка медицинских изделий преимущественно регламентирована (59,26%). 25,93% респондентов признаются, что регламенты в компании отсутствуют. Вместе с этим, респонденты также упоминают кодекс корпоративной этики (3,7%), речевые скрипты (7,41%), запрещенные фразы и действия (1,85%) и комплаенс (1,85%).

Модель клиентоориентированности компании на рынке медицинских изделий

На основе изученной литературы и результатов эмпирического исследования была предложена модель клиентоориентированности для рынка медицинских изделий (рис. 1). Модель основывается на современных представлениях о клиентоориентированности и учитывает отраслевые особенности. Модель охватывает стратегический, тактический и операционный уровень; включает показатели структуры, процесса и результата; учитывает все этапы жизненного цикла медизделия, а также рассчитана

на медицинские изделия разного типа, предназначенные для разных типов клиентов.

<p>Корпоративная культура (Приоритизация интересов клиента, индивидуальный подход, понимание желаний и нужд клиентов, удовлетворение потребностей клиентов, повышение лояльности к компании, предугадывание потребностей клиента)</p>		<p>Корпоративные стратегии (маркетинг взаимоотношений, стратегии Beyond-the-Pill, стратегии ценностно-ориентированного здравоохранения)</p>
Структура	Процесс	Результат
<p>Кадры (Клиентоориентированный обученный персонал)</p> <p>Технологии (CRM)</p> <p>Организационная структура (Служба заботы о клиентах, helpdesk, servicedesk)</p> <p>Стандарты (Система менеджмента качества, стандарты сервиса, скрипты коммуникаций, комплаенс, кодекс, регламенты)</p>	<p>Использование инструментов клиентоориентированности:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Регулярные рассылки • Обучающие сценарии для клиентов • Мероприятия, направленные на удержание клиентов • Сбор и учет обратной связи от клиентов • Контракты жизненного цикла 	<p>Показатели эффективности взаимодействия с клиентами (доля повторных клиентов, CRR, CSAT, CLV, количество жалоб и обращений клиентов)</p>
	<p>Бизнес-процессы клиентоориентированности:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Сбор, анализ и хранение данных о клиентах • Система менеджмента качества • Оперативное реагирование на запросы клиентов • Клиентский сервис • Планово-предупредительное техобслуживание 	<p>Качество и полнота хранения клиентских данных, доступность для персонала, показатели использования данных</p>
Ключевые клиенты		
<p>Пациенты</p>	<p>Медицинский персонал и провайдеры медицинских услуг (клиники)</p>	<p>Система здравоохранения</p>
Этапы жизненного цикла продукта		
<p>Разработка нового продукта</p>	<p>Сервис на этапе продаж, предложение продукта на основе ценностей клиентов</p>	<p>Послепродажное техническое и сервисное обслуживание, утилизация</p>

Рис. 1. Модель клиентоориентированности для рынка медицинских изделий
Источник: рисунок авторов.

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного исследования выявлены основные подходы к понимаю клиентоориентированности. Клиентоориентированность в научной и бизнес-среде может рассматриваться: как концепция бизнеса; как стратегический подход, обеспечивающий повышение конкурентоспособности и прибыли; как инструмент взаимодействия с клиентами; как образ мышления, ставящий во главу бизнеса клиента и его интересы. Выявлено, что подходы к клиентоориентированности на рынке медицинских изделий среди основных субъектов: аптечных организаций, лечебно-профилактических учреждений, производителей и дистрибьюторов схожи и отождествляются еще с такими ключевыми понятиями, как забота о пациенте, высокие этические стандарты, корпоративная социальная ответственность. Клиентоориентированность на рынке медицинских изделий может рассматриваться в контексте социально-этического подхода. Установлено, что понимание клиентоориентированности включает в себя ряд ключевых компонентов: определение своей целевой аудитории; регулярный мониторинг предпочтений и мнений клиентов; понимание и удовлетворение потребностей клиентов; построение долгосрочных и индивидуальных отношений; наличие клиентоориентированного персонала; качественный сервис; уникальный продукт; наличие стандартов и правил работы; оценка уровня клиентоориентированности. Кроме того, участниками формирования клиентоориентированности становится не только персонал, но «все участники товаропроводящей цепочки, в том числе пациенты». В парадигме клиентоориентированного менеджмента основными критериями оценки эффективности становится удовлетворенность клиентов и используются ряд метрик: индекс лояльности клиента (NPS), доля повторных клиентов (%), коэффициент удержания клиентов (CRR), индекс удовлетворенности клиента (CSAT), пожизненная ценность клиента (CLV), количество жалоб и обращений клиентов и др. Результаты этого исследования, определяющие понимание клиентоориентированности в целом в бизнесе, и с позиции основных субъектов рынка медицинских изделий: производителей и дистрибьюторов, аптечных организаций, лечебно-профилактических учреждений и устанавливающие ее ключевые составляющие становятся базисом при формировании и внедрении клиентоориентированного подхода в практику организаций рынка медицинских изделий.

Список литературы

Абаев, А. Л., Алексунин, В. А., & Гуриева, М. Т. (2019). *Маркетинг в отраслях и сферах деятельности*. Издательско-торговая корпорация «Дашков и К».

Айкью провижн — обучающая платформа для провизоров и фармацевтов (12.11.2023). *Клиентоориентированность в аптеке. О чем будет полезно помнить?* Дата

обращения 10.02.2024, <https://iq-provision.ru/articles/klientoorientirovannost-v-apteke-o-cem-budet-polezno-pomnit>

Бурцева, О. С., & Стукен, Т. Ю. (2016). Клиентоориентированность медицинских учреждений: ожидания населения и готовность медицинских организаций. *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*, 2, 128–134.

Домбровский, В. С., Мусина, Н. З., Мельникова, Л. С. (2020). Ценностно-ориентированные закупки медицинских изделий. *Медицинские технологии. Оценка и выбор*, 40(2), 9–17. <https://doi.org/10.17116/medtech2020400219>

Ефремова, М. В., & Чкалова, О. В. (2016). Обобщение и систематизация подходов к определению понятия «клиентоориентированность». *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 2 (42), 17–24.

Зуенкова, Ю. А. (2021). Ценностно-ориентированный подход: анализ руководства Европейского института инноваций и технологий. *Медицинские технологии. Оценка и выбор*, 43(1), 28–35. <https://doi.org/10.17116/medtech20214301128>

Зуенкова, Ю. А., & Богданович С. Т. (2023). Beyond the Pill - стратегия маркетинга отношений на фармацевтическом рынке. *Микроэкономика*, 5, 39–47. DOI 10.33917/mic-5.112.2023.39-47.

Иган, Дж. (2008). *Маркетинг взаимоотношений. Анализ маркетинговых стратегий на основе взаимоотношений*. (2-е изд.). ЮНИТИ-ДАНА.

Лавриненко, П. С., & Шуклина, З. Н. (2017). Современное понимание и востребованность социально-этического маркетинга. *Аллея науки*, 5(16), 63–70.

Ламскова, О. М. (2019). Базовая ценность корпоративной культуры — профессионализм сотрудников. *Нормирование и оплата труда в промышленности*, (5), 52–56.

Резбина, В. А., Смирнова, О. В., Гулакова, О. В., & Куряева, О. А. (2023). *Управление клиентоориентированной компанией: основные теоретические и методологические подходы к исследованию*. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». DOI 10.17323/978-5-7598-2558-6.

Стрелкова, Е. В. (2019). Изучение организационной культуры аптечных организаций г. Ярославля. *Современная организация лекарственного обеспечения*, (2), 82–83.

Суворова, А. А., Кублин, И. М., Зубарева, Н. Н., & Воронов, А. А. (2021). Маркетинговые инструменты продвижения продукции на рынке медицинских услуг. *Практический маркетинг*, (9), 42–48.

Трушкина, Н. В., & Рынкевич, Н. С. (2019). Клиентоориентированность: основные подходы к определению. *Бизнес информ*, 8 (499), 244–252.

Ульянов, Ю. А., Мингазова, Э. Н., Зарипова, Э. М., & Мингазов, Р. Н. (2021). Клиентоориентированность в медицине: современный взгляд на проблему. *Менеджер здравоохранения*, 2, 40–44.

Хальфин, Р. А., Мадьянова, В. В., Качкова, О. Е., Демина, И. Д., Кришталева, Т. И., Домбровская, Е. Н., & Розалиева, Ю. Ю. (2019). Пациентоориентированная медицина: предпосылки к трансформации и компоненты. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Медицина*, 23(1), 104–114.

Шадрин, С. С. (2022). Топ-10 лучших стратегий удержания клиентов, которые увеличивают прибыль. *Стратегии бизнеса*, 10(7), 185–187.

Шерешева, М. Ю., & Костянян, А. А. (2015). Клиентоориентированность персонала в государственных организациях здравоохранения России. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*, 4, 74–114.

Эйсай (н.д). *Философия Эйсай*. Дата обращения 11.02.2024, <https://eisai.ru/philosophy/>

Яшина, О. В. (2013). Клиентоориентированность корпорации – сущность категории и основные цели. *Молодежь и наука: Сборник материалов IX Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярска*. Красноярск: Сибирский федеральный университет.

Anderson, E. W. (1996). Customer satisfaction and price tolerance. *Marketing letters*, 7, 265-274. <https://doi.org/10.1007/BF0043574226>.

Deshpandé, R., Farley, J. U., & Webster Jr, F. E. (1993). Corporate culture, customer orientation, and innovativeness in Japanese firms: a quadrad analysis. *Journal of marketing*, 57(1), 23-37.

Gebauer, H., & Kowalkowski, C. (2012). Customer-focused and service-focused orientation in organizational structures. *Journal of Business & Industrial Marketing*, 27(7), 527-537.

Hallowell, R. (1996). The relationships of customer satisfaction, customer loyalty, and profitability: an empirical study. *International journal of service industry management*, 7(4), 27-42. <https://doi.org/10.1108/09564239610129931>

Hennig-Thurau T. (2004). Customer Orientation of Service Employees: Its Impact on customer Satisfaction, Commitment, and Retention. *International Journal of Service Industry Management*, 15(5), 460–478.

Hunter, N. L., O'Callaghan, K. M., & Califf, R. M. (2015). Engaging patients across the spectrum of medical product development: view from the US Food and Drug Administration. *Jama*, 314(23), 2499-2500.

Kohli, A. K., & Jaworski, B. J. (1990). Market orientation: the construct, research propositions, and managerial implications. *Journal of marketing*, 54(2), 1-18.

Narver, J. C., & Slater, S. F. (1990). The effect of a market orientation on business profitability. *Journal of marketing*, 54(4), 20-35.

Organon. (n.d.). *Our policies and positions*. Retrieved February 11, 2024 from <https://www.organon.com/policies-disclosures/>

Oticon Medical. (n.d). *Social responsibility*. Retrieved February 11, 2024 from <https://www.oticonmedical.com/about-oticon-medical/social-responsibility-csr>

Porter, M. E., & Teisberg, E. O. Redefining competition in health care. *Harvard Business Review*, 82(6), 64-136.

Reichhel, F. F. (2006). The ultimate question: driving good profits and true growth. *Harvard Business School Press, Boston*.

Reichheld, F. F. (1993). Loyalty-based management. *Harvard business review*, 71(2), 64-73.

Saxe, R., & Weitz, B. A. (1982). The SOCO scale: A measure of the customer orientation of salespeople. *Journal of marketing research*, 19(3), 343-351.

References

Абаев, А. Л., Алексунин, В. А., & Гурьева, М. Т. (2019). *Marketing in industries and fields of activity*. Publishing and Trading Corporation Dashkov & Co. (In Russ.).

Burtseva, O. S., & Stuken, T. Yu. (2016). Customer orientation of medical institutions: the expectations of the population and the willingness of medical organizations. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «E'konomika»*, 2, 128-134. (In Russ.).

Dombrovskiy, V. S., Musina, N. Z., & Melnikova, L. S. (2020). Value-based procurement of medical devices. *Medical Technologies. Assessment and Choice*, 40(2), 9-17. (In Russ.) <https://doi.org/10.17116/medtech2020400219>

Efremova, M. V., & Chkalova, O. V. (2016). Generalization and systematization of approaches to the definition of the concept of “customer orientation”. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*, (2 (42)), 17-24. (In Russ.).

Eisai (n.d.). *The philosophy of Eisai*. Retrieved February 11, 2024, from <https://eisai.ru/philosophy/>

Igan, Dzh. (2008). *Relationship marketing. Analysis of marketing strategies based on relationships*. (2-e izd).

IQ provision is a training platform for pharmacists and pharmacists (12.11.2023). Customer orientation in the pharmacy. What would be useful to remember? Retrieved February 10, 2024, from <https://iq-provision.ru/articles/klientoorientirovannost-v-apteke-o-cem-budet-polezno-pomnit>

Lavrinenko, P. S., Shuklina, Z. N. (2017). Modern understanding and relevance of social and ethical marketing. *Alleya nauki*, 5(16), 63-70.

Lamskova, O. M. (2019). The basic value of corporate culture is the professionalism of employees. *Normirovanie i oplata truda v promy'shlennosti*, (5), 52-56.

Rebyazina, V. A., Smirnova, O. V., Gulakova, O. V., & Kusraeva O. A. (2023). *Managing a client-oriented company: the main theoretical and methodological approaches to research*. Nacional'ny'j issledovatel'skij universitet “Vy'sshaya shkola e'konomiki”. DOI 10.17323/978-5-7598-2558-6.

Strelkova, E. V. (2019). The study of the organizational culture of pharmacy organizations in Yaroslavl. *Sovremennaya organizaciya lekarstvennogo obespecheniya*, (2), 82-83.

Suvorova, A. A., Kublin, I. M., Zubareva, N. N., & Voronov, A. A. (2021). Marketing tools for product promotion in the medical services market. *Prakticheskij marketing*, (9), 42-48.

Trushkina, N. V., Ry'nkevich, N. S. (2019). Customer orientation: the main approaches to the definition. *BI*, (8 (499)), 244-252.

Ul'yanov, Yu. A., Mingazova, E. N., Zaripova, E. M., & Mingazov, R. N. (2021). Customer orientation in medicine: a modern view of the problem. *Menedzher zdravooxraneniya*, (2), 40-44.

Xal'fin, R. A., Mad'yanova, V. V., Kachkova, O. E., Demina, I. D., Krishtaleva, T. I., Dombrovskaya, E. N., Mil'chakov, K. S., & Rozalieva, Yu. Yu. (2019). Patient-oriented medicine: prerequisites for transformation and components. *Vestnik RUDN. Seriya: Medicina*, 23(1), 104-114.

Shadrina, S. S. (2022). TOP 10 Best Customer Retention Strategies that Increase Profits. *Strategii biznesa*, 10(7), 185-187. (In Russ.)

Sheresheva M. Y., & Kostyanan A. A. (2015). Client orientation of employees in russian public health care organizations. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment*, (4), 74-114 (In Russ.)

Yashina, O. V. (2013). The customer orientation of the corporation is the essence of the category and the main goals. *Molodezh' i nauka: Sbornik materialov IX Vserossijskoj nauchno-texnicheskoj konferencii studentov, aspirantov i molody'x ucheny'x s mezhdunarodny'm uchastiem, posvyashhennoj 385-letiyu so dnya osnovaniya g. Krasnoyarska*. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'ny'j un-t. (In Russ.)

Zuenkova YuA. (2021). Value-based healthcare: analysis of European Institute of innovation and technology health guidelines. *Medical Technologies. Assessment and Choice*, 43(1), 28–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.17116/medtech20214301128>

Zuenkova Yu. A., & Bogdanovich S. T. (2023). Beyond the Pill — relationship marketing strategy in the pharmaceutical market. *Microeconomics*, 5, 39–47 (In Russ.). <https://doi.org/10.33917/mic-5.112.2023.39-47>

Приложение 1

Гайд глубинного интервью по клиентоориентированности компаний рынка медицинских изделий

Дата и время интервью: _____

Название компании: _____

Имя и отчество респондента: _____

Должность респондента: _____

1. Как вы понимаете понятие «клиентоориентированность»?
2. В чем для вас выражается ориентация на клиента?
3. Как вы оцениваете эффективность взаимодействия с клиентами? Какие показатели для оценки эффективности взаимодействия с клиентами вы используете?
4. В случае если вы не используете те или иные показатели для оценки эффективности взаимодействия с клиентами, укажите причины.
5. Какие инструменты и бизнес-процессы, направленные на клиентоориентированность, присутствуют в вашей компании?
6. Кто отвечает за сбор информации о ваших клиентах?
7. Как распространяется информация о ваших клиентах в компании?
8. Где хранится информация о ваших клиентах?
9. Как вы оцениваете уровень автоматизации клиентского сервиса в вашей компании? Какие инструменты для автоматизации вы используете?
10. Замечали ли вы сложности взаимодействия между сотрудниками разных подразделений? По каким вопросам они происходили?
11. Какие документы при взаимодействии с клиентами используются в вашей компании?
12. Как организован в вашей компании внутренний контроль качества и безопасности медицинской продукции?
13. Как вы оцениваете уровень сервисного обслуживания медицинской продукции в вашей компании? Какие подходы вы используете?

Требования к статьям, принимаемым к публикации в журнале «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других научных изданиях, соответствовать профилю и научному уровню журнала. Решение о тематическом несоответствии может быть принято редколлекцией без специального рецензирования и обоснования причин.

Подача статьи осуществляется в электронном виде на адрес электронной почты редакции: econeditor@econ.msu.ru.

Оформление статьи

Статья должна быть представлена на русском языке в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (12 пт.) с полуторным межстрочным интервалом.

Файл с текстом статьи *не должен* содержать сведений об авторе или элементов текста, позволяющих идентифицировать авторство. Сведения об авторах отправляются отдельным файлом (см. ниже).

Объем статьи

Рекомендуемый объем статьи — от 30 тыс. до 45 тыс. знаков (с пробелами).

Структура статьи

Статья должна начинаться с названия (не более 10 слов), аннотации (100–150 слов) и ключевых слов (не более 8) на русском и английском языках. В аннотации должны быть указаны предмет и цель работы, методология, основные результаты исследования, область их применения, выводы. Несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями не допускается.

Структура основной части статьи должна строиться по принятым в международном сообществе стандартам: введение (постановка проблемы по актуальной теме, цели и задачи, четкое описание структуры статьи), основная часть (обзор релевантных научных источников, описание методологии, результаты исследования и их анализ), заключение (выводы, направления дальнейших исследований), список литературы.

Сведения об авторах

К статье необходимо *отдельным файлом* приложить сведения об авторе (авторах):

- полные фамилия, имя и отчество, основное место работы (учебы), занимаемая должность;
- полный почтовый адрес основного места работы (учебы);
- ученая степень, звание;
- контактный телефон и адрес электронной почты.

Все указанные сведения об авторе (авторах) должны быть представлены на русском и английском языках.

Список литературы

Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминаемых в статье, и не содержать указаний на работы, на которые в тексте нет ссылок. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке). Дополнительно должен прилагаться список русскоязычных источников в романском алфавите (транслитерация). Программой транслитерации русского текста в латиницу можно воспользоваться на сайте <http://www.translit.ru>

Оформление ссылок

Ссылки на список литературы даются в тексте в следующем виде: (Oliver, 1980), (Porter, 1994, p. 45), (Иванов, 2001, с. 20), (Porter, 1994; Иванов, 2001), (Porter, Yansen, 1991b; Иванов, 1991). Ссылки на работы трех и более авторов даются в сокращенном виде: (Гуриев и др., 2002) или (Bevan et al., 2001). Ссылки на статистические сборники, отчеты, сборники све-

дений и т.п. даются в виде: (Статистика акционерного дела..., 1898, с. 20), (Статистические сведения..., 1963), (Устав..., 1992, с. 30).

Все данные должны иметь сноски на источник их получения, таблицы должны быть озаглавлены. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несет в соответствии с законодательством РФ авторы статей.

Статьи, соответствующие указанным требованиям, регистрируются, им присваивается регистрационный номер (сообщается по электронной почте). Все статьи проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования.

Отклоненные статьи не возвращаются авторам. В случае отказа в публикации автору статьи направляется мотивированный отказ, основанный на результатах рецензирования. По запросам авторов рукописей и экспертных советов ВАК редакция предоставляет соответствующие рецензии на статью без указания имен рецензентов.

Автор дает согласие на воспроизведение статьи на безвозмездной основе в Интернете.

Журнал является открытым — любой автор, независимо от гражданства, места работы и наличия ученой степени, имеет возможность опубликовать статью при соблюдении требований редакции.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редколлегии: Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й учебный корпус, экономический факультет, ком. 326. **Электронная почта:** econ.msu.editor@gmail.com

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Алексеев М. (PhD, профессор, Университет Индианы), **Багаутдинова Н.Г.** (д.э.н., профессор, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, директор института управления и территориального развития), **Вебер Ш.** (PhD, профессор, президент РЭШ, научный руководитель Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества РЭШ), **Калюжнова Н.Я.** (д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории и управления Института математики, экономики и информатики Иркутского государственного университета), **Клейнер Г.Б.** (д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, зам. директора ЦЭМИ РАН), **Мкртчян Г.М.** (д.э.н., профессор, Новосибирский государственный университет, декан экономического факультета), **Порфирьев Б.Н.** (д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, зам. директора института народнохозяйственного прогнозирования РАН), **Сандлер Д.Г.** (к.э.н., доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н.Ельцина, директор Высшей школы экономики и менеджмента), **Санкова Л.В.** (д.э.н., профессор, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., зав. кафедрой экономики труда и производственных комплексов), **Тваронавичене М.** (PhD, профессор, Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса).

Редактор М. Э. ПОТАПОВА

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, экономический факультет, тел. (495) 939-28-82.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации № 1551 от 14 февраля 1991 г.

Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации журнал «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика» включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»

Подписано в печать 16.04.2025. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,5.

Уч.-изд. л. 20,92. Тираж 85 экз. Изд. № 13022. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127214, г. Москва, Полярная ул., д. 31В, стр. 1, Э/ПОМ/К 3/1/1. Тел.: (495) 859-48-62

ИНДЕКС 39309 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 0130—0105
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 6. ЭКОНОМИКА. 2025. Том 60. № 1. С. 1—360